

СИРОТСКИЙ ДОМ

ЛИЗЗИ ПЕЙДЖ

 INSPIRIA

Annotation

Англия, 1948 год. Клара Ньютон отправляет свое резюме в детский приют «Шиллинг Грейндж» и неожиданно для самой себя и всех постояльцев становится его новой заведующей. Многие ее подопечные остались без семей, их жизнь разорвана войной, как и жизнь Клары. Война забрала ее жениха – военного летчика.

Но сейчас сироты отчаянно нуждаются в ее помощи, и Клара с трудом выносит их страдания, но больше всего она боится не справиться.

По соседству живет выходец из приюта и герой войны Айвор. Он не доверяет Кларе, но хорошо ладит с детьми. При его поддержке и помощи Клара начинает находить свой путь.

Выдержит ли она все испытания?

И осмелится ли снова открыть свое сердце для любви?

Для поклонников книг и фильмов «Пианист», «Список Шиндлера», «Жизнь прекрасна», «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» и «Таинственный сад».

- [Лиззи Пэйдж](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)

- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Глава двадцать восьмая](#)
- [Глава двадцать девятая](#)
- [Глава тридцатая](#)
- [Глава тридцать первая](#)
- [Глава тридцать вторая](#)
- [Глава тридцать третья](#)
- [Глава тридцать четвертая](#)
- [Глава тридцать пятая](#)
- [Глава тридцать шестая](#)
- [Глава тридцать седьмая](#)
- [Глава тридцать восьмая](#)
- [Глава тридцать девятая](#)
- [Глава сороковая](#)
- [Глава сорок первая](#)
- [Глава сорок вторая](#)
- [Глава сорок третья](#)
- [Глава сорок четвертая](#)
- [Глава сорок пятая](#)
- [Глава сорок шестая](#)
- [Глава сорок седьмая](#)
- [Глава сорок восьмая](#)
- [Глава сорок девятая](#)
- [Глава пятидесятая](#)

- [Глава пятьдесят первая](#)
 - [Послесловие](#)
 - [Примечание автора](#)
 - [Слова благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
-

Лиззи Пэйдж

Сиротский дом

*Посвящается
Эрни, которому
всегда удается
вызвать у меня
улыбку*

*«...
воспринимать
детей не как некую
неопределенную
массу, а как часть
человеческого
общества,
состоящую из
отдельных
индивидуумов,
обладающих как
общими, так и
совершенно
индивидуальными
потребностями».*

*Закон о детях,
1948 г.*

Lizzie Page
The Orphanage

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Lizzie Page, 2021

This edition is published by arrangement with Hardman and Swainson and The Van Lear Agency LLC

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Совет графства Саффолк

1 сентября 1948 г.

Дорогая мисс Ньютон,

рады сообщить, что по итогам сегодняшнего собеседования с Вами было принято решение предоставить Вам место заведующей детским домом «Шиллинг Грейндж» в Лавенхэме с первоначальной заработной платой 12 фунтов 6 шиллингов в неделю.

Работать Вы будете каждый день, лишь в воскресенье Вам полагается восемь свободных часов – с 10 утра до 6 вечера – но исключительно при наличии достойной подмены. А также раз в год, в августе, когда дети уезжают на двухнедельные каникулы, Вы имеете право взять отпуск (оплаченный).

Будьте добры купить на свои средства билет из Лондона (в один конец); стоимость билета будет

Вам возмещена. Будем очень рады, если вы сможете приступить к своим обязанностям уже с утра в четверг, 9 сентября 1948 г.

Надеемся, что Ваше сотрудничество с нами будет долгим и успешным.

Искренне Ваш,

П. П. Соммерсби

Глава первая

Сентябрь 1948

Саффолк

Клара Ньютон дернула за шнурок колокольчика, и секунд через двадцать дверь слегка приоткрылась. В щель выглянула монахиня. Клара знала, что до последнего времени детским домом «Шиллинг Грейндж» занимались именно монахини, однако она никак не ожидала, что там еще осталась хоть одна живая их представительница. И надеялась, что ее встретит та дама с добрыми глазами и гладко причесанными густыми волосами, что проводила с ней собеседование.

Впускать Клару в дом монахиня явно не собиралась. Она даже щеколду с петли не сняла, так и выглядывала в щель, и Кларе ее лицо показалось каким-то неестественно белым, словно напудренным. И на этом белом лице ее маленькие живые черные глаза выглядели, как камешки в снегу.

– Ну что, какая у нас беда стряслась? – спросила она.

– Что, простите?

– Расстегни-ка пальто. Дай-ка я посмотрю. Так, пожалуй, недель двенадцать, не больше.

Клара тут же пожалела, что в поезде слопала сэндвич с кресс-салатом, и смущенно пробормотала:

– Я сюда работать приехала. Я – новая заведующая детским домом.

Лязгнув щеколдой, монахиня со скрежетом отворила перед ней дверь, и Клара молча последовала за ней в просторную кухню, находившуюся в задней части дома.

– Меня зовут мисс Ньютон... Клара. К вашим услугам.

Ответа не последовало.

– А вас как мне следует называть?

– Сестра Юнис вполне сойдет.

– Разве из Совета вам не сообщили, что я приезжаю?

Сестра Юнис фыркнула.

– Я кого постарше ожидала!

Клара решила принять это как комплимент и спросила:

– А... а... а дети где?

– В школе.

Ну да, конечно, дети в школе.

– Когда они возвращаются?

– В начале первого, – буркнула сестра Юнис. – На ланч придут.

– А потом снова в школу вернуться?

– Куда ж еще?

Сейчас была только половина десятого. Утром в половине седьмого Клара на цыпочках вышла от Джуди, стараясь никого не разбудить, и села на поезд в 8.15; затем, добравшись до Челмсфорда, где нужно было сделать пересадку, полчаса прождала на платформе.

Сейчас ей казалось, что до полудня еще целая вечность.

– Да, понятно, спасибо. А может быть... я могла бы пока познакомиться с документами? Пока жду? Есть же, наверное, какие-то папки с делами воспитанников. Подобная предварительная работа всегда полезна.

Собственно, Клара обычно именно так овладевала ситуацией. Для этого у нее имелась своя система, благодаря которой она вполне успешно справлялась со своей работой в фирме «Харрис и сыновья». У нее все имело свое место: счета, статьи расхода, всякая всячина. В течение десяти лет она считалась «находкой компании», а потом вдруг ни с того ни с сего стала не нужна. Ее уволили. При всех ее благих целях и намерениях. Она, правда, получила крошечную компенсацию, но тем не менее была именно *уволена*. И теперь надеялась лишь, что великолепная мисс Барбер, занявшая ее место, чувствует себя крайне неловко на любимом вращающемся стуле Клары за обожаемой Кларой пишущей машинкой. Впрочем, вряд ли это соответствовало действительности: к сожалению, она, Клара, доведя свою систему до совершенства, сделала ее полностью «защищенной от дураков», даже от такой полной дуры, как эта мисс Барбер.

Сестра Юнис, не отвечая, смотрела куда-то в пространство, и Клара осмелилась повторить:

– Я спросила, имеются ли у вас детские карты? Или еще какие-то материалы о состоянии приюта и о самих детях?

– Да ни в чем таком никогда и нужды-то не было. – Эти слова сестра Юнис произнесла, по-прежнему глядя в пространство. – Мы своих детей и так знаем.

– Ну, должны же быть *какие-то* документы, записи... Мне же нужно с чего-то начать.

– Начните со стирки белья.

* * *

В корзине для грязного белья оказалось четыре простыни, кое-какие мелкие вещички типа полотенце и одна мягкая игрушка. День был теплый, воздух звенел от множества насекомых, и казалось, что лето вовсе не торопится уступать свое место осени. А когда Клара принялась катать белье, ей даже стало жарко. Покончив со стиркой и вполне удовлетворившись достигнутым результатом, Клара вытащила корзину с бельем в сад. Сад был чудесный, со всех сторон защищенный раскидистыми деревьями, выстроившимися вдоль ограды, а в дальнем углу виднелся садовый сарай, похожий на сказочный домик. Во всяком случае, этот сад сильно отличался от детских игровых площадок Лондона, вечно усыпанных мусором и битым стеклом. Клара развесила простыни, прикрепила их прищепками и полюбовалась тем, как красиво они развеваются на ветру – словно чистые листы для еще не составленных отчетов.

Увидев объявление в газете «Ивнинг Стэндард» – «Занимайтесь тем, что вы, женщины, умеете делать лучше всех: заботьтесь о ближних», – Клара поняла, что это, пожалуй, единственное место, куда она *могла бы* обратиться с просьбой о работе.

Она ведь не была ни бывшей военнослужащей, ни мастером по ремонту автомобилей, «обладающим также отличными навыками вождения», ни шеф-поваром, мастерство которого оценили бы в любом фешенебельном ресторане лондонского Мейфэр. Не искала она и новых увлекательных возможностей нажиться на многочисленных распродажах.

Однако она, безусловно, была женщиной «от двадцати до сорока» (ей было двадцать шесть), считала себя вполне ответственной и здравомыслящей (ну, почти всегда) и *действительно* искала некую «стимулирующую» работу в приятной местности, не требующую особых навыков и опыта.

Она никак не ожидала, что для начала ее пригласят на собеседование – но, получив приглашение, решила, что пойдет: пусть это собеседование послужит ей неким разогревом или хотя бы даст определенный опыт в дальнейших поисках *настоящей* работы. Она позаимствовала у Джуди выходные туфли и костюм, который та надевала исключительно в школу на родительские собрания, и отправилась на собеседование, совсем не волнуясь – возможно, потому, что на успех она не особенно и рассчитывала. Она бойко отвечала на вопросы комиссии, сидевшей за столом и состоявшей из двух мужчин и дамы с добрыми глазами и густыми, гладко причесанными волосами, и вообще держалась так, словно ей и терять-то нечего.

На самом деле она тогда сама себя удивила. Особенно ее поразило собственное красноречие. Нет, она, разумеется, ничего не придумывала, хотя, *возможно*, все же чуточку преувеличила и свои умения, и свои интересы. Нет, даже не преувеличила, а как бы поместила их под увеличительное стекло, и они стали выглядеть значительней и сложней, чем в реальной жизни. Ведь в реальности они были... ничего, в общем-то, не значащими. А под «увеличительным стеклом» годы, которые она в юности провела в школе-интернате, вполне могли показаться «отличной практикой для работы в детском доме», а ее умение работать с отчетами и документами, столь успешно проявившееся в компании «Харрис и сыновья», было сочтено «весьма существенным» для налаживания работы данного детского учреждения; разумеется, уверяла она членов комиссии, «защита детей от дурного влияния всегда будет для нее на первом месте в списке самых важных вещей», и так далее, и тому подобное.

Хотя собеседование с Кларой и проводили члены Совета графства Саффолк, она как-то не особенно задумывалась о том, где конкретно может находиться ее возможное будущее место работы. Само собеседование проходило в Ислингтоне в тускло освещенном помещении над зеленой лавкой... но затем выяснилось, что работать

ей придется не где-нибудь, а в Лавенхэме – и одного этого было вполне достаточно, чтобы она сказала «да».

Потом она неоднократно с трепетом перечитывала присланное ей «письмо с подтверждением» и даже заставила Джуди прочесть его вслух. Вообще-то Клара особой суеверностью не отличалась – она, например, запросто, даже, пожалуй, с неким шиком входила в дом, не закрыв предварительно зонт, или могла пройти совсем близко от приставной лестницы – хотя и не прямо под ней, – но в данном случае ее даже пугало слишком большое количество всяких счастливых совпадений.

Надо же, Лавенхэм! Нет, за эту работу она бы непременно ухватилась.

* * *

Сестры Юнис нигде не было видно. В кастрюле варилась картошка, а на столе лежал кусок ветчины – вероятно, о ланче монахиня уже позаботилась. Возле раковины подсыхала вымытая посуда, в доме царили чистота и порядок, дети все еще находились в школе.

И Клара решила подняться в отведенную ей комнату. Она распаковала чемодан. Поколебавшись немного – стоит ли выставлять на всеобщее обозрение любимые фотографии в рамочках? – она все же решила: а почему нет? В конце концов, теперь она здесь живет. А когда делаешь вид, будто все у тебя в порядке, то порядок в итоге как бы сам собой устанавливается и в душе, и вокруг.

На выцветшей фотографии номер один был Майкл во младенчестве. Он сидел в детской коляске с большими колесами, под подбородком у него болтались завязки шерстяной вязаной шапочки, и он показывает свою погремушку кому-то невидимому – наверное, фотографу. Эту фотографию в один из тех трех сладостных беззаботных месяцев прислала Кларе мать Майкла – после того, как Майкл сообщил ей, что они с Кларой намерены пожениться.

На фотографии номер два они с Майклом были запечатлены вместе в дансинге в Клэпхэме. Кажется, он назывался «Рокси»? (Господи, они же столько раз туда ходили!) Их сфотографировали в тот

самый вечер, когда Майкл сделал ей предложение, и она, слегка задохнувшись после быстрого танца «линди-хоп», сразу выпалила: «Да!», опасаясь, что он еще может и передумать. У нее-то никаких колебаний на сей счет не было. Она не просто хотела выйти за него, но и готова была вместе с ним уехать в Америку. Их совместное будущее расстилалось тогда перед ними подобно великому приключению. *Какой же счастливой я выгляжу на этом черно-белом снимке!* – думала Клара. Белая блузка прямо-таки светится. Даже цвет помады, кажется, разобрать можно. Такое ощущение, словно это вообще не она, а какая-то другая девушка.

Третья фотография была ее любимой: на ней Майкл в военной форме стоит, чуть прислонившись к самолету. И самолет такой огромный, что Майкл по сравнению с ним выглядит совсем маленьким, а ведь он был здоровенным широкоплечим парнем. Он сфотографирован в коричневой кожаной куртке на базе RAF^[1] в Кокфилде – или, как тогда говорили, на базе RAF в Лавенхэме. Иногда Кларе было невыносимо больно смотреть на эту фотографию, но она понимала, что должна, *обязана* вынести все. Сегодня она смотрела на эту фотографию любовно. И знала, что Майкл гордился бы ею.

Затем Клара вытащила из сумки пачку бумаги, ручку, чернила и удобно все разложила на письменном столе. Довольно мечтаний. Она приехала в Сиротский дом «Шиллинг Грейндж», чтобы работать. Клара никогда от своих обязанностей не увиливала; уж это-то качество всегда было в ней неизменным, тут и «увеличительное стекло» не понадобилось бы. И она принялась писать свой первый отчет:

«Шиллинг Грейндж», 3, Лавенхэм,

Верхнее шоссе. 9 сентября 1948 г.

Дневник мисс Клары Ньютон,

новой заведующей.

Первоначальные наблюдения.

«Шиллинг Грейндж» – весьма живописное средневековое здание с мощными потолочными балками и каминами. Здание старое, и это сразу чувствуется: так и хочется узнать, что сказали бы эти стены, если бы могли говорить.

Перед домом на улице имеется огромный указатель вроде рекламного щита, который пропустить просто невозможно. «Грейндж» использовался как детский приют с начала 1900-х годов, и всем в нем заправляли монахини, но в этом году почти все они покинули приют. Впрочем, сестра Юнис осталась, и она, похоже, отлично знает, что делать дальше. И «на корабле» у нее полный порядок, она ведет его твердой рукой, а я постараюсь всему у нее научиться.

В доме имеется весьма просторная кухня с плитой, холодной кладовой и, по-моему, практически со всем необходимым (хотя это еще нужно проверить). Кладовая неплохо оборудована. Я заметила, что там большой запас муки и не слишком много банок с консервами. Мне кажется, сестра Юнис печет сама.

У меня удобная и достаточно просторная комната на втором этаже. Обстановка самая простая, но есть все, что нужно. Рядом ванная комната, которую, предположительно, мне придется делить с сестрой Юнис. Там очень чисто.

Гостиной внизу, похоже, почти не пользуются, поскольку стулья и кресла накрыты пластиковыми чехлами. Впрочем, пыли я не заметила. Тот, кто занимается здесь уборкой – кто бы это ни был, – прямо-таки мастер своего дела. Здесь фантастически чисто! Я очень обрадовалась, увидев в гостиной радиоприемник.

В доме имеются две большие спальни, одна на втором этаже, вторая на первом, и в каждой по четыре кровати. Неужели здесь сейчас восемь детей? (Это надо проверить). Ванная комната для детей находится на первом этаже; там темно, сыро, а запах просто невообразимый. Там же два туалета; в туалете для мальчиков на полу огромные лужи (Возможно, протечки? Проверить.), а в туалете для девочек все вроде бы в порядке.

В ванной комнате четыре раковины и четыре душевые кабинки. Неплохо! Все туалетные принадлежности пронумерованы. Не знаю,

почему на них не написали просто имена или фамилии. Под туалетными принадлежностями я подразумеваю: кружку, зубную щетку, фланелевую салфетку для мытья, полотенце и расческу. Все это, конечно, знавало лучшие времена. Имеется зеркало, хотя и с трещиной. Пожалуй, стоит поговорить с сестрой Юнис о его замене.

На улице тоже есть уборная; там по всему полу разбросаны квадратики газетной бумаги, и, похоже, пользуются этой уборной разве что пауки.

Интересно, можно ли будет переоборудовать некоторые помещения в доме, чтобы у старших детей было какое-то личное пространство? А еще хорошо бы устроить игровую зону. Тот сарай в саду, например, отлично подойдет для игр.

На самом деле до меня только сейчас дошло, что пока я нигде не видела ни детских рисунков, ни игрушек, ни настольных игр. Как это ни неприятно, но приходится признаться, что это производит довольно мрачное впечатление. Надо поскорее обсудить это с сестрой Юнис и/или связаться с сотрудниками Совета.

* * *

Три с лишним часа пролетели незаметно, и Клара заметила, что на кухне стали появляться первые представители маленького народа, кто в платьицах, кто в коротких штанишках. На ногах – гольфы или носки и далеко не новые, но старательно начищенные башмаки, хотя дыры в них не могла скрыть даже самая лучшая чистка. На головах у детей были одинаковые черные шапочки, делавшие их похожими на летучих мышей. Одни дети буквально глаз не сводили с Клары. Другие же совершенно ее игнорировали.

И Клара вдруг поняла, что давным-давно не оказывалась среди детей, не общалась с ними. На самом деле с тех пор, когда и сама была ребенком – тогда в школе-интернате она в течение нескольких лет была окружена детьми с утра до ночи. А вот Джуди отлично умела обращаться и с малышней, и с подростками. Кларе же куда лучше давалось «общение» с графиками и таблицами.

Вдруг самая маленькая девочка подбежала к ней и просунула ей в руку свою ручонку. Клара так и застыла.

– А вы не знаете, где моя мама?

– К сожалению, нет.

И девочка тут же выдернула свою руку из ее ладони.

А сестра Юнис снова куда-то исчезла. У нее был прямо-таки дар исчезать бесследно и ни в коем случае не оказываться с Кларой в одном и том же помещении, хотя Клара так надеялась на ее помощь! Ей казалось, что, наблюдая за сестрой Юнис, она и сама поймет, как именно нужно вести себя с детьми. Да нет, она, конечно, должна отыскать сестру Юнис и в ближайшее же время обстоятельно с ней побеседовать: ведь им нужно столько рассказать друг другу!

– Вы кто? – спросил один из мальчиков.

– Я новая заведующая вашим детским домом. – Клара старалась говорить так, как, по ее мнению, и следовало разговаривать с маленькими детьми: чуть-чуть сюсюкая. Хотя раньше такой привычки за ней не водилось. – Вы знаете, что это такое? – спросила она, выговаривая каждое слово так медленно и старательно, словно мальчик был иностранцем. Иностранцы у них в офисе фирмы «Харрис и сыновья» иногда бывали, так что опыт у нее имелся.

Дети дружно покачали головой.

– А почему вы так странно говорите? – спросил мальчик, в точности изобразив ее манеру.

Клара смутилась и чуть прибавила темп.

– Заведующую назначает Совет графства, чтобы она как можно лучше о вас заботилась. Обо всех и о каждом в отдельности.

– А мою маму вы искать будете? – снова подняла свою излюбленную тему та девочка.

Клара знала, что никаких обещаний давать не следует, тем более таких, которые она, скорее всего, сдержать не сумеет, но у нее невольно вырвалось:

– Я могу попытаться.

Девочка даже подпрыгнула несколько раз, приговаривая:

– Найдите мою маму! Найдите!

Плоховато начинаю, подумала Клара и посмотрела на остальных: некоторые ребята были совсем большие, худющие, лохматые, отросшие волосы свисают, закрывая лицо, а у кого-то и вовсе чуть ли не колтун в волосах. Зато у некоторых волосы чистые и блестящие.

Два мальчика показались ей похожими друг на друга как две капли воды.

– А вы монахиня? – спросил мальчик, у которого голова была выбрита наголо и оттопыренные розовые уши смешно торчали в разные стороны. Кларе даже показалось, что он вот-вот заденет своими ушами стопку тарелок на краю кухонного стола.

– Не совсем.

Не совсем?

– Как же нам тогда вас называть?

– Вы можете называть меня... – Вообще-то раньше она считала, что дети вполне могли бы называть ее «тетушка Клара», но сейчас столь неформальное обращение показалось ей неуместным. – Мисс Ньютон.

– А меня зовут Алекс. – Мальчик протянул Кларе грязную руку, и Клара, разумеется, ее пожала. Она просто не могла ее не пожать, хотя и подумала с ужасом: интересно, где успела побывать эта рука и чего успела коснуться? – Это Рита, – и Алекс указал на девочку, которая все продолжала подпрыгивать, выкрикивая: «Мама! Мама!» – А это Питер. – Парнишка, стоявший с ним рядом, застенчиво улыбнулся и сказал:

– Приятно познакомиться.

Ростом этот Питер оказался существенно выше Клары. Он как раз пребывал в том возрасте, который служит как бы мостиком между миром детства и миром взрослости. И у него было столько веснушек, что кожи было не разглядеть.

Питер, повторила она про себя. Нужно постараться как можно быстрее запомнить их имена. *Значит, Алекс с ушами, Питер с веснушками и Рита с мамой...*

Еще один ребенок протолкался вперед и заявил:

– А я Терри!

– Здравствуйте, молодой человек.

Один из тех близнецов расхохотался:

– Какой же она «молодой человек», она же девочка!

– Ага, теперь понятно. Значит, твое полное имя Тереза, да?

– Нет, меня зовут Терри. – И Терри, выпятив нижнюю губу, подперла подбородок кулачком.

– Хорошо-хорошо, но я пытаюсь понять, от какого имени образовано это уменьшительное «Терри».

– Уменьшительное?

– Ну, это значит, что есть еще и полное. Вот мне и стало интересно, откуда эта «Терри» взялась...

– Вообще-то я из Лондона.

– Вот и отлично.

Два совершенно одинаковых близнеца выскочили вперед, словно предоставляя Кларе возможность их проинспектировать. Белые волосы, красные щеки, башмаки стоят ровненько, в одну линейку. Они отсалютовали ей и сообщили:

– Мы близнецы.

– Я так и подозревала.

– Я – Билли.

– Я – Барри.

– А как *ваши* полные имена? – спросила Клара уже более уверенным тоном, но, увидев замешательство на их лицах, повторять вопрос не стала. – Ну, и ладно! Значит, Билли и Барри.

Дети отправились умываться, и Клара с облегчением вздохнула, надеясь, что несколько минут побудет наедине с собой, но тут открылась задняя дверь, и в кухню вошел мужчина, неся на плечах маленькую девочку. Он что-то такое напевал ей насчет рыбок и улыбок, а девочка очень четко отбивала ритм, колотя ему по груди ногами. У мужчины были очень темные, почти черные, волосы и мужественный подбородок. Здесь, конечно, была не совсем территория «Отчаянного Дэна»^[2], но еще каких-то несколько сантиметров, и он вполне мог бы ее себе присвоить. Пел он, в общем, так себе, зато с большим энтузиазмом.

– «...когда корабль заходит в порт!» – громогласно завершил он песню, а девочка все продолжала совершать руками такие движения, будто гребет.

И тут, наконец-то заметив Клару, он застыл в полном изумлении. Потом, запинаясь, вымолвил:

– Я и не знал, что у нас гости. Простите мое... вторжение...

– Я новая заведующая детским домом. – Клара никак не могла прийти в себя. – Я... мне... знаете, мне ваша песня даже понравилась.

Она вытерла о юбку вспотевшие ладони. Ей, конечно, не следовало бы ни волноваться, ни покрываться испариной в присутствии молодого привлекательного мужчины – она все-таки была уже зрелой женщиной! – однако она разнервничалась и вся взмокла. Даже у Джуди наверняка при виде этого красавца брови взлетели бы до самых волос.

– Ну, а тебя как зовут, детка? – спросила Клара, обращаясь к девочке.

– Айвор Дилани, – тут же ответил мужчина не моргнув глазом.

Клара вспыхнула.

– Я спрашивала у этой малышки! Скажи, девочка, как тебя зовут?

Девочка испуганно вытаращила глаза и спрятала лицо у Айвора на плече. Он с размахом – опля! – ссадил ее на пол и пояснил:

– Ее зовут Пег.

– Здравствуй, Пег! – Клара старалась говорить самым веселым и приветливым тоном, на какой только была способна. Прямые как палки волосы Пег свисали ей на лицо, одна прядка прилипла к вылезшим из носа густым соплям. Да что же такое с этими малышами? Почему у них никогда нет при себе носового платка? Значит, носовыми платками и нужно будет заняться в первую очередь!

Айвор протянул Кларе руку и сообщил:

– Мой дом вон там, на той стороне улицы, – там я и Пег сегодня нашел. И, пожалуйста, зовите меня просто Айвор.

– Клара. Клара Ньютон.

Пока они обменивались рукопожатием, Клара просто глаз не могла отвести от второй руки Айвора, которая примерно на уровне локтя превращалась в уродливую культю. По спине у нее вдруг пополз озноб. И не потому, что культя была такой уж безобразной – просто это было совершенно неожиданно. Айвор, заметив, куда она смотрит, слегка взмахнул своим обручком и закусил губу. Ей хотелось сказать, что ее вовсе не пугает его изуродованная рука, что это отнюдь не выглядит отталкивающе, что она просто не сумела скрыть своего любопытства, но как было изложить все это словами?

– А я никак не могла понять, куда же делся еще один ребенок, – солгала Клара. – Ну, как вы поживаете, мисс Пег?

– Пег не говорит. Совсем, – тихо сказал Айвор.

– Уверена, что это не так.

– Это так.

– Ну а почему?

Качая головой и словно не веря собственным ушам, Айвор что-то пробормотал себе под нос – возможно, даже какое-то бранное слово.

– Какая очаровательная... – Клара поискала глазами что-нибудь такое, что могло бы послужить для бедняжки Пег комплиментом, приободрить ее, – у тебя блузочка. Синий, наверное, твой любимый цвет?

Девочка обеими руками вцепилась в ногу Айвора и спряталась за ней. Она была совсем крошечная, даже меньше маленькой Риты.

– А я больше всего люблю красный, – продолжала болтать Клара. – То есть, в одежде, конечно. Глаза мне, например, нравятся карие; а еще мне очень нравится голубое небо и зеленая трава, особенно пока она совсем свежая... – Клара нервно рассмеялась. – А тебе какие цвета нравятся, Пег?

Но девочка лишь выразительно помотала головой.

– Каких слов в предложении «Пег не говорит» вы не поняли? – неприязненным тоном осведомился Айвор. А малышка опрометью выбежала из кухни, и почти одновременно с этим через заднюю дверь на кухню вошла другая девочка, постарше, лет, должно быть, тринадцати. Клара даже обрадовалась ее появлению, прервавшему этот мучительный диалог.

– Ну, здра-а-авствуй! Добро пожаловать!

Добро пожаловать? Да кто она такая, чтобы так говорить?!

– Значит, вы наша новая монахиня?

Клара одарила девочку самой широкой своей улыбкой, надеясь, что та, будучи уже почти взрослой, непременно станет ее союзницей.

– Я не монахиня, меня зовут мисс Ньютон. – У девочки были густые светло-каштановые волосы, и, несмотря на ее насупленное личико, Клара сразу заметила, что она прелестна, как бутон розы. – Но поскольку ты уже большая, ты можешь называть меня просто по имени: Клара.

– Кажется, у вас что-то в зубах застряло, *мисс Ньютон*.

– Морин, – тихо сказал Айвор. – Постарайся быть гостеприимной по отношению к мисс Ньютон. Сможешь?

– Добро пожаловать! – попугайским голосом воскликнула Морин.

Айвор тут же развернулся и направился к двери, бросив на ходу:

– Желаю удачи.

– Спасибо, что привели обратно Пег. – Клара очень хотела прибавить: «и приструнили Морин», но говорить такое в присутствии самой девочки не решилась.

– Рад служить. – Айвор чуть помедлил, держась за ручку двери. – Хотя – просто чтоб вы знали – я с этими переменами не согласен.

– С какими переменами?

– Да с теми, что здесь творятся. С тех пор, как был принят этот детский закон. Ведь раньше все шло нормально. А теперь, – он окинул взглядом кухню, – отсюда все монахини уехали.

– Сестра Юнис не уехала.

– А это свидетельствует только... Впрочем, ладно. Но детей-то зачем разделили? Зачем их туда-сюда безо всякой причины таскали? – Айвор помолчал, глядя в пол, потом зло бросил: – А теперь Совет еще и целую армию канцелярских крыс сюда пришлет, которые с детьми обращаться не умеют!

Канцелярских крыс? Не умеющих обращаться с детьми? Клара вспыхнула. *Это же он обо мне!*

– А они, бедолаги, понятия не имеют, во что влипли. Даже если у них вагон абсолютно неприменимых идей имеется. – Этими словами он как бы вбил гвоздь по самую шляпку.

В общем, если и был на свете определенный тип людей, который Кларе, безусловно, не нравился, так это те, кто *всегда* забивает гвоздь по самую шляпку.

– Что ж, благодарю за высказанное мнение, – надменным тоном сказала она.

– Когда вижу, как что-то делают неправильно, я прямо об этом говорю.

– Интересное качество.

И тут Клара с душевным смятением заметила, что глаза у него карие. Интересно, что он подумал, когда она сказала Пег, что больше всего ей нравятся карие глаза? Может, решил, что она именно его глаза имела в виду? Может, ей следовало сказать, что и голубые глаза тоже очень хороши?

– Особенно, когда речь идет о детях.

– Вы совершенно правы.

– Извините, если я сказал совсем не то, что вам хотелось от меня услышать. До свидания.

Клара подумала, что прямо сейчас могла бы написать в своем дневнике целую главу под названием: «Айвор. Мой сосед-злюка». Морин злорадно усмехалась, искоса на нее поглядывая. Вскоре на кухне появились и остальные дети, спокойно занимая места вокруг стола. Никаких споров насчет того, кому где сидеть, не возникало. Впрочем, вскоре стало ясно, что для Клары места нет. Собственно, там и детям-то места едва хватало. Сестра Юнис вплыла в кухню, точно большой пароход, и, воцарившись во главе стола, неодобрительно огляделась. Морин тут же подала на стол вареную картошку. Кто-то из близнецов – Билли или Барри – принес ветчину. Дети, не поднимая глаз, смотрели в свои тарелки. Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем Клара заставила себя вымолвить: «Ой, а мне, похоже, и сесть-то некуда...»

Никто даже не пошевелился. Наконец тот веснушчатый мальчик – кажется, Питер? – отодвинул со скрипом свой стул и шепнул ей с таким видом, словно делает нечто непозволительное: «Я сейчас что-нибудь отыщу».

Сестра Юнис в сторону Клары так и не посмотрела.

Питер приволок какую-то низенькую скамейку – похоже, это была скамеечка для ног, – и с грохотом пристроил ее у свободного конца стола. К сожалению, Клара, сев на нее, сразу оказалась на голову ниже всех остальных и видела перед собой только край обеденного стола. Она надеялась, что, может, кто-нибудь из детей уступит ей свое место, но никто и не подумал это сделать. Мало того, кое-кто из них – близнецы, например, – злорадно ухмылялся. Даже маленькая Пег-которая-совсем-не-говорит. На самом деле они могли бы с тем же успехом загнать Клару в угол и заставить ее напялить дурацкий колпак, чтобы она уж полностью испила из чаши унижений.

Сестра Юнис прочла молитву. Клара беззвучно повторяла слова, одним глазком, как в детстве, подглядывая за теми, кто сидел вместе с ней за столом. Восемь детей! Восемь *индивидуальных характеров*. Восемь человек, и у каждого свои собственные желания и потребности. Раньше, когда она представляла себе свою будущую работу, это количество не казалось ей таким уж большим. Но теперь,

когда они оказались непосредственно перед ней, она вдруг поняла, что это очень много.

Ничего, уверяла она себя, всему можно научиться. Сестра Юнис ей поможет, будет ее направлять, а своим умением быстро всему учиться Клара всегда гордилась. Когда фирма «Харрис и сыновья» получила приказ незамедлительно переключиться с производства бытовых приборов на изготовление боеприпасов и оружия, Клара сразу оказалась в авангарде и сумела моментально перестроиться. Значит, и сейчас тоже сумеет.

– В общем, я очень рада, что здесь оказалась! – сказала Клара, едва отзвучала молитва. – Как чудесно, что я смогла сразу со всеми познакомиться...

– Мы едим молча! – Сестра Юнис воздела вилку к небесам, а затем сунула ее в рот.

– Что? В течение всей трапезы?

Сестра Юнис кивнула.

– Я никак не ожидала...

Сестра Юнис прожевала, медленно проглотила и пренебрежительно бросила:

– Ну ясное дело!

* * *

Собираясь после ланча в школу, дети напялили свои одинаковые черные шапки, сразу опять став похожими на летучих мышей.

– Зачем вы носите эти уродливые штуковины?

Этот вопрос они сознательно проигнорировали, и Клара не выдержала.

– Я, кажется, задала вопрос! – рявкнула она, и дети наконец-то включили внимание, а младшие еще и принялись испуганно переглядываться. Терри задрожала, а у Алекса уши стали совершенно красными.

– Зачем мы их носим? – Это заговорила самая старшая девочка, Морин. Она с отвращением стянула с себя шапку и выкрикнула: – Да чтобы каждый сразу понял, что мы из «Шиллинг Грейндж»! Ведь без

этих шапок мы, чего доброго, станем выглядеть как *нормальные* дети, а нам этого нельзя, верно ведь?

* * *

Чем же ей теперь заняться? Сестра Юнис опять куда-то исчезла. И пока в четыре часа дети не вернутся из школы, Клара была совершенно свободна. В итоге она решила, что ей стоит пройтись и немного осмотреться.

Утром она по сторонам практически не глядела и следила лишь за тем, чтобы правильно отыскать по нарисованной схеме нужный дом, но сейчас, оказавшись на главной улице Лавенхэма, увидела, что там много выстроившихся в ряд магазинов и красивых частных домов. Оштукатуренные фасады, корзинки с цветами на стенах, булыжная мостовая... Кое-где виднелись даже соломенные крыши. У Клары возникло ощущение, словно она вернулась на несколько десятилетий назад. И все до мелочей было в этом очаровательном городке именно так, как рассказывал ей Майкл. Она еще, помнится, решила, что он преувеличивает – Майклу страшно нравилось все английское, и он словно не замечал никаких временных отличий. Но сейчас Клара испытывала совсем иные эмоции и почти с нежностью рассматривала и эти небольшие лавочки, где наверняка бывал и Майкл, и таверну «Белая лошадь», куда он, возможно, заходил по вечерам, чтобы немного выпить (Клара не помнила точно, упоминал ли он это название, и страшно ругала себя за то, что никак не может вспомнить.)

Зато ей вспомнилось многое другое. Например, слова Майкла: «Лавенхэм – это готовая декорация для какого-нибудь фильма». И был совершенно прав. Во всяком случае, Лавенхэм очень сильно отличался от Лондона, но именно такая перемена и была ей нужна сейчас. Ей хотелось оказаться в сельской местности, хотелось настоящего леса, лисиц, белок, папоротников, вращающихся калиток, возле которых целуются влюбленные. Нет, к последнему она, пожалуй, была еще не готова. И к встречам в поле с коровами тоже. Она не раз читала в газетах о фатальных встречах людей со стадом коров; честно говоря, если судить по этим публикациям, коровы, оказывается, были не менее опасны, чем фашисты.

Клара бродила по Лавенхэму, жадно впитывая новые впечатления, когда на нее вдруг налетела молодая модно одетая женщина, двигавшаяся на удивление быстро – особенно если учесть бульжную мостовую и высоту каблуков незнакомки.

– Здравствуйте! Вы, наверное, заблудились?

В Лондоне уж точно никто не подошел бы к ней вот так, в толпе незнакомых людей, поглощенных своими делами, но внимание молодой дамы было Кларе почему-то приятно, и она ответила:

– Да нет... я вовсе не заблудилась. Пока что я вполне ориентируюсь. Я просто хотела немного осмотреться.

– Надолго собираетесь здесь задержаться?

– Надеюсь, что да.

– Но это же просто чудесно! – Женщина в порыве восторга стиснула Кларе руки. – Нашему старому городку не помешает немного свежей крови. Да одно ваше присутствие мгновенно вполовину уменьшит средний возраст местных жителей! – И она засмеялась собственной шутке.

Дальше они пошли рядом, как две подружки, давно и хорошо знающие друг друга. Незнакомка была, видимо, ровесницей Клары. На ней был отлично сидевший костюм приятного небесно-голубого цвета – жакет и юбка-карандаш. На пальце, естественно, обручальное кольцо – большинство ровесниц Клары были замужем, – хотя, конечно, после войны эта женщина могла оказаться и вдовой. Волосы у нее были почти белые, обесцвеченные – этот голливудский стиль Клара просто обожала. Такими блондинками стали сейчас очень многие знаменитости, и если бы у нее самой хватило смелости, она наверняка сделала бы со своими волосами то же самое. Впрочем, она свой стиль не меняла уже много лет, с сожалением понимая, что обесцвеченные и окрашенные волосы требуют постоянного внимания и ухода, на что у нее, вероятно, не хватит ни времени, ни терпения. Честно признаться, она в последнее время ленилась порой даже носик попудрить, считая это необязательным.

А потому сочла большой удачей столь внезапное знакомство со своей ровесницей, которая впоследствии могла бы стать ей подругой.

– Вы знаете, я гуляла и все думала: ну до чего красивая деревня!

– Да у нас и община *просто замечательная!* Слушайте, я же вам все могу рассказать и о Лавенхэме, и о наших жителях. Меня Дотти

зовут. *Миссис Гаррард* – ох, до чего же приятно это произносить! Вообще-то замужем я всего полгода. А вон и мой муж – и слово «муж» произносить тоже очень приятно! Ларри! – окликнула она мужчину в мягкой фетровой шляпе, изучавшего объявления в витрине почтового отделения. – ЛАРРИ! Иди скорей сюда, познакомься с...

– Мисс Ньютон. Клара.

– Мисс?

И, конечно же, снова «этот взгляд». Клара даже не сомневалась, что он последует. А миссис Гаррард еще и языком сочувственно поцокала, окрасив себе зубы яркой помадой.

– Ничего страшного, не берите в голову, – затараторила она. – Я обожаю строить планы и осуществлять их. И уверена, что мы с вами непременно подружимся. Вы где остановились? Если в «Лавендер Армз» – то это просто мечта. Говорят, только ради их завтраков умереть стоит. Ларри обещал, что на годовщину свадьбы мы проведем денек в этом отеле. На деревянную свадьбу. Или железную? Никак не могу запомнить.

– Я живу в «Шиллинг Грейндж».

Миссис Гаррард остановилась как вкопанная.

– В Грейндже? Но ведь это же не гостиница!

– Нет, не гостиница.

Но Дотти Гаррард, совсем понизив голос, все продолжала удивляться:

– Неужели вы остановились в бывшем сиротском приюте? Ведь Грейндж – это же сиротский приют!

– Да, именно там я и остановилась.

Она сразу почувствовала, как изменилось отношение к ней миссис Гаррард. Подбоченившись, с вызовом та спросила:

– Но зачем, скажите на милость, вы там остановились?

– Я там теперь живу. И работаю. Я – новая заведующая этого детского дома.

Кларе нравилось слово «заведующая». Оно предполагало, что ее главная задача теперь именно в заведовании этим домом, в заботе о нем. А уж это она могла делать даже с закрытыми глазами. Сотрудники фирмы «Харрис и сыновья» любили повторять, что ее второе имя – трудяга.

– Вот, значит, как?

– Что именно?

– Это заведение здесь совершенно ни к чему! А уж с главной улицы его точно следует убрать. У нас городок респектабельный. Здесь родилась Джейн Тейлор.

– Кто?

Миссис Гаррард, словно приходя в отчаяние, потрянула головой и заявила:

– Знаменитая поэтесса! И Констебль!^[3] И сэр Маннингс^[4], художник! Вам, конечно же, известны его портреты лошадей?

– Сэр Маннингс рисовал портреты лошадей? – Клара окончательно развеселилась, представив себе художника за мольбертом, которому позирует лошадь.

К миссис Гаррард наконец присоединился ее муж. У него под мышкой была маленькая коричневая собачка, шерсть которой полностью совпадала по цвету с цветом его усов. С виду он казался весельчаком. Джуди бы, наверное, сказала, что этот человек «доволен собой».

Миссис Гаррард пихнула его под локоть.

– Это... в общем, она приехала сюда работать в *сиротском приюте*! Ничего получше не нашла!

– Знаете, нам бы так хотелось убрать отсюда этот приют! – прочирикал ее супруг. Голос у него оказался неожиданно высоким, и это было так смешно, что Клара, хоть и была смущена их реакцией, с трудом сдержалась, чтобы не хихикнуть. – Поймите, ничего личного! Просто он не вписывается в стандарты здешней жизни. И сбивает цены на недвижимость.

– Не говоря уж обо всем прочем! – фыркнула его жена.

– Нам кажется, им было бы лучше в Ипсвиче, – снова вступил он. Песик покровительственным жестом положил лапку ему на плечо. *Только это не он нуждается в покровительстве*, подумала Клара. – Или в Клэкстоне. В Клэкстоне для детского дома самое место.

И чета Гаррардов медленно двинулась прочь.

– У вас будет бумажная свадьба! – крикнула Клара. – Точно, бумажная! Так первая годовщина называется. Бумажная, а не деревянная!

* * *

Не успела Клара вернуться домой – ядовитые слова миссис Гаррард все еще звенели у нее в ушах, – как появилась сестра Юнис, плотно закутанная в плащ и с ковровым саквояжем в руках.

– Ну, прощайте, моя дорогая, – сказала она вполне душевным тоном, которого Клара даже и представить себе не могла в ее исполнении.

– А что случилось?

– Уезжаю я. Навсегда.

– Как? Уже? Не может быть!.. А кто же... кто же расскажет мне, что и как тут делать?

Сестра Юнис даже не пыталась скрыть, что счастлива.

– Ничего, дорогая, вы постепенно всему научитесь.

– Но разве вам не хочется... – Клара цеплялась за каждую соломинку. – Неужели вам не хочется попрощаться с детьми?

– Лишняя суета мне ни к чему.

– А вы... – Кларе столько всего хотелось сказать и спросить, что она не знала, с чего начать. – Не дадите ли вы мне на прощание какой-нибудь ценный совет?

– Порите их. – Сестра Юнис вдруг склонилась к ней совсем близко. – Почаще и как следует. Особенно когда они в постель мочатся. Прощайте.

* * *

В ящике буфета среди прочих бумаг нашелся листок с телефоном Совета графства, на котором было написано, что звонить следует только в случае крайней необходимости. Была ли это крайняя необходимость, трудно сказать, а вот телефонного аппарата Клара в доме пока не обнаружила. Итак, у нее нет ни телефона, ни плана действий, ни малейшего представления о стратегии, ни какого бы то ни было графика – то есть вообще никакой информации.

Разве это не «крайняя необходимость»?

Для начала надо выпить чашку чая, решила Клара. Именно так они с Джуди и поступали во времена Лондонского блица^[5], и этот способ никогда не подводил. А сейчас, по крайней мере, никаких бомбежек не было. И дети не выстраивались «змейкой», надев противогазы. И среди уличного мусора не валялись куски человеческих тел.

А теперь сделай глубокий вдох. Уж это-то Клара точно могла сделать.

* * *

Когда дети вернулись из школы, веснушчатый Питер – тот, что тогда притащил Кларе скамейку – первым делом принялся отскрести кухонную плиту. Он буквально с головой в нее залез. Алекс тем временем все приготовил к утреннему завтраку. Близнецы почистили овощи для запеканки, планировавшейся на ланч. Девочки подмели и натерли повсюду полы. В комнатах сразу запахло воском.

Затем дети выстирали свои носки и гольфы и развесили их сушиться на горячей трубе в ванной. Затем они вычистили свои поношенные башмаки. Интересно, думала Клара, когда же они успокоятся и присядут? И, может, все вместе послушают «Детский час» по Би-Би-Си? Но они явно были слишком заняты.

В шесть часов Алекс сообщил ей, что все дети выпили чаю; старшие еще поели крекеров с сыром и мясными консервами «Спам», а младшие ограничились просто крекерами, но у всех все в порядке, так что ей, Кларе, ни о чем беспокоиться не нужно.

Дети поели быстро и в полном молчании, а потом еще и посуду за собой убрали. Затем все дружно уселись и принялись читать (или притворяться, что читают) Библию.

Странно, подумала Клара, ведь в половине восьмого слишком рано ложиться спать? *Ну, разумеется, детям нужно какое-то свободное время*. Она еще не подозревала, что уже в половине девятого ей больше всего на свете захочется оказаться как можно дальше и от этого дома, и от этих детей, хотя они за все время не сказали ей практически ни слова. Впрочем, одного их присутствия было для нее более чем достаточно.

– Всем спокойной ночи, – объявила она, и они послушно потащились в свои спальни, точно усталые часовые после смены.

На кухне царили чистота и порядок; и к следующему дню все было полностью готово. Завтра ей оставалось только запеканку в духовку сунуть.

Итак, первый день прошел не так уж и плохо, несмотря на потрясший Клару отъезд сестры Юнис. Сиротский дом явно функционировал как хорошо смазанный механизм, а его маленькие обитатели бóльшую часть дня отсутствовали. Вот и сегодня после школы они все вымыли и прибрали за собой, а потом послушно улеглись спать. Чем-то они немного напоминали Кларе животных в зоопарке: ничего особенно печального, просто обитатели клеток настолько привыкли находиться в плену, что без особых жалоб и сожалений с ним сосуществовали. Помнится, ее первый день в офисе фирмы «Харрис и сыновья» тоже приятным назвать было бы трудно. Буквально сразу же кто-то сцарапал с фирменного бейджа две последние буквы ее фамилии «Ньютон», и она, глазом моргнуть не успев, *ко всеобщему веселью* превратилась в «Клару Ньют»^[6]. Да и работу свою Клара начала любить по-настоящему только три года спустя, когда там появилась Джуди. Джуди стала ее новой начальницей; а когда разразилась война, у Джуди под началом оказались и все фабричные девушки-новички. Джуди была всего на пять лет старше Клары, но, казалось, на несколько световых лет взрослее; однако, как ни странно, они крепко подружились. Во время налетов они обычно лежали рядышком в убежище и шепотом говорили о том, что будут делать, когда закончится война. Джуди хотела работать в школе – и ее желание осуществилось, – а Клара собиралась по-прежнему заниматься канцелярской работой, но уже в Америке, со своим Майклом.

* * *

Когда сверху донесся крик, Клара колебалась всего секунду, а потом рысью ринулась в спальню девочек. Сердце готово было выскочить у нее из груди. Итак, первая же ее проблема не замедлила возникнуть!

Рита стояла посреди комнаты, закрыв руками лицо. Морин, Пег и Терри стояли вокруг, и, если бы на лицах у них не было написано искреннее неверие, можно было бы подумать, что все это просто игра.

– Что случилось?

– Вот! – Рита воздела руку, в которой подобно обвинительной улике была зажата маленькая серая мышка, связанная из шерсти. – Вы *выстирали* мою мышку Молли!

Морин глянула на Клару так, словно та совершила кровавое преступление.

– Но я же не знала, что ее нельзя стирать, – начала оправдываться Клара. – Мышка лежала в корзине с грязным бельем, откуда же мне было...

– Мама! – крикнула Рита, захлебываясь слезами. – Она пахла мамой! МАМОЙ!

– Прости, пожалуйста.

Но Рита лишь еще громче и отчаянней зарыдала, время от времени подвивая так, что просто сердце разрывалось.

Клара и сама чуть не заплакала. Неужели сестра Юнис нарочно подсунула ей эту чертову мышку? Или она просто настолько тупа, что не соображала, что делает?

– Рита, я вовсе не хотела, чтобы так получилось, я не нарочно, честное слово.

Но Рита на нее даже не взглянула. Отвернувшись к стене, она зарыдала так громко, что все четверо мальчишек с грохотом взлетели по лестнице. Билли – или, может, Барри? – схватил Риту в охапку и стал гладить по голове.

– Что она тебе сделала? – спрашивал он у плачущей малышки.

– Да ничего я ей не сделала! – возмутилась Клара. – Я просто не знала...

И тут все они уставились на Клару так, словно в следующую секунду она начнет у каждого отнимать самое дорогое. Терри даже руками себя обхватила, пытаясь сдержать нервную дрожь, Пег спрятала голову под подушкой. А Рита все продолжала плакать и причитать: «Она же мамой пахла!»

– Пожалуйста, Рита, – умоляла ее Клара, – перестань, успокойся.

– Ладно, не беспокойтесь, я о ней позабочусь, – бросила Морин, буквально испепелив Клару презрительным взглядом. – *Меня-то* она

любит.

Выходя из комнаты, Клара споткнулась о башмаки Терри, и та тоже завывала. Заглянув в ванную, Клара поскользнулась на отмытых до блеска плитках пола и повернулась к шедшей следом Пег, чтобы всего лишь предупредить ее, чтоб ступала осторожней, но та почему-то разревелась, и теперь уже три девочки рыдали в голос, а Морин продолжала обливать Клару гневным презрением.

Барри – а может, Билли? – попросил у Клары шиллинг, но, как только она ему отказала, попросил снова и теперь уже два шиллинга. Впрочем, через некоторое время он сообщил, что это просто шутка такая.

– Какая же это шутка? – возмутилась Клара. Она много раз слышала выражение «дойти до точки кипения», но сама никогда подобных ощущений не испытывала и только теперь поняла, что это такое. С трудом сдерживаясь, она сердито сказала: – Чтобы что-то сочли шуткой, это, по крайней мере, должно быть смешным.

– Не совсем так, честно говоря, – поправил ее лопухий Алекс. – Любая шутка одному может показаться смешной, а другому нет. – Клара велела себе ни в коем случае не менять выражения лица и держаться спокойно, однако Алекс не унимался: – Вам что, больно, мисс Ньютон? – спросил он с искренней заботой. – У вас такой вид, словно у вас что-то болит.

Когда Клара спустилась вниз, в дверях мальчишечьей спальни ее уже подждал один из близнецов.

– Плохие новости, – сообщил он. – У меня опять «гости».

Клара ожидала очередной дурацкой «шутки», но мальчик протянул ей серый носовой платок. Она невольно отшатнулась.

– Да вы глядите, глядите! – сказал он ей, и она увидела множество крошечных черных точек. *Движущихся черных точек.* Гадость какая! Клара так и отпрянула.

– Господи, это еще что такое?

– Вошки.

– Боже мой, нет!

– Вы что, никогда раньше вошек не видели? – явно развлекаясь, спросил Алекс.

Только теперь Клара поняла, зачем его обрили наголо.

– Нет! – в ужасе воскликнула она. – Да, конечно, видела! Нет, нет! О господи!

К тому времени, как Клара смогла, наконец, снова вернуться на кухню, там было полно дыма. Ее внезапный уход оказался фатальным для запеканки. Возможно, в обычное время такое блюдо сочли бы несъедобным, но сейчас наступили необычные времена, а это означало, что завтра на обед у них будет либо сильно подгоревшая запеканка с черной коркой, либо ничего.

Должно быть, где-то в четверть девятого Клара поднялась к себе – выяснив, что радиоприемник в гостиной не работает, – и уже через несколько минут в дверь ее комнаты кто-то постучался. Должно быть, это всезнайка Алекс, подумала она. Ему так нравится все объяснять, а она в его присутствии чувствует себя двухлетней малышкой. Наверняка она опять что-нибудь не так сделала.

Но на пороге стояла зареванная Рита, по-прежнему сжимая в руках мышку Молли.

– Я не могу уснуть!

– А ты просто ляг и постарайся ни о чем не думать.

Рита смущенно потупилась.

– Ну, что еще?

– Морин всякие глупости говорит.

– А ты скажи ей, чтоб перестала.

– Я говорила.

– Скажи, что я ей велела немедленно перестать.

– Она не слушается.

Клара очень старалась держать себя в руках, но это было трудно. Должна же она, как и любая другая женщина, иметь хоть какое-то личное время? Да, в фирме «Харрис и сыновья» ей часто приходилось много работать, порой и сверхурочно, но вечера-то, по крайней мере, всегда принадлежали ей самой. И как же ей быть *теперь*? Как без этого обходиться? Судя по тому, как прошел сегодняшний вечер, ей здесь и вздохнуть-то свободно не дадут.

Она снова поднялась в спальню девочек. Морин лежала животом на подоконнике, высунувшись в окно; серая фланелевая ночная рубашонка явно была ей слишком коротка. Похоже, перед тем, как Клара вошла в комнату, Морин еще и курила. Толком разглядеть Клара

не успела, но в комнате отчетливо пахло сигаретным дымом, хотя, возможно, это был просто запах сгоревшей запеканки, которым успел пропитаться весь дом.

– Немедленно закрой окно, – ровным тоном сказала Клара, стараясь держать себя в руках. Тем более Морин все-таки оказала ей услугу – успокоила Риту. – Ты же простудишься.

Но Морин еще больше высунулась в окно и крикнула кому-то на улице.

– Ладно, до завтра! Готовься!

Потом она оглянулась на Клару и, в раздражении покачав головой, буркнула:

– Что же вы нас никак в покое-то не оставите?

Клара попыталась дать ей отпор и уже придала собственному взгляду суровости, но тут вмешалась Терри, дернув ее за руку.

– Ну, а у *тебя-то* что случилось? – сердито спросила Клара, опустила глаза и невольно вскрикнула. Кровь! Целая лужа ярко-красной крови на полу! И у Терри все лицо тоже в крови!

– О господи! – прошипела Морин. – Подумаешь, кровь из носа пошла. Это же не последствия кровавой резни!

К девяти часам Клара почувствовала себя до предела измученной. И, улегшись в постель, еще долго не могла заснуть – комната насквозь пропахла дымом и моющими средствами, и ей почему-то все вспоминался последний внезапный приезд отца из Африки – случившийся совершенно некстати, – когда повсюду в доме, который Клара когда-то так любила, за отцом оставался тонкий, как пленка, слой мелкого песка.

А еще у нее перед глазами стоял рисунок на ковре, что лежал на полу в гостиной у Джуди и Артура. После возвращения отца она какое-то время жила у них и спала в гостиной на диване перед новеньким электрическим камином. Артур, помнится, был потрясен, когда она сказала ему: «Я поживу у вас немного, хорошо? Всего несколько дней? Джуди считает, что это совершенно нормально и я вас ничуть не стесню».

Как все-таки странно, что сейчас она совершенно одна в большом доме с восемью детьми, которые способны на что угодно; например,

они могут, сговорившись, вооружиться мачете и напасть на нее, пока она спит. Они даже голову ей могут отрезать. А что? Запросто!

Не надо так думать! – приказала она себе. *Это хорошие дети. Думай лучше о Майкле.* Вспоминай, как он улыбался, когда они встречались после долгой разлуки, или как он, едва успев протереть утром глаза, шептал ей: «Привет, любимая!»

И тут вдруг произошло нечто удивительное.

Клара, тихонько лежавшая в темноте, увидела, как стол, стоявший у окна, сдвинулся с места. *Но ведь он никак не мог этого сделать. Неодушевленные предметы сами двигаться не способны.*

И все же стол сдвинулся!

Сперва на дюйм, не больше, и ножки под ним так и вихлялись. Но двигался он действительно самостоятельно. Понемногу, но, тем не менее, двигался!

– Майкл?

Она давно уже ожидала от него хоть какого-нибудь знака. Собственно, именно ожидание этого в первую очередь и помогло ей тогда выжить. Она знала, что все люди получают от своих любимых некие знаки. Невесты – красногрудую малиновку, севшую на кухонное окошко, жены – птичьи перышки на дорожке перед домом, матери – радугу в небе на день своего рождения.

Но она, Клара, никогда никаких знаков не получала. Ни одного. И пришла к выводу, что все-таки, наверное, не существует ни призраков умерших, ни возможностей получить некий привет из мира мертвых – в общем, ничего такого, потому что, если бы у мертвых действительно был какой-нибудь способ связаться с миром живых, Майкл непременно бы сделал это.

Он, возможно, в этот ночной час и умер, так что вряд ли это простое совпадение...

– Майкл?

Стол все продолжал трястись и раскачиваться, словно отвечая ей, и определенно двигался теперь куда более активно.

Значит, Майкл все-таки пытается установить с ней связь? Ну, конечно! Это он посылает ей некий знак. Но что именно он пытается ей сказать?

Папки с ее записями сперва сползли на край стола, а затем с шелестом соскользнули на пол. Ну, если уж и это не знак, то что же это

такое? Странно... Да нет, совсем не странно! Ведь Майкл обещал, что всегда будет с ней, и... вот он!

– Майкл, это ты? О, мой дорогой!

Дверь в ее спальню начала потихоньку приоткрываться. Сама собой. Клара смотрела на это как зачарованная, боясь пошевелиться. Внезапно в дверном проеме возникла призрачная светящаяся фигура, послышался стон, и Клара, пронзительно вскрикнув, бросилась к ожившему письменному столу, нырнула под него и скрючилась там, прижав коленки к груди и уткнувшись в них испуганным лицом.

Когда она все же осмелилась поднять глаза, то увидела трепещущую в воздухе простыню. Затем из-под простыни появились двое мальчишек, выглядевших столь же испуганными, как и сама Клара. Это были близнецы Билли и Барри.

– ДА КАК ВЫ СМЕЕТЕ! – взревела разгневанная Клара.

– Только не бейте нас!

– Вон из моей комнаты! – Клара и сама удивилась тому, сколько ярости звучит в ее голосе.

– Она нас сейчас своими шлепанцами побьет!

– Нет, только не шлепанцами!

– Немедленно убирайтесь отсюда вон! Вы слышали? **ВОН! НЕМЕДЛЕННО ВОН!**

Когда близнецы, хлопнув дверью, исчезли, Клара поднялась на ноги. *Ну и дикари! Просто туареги какие-то!* И никакой это был не Майкл. И никаких привидений не существует, как бы ты ни надеялась на обратное.

Теперь в луче света, падавшем из открытой двери, она вполне отчетливо разглядела толстые хлопчатобумажные нитки черного цвета, с помощью которых проказники-близнецы и заставляли ее письменный стол двигаться и трястись. Это был никакой не привет от ее погибшего возлюбленного. У Клары было такое ощущение, словно маленькие хулиганы дергали не за привязанные к столу нитки, а за самые больные струны ее души.

Ну все, с нее хватит!

Клара снова оделась, но все же решила немного выждать. Лишь услышав, как в девичьей спальне негромко щелкнул выключатель, она принялась тихо складывать в чемодан свои вещи, записи и фотографии.

Как же ей не хватало предсказуемости своей прежней работы! Той, которой она занималась в компании «Харрис и сыновья». Она прямо-таки тосковала по аккуратным столбцам правил и милых ее сердцу цифр, по перерывам на чай с черносмородиновой ватрушкой, по фабричным парням, любившим с ней пофлиртовать. А новая работа в Лавенхэме оказалась настолько странной, что Клара совсем растерялась.

Такое ощущение, что и она – не она, и дети ей *совершенно чужие*, и ничего у нее не ладится. Пока что ей не удалось установить контакт ни с одним из них – эта вязанаямышь, эти сигареты, это курение у нее на глазах... да вообще все! С какой стати она вообразила, что, явившись сюда, с легкостью впишется в жизнь этого приюта и будет наслаждаться жизнью в уютном и чистом доме с симпатичными окрестностями? Нет, ей, конечно, следовало знать заранее: в жизни за все и всегда приходится платить.

Выжидая, чтобы дети уж точно уснули, Клара вспоминала последние десять лет своей жизни. Да нет, пожалуй, всю свою жизнь. Ей так много довелось пережить – не только войну и гибель Майкла, – но она всегда была уверена, что все преодолееет. Сама. Ей только нужно собраться с силами.

Один альбатрос, повисший у тебя на шее и тянущий в пучину^[7] – это уже достаточно плохо. А когда их восемь? Ответственность оказалась поистине невыносимой, всепоглощающей. Да у нее в жизни ни для чего другого и места-то не останется! А ведь ей и самой иногда с трудом удавалось прожить день – так она изнывала под тяжестью собственного горя и одиночества. Ее пугала уже сама мысль о том, что придется взвалить на себя еще и чужое горе – горе каждого из этих сироток. Нет, это и впрямь как-то слишком. Нельзя требовать от одного человека – каким бы сильным он ни был – столь многого.

Она не сомневалась: эти дети вскоре попросту ее изуродуют, уничтожат как личность.

Так что, собственно, выбора у нее нет.

Ничего, какая-нибудь другая работа непременно найдется.

* * *

Дорогие дети!

Боюсь, я совершила ужасную ошибку. Я вам не подхожу. Вам нужен совсем другой человек. Не знаю уж, что я себе вообразила, только в действительности все вышло совсем не так, как я планировала. И вы тут совершенно ни при чем; вы все просто замечательные. Вы фантастически прекрасные человеческие существа. Все дело во мне. И в том, что после войны и... еще всякого разного... я превратилась в некую пустую скорлупку. В видимость женщины. Я не умею заботиться о других – и прежде всего о душах других людей. Я с легкостью проявляю заботу о людях на бумаге, но не в реальной жизни.

Морин или Питер, очень прошу вас как старших: сразу, как встанете, отыщите, пожалуйста, телефонную будку и позвоните в Совет графства Саффолк по этому номеру (шиллинг на это я вам оставляю). К телефону попросите позвать мисс Бриджес или кого-нибудь из сотрудников опеки (простите, но больше никаких имен я припомнить не могу).

В иных вопросах вам, наверное, сумеет помочь тот темноволосый мужчина, что живет через дорогу.

Простите, что подвела вас, вы, безусловно, заслуживаете лучшей воспитательницы.

Желаю вам всем удачи и счастья.

Искренне ваша,

мисс Ньютон, Клара.

Глава вторая

Чемодан Клары так грохотал, когда она волокла его по булыжной мостовой, что она боялась перебудить весь город. Однако на всем пути до железнодорожной станции она не встретила ни души; и ни одно темное окно, за которым мог стоять кто-то и смотреть, как она идет по улице, так и не вспыхнуло, словно желая ее пристыдить.

Она вдруг почувствовала, что освободилась, стряхнула со своих плеч ту тяжкую ношу, которую несла с тех пор, как приехала в «Шиллинг Грейндж». Нет, работа с детьми – это, безусловно, не для каждого. И ничего позорного в ее бегстве нет. Она ведь тогда попросту убедила себя, что работа *заведующей* детским домом – это в основном работа *с документами*. А может, ей тогда казалось, что достаточно и того, что это работа в Лавенхэме? А может, у нее попросту не было выбора?

Ну что ж, она в любом случае ошиблась.

Она старалась не вспоминать лицо Билли (а может, Барри?) с грязными дорожками от слез и его жалобный крик: «Не бейте нас!» Или о том, с какой горечью Морин сказала, что без этих дурацких шапок они все «стали бы выглядеть как *нормальные* дети, а им этого нельзя». Или о том, как судорожно Рита сжимала своего вязаного мышонка и причитала: «Мама! Мама!»

Конечно, Клара никогда бы не позволила себе последовать прощальному совету сестры Юнис: *Порите их*. Неужели монахиня говорила серьезно? Что же в таком случае пришлось пережить этим детям?

Нет, ее это больше заботить не должно!

Наконец Клара добралась до железнодорожной станции, и тут выяснилось, что больше поездов до Лондона не будет. Последний ушел пятьдесят пять минут назад. *Черт бы побрал и это расписание, и меня заодно! Нечего было столько времени тянуть и колебаться! Даже бегство у меня получилось на редкость бездарное и бессмысленное!* Клара сердито фыркнула и тут же хлюпнула носом, проглотив подступившие слезы. И как теперь быть? Переночевать в «гламурном» отеле «Лавендер Армз», как советовала миссис Гаррард? Чтобы за одну-единственную ночь уничтожить все свои сбережения?

Это было бы в высшей степени безответственно. А может, лучше попросту вернуться назад и завтра утром предпринять новую попытку?

И Клара, развернувшись, двинулась обратно в Грейндж.

Но вскоре занервничала, заметив, что кто-то упорно следует за ней по той же стороне улицы. Оказалось, впрочем, что это всего лишь ее угрюмый сосед. Она даже была несколько разочарована. Вот уж чего ей сейчас точно не хотелось, так это очередной порции осуждения со стороны человека с обрубком вместо руки.

Когда он, поравнявшись с ней, громко поздоровался: «Добрый вечер», она не ответила и просто прошла мимо. Она, собственно, попыталась ответить, но горло ей сдавили рыдания. Но сосед ничего этого не понял и снова подошел к ней. В пальто и шляпе он выглядел весьма импозантно, куда лучше, чем в тот раз. Неужели, чтобы произвести на нее впечатление, достаточно всего лишь «правильной» шляпы? Впрочем, и он теперь смотрел на нее иначе: почти как на Пег в тот раз, когда Клара как последняя дура предпринимала мучительные попытки заставить девочку заговорить.

– Где, черт возьми, мне взять расписание поездов? – вдруг расплакалась Клара. – Я даже на поезд нормально сесть не могу!

– Не уверен, что существуют нормальный и ненормальный способы посадки на поезд. Вам так не кажется?

Это вызвало новый приступ рыданий, и лицо Айвора исказилось от сочувствия.

– О, мисс Ньютон, бедняжка!

Ничего хуже этих слов и быть не могло. Только его доброты и сочувствия ей сейчас не хватало. С этим ей уж точно было не справиться. И свой последний носовой платок она, как назло, отдала Терри. Какой позор! Впрочем, Айвор тут же вытащил из кармана свой платок и протянул ей. А она стояла и тупо смотрела, как трепещет на ветру его пустой рукав.

Ну почему ей никак не оторвать глаз от его несчастной культи?

– Следующий поезд, мисс Ньютон, будет, по-моему, завтра в полдень. До завтра ваши дела могут подождать?

– Что ж, придется подождать.

– Позвольте мне в таком случае взять у вас чемодан, мисс Ньютон.

Она все еще плакала. Прямо как Рита! Случайная слеза скатилась у нее по носу. Господи, стыд-то какой! А она еще и позволяет человеку с одной рукой нести ее чемодан, тогда как у нее их целых две, абсолютно здоровые! Айвор, однако, все продолжал с тревогой на нее поглядывать, и это тоже ее раздражало. Особенно потому, что она ничего не могла с собой поделывать: уж очень хороши были у него глаза – карие, того самого цвета, который ей *действительно* больше всего нравился.

– Что это у вас такое в чемодане? Он, наверно, тонну весит.

– Письма, разные записи, фотографии – всякое такое. И кое-какая одежда.

– Не труп?

– Ха-ха.

Нет, она должна взять себя в руки! Нельзя же позволить мистеру Айвору Дилани, который в своей шляпе выглядит таким привлекательным, окончательно превратиться в Прекрасного Принца – хоть он и появился весьма кстати, хоть она и была безмерно ему за это благодарна, – и отвлечь ее от задуманного бегства. И тут Клара заметила телефонную будку. Решение возникло мгновенно, и она, ухватившись за него, сказала:

– Я только... позвоню, хорошо? Вы ведь постережете мой чемодан?

Он мгновенно поставил чемодан на землю и посмотрел на Клару ласково и печально.

– Я сохраню его даже ценой собственной жизни.

Джуди ответила после пятого гудка. Клара, впрочем, была уверена, что она непременно снимет трубку. Не было на свете более надежного человека, чем Джуди, хотя голос у нее все-таки был сонный и недовольный.

– Это я, Клара. Я прямо сейчас возьму такси и вернусь в Лондон. Ни секунды не медля.

Джуди спасет ее. Она же спасала ее во время блица. И после гибели Майкла...

– Да ты что, Клара? Это же страшно дорого!

Да, это страшно дорого.

– Ну, тогда я приеду завтра утром на поезде.

– Но почему, Клара?

– Потому что сегодня вечером больше нет поездов.

– Я не о том. Почему... почему ты так скоро уезжаешь?

И Клара шепотом призналась:

– Здесь все так плохо! Да и *сама я*, как оказалось, никуда не поеду. Это совершенно не мое. Я не могу заниматься детьми.

Джуди тоже понизила голос.

– Конечно же, ты можешь заниматься детьми. Тебя бы и на работу не взяли, если бы комиссия сочла, что ты этого не можешь.

Неправда!

– И потом, куда ты теперь пойдешь? Что ты будешь делать?

А вот эти вопросы звучали уже *отнюдь не* многообещающе.

– Я думала... я надеялась, что снова смогу недолго пожить у тебя. Пока не встану на ноги.

Джуди вздохнула.

– Я всегда тебе рада, но, видишь ли, Клара... – *Вот оно, это «видишь ли, Клара»!* – ...места у нас маловато...

Клара молчала и ждала. Она знала, что если выждать достаточно долго, Джуди не выдержит и сдастся. Джуди всегда славилась мягкостью характера. Именно по этой причине все дети в школе «Ханиуэлл» стремились оказаться в ее классе.

– ...и потом, это было бы несправедливо по отношению к Артуру, мне кажется.

Да, конечно, Артуру пришлось нелегко на Дальнем Востоке, но ведь Клара и Джуди в этом не виноваты, почему же он продолжает срывать на них приступы своего дурного настроения?

– Значит, Артур не хочет, чтобы я вообще у вас появлялась?

– Ну, зачем ты так говоришь? Ведь это же неправда!

– Как только у меня будет стабильная зарплата, я сразу же что-нибудь себе подыщу и съеду от вас. – И Клару охватило ужасное ощущение, что эту битву она проиграла.

– И сколько же времени на это потребуется?

Раньше Джуди не стала бы задавать подобные вопросы. Кларе даже показалось, что за спиной у Джуди стоит Артур и яростно шепчет ей на ухо: *Только не позволяй ей снова у нас поселиться!*

Джуди лишь однажды призналась Кларе, что их семью далеко не всегда можно назвать счастливой. Что Артуру часто снятся кошмары, и

в результате он просыпается весь мокрый от пота. Что сейчас многие из тех, кто воевал, страдают от подобных нервных расстройств, так что Артур – не исключение. Однако и это признание Джуди не вызвало в душе Клары большего сочувствия Артуру.

– Знаешь, раз уж тебе так необходимо в Лондон, – продолжала между тем Джуди, – так, может, тебе в отцовский дом вернуться? Ты об этом не думала?

Клара с силой бросила трубку и зарыдала.

* * *

– Не хотите ли зайти ко мне в мастерскую? – Теперь Айвор Дилани уже и говорил с ней, как с ребенком! – Там, правда, небольшой беспорядок, но...

Клара, хлюпая носом, спросила:

– А что у вас за мастерская? – *Словно это имело какое-то значение!*

– В основном я занимаюсь обивкой мебели. Ну еще гардины шью и всякое такое. Починкой занимаюсь – в общем, делаю, что попросят.

Клара задумалась. Она никак не могла понять, как ему удастся заниматься подобными вещами с одной-то рукой.

– Знаете, иной раз жизнь сразу как-то лучше становится, если чашку хорошего чая выпьешь. – На щеках у Айвора вдруг вспыхнул румянец, и он прибавил: – И потом, надеюсь, я хорошо умею слушать.

Нет уж, о «призраке Майкла» она ему точно рассказывать не будет. Ни за что. Это уж ни в какие ворота не лезет. Она же сама вечно насмешничала, издеваясь над всякими «психотерапевтами», гороскопами и прочей дребеденью, которой во время войны и после нее так увлекались многие вдовы и их дочери. А тут с этим «привидением» из простыни она сама проявила точно такую же глупость.

Господи, неудача за неудачей! В последнее время они громоздились друг на друга и казались Кларе похожими на некую древнюю башню из тяжелых каменных глыб. Ну, не могла же она рассказать Айвору, как за ланчем дети усадили ее на оскорбительно низкую скамейку? Не могла она рассказать ему и о том, как нечаянно

выстирала мышку Молли. И о том, как Морин преспокойно курила, высовываясь в окно, и при этом перекликалась с каким-то парнем с улицы. Разумеется, Айвор сразу решил бы, что в качестве воспитательницы она совершенно некомпетентна. Или подумал бы, что дети в «Шиллинг Грейндж» совсем уж испорченные. А ведь все это попросту несправедливо.

Клара снова высморкалась – *бедный носовой платок Айвора!* – и сказала, вспомнив его слова, сказанные всего несколько часов назад, о «целой армии канцелярских крыс»:

– Да нет, спасибо. Я уже в полном порядке. – Нет, конечно, никакой он ей не друг! – Благодарю вас за помощь.

– Всегда к вашим услугам. – Он помолчал. – Знаете, я очень люблю этих детей. И некоторых из них знаю довольно давно, так что...

Клара решительно прервала его:

– Спасибо. Но помощь мне больше не нужна.

– Да ради бога! – Это он сказал уже совсем другим тоном. – Желаю вам успешно осуществить ваш план.

– Какой план?

Ему явно стало неловко.

– Н-ну... это зависит от того... уезжаете вы или остаетесь.

Клара, прищурившись, глянула на него.

– Спасибо. Только у меня *уже все решено*. Я уезжаю завтра. Самое позднее в полдень.

Он пожал плечами. *Как будто ему не все равно!*

– Что ж, это, возможно, и к лучшему.

Глава третья

На завтрак был хлеб с подливкой от жаркого. Вообще-то следовало бы еще и овсяную кашу сварить, но выяснить, где хранится овсянка, Клара так и не успела, и к тому времени, как Алекс показал ей нужный ящик, было уже слишком поздно. За столом снова царило гнетущее молчание, да и еда была, прямо скажем, не ахти, так что трапеза получилась совсем унылая. Посуду вымыли старшие мальчики – они ринулись к раковине, едва успев положить ложки, – и Клара просто не знала, чем ей заняться. За младшими девочками присматривала Морин. Даже стол для ланча Рита и Пег успели заранее накрыть. Клара чувствовала себя по меньшей мере странно, сидя в полном бездействии и позволяя всему вокруг делаться как бы само собой. Заметив, что Билли и Барри яростно скребут в голове, она решила попробовать снова завязать разговор с детьми. Свой *последний* с ними разговор (хотя им, конечно, вовсе не обязательно было об этом знать).

– Значит, вы все в одной школе учитесь?

Питер озадаченно посмотрел на нее.

– Нет, мы учимся в средней школе. А малыши еще в начальную ходят.

– Ах да, конечно. – *Господи, как глупо она себя ведет! Просто на редкость глупо.*

Рита, стоявшая у задней двери, вдруг протянула к ней руку ладонью вверх и растопырила пальцы – словно что-то просила. Клара удивленно на нее посмотрела. *Может, детям полагается еще что-то перед школой давать?*

– Что такое?

– Я описалась, – выпалила Рита, печально глядя Кларе прямо в глаза.

– Ах вот в чем дело!

Рита придвинулась чуть ближе к ней и, оглянувшись через плечо, доверительно прошептала:

– Терри и Пег тоже.

– Что ж, спасибо, что предупредила.

– Разве вы не собираетесь нас побить?

– Не думаю.

Рита сунула ручонку обратно в карман.

– Это хорошо. Тогда пока.

Клара помахала ей на прощание рукой, но в душе ее при этом ничто не дрогнуло. Вот и отлично. Больше она никогда никого из них не увидит. Некоторое время она размышляла, стоит ли ей стирать простыни тех – *троих, кажется?* – что обмочились. Стирать не хотелось, но и оставлять мокрые простыни было нехорошо, *несправедливо*.

Когда она все-таки занялась стиркой, в «Шиллинг Грейндж» пожаловала гостя, оказавшаяся членом Совета графства. Она тут же принялась извиняться, что вчера не сумела должным образом встретить Клару и ввести ее в курс дела. Звали ее мисс Бриджес. У нее были кудрявые седые волосы, очки в тяжелой оправе и удобные туфли на устойчивом широком каблуке. Этими каблуками она ритмично постукивала, расхаживая по кухне.

Мисс Бриджес делила свое рабочее время ровно пополам: половина детские дела, половина – кладбищенские.

– Мы просто не знаем, что делать! – Она лучезарно улыбнулась. – Не успеваем достаточно быстро всех похоронить. Но, я думаю, в итоге мы вместе как-нибудь с этим разберемся, верно? Спорить готова, что и у вас тоже найдется какое-нибудь разумное предложение.

Да уж, энтузиазма ей было не занимать. Однако выглядела она настолько переутомленной и перегруженной всевозможными заботами, что у Клары просто совести не хватило немедленно рассказать все то, чем ей так необходимо было поделиться с кем-то понимающим.

Мисс Бриджес между тем заварила полный чайник крепкого чая, что было очень мило с ее стороны; Клара и припомнить не могла, когда в последний раз кто-нибудь проявлял о ней заботу. Затем мисс Бриджес принялась доставать из своей сумки всякие нужные предметы – резиновые подстилки на матрасы, гребни для вычесывания вшей и гнид – и при этом говорила и говорила без умолку. Похоже, ей и дыхание переводить не требовалось.

– Впоследствии вам понадобится сделать запас всех этих вещей. И, кстати, должна заметить, что основные направления нынешней новой политики то и дело меняются. Так что, как нам представляется,

лучше всего было бы поскорее распределить детей на постоянное проживание в домах приемных родителей. А этот Сиротский дом можете считать одним из зубцов огромного зубчатого колеса или частью длинного сборочного конвейера.

Она с наслаждением проглотила сразу полчашки чая, потом взгляделась в лицо Клары и поправилась:

– Ох нет, не конвейера, конечно! И не того станка, на котором делают оружие или что-то в этом роде. Я хотела сказать, что дети в этом доме похожи... похожи... знаете, на что? На банки с вареньем! Которые вы приготовите для дальнейшей уютной семейной жизни и которые так хочется поскорее определить куда-нибудь в хороший дом, пока их законным образом не *обобществили*. То есть вы здесь как бы временно. Кстати, все это есть в Законе о детях. Вам уже удалось прочесть доклад госпожи Кертис? Эта Майра – просто гений! Нам, безусловно, нужна была встряска, и мы ее получили.

Клара перед собеседованием ознакомилась с докладом Кертис и нашла, что это в высшей степени необыкновенный документ. В нем подробнейшим образом были разобраны все ошибки и неправильности системы благотворительности и опеки, ныне совершенно развалившейся, а также шла речь о том, что в будущем следует переходить к маленьким детским домам, более похожим на обычную семью, а к подбору приемных родителей и воспитанию детей относиться с максимальной осторожностью.

– Вы согласны с выводами Майры?

Клара кивнула. Хотя сейчас она почти перестала слушать мисс Бриджес и все размышляла о том, как сообщить ей о своем отъезде. То, что мисс Бриджес оказалась такой милой, такой понимающей и *такой разговорчивой*, невероятно затрудняло подобные откровения.

– Нам уже удалось отыскать для некоторых детей кое-кого из их *живых родственников*! – Мисс Бриджес огляделась, ища, по какой бы деревяшке постучать, и в итоге похлопала рукой по спинке стула. – И вы тоже по дереву постучите! Не хочу предвосхищать события, но есть два возможных варианта помещения в родственную семью. А еще у нас имеется несколько заявок на усыновление. По моим расчетам, если мы хорошенько приналяжем, то число детей в Грейндже уменьшится до четырех. Что было бы просто отлично, не так ли?

И мисс Бриджес рассмеялась. Похоже, у нее и впрямь была веселая, светлая душа. Она уже собралась начать новый монолог, когда Клара решила все же воспользоваться моментом:

– Я должна признаться вам, мисс Бриджес, что не чувствую себя пригодной для работы с детьми. Боюсь, я не сумела оправдать ваше доверие.

Клара даже испугалась, столь сокрушительным оказалось воздействие ее слов на мисс Бриджес. Рот у нее сам собой приоткрылся, она быстро-быстро заморгала глазами, но вскоре овладела собой и, накрыв своей рукой руку Клара и более ее не отпуская, сказала:

– Я знаю, что поначалу все это способно ошеломить; тем, кто работает с детьми, это хорошо известно. Но потом вы научитесь расслабляться – например, днем, пока дети в школе. И постепенно все как бы само собой наладится, и все у вас будет в порядке. Это уж как пить дать!

Клара попыталась отнять у мисс Бриджес свою руку, но та ее не отпускала.

– А через воскресенье, – продолжала она, – вас будет подменять сестра Грейс, и у вас весь день будет свободный.

– Но я понятия не имею, как с этими детьми обращаться!

– А в этом и вовсе никакой тайны нет. – Мисс Бриджес наконец-то выпустила руку Клара, положила свою теплую ладонь ей на колено и ободряюще по нему похлопала. – Это почти то же самое, что заботиться о членах своей собственной семьи, только семья будет чуть больше обычной.

Клара решила пока что не признаваться в том, что она понятия не имеет, как заботиться о какой бы то ни было семье – большой или маленькой. Ей никогда не удавалось даже домашние растения сохранить, вечно они у нее погибали. Чай был давно уже выпит, но она все продолжала подносить пустую чашку к губам, просто чтобы хоть чем-то руки занять. *Господи, до чего же нелепо она себя ведет!*

– Тут ведь даже никто никаких записей не вел! – пожаловалась она.

– Зато у меня с собой вот это! – с торжеством сказала мисс Бриджес и вытащила из сумки тонкую папку – максимум миллиметра три толщиной. – Только это придется спрятать подальше от

любопытных глаз. А вам придется обновить старые записи и начать делать новые.

– Я, собственно, уже начала, – призналась Клара и вдруг почувствовала гордость: все-таки она оказалась *не такой уж никчемной*. – Однако, мисс Бриджес, вы меня, похоже, не совсем поняли. Должно быть, я недостаточно ясно сформулировала свои мысли, поэтому начну сначала: сегодня в полдень есть поезд до Лондона, и я намерена сесть на этот поезд и уехать.

В итоге получилось далеко не так гладко, как хотелось бы Кларе, но иных слов она подобрать не сумела. По крайней мере, свое желание она высказала.

Улыбка тут же исчезла с лица мисс Бриджес, и она решительно заявила:

– Вы никак не можете сейчас уехать. А кто же будет за детьми смотреть?

– Но вы же сказали, что все «банки с вареньем» вскоре отправятся в свои новые кладовые, к приемным родителям.

– Мы сейчас никак не можем снова все это начать: давать объявления в газетах, проводить собеседования и так далее. Вы просто представить себе не можете, сколько времени на все это уходит!

Клара пробормотала, что вполне *может* себе это представить, но, увы, *очень жаль, извините*.

– Но это действительно весьма трудоемкий процесс, – не сдавалась мисс Бриджес. – И потом, обычно заявление об уходе у нас подают за три месяца. Минимум.

За три месяца?

Мисс Бриджес явно чувствовала определенную неловкость, однако быстро взяла себя в руки и спокойно заявила:

– Ну, полагаю, при *определенных обстоятельствах* – скажем, в случае некоего семейного кризиса, – мы, возможно, могли бы сократить этот срок, скажем, до двух месяцев.

Два месяца – это почти столь же невообразимо долго. И Клара, скрепя сердце, твердо сказала:

– Шесть недель – и все. А в течение этого срока я постараюсь делать для каждого из здешних детей все, что в моих силах.

– Договорились.

* * *

После ухода мисс Бриджес Клара устроилась в саду. Сейчас у нее *действительно* было свободное время, хотя она понятия не имела, куда ей это свободное время девать. С самого утра день казался ей словно перевернутым вверх тормашками. Ну, хорошо, размышляла она, в течение шести ближайших часов дети будут в школе – это не считая перерыва на ланч, – но в остальное время Клара будет принадлежать им, а они – ей. И подобная перспектива ее просто пугала. Хотя теперь, когда впереди уже виднелась финишная прямая, она чувствовала, что, наверное, сумеет с этим справиться. Мисс Бриджес права: ей *следует* дождаться своего официального увольнения – хотя бы ради того, чтобы не навредить себе при попытках получить новую работу.

Сад выходил на городскую улицу как бы углом, что давало Кларе возможность наблюдать за всем, что происходит на нарядном Верхнем шоссе. Разговор об увольнении получился, конечно, очень неприятным, однако она была, в общем, довольна его исходом. Хотя ближайшие шесть недель будут, несомненно, весьма тягостными, но это, пожалуй, лучше и разумней, чем сбежать ночью, словно за ней черти гонятся. А за это время можно попробовать и жилье себе новое подыскать, и работу новую получить. В конце концов, фирма «Харрис и сыновья» – не единственное место на земле, где она может успешно трудиться. Хотя в данный момент Клара, наверное, что угодно отдала бы, лишь бы снова оказаться за своим старым рабочим столом и испытать прежнее ощущение собственной нужности.

К ней вдруг неуверенно подбежала какая-то собака и положила ей на бедро свою мохнатую лапу. Клара с удивлением посмотрела на пса и погладила его. У него были чудесные глаза, карие, умные и чуть навывкате. Казалось, он пытается что-то ей сказать.

– Ты *что это* там делаешь, Бандит? – донесся из-за ограды мужской голос.

Незнакомец был в твидовой кепке, блейзере, брюках для верховой езды и сапогах – прямо иллюстрация к роману о жизни сельского джентльмена. А еще чувствовалось в нем нечто такое, отчего Кларе

сперва захотелось глупо хихикнуть, а потом сесть прямо и хорошенько втянуть живот.

– Место, Бандит! Лежать!

– Не беспокойтесь! У вас такой замечательный пес! – крикнула Клара.

– Да уж, хороших людей мой Бандит за версту чувствует. – Незнакомец подошел к воротам, и Клара, встав, тоже туда направилась.

– Джулиан Уайт, – поклонился он. – *Какое шикарное имя*, – подумала Клара, пожимая ему руку. – Очень рад с вами познакомиться.

– Мисс Ньютон. Клара. Я тоже очень рада. А с тобой, Бандит, мне было познакомиться особенно приятно.

Джулиан улыбнулся. Улыбка у него была очень приятная. Симпатичными были у него и слегка растрепанные светлые волосы, и правильные черты лица, и бледноватые брови, и щеки, вспыхнувшие румянцем словно после пробежки.

– А ведь мы с вами соседи, – сказал он. – Вон там моя адвокатская контора.

И Клара впервые заметила – нет, впервые как следует обратила внимание на находившийся чуть наискосок от Грейнджа большой ухоженный особняк с греческими колоннами. Окна особняка так и блестели на солнце, белые свежеекрашенные стены сияли, а на двери виднелась золотая табличка, на которой было написано: «Робинсон, Брауни и Уайт, солиситоры».

Ах вот он, оказывается, кто, этот Уайт! Кларе еще ни разу в жизни не доводилось знакомиться с солиситором. Она так ему и сказала.

– Ну что ж, все когда-нибудь бывает в первый раз. А мне никогда не доводилось знакомиться... а кстати, кто вы такая на самом деле? Вы ведь не монахиня, верно? Если только монахини не сменили свои... хм... привычки. – На вид мистеру Уайту было лет сорок пять, даже, пожалуй, под пятьдесят, и то, как он оглядывал Клару с головы до ног, заставляло предположить, что он не женат, хотя никогда ведь не знаешь – и уж *Клара-то* точно не знала.

– Я новая... ну, они называют мою должность «заведующая детским домом». Меня принимала на работу комиссия Совета.

– И вы будете здесь заниматься воспитанием детей?

– Да, так, во всяком случае, планировалось.

Вряд ли стоило рассказывать этому человеку, что всего через шесть недель она собирается уезжать. Нет уж. Да и какое ему до этого дело? Совершенно ни к чему рассказывать историю своей жизни каждому незнакомцу. Даже такому очаровательному, как этот солиситор, который так мило ей улыбается.

– Как вам понравился наш прелестный Лавенхэм?

– Я пока мало что здесь видела.

– В таком случае позвольте мне быть вашим гидом.

В глазах у него словно огоньки мерцали, да и стояла Клара далековато, чтобы разобрать, какого же цвета эти глаза. Хотя, пожалуй, трудно было заранее предположить, что у солиситора, имя которого указано на золотой табличке, в глазах могут светиться такие озорные огоньки. Однако Кларе казалось, что хозяин такого чудесного пса, как Бандит, непременно и сам должен быть озорным и веселым.

– Спасибо, я с большим удовольствием принимаю ваше предложение.

Пожалуй, ближайшие шесть недель окажутся не такими уж долгими и скучными!

* * *

За ланчем Клара, заняв место сестры Юнис, уселась во главе стола – дети даже не спросили, куда подевалась сама монахиня, – и, как только все приступили к подгоревшей запеканке, задала первый вопрос:

– Ну, расскажите, как у вас прошло утро.

В ответ не последовало ни звука.

– Что же вы молчите? Наверняка ведь *что-нибудь* интересное да случилось.

И снова ни звука.

– Хорошо, тогда, может, мне начать первой?

Дети по-прежнему молчали.

– Значит, так: ко мне приезжала мисс Бриджес, сотрудница Совета, и мы с ней разработали кое-какие дальнейшие планы. – Клара решила не упоминать сомнительную аналогию с банками варенья и новыми кладовыми. – И все эти планы касаются вашего будущего. По-

моему, вас ждет много неожиданного и интересного. Ну, чья очередь теперь?

– У нас за трапезой полагается молчать, – буркнул веснушчатый Питер.

– Это правило такое, – пояснил ушастый Алекс.

– Я очень ценю установленные в этом доме правила, но в настоящий момент главная здесь я, и я считаю, что совсем не обязательно всегда следовать старым правилам.

Морин тут же ошетижилась:

– Но ведь так было всегда!

Клара никак не ожидала, что в данном случае именно Морин станет столь яростно ей возражать. Возможно, впрочем, *ей* Морин стала бы возражать *в любом случае*.

– Времена меняются, – спокойно сказала Клара. Терять ей все равно было нечего. Ну что могут сделать с ней члены Совета? Уволить?

– А может, нам *нравится* есть молча? – не сдавалась Морин. – Может, нам просто нечего вам сказать?

Больше никто не произнес ни слова. Слышался только скрип вилок по тарелкам. Где-то за окном просигналил автомобиль, и кто-то – почтальон или молочник – крикнул: «Правда, отличный денек?»

– Билли, Барри? Питер? Как у вас дела в школе? Терри? Рита?

Дети молча уставились на нее.

– Вы что, язык проглотили? Пег? Хотя нет, не Пег... Ну, тогда... Алекс?

– Спасибо, что спросили. – Алекс беспомощно посмотрел на остальных. – На математике мы проходили теорему Пифагора. Вы хотите, чтобы я объяснил вам ее суть?

– Да, пожалуйста, объясни мне! – сказала Клара.

Помоги нам, Господи!

СИРОТСКИЙ ДОМ «ШИЛЛИНГ ГРЕЙНДЖ»

ОТЧЕТ № 1

Рита Джейн Уиверз

Дата рождения:

21 августа 1939 г.

Рите девять лет, но выглядит она значительно моложе и ведет себя как маленькая.

Происхождение:

В 1944 г. в дом, где в Ист-Лондоне проживала семья Риты, угодила зажигательная бомба, возник сильный пожар, и из пяти членов семьи живой была обнаружена только Рита – остальные исчезли, предположительно погибли. Да и Риту отыскали лишь на следующий день около полудня примерно в двух милях от сгоревшего дома; в руках она сжимала маленькую мышку, связанную из шерсти. Сперва девочку приютила у себя в Саутэнд-он-Си какая-то родственница, однако ей не удалось найти общий язык с этим ребенком, который оказался жестоко травмированным и весьма требовательным. К тому же, по словам соседки, Риту в том доме попросту травили. В итоге она уже в 1947 году оказалась в «Шиллинг Грейндж».

Девочка без конца упоминает свою мать, Глорию Уиверз, – по меньшей мере раз шесть на дню. А иногда и гораздо чаще.

Я попытаюсь выяснить, что случилось с ее матерью.

Здоровье/ внешность:

Рита – здоровая девочка, у нее большие красивые глаза и длинные ресницы. Встретив ее на улице, люди часто замечают: «Эта красотка еще немало сердец разобьет!» Рита очень любит и бережет свои длинные волосы, и Морин почти каждый вечер помогает ей расчесать их ровно сто раз.

Еда:

Любит булочки с изюмом, рисовый пудинг и макаронную запеканку. А также любые сладости. Аппетит у нее хороший – настолько хороший, что просто удивительно, почему она такая худенькая и легкая. Может, у нее просто быстрый обмен веществ?

Хобби:

Рита хорошо умеет шить, вышивать и рисовать. А еще она любит книжки о Дженет и Джоне^[8].

Другое:

Всегда пугается, услышав громкие звуки. Очень боится огня. Старшие дети к ней добры – она, похоже, вызывает в них покровительственные чувства. Она очень привязана к своей шерстяной мышке (Ни в коем случае не стирать!). И всегда закрывает глаза, когда мы перед трапезой произносим слова молитвы.

Глава четвертая

Майкл часто повторял: противоположности притягивают друг друга. И правда, Майкл серьезно относился к таким вещам, которые Клара воспринимала легко, и смеялся над тем, что ей казалось чрезвычайно серьезным. Он всегда оставался спокойным и уравновешенным, она отличалась раздражительностью и с легкостью выходила из себя. Он был сильным, у нее же силенок явно не хватало. И тем не менее Клара вступила в борьбу с теми детьми, которые, как ей казалось, относились к ней враждебно.

Более других, пожалуй, ей был близок Питер. Все в нем – его чрезмерная воспитанность, даже некоторая манерность, его сдержанная повадка – напоминали Кларе ее саму в возрасте тринадцати лет. Питер был мальчиком тихим и спокойным, но всегда охотно выполнял работу по дому, и она привыкла считать его своим надежным помощником. Чрезвычайная любовь Билли и Барри к диковатым мальчишечьим забавам и блестящие способности Алекса Кларе тоже были совершенно понятны; во всяком случае, любые выходки близнецов она готова была терпеть. И если бы все дети были такими...

Но это, увы, было не так. Сложно приходилось, например, с Морин, отличавшейся чрезвычайной мрачностью и ежесекундными сменами настроения. И Пег тоже донимала Клару своим молчанием. Клара понимала, конечно, что этим детям нужен другой воспитатель, более умелый и профессиональный, способный сразу понять их нужды, обладающий должным авторитетом – словом, кто-то серьезный, солидный, *похожий скорее на Джуди*.

Но Рита... *Ох уж, эта Рита!*

Они, похоже, невзлюбили друг друга с самого начала. Первым их столкновением был тот неприятный инцидент с мышкой Молли. Затем уже на следующий вечер, стоило Кларе взять в руки щетку для волос, Рита вдруг пронзительно закричала:

– Не бейте меня!

– Да я и не собиралась! – Клара осторожно положила щетку и даже руки вверх подняла, словно сдаваясь. – Ну, видишь?

– А она часто меня била! – воскликнула Рита и заплакала. – Сестра Юнис! Да, она меня била, и я хочу к маме!

– Ну, я-то тебя точно бить не буду, – пообещала Клара. – Никогда. Честное слово.

И тут Морин, стоявшая у окна и кого-то там высматривавшая, презрительно бросила, скрестив руки на груди:

– Все сперва так говорят!

Каждый раз Рита отказывалась идти в школу, пока все у нее не будет в полном порядке. Ни одного выбившегося из кос волоска, гольфы туго натянуты ровно под коленки, туфли начищены до блеска и сияют ярче, чем у всех остальных.

Затем, уставившись в потрескавшееся зеркало в ванной, она спрашивала:

– Я хорошенькая?

– А может, тебе следовало бы спросить: «Добрая ли я?» – как-то заметила Клара, и Рита непонимающе на нее уставилась. – По-моему, быть хорошенькой – это далеко не все, – пояснила Клара, но Рита, не удостоив ее ответом, молча развернулась и пошла прочь. А у Клары в очередной раз возникло ощущение, что ей попросту не дано постигнуть истинные чувства этой девочки.

Надо сказать, что никто из детей крепким сном не отличался, но больше всего мучений было, конечно, с Ритой. Она регулярно под утро писалась в постель, а затем приходила в комнату Клары, и та уже стала с ужасом ожидать, что ее вновь разбудит трагический шепот: «Мне нужна сухая простыня» или «Можно, я здесь лягу?». А еще, явившись среди ночи, Рита любила поговорить – например, о том, что у нее коленки разные на ощупь, или на свою любимую тему: «Мне показалось, что я слышу кошку, нельзя ли нам тоже котеночка завести?».

– Все дети во время войны писались, – заявила Кларе мисс Бриджес и пообещала даже отыскать какую-то статью об этом.

Клара старалась проявлять по отношению к Рите максимум терпения, но это требовало от нее поистине сверхчеловеческих усилий. Впрочем, порой у Риты случались счастливые дни, и тогда с ней не было ни малейших проблем; она часами весело играла в саду, охотно, без уверток и уговоров, стирала свои гольфы и носки и громко пела государственный гимн. Зато в иные дни она то ли не могла, то ли не

желала перестать плакать. И постоянно твердила Кларе, что должна всегда быть аккуратно причесанной на тот случай, если вдруг за ней придет ее мама.

Интересно, думала Клара, а мне-то самой когда-нибудь доведется нормально выспаться? Или почитать в уединении? Или хотя бы спокойно посетить туалет, чтобы никто не стучался в дверь и не орал во все горло: «А Рита плачет!», или «У Терри снова кровь из носа пошла!», или «Меня Барри стукнул!», или «Мне башмаки малы и не налезают!».

Через две недели после прибытия в Грейндж у Клары начались боли в животе, связанные с ежемесячными страданиями, так что больше всего ей хотелось просто как следует выспаться. Она настолько вымоталась, что у нее, казалось, болел не только живот, но и все тело. Ежедневный скудный ужин она воспринимала как очередной свой бездарный провал, покоя не давали ей и тяжкие воспоминания о гибели Майкла, и каждый раз, засыпая, она с ужасом думала о том, как продержаться те четыре недели, что еще оставались до 14 октября.

Однажды среди ночи она проснулась, инстинктивно почувствовав рядом чье-то присутствие. Да, она определенно находилась в комнате не одна. Приоткрыв глаза, она сразу заметила у своей постели чье-то лицо, скрытое в тени, и пронзительно вскрикнула.

– Нечего ко мне подкрадываться!

По лицу тут же покатались крупные слезы.

– Мисс Мама!

Часы показывали половину третьего, и Клара, не в силах более сдерживаться, сердито рявкнула:

– Я тоже по своей маме скучаю! Нам всем своих мам не хватает. Потому-то нас всех вместе и засунули в это ужасное место!

От изумления Рита перестала плакать и смотрела на Клару, разинув рот.

– Я совсем не так хотела выразиться, – поспешно сказала Клара. *Господи, ведь эта малышка не только мать, но и всю семью потеряла! Ужас, ужас!* – Ты прости меня, Рита. Я что-то сегодня слишком устала.

– А что случилось с твоей мамой? – спросила Рита.

– Она умерла. – Клара ненавидела говорить на эту тему. Но Рита, похоже, отлично ее понимала и, согласно кивнув, лишь кратко

осведомилась:

– Где?

– В Африке, – столь же кратко ответила Клара, понимая, что Рита заслуживает более развернутого ответа.

– Я знаю, где Африка. Это рядом с Бирмингемом. – И Рита, обвив ручонками шею Клары, прижалась лицом к ямке у нее на плече. – Что-то мне совсем грустно стало.

– Мне тоже, – призналась Клара и неловко прижала малышку к себе, ласково похлопав ее по спинке. И, как ни странно, вскоре обе уснули.

* * *

Хирургический кабинет находился в центре города, но чуть в стороне от главной улицы и всего в пяти минутах ходьбы от Грейнджа. На матовом оконном стекле было написано «Хирургия», а во всем остальном дом выглядел, как самый обыкновенный жилой особняк. Клара отвела туда Риту на следующий день после школы. Доктор Кардью оказался высоким, стройным, светловолосым мужчиной. Судя по его виду, жители Лавенхэма почти не пострадали от введения карточной системы.

Он приветствовал их в дверях, вытянувшись по стойке «смирно».

– Ага! А я все думал, будем ли мы иметь удовольствие познакомиться с новой заведующей?

Миновав простую приемную, Клара и Рита оказались в ярко освещенном хирургическом кабинете, расположенном в задней части дома. Три из четырех стен кабинета были скрыты деревянными шкафами от пола до потолка, и внутри на полках виднелось множество разнообразных баночек, бутылочек и коробочек. Царивший в кабинете запах нельзя было назвать неприятным; скорее он был какой-то *сверхчистый*. Доктор Кардью послушал Ритино сердце, посчитал пульс, проверил уши, заставил ее – предварительно рассмешив – высунуть язык и объявил:

– Ну, с этой малышкой все в порядке. В *физическом плане*, я имею в виду. – Рита не сводила с него глаз. Под ярким светом, горевшим в

кабинете, стали как-то особенно заметны лиловые полукружья у нее под глазами.

И вдруг они услышали музыку – печальную мелодию, которую кто-то мастерски исполнял на скрипке. Клара так и застыла. *Такой* игры ей никогда еще слышать не доводилось. Неведомый музыкант вызвал в ее душе целую бурю мыслей и чувств. В музыке Клара не особенно разбиралась, но даже ей было ясно: этот скрипач удивительно талантлив. Да и Рита, стиснув ей руку, прошептала:

– Как красиво!

– Извини, но у меня пациенты! – крикнул доктор Кардью, подойдя к двери, ведущей в соседнюю комнату. Голос его звучал спокойно, хотя он, похоже, и был несколько раздражен подобным вмешательством музыки в медицинские дела. Видимо, это случалось довольно часто.

Звуки скрипки тут же умолкли – настолько внезапно, словно скрипка тоже была раздражена и обижена этим окриком.

– Это моя жена играет, – пояснил доктор и, повернувшись к Рите, сказал: – Видишь вон ту банку с засахаренным миндалем? Возьми одну штучку и ступай в сад, полюбуйся лягушками в пруду.

Рита, явно испытывая облегчение, сделала, как ей велели, и моментально выскользнула в сад, направившись напрямиком к пруду, окаймленному рядами роскошных высоких деревьев. И буквально через несколько секунд в соседней комнате послышались чьи-то легкие шаги, и Клара увидела, как к Рите подошла высокая темноволосая женщина.

– Понимаете, девочке так много пришлось пережить. – И Клара поведала врачу все, что ей стало известно о Рите – о гибели ее семьи во время бомбежки Лондона, об издевательствах родственников, приютивших сироту в Саутэнд-он-Си, о вечном страхе Риты перед побоями.

Клару поразило, до чего внимательно доктор выслушал ее рассказ. Она не привыкла, чтобы мужчины относились к ее словам с таким вниманием.

– Она одержима идеей во что бы то ни стало найти свою мать, и я просто не знаю, как ее отвлечь, как переключить ее мысли. Или, может, и пробовать не стоит?

– Ей придется просто пережить это. Самостоятельно, – сказал доктор Кардью.

– Не думаю, что это будет так уж легко.

– Я и не говорю, что это будет легко. – Он взял ручку и что-то записал. Это была поистине великолепная авторучка – такой могла бы владеть Эмили Бронте. *Он все свои соображения сразу записывает*, – одобрительно подумала Клара и спросила:

– Но разве нельзя ей хоть чем-то помочь?

– После этой страшной войны мы часто имеем дело с последствиями контузий. Это весьма распространенное явление. У Риты тоже явно была некая форма контузии, и теперь она страдает от ее последствий.

– И как это лечить?

Доктор перестал писать и некоторое время смотрел в окно – но не на Риту, а куда-то вдаль.

– Боюсь, единого рецепта тут нет. Нужно время. И, возможно, понимание. Знаете, мисс Ньютон, – я вам вот что скажу: я очень рад, что вы решили остаться. – Клара закусил губу и промолчала. – Я же видел, как вы пытались уехать. – На нее он не смотрел, лишь внимательно изучал свою авторучку. – И как вы поздним вечером тащились на станцию с чемоданом.

Ответить на это Кларе было нечего. Тикали часы. Издали доносился вой какого-то бытового механизма. За окном проехал автомобиль.

– И еще я хотел вам сказать, что иметь сомнения – это совершенно естественно.

– Я... спасибо вам.

– И потом, на вас возложена такая огромная ответственность. Многим из этих детей довелось пережить немало горя и страданий. Так что для них очень важно, чтобы кто-то надежный оказался с ними рядом, шагал с ними в ногу, давал им ощущение некоего постоянства и правильности жизни, позволял участвовать в новых великих свершениях; это очень важно не только для детей из «Шиллинг Грейндж», но и для всего нашего города.

Клара заметила, что Рита теперь стоит рядом с той высокой, невероятно тонкой и гибкой женщиной с черными как смоль волосами.

Доктор Кардью, заметив, куда она смотрит, встал и, распахнув створки высокого французского окна, жестом предложил Кларе тоже пройти в сад. Клара так и сделала, чувствуя себя при этом ужасно. Ей,

конечно же, следовало все ему рассказать. Объяснить, что через месяц она уезжает, а не принимать от него это «посвящение в рыцари» точно букет цветов, предназначенный для кого-то другого. Но сил, чтобы признаться, она в себе не находила.

Перешагнув через низенький подоконник, Клара оказалась в небольшом дворике-патио, вымощенном серой каменной плиткой, где стояла клетка с кроликами, перед которой на корточках сидели Рита и темноволосая жена доктора.

Миссис Кардью встала, подняла в приветствии руку, но вдруг уронила ее, словно пожалев об этом жесте. У нее было совершенно необычное лицо – очень высокие скулы и потрясающие темно-фиолетовые или синие глаза; и вообще она выглядела, как звезда кино или, по крайней мере, как *некая* звезда, принадлежащая к миру пятизвездочных отелей и роскошных ресторанов. И тут вдруг Клара заметила, что из-под закатанного рукава у нее выглядывает синяя татуировка, сделанная на предплечье – ряд каких-то цифр – и похожая на старую болячку или на шрам от ожога. Татуировка невольно притягивала взгляд. И женщина, заметив реакцию Клары, посмотрела на нее в упор. Их взгляды пересеклись как раз над сереньким ушастым кроликом, которого прижимала к груди Рита.

– Простите, что помешала, – почему-то шепотом извинилась Клара.

Миссис Кардью тут же отвела глаза, а Рита заявила:

– Я хочу кролика! – И со счастливой улыбкой зарылась лицом в пушистый мех. – Можно мне тоже такого кролика? А? Ну, пожалуйста!

СИРОТСКИЙ ДОМ «ШИЛЛИНГ ГРЕЙНДЖ»

ОТЧЕТ № 2

Тереза Серафина Картер

Дата рождения:

13 июля 1938 г.

Происхождение:

Мать Терри, Патрисия Картер, погибла во время Лондонского бомбежка вместе с Бернадетт, крошечной сестренкой Терри, в мае 1941 года. Терри в этот момент с ними не жила. Ее мать, видимо, собиралась эвакуировать всю семью куда-нибудь в сельскую местность, чтобы они могли снова жить там все вместе, но отложила переезд из-за неких дел в Лондоне. Вскоре после случившегося Терри перевели из Уэльса, куда она была эвакуирована, в один из детских домов Норфолка. Отца своего Терри практически не знала – похоже, он был солдатом-контрактником и погиб в 1943 году во время военной операции в Египте.

Здоровье/внешность

Мочится в постель раза два в неделю. Предпочитает шорты юбкам, пижамы ночным рубашкам и настаивает на коротких стрижках. Последнее, впрочем, вполне разумно, потому что среди детей весьма распространен педикулез.

Еда:

Ветчина. Сыр на поджаренном хлебе. Попкорн. Черный кофе. У Терри удивительно взрослые вкусы.

Хобби:

Не уверена, что у нее есть хобби.

Другое:

Оказываясь с кем-то наедине, Терри ведет себя вполне дружелюбно и живо, но при большом скоплении народа, особенно в толпе, словно вся съеживается.

Глава пятая

«Шиллинг Грейндж», мастерская мистера Дилани и адвокатская контора «Робинсон, Брауни и Уайт» – все это находилось на нижнем конце Верхнего шоссе. Железнодорожная станция и отель «Лавендер Армз» расположились на его верхнем конце. А посредине были разные магазины, в том числе мясная лавка и булочная, а также почта. Далее простирались поля, которые Клара и привлекали, и заставляли нервничать, потому что она твердо знала: где поля, там и коровы, а где коровы, там и грязь, и навоз. К сожалению, в сельской местности так было повсюду – среди красот природы повсеместно возникали всякие неприятные вещи. С другой стороны, Клара любила полевые цветы и деревья не меньше, чем людей, а простор полей просто обожала, – но в Лондоне у нее не было возможности к этому простору привыкнуть.

К концу сентября в воздухе все чаще чувствовалось холодное дыхание осени; даже в ясные дни, когда Клара выглядывала из окна, ей не казалось, что на улице тепло. Дети каждый день приносили домой охапки осенних листьев и раскладывали их на столе – так кошки приносят в хозяйский дом пойманную мышь, – и Клара просто не знала, что ей делать с такой кучей листьев. Да она и сама-то до сих пор не поняла, что она здесь, в «Шиллинг Грейндж», делает, хотя со дня ее приезда сюда прошло уже целых двадцать четыре дня. И чем дольше она жила здесь, тем меньше уверенности испытывала *насчет чего бы то ни было*.

Дети постепенно к ней привыкали, но по-прежнему легко пугались и нервничали, особенно если делали ошибки. Например, когда Билли, споткнувшись, нечаянно опрокинул кувшин с молоком, он тут же принес Кларе шлепанцы, чтобы она его побила; а когда Пег упала, налетев на него, она сразу протянула Кларе свою ручонку ладошкой вверх – для заслуженного наказания. Но со временем дети вроде бы начали понимать, что наказывать их Клара не собирается – во всяком случае, наказывать так, как это делали монахини, – и она очень надеялась, что тот, кто придет ей на смену, наказывать детей тоже не будет.

А если будет?

* * *

Где-то в конце месяца Клара вышла прогуляться с Терри по Верхнему шоссе и вдруг обнаружила, что Терри пропала. Рядом ее не было, и Клара, развернувшись, помчалась назад; миновав три или четыре лавки, она увидела Терри. Девочка стояла перед витриной цветочного магазина и просто глаз от нее не могла отвести, а пальцы судорожно прижала к стеклу. Терри вообще была ужасная копуша. Алекс как-то сказал, что ее часто наказывают в школе за опоздания.

Вдруг дверь магазина со звоном распахнулась, и на пороге возникла та женщина с белыми, обесцвеченными волосами. Миссис Гаррард.

– Что ж вы за ним *не смотрите!*

– За кем, простите?

– Этот мальчик задышал мне всю витрину!

– Во-первых, это девочка, а во-вторых, *она* всего лишь любитесь вашими подсолнухами.

Миссис Гаррард покачала головой:

– У меня *от него* просто мороз по коже.

– *Ей* понравились цветы, только и всего.

– Вот пусть и любитесь цветами где-нибудь в другом месте.

Отойдите, пожалуйста!

– Идем. – Клара схватила Терри за руку и повела прочь. Похоже, на Терри эта отвратительная сцена никак не сказалась, но сложно утверждать наверняка.

– Ну до чего противная особа! – не выдержала Клара, оставив позади еще несколько магазинов.

– Какие у нее чудные цветы! – вздохнула Терри. – Кажется, будто они с тобой поздороваться хотят.

* * *

Мисс Бриджес оказалась занята – недавно на местном кладбище из-за дождей произошло затопление, – и проверять работу Клары прислали миссис Харрингтон. Миссис Харрингтон тоже отчасти

занималась детскими вопросами, а отчасти – «социальным патронажем».

Клара выставляла на крыльцо бутылки из-под молока, когда перед ней возникла некая шумливая молодая женщина с рыжими волосами, забранными под сетку, и слишком яркой помадой на губах. Миссис Харрингтон.

– Спасибо, что приехали... – начала было Клара, но миссис Харрингтон вдруг захлопала руками по бедрам, точно раненая птица, и воскликнула:

– Кого это я там вижу? Уж не мистера ли Дилани?

Голос у нее оказался неожиданно шикарный. Сочный, как сказала бы Джуди.

Айвор в пальто и в шляпе как раз выходил из мастерской. В таком виде, невольно подумала Клара, он и впрямь похож на героя какого-нибудь черно-белого фильма. В нем определенно было нечто от вспыльчивого Хэмфри Богарта.

– Неужели это мистер Дилани, наш бравый обойщик мебели?

Клара молчала и только глазами хлопала. Сама она с Айвором так ни разу и не разговаривала после своего позорного возвращения с железнодорожной станции, хотя с тех пор прошел уже почти месяц, и сейчас ей тоже совсем не хотелось в подобной беседе участвовать. К сожалению, не замечать Айвора она попросту не имела возможности – бóльшую часть дня дверь его мастерской была распахнута настежь, да и свет у него в доме горел до глубокой ночи, – так что она не только постоянно его видела, но и чувствовала его присутствие. (Клара была совершенно убеждена, что он делает это нарочно, зная, что своим поведением действует ей на нервы.)

– Послушайте, мне нужно заново диванные подушки набить! – крикнула Айвору миссис Харрингтон и подмигнула Кларе. – Когда я могла бы их вам привезти?

– Да забрасывайте в любое время – мастерская весь день открыта.

– Ах, какое *учтливое* приглашение! – чуть съязвила миссис Харрингтон.

– И вы, Клара, тоже можете мне любое детское барахлишко приносить. – Теперь Айвор обращался непосредственно к Кларе, хотя она упорно делала вид, будто его не замечает. – Я ведь и раньше много

чего для детишек из Грейнджа шил и чинил. Так что, если у вас что-то такое скопилось...

Клара решила не отвечать. Попросту не обращать на его слова внимания и все. Надо же, каким он стал дружелюбным, стоило здесь появиться сотруднице Совета! Он, может, решил, что Клара теперь в Лавенхэме и останется? Ну, он-то ей уж точно не нужен. И все же ее задела столь вызывающая демонстрация фамиллярных отношений между Айвором и миссис Харрингтон. Интересно, почему бы это?

Клара потащила миссис Харрингтон в дом, но та все никак не могла успокоиться:

– Ну, прямо настоящий герой-любовник, верно? Я такого красавца не видела с тех пор, как американцы отсюда ушли. А ведь он и впрямь *настоящий* герой! Говорят, двадцать человек в Дюнкерке спас.

Кларе стало смешно. *Двадцать человек?* Как же! Военные подвиги, а также полученные на войне ранения, как известно, вечно преувеличивают раз в десять.

Она уже поставила на стол чашки и блюдца, но миссис Харрингтон все не умолкала.

– Жаль, конечно, что он без руки, но я, например, с таким недостатком вполне примирилась бы, а вы? Шучу, шучу – я ведь замужем! Но, боже мой, как хорош! Такие всегда заставляют держать себя в тонусе.

Клара предприняла некоторые усилия, чтобы направить разговор в нужное русло, но это оказалось нелегко. Миссис Харрингтон с куда большим интересом говорила о военных подвигах Айвора, об артрите своей матери, о любимых кушаньях своего супруга («он считает, что нет ничего лучше хорошей отбивной») и о том, что вскоре надеется завести ребенка («и тогда я скажу Совету графства Саффолк до свиданья!»), но только не о том, что имело отношение к маленьким обитателям «Шиллинг Грейндж».

Когда миссис Харрингтон ненадолго умолкла, чтобы выпить чаю, Клара решила воспользоваться моментом и стала расспрашивать ее, удалось ли Совету найти для ее детей каких-либо живых родственников или хотя потенциальных усыновителей. Ведь мисс Бриджес еще в свой первый визит сказала, что этим нужно заниматься в первую очередь, отложив все прочие дела.

Явно недовольная сменой темы, миссис Харрингтон вытащила из сумочки свернутый листок и подала ей. Клара обрадовалась:

– Боже мой, значит, у Питера отыскался родной дядя! И он готов регулярно брать его к себе, чтобы установить с мальчиком первоначальный контакт!

Действительно прекрасная новость. Значит, у Питера есть родственники! Из всех детей Клара сразу выделила именно его, и веснушчатый Питер вскоре стал ее любимцем. (Она понимала, конечно, что в таком коллективе не следует «заводить любимчиков»; уже одно то, что такой «любимчик» у нее появился, свидетельствует о ее полной непригодности на роль заведующей детским домом.) Впрочем, она искренне обрадовалась тому, что у ее дорогого Питера вскоре, возможно, появится нормальная семья. Обидно только, что ей до сих пор никто не удосужился об этом сообщить.

– А для Алекса никого не нашлось? – Кларе казалось просто невероятным, что за таким обаятельным умницей, как Алекс, не выстраивается очередь потенциальных усыновителей.

– Никого.

– А для близнецов?

– А вы готовы их разделить?

– Разделить? – Клара была ошеломлена. Странный вопрос, ведь Билли и Барри неразлучны. – Э-э-э... вряд ли, нет, не думаю, что это возможно...

– Вот то-то и оно. – Миссис Харрингтон занялась изучением собственных ногтей. – Тогда никакой надежды.

– Тогда, может, насчет матери Риты что-нибудь стало известно? – Клара упорно продолжала задавать наболевшие вопросы. – Неужели никто так и не знает, куда она исчезла?

– Гос-с-споди, да что вам до нее! Ведь столько лет прошло! Удивительно, что Рита вообще хоть что-то помнит о тех событиях.

– К сожалению, она помнит ужасно много.

– Ох, и я тоже! Моя мама считает, что это просто проклятье какое-то, а мой муж говорит, что я, как слон...

Клара не стала слушать дальше и невежливо прервала ее следующим вопросом:

– Я понимаю, неловко даже просить об этом, но как вы думаете, нельзя ли провести некое расследование? Ведь Рита, похоже,

абсолютно убеждена, что ее мать жива.

Ни одной ее просьбы или вопроса миссис Харрингтон записывать не стала. Вероятно, она в записях попросту не нуждалась, обладая великолепной памятью.

– Было бы хорошо узнать хоть что-то определенное, – продолжала Клара. – Неважно, положительное или отрицательное. – *Отличная была бы финальная нота перед моим отъездом*, – подумала она. Ей оставалось всего две недели, и она хотела оставить о себе добрую память, сделав хоть что-то хорошее, и была твердо намерена попытаться осуществить свой план.

Глава шестая

Посещение доктора Кардью заставило Клару задуматься. Никаких кроликов или морских свинок держать в Грейндже, конечно, не разрешат. Правилами Совета это категорически запрещено. А как насчет музыкальных инструментов? Ведь только слепой не заметил бы, с каким наслаждением Рита слушала скрипку. Со скрипкой, пожалуй, ничего не выйдет (и сам инструмент слишком дорог, и научиться на нем играть слишком сложно), но что, если выбрать что-нибудь поменьше или попроще? Старинную флейту, например? Или свистульку? Или маракас? Да и сама идея уроков музыки казалась Кларе вполне осуществимой. Мало того, сулящей явные преимущества. Музыка *им всем* пошла бы на пользу.

– Ты когда-нибудь играл на каком-нибудь музыкальном инструменте? – спросила она за завтраком у Алекса.

– Профессионально?

– Хм... нет, просто для себя?

– Нет, вообще никогда.

– А хотел бы научиться?

Алекс поскреб подбородок, подумал и заявил:

– А что! Говорят же, «кто не рискует, тот не пьет шампанского»!

Клара позвонила миссис Харрингтон.

– Воздействие музыкального образования на детей трудно переоценить, – убеждала она ее. – Музыка способна совершенно их преобразить. – Она заранее подготовилась к этому разговору и говорила без запинки. – Не мог бы Совет обсудить возможность выделения Грейнджу некой небольшой суммы для покупки нескольких простеньких музыкальных инструментов?

Миссис Харрингтон в ответ рассмеялась своим сочным смехом, и Клара быстро прибавила:

– Хотя бы крохотных грошовых свистулечек?

– Мисс Ньютон, вы вряд ли достаточно ясно осознаете свое положение. Поймите, вы – да и мы тоже! – весьма ограничены в финансовом отношении. Мне трудно даже представить, какова будет реакция Совета, если я изложу вашу просьбу о покупке каких-то легкомысленных свистулечек! Учтите, все, что будет выходить за рамки

бюджета, бухгалтерия станет вычитать из вашей зарплаты. – И Клара с тоской поняла, что ее затея обречена. Ее зарплата в «Шиллинг Грейндж» вовсе не была совсем уж нищенской, особенно для молодой женщины, но все же была невелика. При такой зарплате нечего и думать о покупках детям чего-то сверх положенного по закону. Это попросту невозможно. А если попытаться сэкономить, то придется долгое время самым жалким образом во всем себя ограничивать. Нет уж! И это еще одно свидетельство того, что работа в детском доме ей не подходит.

– Кстати, как там поживает ваш очаровательный сосед? – переключилась на излюбленную тему миссис Харрингтон. – Вы ему передайте, что мне еще кое-что починить нужно.

Клара пообещала, что непременно передаст, точно зная, что делать этого не будет. Ни за что! Она им не сводня какая-нибудь!

Но хотя разговор с миссис Харрингтон и разочаровал Клару, она по-прежнему мечтала до отъезда раздобыть хоть какой-нибудь музыкальный инструмент. Да, она совершила ошибку, приехав сюда, и почти сразу ухитрилась заставить одних детей расплакаться, а других – рассердиться, но, если бы сейчас ей удалось сделать для них хоть что-то действительно хорошее, она уехала бы со спокойной душой.

* * *

Телефонный разговор с Джуди в ту ночь, когда Клара чуть не уехала из Лавенхэма, настолько ее задел, что она довольно долго не звонила подруге. А когда, наконец, позвонила, то Джуди опять была прежней, и тон у нее был теплый, заинтересованный, так что Клара о своей обиде решила забыть.

– Только флейту в любом случае не покупай, – мрачно прокомментировала Джуди музыкальные планы Клары. – Флейта – вот поистине дьявольский инструмент! Между прочим, Артур советует тебе поискать на аукционах.

Артур говорит, Артур советует... Джуди теперь практически ни одной фразы не могла произнести без упоминаний об Артуре.

Затем – и это Джуди предложила сама – она пообещала съездить в фамильный дом Ньютонов в Лондоне и проверить, там ли отец Клары,

а если его нет, незамедлительно об этом Кларе сообщить. Клара с тоской подумала, что неплохо было бы после 14-го октября вернуться в свою старую комнату и начать новую, свободную от каких бы то ни было обязательств, жизнь. Она, правда, не очень-то верила, что отец уехал насовсем. В прошлый раз он вернулся неожиданно, обрушился как снег на голову и первым делом заявил своей единственной дочери, что все это время его не покидала мысль (и он постучал по собственному лбу) о необходимости «покончить с этими нецивилизованными туземцами» и переехать на родину, для чего у него имеется «право Блайти»^[9]. «Здесь, по крайней мере, чашку приличного чая можно выпить», – сказал он.

А под конец Джуди сказала, что если Кларе действительно будет некуда деться, то она, пожалуй, и у них может остановиться, хотя Артур от этой идеи по-прежнему не в восторге, так что, пожалуйста, на этот раз это не больше, чем на три дня.

На три дня?

После гибели Майкла Джуди стала ее опорой, надежной, как скала. Она заботилась обо всем – чтобы Клара вечером непременно поела, чтобы утром она вовремя встала, чтобы не забыла умыться. Она стала самой верной ее союзницей, а ее поддержка выходила далеко за рамки простых предписаний долга. Джуди оставалась ей преданным другом и после окончания войны, когда уже ушла из фирмы «Харрис и сыновья» и стала работать в школе «Ханиуэлл», о чем давно мечтала. И тут ей подвернулся демобилизованный Артур, весь такой красивый и, разумеется, *тоже* герой, награжденный крестом Святого Георгия – в общем, если Айвору Дилани действительно удалось спасти двадцать человек, то Артур, судя по всему, должен был спасти никак не меньше тридцати! Артур создал при начальной школе Св. Девы Марии популярный клуб для людей, занимающихся надомной работой, и после этого отношения Клары и Джуди никогда уже не были прежними.

– Увидишь, он максимум через два-три года директором школы станет! – заявила тогда Джуди почти с восторгом, хотя еще совсем недавно была бы скорее раздражена тем, как мужчина-новичок, с легкостью перепрыгивая через несколько ступенек, движется вверх по карьерной лестнице, оставляя позади женщин с многолетним опытом преподавательской работы.

Клара так толком и не сумела поладить с Артуром. А он заявил Джуди, что причина Клариной неприязни к нему в банальной ревности: у Джуди теперь есть муж, а у Клары нет. Сама-то Клара считала, что причина отнюдь не в этом, но спорить с человеком, который абсолютно уверен, что он всегда и во всем прав, было бессмысленно.

* * *

Через несколько дней вечером, возвращаясь с почты, Клара и Алекс столкнулись с мистером Уайтом, который выгуливал Бандита.

– У меня был неприятный опыт общения с собаками, – смущенно сказал Алекс, сторонясь пса, но Клара подбодрила его и предложила погладить Бандита. Алекс, хоть и не сразу, но все же осмелился это сделать, и Бандит радостно откликнулся на его ласку. Вскоре они уже стали друзьями. Алекс так и сиял. А Джулиан, подмигнув Кларе, сказал:

– Даже и не знаю, мисс Ньютон, кого вы больше рады видеть – меня или Бандита.

Клара сказала, что *одинаково* рада видеть их обоих, поскольку старается не обзаводиться любимчиками. Джулиан рассмеялся и сказал:

– Как же это приятно, когда женщина обладает чувством юмора! – И Клара покраснела, потому что даже не думала шутить.

Джулиан выглядел чрезвычайно элегантно в своем кремового цвета костюме. Его шляпа и рубашка были подобраны, естественно, в тон, и Клара пожалела, что не надела какое-нибудь более нарядное платье, гораздо лучше на ней сидящее – вроде того, в каком она была, когда впервые встретила с Джулианом в саду. Впрочем, он и сегодня окинул ее беглым, но внимательным, *оценивающим*, взглядом. *Он так смотрит всего лишь потому, что в этом захолустье молодых женщин маловато*, напомнила себе Клара. В Лавенхэме, пожалуй, только она да миссис Гаррард еще не достигли тридцати. Этот «прудик» слишком мал для *романтической* рыбной ловли.

Когда Клара спросила у мистера Уайта, не знает ли он, где можно подыскать какой-нибудь недорогой музыкальный инструмент, он,

минутку подумав, сказал:

– Да у нас в конторе, по-моему, где-то старое пианино имеется.

Клара удивилась: неужели его «контора» настолько велика, что он не уверен, есть ли «где-то» пианино. Но нет, он явно говорил серьезно.

– Пожалуй, пианино – это слишком. Во-первых, я не смогу позволить себе за него заплатить, и потом... Видите ли, мистер Уайт, я имела в виду что-нибудь вроде старинной флейты...

– Ради бога, только не флейта, Клара! – тут же твердо прервал ее он и даже руку ко лбу поднес. – Считайте, что пианино полностью в вашем распоряжении, но при одном условии: в воскресенье вы должны будете со мной позавтракать.

Последние четыре года Клара всегда отвечала мужчинам, приглашавшим ее позавтракать, или поужинать, или на танцы, или в паб (один раз ее пригласили прямо на автобусной остановке на площади Элефант энд Касл^[10]), одинаково: «Спасибо большое, но я не готова».

Она уже собралась произнести свою коронную формулу, лишь слегка подсластив ее сожалением, когда вдруг подумала: *А почему бы и нет? Почему бы мне и не позавтракать с этим мистером Уайтом, солиситором? Почему бы не попробовать сделать свою жизнь хоть чуточку разнообразнее?*

Майкла больше нет, и что-то незаметно, чтобы здесь ее без конца куда-то приглашали.

И потом, мистер Уайт всего лишь предлагает ей вкусно поесть. И фортепиано, что, конечно, очень важно. Когда она в последний раз вкусно и досыта ела? Трудно было бы сейчас ему отказать и при этом не выглядеть излишне чванливой. К тому же у него имеется Бандит, в которого просто невозможно не влюбиться. Удивительно дружелюбный глазастый пес, который при виде ее всегда радостно машет хвостом. И в это воскресенье она *как раз* свободна, ее подменит сестра Грейс, которая стала для нее просто спасительницей. Сестра Грейс всегда дочиста отскребает плитку, повсюду подметает пол и вытирает пыль, а также непременно приносит детям какие-нибудь лакомства, охотно выслушивает бессвязные жалобы Риты и искренне восхищается танцами Пег.

– Я обдумаю ваше предложение, – с улыбкой ответила мистеру Уайту Клара.

Он улыбнулся, шепнул: «Вот и молодец, девочка!», и эти слова вызвали у Клары приятное смущение.

* * *

– Неважные у нас новости, – вздохнула мисс Бриджес, в очередной раз посетив «Шиллинг Грейндж». – За полгода Совету Норфолка удалось пристроить в приемные семьи пятьдесят восемь детей. Это примерно пятая часть общего количества тамошних сирот.

– Но это, по-моему, очень хороший результат, не так ли?

Мисс Бриджес как бы нехотя согласилась:

– Да, неплохой. Но нам нужно действовать более активно. Иначе Совет Саффолка будет выглядеть некомпетентным по сравнению с советами других графств.

– Так это соревнование?

– Нет, что вы! – притворно возмутилась мисс Бриджес, потом рассмеялась и сказала: – А впрочем, Клара, можете и так это называть.

Чуть позже мисс Бриджес рассказала, как провалился вполне удачный план с удочерением Терри. Эти люди – «очень милые, соль земли» – в итоге решили усыновить мальчика. («Как вы думаете, откуда? Разумеется, из Норфолка!») А якобы родственник Алекса оказался ему никаким не родственником. «Сплошные тупики», – жаловалась мисс Бриджес.

* * *

Через несколько дней Клара уже наблюдала за тем, как ловко двое рабочих извлекают на свет божий пианино, «затерявшееся» в адвокатской конторе – «Осторожней! Не заденьте корзинки с цветами!». Инструмент перетащили через улицу в Грейндж и оставили перед крыльцом к удивлению немногочисленных прохожих. К сожалению, входная дверь оказалась слишком узкой, и рабочие, сочтя свою работу выполненной, отправились по домам ужинать. Им, в конце концов, ведь только за доставку заплатили.

Айвор следил за их действиями из окна мастерской, и Клару страшно раздражало, что именно он является ее ближайшим соседом. Теперь-то она уже знала, что в городе немало и других, куда более приятных людей. Например, доктор Кардью, или работник автозаправочной станции, или хозяин мясной лавки – все они громко здоровались с Кларой, когда та проходила мимо, и точно так же поступали женщины, работавшие в пекарне, и супруги, владевшие бакалейной лавкой, и заведующая почтовым отделением – та однажды даже бежала за Кларой, случайно забывшей на почте книжечку с марками, а потом сказала ей: «Это просто чудо – то, что вы делаете для детей! Да благословит вас Господь!» Клара так смутилась, что даже ответить не сумела. Да и какой смысл объяснять всем этим людям, почему она хочет уехать? Лучше уж постараться ускользнуть отсюда незаметно.

Когда Кларе и детям удалось, наконец, наполовину втиснуть пианино в дверной проход, Айвор из мастерской куда-то исчез. Но через десять минут появился уже возле их крыльца, явно собираясь торжествовать.

– Мы сами отлично справимся, мистер Дилани! – *Нет, этот человек просто удивительно настырен!*

– Да, конечно, только оно, похоже, намертво застряло. – Айвор немного отошел от крыльца, полюбовался содеянным ими и спросил: – Ну, и что вы теперь собирались делать?

– Расколотить это чертово пианино на куски! – завопил Барри, и Клара тут же отправила его в спальню за употребление бранных слов. Он послушался, но тащился нехотя, пиная носками башмаков землю. Барри порой бывал таким зловредным, что просто не сладить.

– Нельзя же его тут, в дверях, оставить, – сказал Айвор.

– Это и без вас ясно. – Клара вздохнула. Стычка с Барри – да еще и в присутствии Айвора – ее расстроила. Ей так хотелось выглядеть компетентной, *тем более* перед Айвором.

А он тем временем обследовал инструмент со всех сторон, даже под него залез. Да у него же явный «комплекс героя», решила Клара. Еще бы, двадцать человек в Дюнкерке спас, а тут *какое-то* пианино!

Внезапно он с громким криком, действуя одной рукой, буквально выдернул застрявший в дверях инструмент и вынырнул из-под него. Шляпа, естественно, у него с головы свалилась, волосы прилипли ко

взмокшему лбу. Только сейчас Клара заметила у него под глазами темные мешки и вдруг поняла, что никакой прежней враждебности к нему не испытывает.

Она подняла его шляпу и подала ему, а он спросил:

– Нет ли другого места, куда этот инструмент можно поставить?

– А что, если в садовый сарай? – предложил Алекс.

Клара думала, что Айвор найдет это предложение смешным, но он неожиданно похвалил Алекса и даже по волосам его потрепал.

– У этого парнишки такой острый ум, что он сам того и гляди обрежется!

– Мистер Дилани, – засомневалась Клара, – вряд ли из этого что-нибудь получится.

– Ничего страшного. Вдоль стены дома мы сами его перетащить сумеем. Алекс прав: если сарай очистить от всякого барахла, там будет вполне просторно. А уж я позабочусь, чтобы крыша не протекала. – Он посмотрел ей прямо в глаза. – Впрочем, решать вам. Хотя, по моему, просто жаль было бы позволить ему тут гнить.

Айвор шел задом наперед и тянул фортепиано за гужи. Клара ему помогала, в основном задавая направление сбоку. Ей удалось довольно быстро вытащить из сарая целый ящик детских противогазов и расчистить место рядом с ржавой садовой тачкой и еще более ржавой пилой. Затем она принесла из гостиной стул, и оказалось, что он именно той высоты, какая необходима. Само по себе пианино казалось ей очень красивым. Спасибо Джулиану за его доброту!

Клара принесла Айвору чашку чая прямо в сарай – он так им помог! Она была очень ему благодарна, а потому постаралась выбрать для него наименее щербатую чашку.

Рита пробежала пальцами по клавишам. Пег от нетерпения подскакивала то на одной ноге, то на другой. Питер, сунув голову в дверь и залившись румянцем, воскликнул:

– Господи, мне и в голову не могло прийти, что у нас тут нечто подобное появится! Спасибо вам, мисс Ньютон!

А через несколько минут даже Морин не выдержала:

– Ого! Роскошь какая! Значит, мы теперь богачи?

– Это значит, что мисс Ньютон вовсе не так глупа, как кое-кому казалось, – заметил Айвор, и Морин покраснела.

А Клара рассердилась. Похоже, эти двое не раз тайком ее обсуждали!

Айвор неторопливо прихлебывал чай, и Клара старалась на него не смотреть. И особенно – не замечать отсутствия у него одной руки.

– Значит, вы будете учить детей играть на фортепиано, Клара? – спросил он.

– Да я ни одной ноты сыграть не могу, – призналась она. – Мои родители в музыку не верили.

– Господи!

– И сквернословия они очень не одобряли.

Айвор рассмеялся.

– Бедный Билли! Он что, до сих пор в спальне сидит?

– Это Барри. Нет, он извинился, и я его выпустила.

Рита спросила, можно ли ей будет научиться играть на фортепиано.

– Вот мама бы удивилась!

Айвор, вопросительно подняв брови, посмотрел на Клару.

– Конечно, можно, – сказала Клара. – Только нужно будет хоть какие-нибудь ноты найти.

– И учителя музыки? – стояла на своем Рита.

– Я... да, наверное, и учителя.

Когда дети разбрелись по своим делам, Клара устало плюхнулась на стул и уронила голову на руки.

– Господи, я же совершенно ничего не продумала!

Айвор сочувственно улыбнулся.

– Ну, ничего, все образуется. И учитель со временем подвернется. Возможно, когда вы менее всего будете этого ожидать.

– Но я же не смогу ему *платить*! – в отчаянии воскликнула Клара. – Себе я этого никоим образом позволить не могу. Я разве что «Начальную школу игры на фортепиано» могу купить. Мне ведь приходится выпрашивать у Совета денег на каждую новую пару дешевых парусиновых туфель на резиновом ходу, на каждую курточку, и то в половине случаев они твердо говорят «нет». Если бы у меня зарплата была побольше, я бы и сама все это купила, но... – Она вдруг смутилась. Она уже жалела, что вдруг так разоткровенничалась с самым нелюбимым своим соседом. – Платят-то мне маловато.

– Зато вы, по-моему, отлично со всем справляетесь. И делаете даже больше, чем можете.

– Спасибо. И потом, сад у нас просто чудесный, правда?

– О да! А уж как Терри его любит! Вы ведь знаете, что она просто помешана на цветах и всяких растениях?

Клара вспомнила, как Терри смотрела на подсолнухи в витрине цветочного магазина и как эти желтые «солнышки» отражались в ее блестящих от восторга глазах.

– Знаю, – кивнула она и благодарно улыбнулась Айвору. Надо будет непременно прибавить эту «любовь к растениям» к характеристике Терри.

– Алекс мне говорил, что по воскресеньям у вас бывает немного свободного времени? Что-то вроде выходного?

– Да, раз в две недели. Меня тогда подменяет сестра Грейс.

Айвор, сунув большой палец под подтяжки, покачался с пятки на носок и сказал:

– Раз в месяц я езжу на рынок в Феликсстоув. Я там свои изделия продаю. И в этот уик-энд собираюсь поехать. Алекс интересовался, можно ли ему тоже поехать.

– Ой, это, наверное, так здорово!

– Ничего здорового в этом нет. – Айвор засмеялся и щелкнул подтяжкой. – Хотя это довольно забавно.

– Ну, если Алекс хочет поехать, так пусть едет.

– А еще Алекс интересовался... – Айвор почему-то стал слегка заикаться. – В общем-то, мы оба интересовались... Может, и вы захотите к нам присоединиться?

Клара смутилась, покраснела и пролепетала:

– Ох, даже не знаю... Вы ведь *действительно* так нам помогли... Можно сказать, руку помощи протянули... В общем, спасибо вам большое, и я, конечно же, с удовольствием поеду. – И тут она вдруг вспомнила: – Господи, извините, я же совсем забыла, что уже... пообещала мистеру Уайту позавтракать с ним в это воскресенье.

– Ах, вот оно что.

– Это просто в порядке благодарности. За фортепиано... – Клара совсем смутилась и умолкла.

– Ничего страшного. В другой раз вместе съездим. – Айвор, откинув упавшие на лоб волосы, улыбнулся ей. Ах, эти карие глаза,

которые все замечают!

– Вы знаете, – решила Клар, – мне, наверное, сразу следовало бы вам сказать... Я ведь подала в Совет заявление об уходе. Четырнадцатого я уезжаю.

– Четырнадцатого чего?

– Октября. – Клар смущенно улыбулась. А он, интересно, какой месяц имел в виду?

– Но ведь это же совсем скоро...

– Не так уж и скоро. Еще целых десять дней.

Он, прищурившись, смотрел на нее, словно что-то обдумывая. Видимо, он, как и доктор Кардью, решил, что она тут навсегда останется? Ну, вот и нечего зря предполагать, если ничего не знаешь! Неужели эта война их такому простому правилу не научила?

– Ну что ж, прекрасно! – Он резко встал и схватил свою шляпу. – Я ухожу, мисс Ньютон.

– Я думала, вы будете довольны.

– Д-доволен? – Он был так возмущен, что даже заикаться стал. И не сразу нашел нужные слова. – По-моему, это просто... омерзительно!

– Что вы хотите этим сказать?

– Да, омерзительно! Сколько таких, как вы, сюда уже являлось! Приезжают, уезжают, а на детей им плевать! Все вы, в том числе и этот ваш Совет, понятия не имеете, чем вы должны здесь заниматься. Разве я не прав? По крайней мере, в былые времена, пока здесь всем заправляли монахини, забота о детях-сиротах считалась актом любви к ближнему, проявлением внимания и сочувствия, а не просто *работой*, за которую в конце недели чек выписывают. Я был о вас лучшего мнения, Клар.

– Но ведь я уезжаю *именно потому*, что мне не все равно! – Клар была настолько потрясена, что неожиданное признание само собой сорвалось у нее с языка. – Я *совершенно* не гожусь для работы с детьми. А эти дети тем более заслуживают куда лучшего воспитателя. Я же просто... Как вы там меня называли? Тупая канцелярская крыса!

Айвор не ответил и, громко топая ногами, пошел прочь и с грохотом захлопнул за собой боковую калитку.

* * *

На следующее утро Клара позвала Терри в сад. Та, ссутулившись и сунув руки в карманы шортов, уставилась на свои грязные башмаки.

– А что я такого сделала?

– Ничего, а почему ты спрашиваешь?

– Мне часто говорили, что я плохая, когда я что-то делала не так, хотя я даже и не знала, что именно не так. А потом меня обычно наказывали – запирали в темной кладовой.

Терри рассказывала монотонно, словно бесконечно уставшая от жизни старуха. Клара просто не находила, что ей ответить. Больше всего ей хотелось просто погладить Терри по голове, она даже руку к ней протянула, но потом передумала и сказала:

– Терри, запомни: ты *совсем не плохая*. Я знаю, что ты любишь бывать в саду, и мне показалось, что тебе интересно было бы самой что-нибудь тут вырастить. Вот я и подумала: может, ты захочешь выбрать себе какой-нибудь небольшой участок и посадить там то, что тебе больше нравится?

Во время войны Кларе не раз доводилось видеть, как парки превращаются в фермы, а частные садики – в куриные загоны. Все это тогда разрешалось вполне официально.

Но Терри вдруг разразилась слезами. Клара некоторое время смотрела на нее, не зная, что делать, потом нервно спросила:

– Тебе моя идея не нравится?

Девочка пылко обняла Клару за талию.

– Спасибо!

Цветочный магазин миссис Гаррард они обошли стороной, но неподалеку был еще один, где продавались не только цветы, но и рассада. Этот магазинчик был как бы частью жилого дома со своим садом, обнесенным оградой. Торговала там милая пожилая пара. Они охотно продали им рассаду и семена – а кое-что просто подарили, – и надавали множество советов.

– Вообще-то с огородом вам надо бы поспешить, время-то уже почти вышло.

Хозяева магазина, разумеется, вовсе не имели в виду скорый отъезд Клары, но она все равно покраснела. Она и так все время

старалась не думать о том, как раньше бедняжка Терри проливала слезы в своей темнице, посаженная туда ни за что, однако прогнать этот печальный образ ей никак не удавалось.

* * *

Клара понимала, что должна сказать детям, что уезжает, и объяснить, почему это делает. Они все больше к ней привыкали (они успели *даже слишком* к ней привыкнуть!), и она очень жалела, что раньше не сказала им о своем грядущем отъезде. Пожалуй, думала она, я подсознательно и это фортепиано, и этот огородик для Терри воспринимаю как некую компенсацию.

Было уже начало октября, и четырнадцатое число более не казалось ей ни далекой звездой, ни финишной лентой; скорее уж она воспринимала его как некую мрачную тень неведомого будущего, которое все ближе и ближе. Беспокоила ее и неприязненная реакция Айвора. Она считала, что поступает правильно, собираясь уехать и расстаться с этой работой, *для которой совершенно не годится*. Теперь оставалась *последняя неделя*. Клара понимала, что ей было бы гораздо легче, если бы она знала, что после ее отъезда дети окажутся в хороших руках. И если бы перед глазами у нее без конца не вставали горестные картины, что кого-то обидели зря, на кого совсем не обращают внимания, а кого-то наказывают без вины, запирая в темном чулане. И если бы она знала, что ее ждет в Лондоне, найдется ли там место, где она сможет остановиться. И если бы каждый раз, навещая их, мисс Бриджес не делала невзначай замечаний, вроде «еще не поздно передумать» или «как хорошо вы с ними ладите, Клара».

В тот вечер она наконец-то собралась с духом и сказала детям, что возвращается в Лондон. Рита, конечно, сразу принялась плакать, без конца повторяя «почему?» и «мама», а потом умолкла, закрыв руками лицо.

– Потому что мне кажется, что кто-то другой будет справляться с этой работой лучше, чем я. Мне куда больше подходит канцелярская работа – всякие там отчеты и графики. Это я хорошо умею делать, – пыталась объяснить детям Клара. – А вот руководить детским домом у

меня плохо получается. Вы заслуживаете лучшего воспитателя, – с виноватым видом прибавила она.

Пег вдруг перестала виснуть у Клары на руке и понеслась наверх. И Клара почувствовала странную боль в том месте, которое только что сжимали детские ручонки.

– А чем вы собираетесь заняться в Лондоне? – вежливо спросил Алекс.

– Еще толком не знаю, – призналась Клара. – Я бы очень хотела вернуться на свою прежнюю работу, но из этого вряд ли что получится.

– Разве это разумно – сосредотачиваться на том, чего быть не может? – спросил этот юный философ и тут же поправился: – Надеюсь, вы найдете то, что вам по душе, Клара.

Господи, ну просто настоящий университетский профессор, только маленький!

Билли спросил у Барри, не видел ли тот, куда подевался его «счастливый каштан», и сказал, что если это Барри его взял, то он его просто убьет, и Барри тут же на него напрыгнул. В общем, Кларе стало ясно, что особого воздействия на жизнь близнецов она не оказала. Ну и хорошо, значит, и скучать они о ней не будут.

– А ты что думаешь, Питер? – немного нервничая, спросила она. Мнение Питера имело для нее особое значение.

Питер этого вопроса не ожидал и удивленно посмотрел на нее, перестав намазывать хлеб маслом.

– Хорошие воспитатели никогда здесь надолго не остаются.

Морин пихнула его локтем в бок, так что он даже нож выронил, и хрипло выкрикнула, щелкнув его по уху:

– Я же тебе говорила! Теперь ты мне шиллинг должен!

* * *

Джуди предположила, что дети так вяло прореагировали на грядущий отъезд Клары просто потому, что привыкли к бесконечным появлениям и исчезновениям воспитателей, но это не помогло. Клара и сама толком не понимала, почему ей так грустно и тяжело. Да и чего она, собственно, ожидала? Она же знала, что дружеские отношения

строятся прежде всего на доверии, а она детям солгала; ну, по крайней мере, слишком долго ничего им не говорила, вот и разрушила их доверие. *Я никогда больше так не поступлю!* – твердила она себе. – *Никогда!*

Однако и Джуди была не права: дети, похоже, были огорчены *по-настоящему сильно*. Не удивлены, не опечалены, а просто покорно приняли очередной удар судьбы. Словно и не ожидали ничего лучшего, а она лишь доказала, что они были правы, предполагая, что она сбежит.

Реакция Терри оказалась наиболее болезненной. Она, как всегда, была в саду, когда Клара сообщила остальным о своем отъезде, так что Кларе пришлось побеседовать с ней отдельно, перед сном. Терри могла уснуть, только спрятав руки и ноги под одеяло – она боялась, что иначе дьявол до них доберется.

– Я думала, думала... – пролепетала она в ответ на откровения Клары.

– Что ты думала?

– Я думала, что мы будем все выращивать вместе.

И после этих слов умолкла и застыла, словно превратившись в неодушевленный предмет.

Глава седьмая

Мистер Уайт, или *Пожалуйста, называйте меня Джулиан*, обладал не просто привлекательной, но и весьма благородной внешностью. Кстати, оказалось, что он старше, чем предполагала Клара. Как он сказал ей в машине, ему уже стукнуло пятьдесят. Пятьдесят! Хотя, возможно, это просто звучит так впечатляюще. Отцу Клары тоже было пятьдесят с хвостиком, хотя он-то, пожалуй, выглядел как раз старше своего возраста.

Именно благодаря возрасту Джулиану удалось избежать всеобщей мобилизации. Когда он Кларе об этом рассказывал, легко было предположить, что в последние десять лет ему приходится довольно часто давать подобные объяснения.

Он, впрочем, служил в «Хоум гард»^[1], где обрел тех, кого называл «друзьями на всю жизнь». Кларе понравилось, как он об этом рассказывал. Это свидетельствовало о том, что Джулиан – человек верный. Майкл тоже очень дорожил своими друзьями.

Поездка в Сент-Эдмундз Кларе очень понравилась. В одном из оврагов Джулиан вброд переехал через реку, вода плескалась чуть ли не под самыми окнами автомобиля, и Клару почему-то привело в восторг то, что кто-то так рискует, желая доставить ей удовольствие, и *одновременно* о ней заботится.

Мне это было просто необходимо, – думала она. С тех пор, как она оказалась в «Шиллинг Грейндж», ее не покидало ощущение, словно часть ее самой куда-то исчезла, поглощенная нуждами детей и заботой о них. И сейчас, без детей, она как бы восстанавливала собственную целостность. Ей казалось, что она уже привыкла к постоянной усталости – теперь она почти не просыпалась, когда кто-то из малышей проскальзывал к ней под одеяло, и в полусне, прямо как лунатик, меняла кому-то простыни, а кого-то уговаривала, что за ним никто не гонится, что он не падает с утеса, что это «просто плохой сон приснился», – но сейчас, оказавшись вдали от Грейнджа, она начинала понимать: она не привыкла к усталости, а просто научилась по минимуму расходовать запас собственных сил.

У Джулиана был красивый профиль; аккуратные черты лица. А маникюр на пальцах, уверенно сжимавших ручку переключения

скоростей, заставлял Клару думать – а может, надеяться? – что этот ланч задуман *не только* из-за фортепиано. Слишком давно она ни с кем не флиртовала, хотя бы мимолетно.

Городок Сент-Эдмундз, правда, немного ее разочаровал. Местечко было очень симпатичное, но Клара отчего-то испытывала беспокойство. Видимо, ей хотелось куда больших перемен по сравнению с Лавенхэмом. Было что-то удушающее в том, что этот городок оказался почти близнецом Лавенхэма, ведь иногда человеку хочется неожиданно наткнуться на нечто не столь идеальное, может быть, даже разрушенное или неправильное. У нее было такое ощущение, словно она надела пальто, которое, будучи застегнуто на все пуговицы, оказалось ей немного тесновато. Во всяком случае, она именно так ощущала себя здесь и даже попыталась объяснить это Джулиану, но так и не сумела толком сформулировать свою мысль.

Он понял это по-своему и сказал:

– Зато здесь и магазины гораздо лучше, и пабы тоже.

* * *

Джулиан, как выяснилось, планировал вовсе не поход в ресторан, а пикник.

– По-моему, душный зал ресторана вам показался бы страшно скучным!

Клара, впервые за несколько лет предвкушавшая некую роскошную трапезу, лишь загадочно улыбнулась.

– В ресторан мы с вами сходим как-нибудь в другой раз, мисс Ньютон. – Приятно, что он все еще строит какие-то планы, хотя она давно ему сказала, что буквально через несколько дней уезжает, думала Клара. Это и бодрит, и волнует. – Надеюсь, вы не откажетесь еще разок куда-нибудь со мной сходить?

Хотя в целом он держался несколько хвастливо и чересчур самоуверенно, Клара с удивлением обнаружила, что в обращении с ней он довольно застенчив. Вероятно, он привык больше общаться с мужчинами, да и характер у него типично мужской, решила Клара. Впрочем, она сочла это положительным качеством. Кому нужен

дамский угодник? Таким и доверять нельзя, и отвязаться от них невозможно.

– Я как-нибудь свожу вас в самый модный лондонский магазин. Мне так хочется увидеть вас наряженной с головы до ног.

А наряжаться Клара *действительно* очень любила. Благодаря этому она и с Майклом познакомилась – на той вечеринке он был со своими друзьями из восьмого полка ВВС, а ее пригласили друзья Джуди. Они тогда понравились друг другу с первого взгляда, и он сразу же заявил: «На вас я могу смотреть только в темных очках, настолько вы ослепительны!» Майкл в любой ситуации был способен изречь какую-нибудь банальность, но, честно говоря, в тот вечер Клара *и впрямь* выглядела замечательно.

К сожалению, из задуманного Джулианом пикника мало что получилось – уж больно пасмурным и холодным оказался день, – и в итоге они устроились в кафе-кондитерской. Если Джулиана и беспокоило состояние тех замечательных продуктов, которые он заботливо сложил в корзину для пикника, так и оставшуюся на заднем сиденье автомобиля, то он этого никак не показал. А кондитерская была просто чудесная – много воздуха, на столах белоснежные скатерти, бокалы так и сверкают. Клара, пожалуй, даже испытала облегчение. Нет, она, конечно, любила прогулки на воздухе, но не слишком длительные.

И сейчас она с удовольствием замечала, какие улыбки расцветают на лицах официанток в белых передничках и шапочках, когда Джулиан к ним обращается. Дело в том, что он не *отдавал приказания*, а вежливо спрашивал, нельзя ли, например, передвинуть столик так, чтобы Клара могла из окна любоваться природой. Один раз, правда, он попросил заменить им бокал, обнаружив на его сверкающей поверхности чей-то отпечаток пальца – «Нет, этот не годится, принесите, пожалуйста, другой».

Он ни разу не допустил ни малейшей грубости. Наверное, именно поэтому официантки и старались вовсю, обслуживая их лучше всех.

И потом, он определенно был очень обаятельным. Интересно, думала Клара, почему он не женат? И почему у него нет детей? Среди ее знакомых не было никого, кто в пятьдесят лет не был бы женат и не имел бы детей – хотя, если честно, выглядел Джулиан намного моложе

мисс Бриджес, которая, по всей видимости, была примерно его ровесницей.

Позднее, в машине, по дороге домой, они лакомились шоколадом, который Джулиан захватил специально для Клары, когда он вдруг сказал:

– Возможно, это преждевременно, но я хотел бы понять, каково мое положение.

– Что вы имеете в виду?

– Скажите, Клара, вас интересует перспектива наших дальнейших отношений?

– Вы же знаете, Джулиан, что я на следующей неделе возвращаюсь в Лондон.

– До Лондона всего час езды.

– Ну, на поезде несколько дольше! – с легким раздражением возразила она. *С чего это она опять стала такой раздражительной?* Она заставила себя встряхнуться и уже гораздо спокойнее сказала: – Наверное.

– Но ведь вы могли бы и остаться, не так ли? – словно вдруг охрипнув, добавил он. – Спорить готов, в Совете пока что не выстроилась очередь из желающих вас заменить.

Клара просто не знала, что сказать. *Может, мне действительно не стоит уезжать? Но как быть, если я уже подняла всю эту шумиху с отъездом?*

Что скажут дети?

До сих пор Клара такой вариант даже не рассматривала. Остаться? Нет, это просто невозможно.

Она снова посмотрела на Джулиана. Он, безусловно, умный, великодушный и щедрый человек. Солиситор. Его имя красуется на табличке, прибитой к дверям его собственной адвокатской конторы! И он наверняка никаких финансовых затруднений не испытывает.

Мысль о том, что в течение ближайших сорока лет ей придется ограничивать себя во всем и постоянно экономить, была настолько депрессивной, что Клара редко позволяла себе на ней задерживаться.

Джулиан также обладал неким, хоть и неярко выраженным, стремлением к отчуждению, и это казалось Кларе даже привлекательным после весьма близких и бурных взаимоотношений с Майклом. Кроме того, умирать в ближайшее время он явно не

собирался, мало того, выглядел абсолютно здоровым и активным, и можно было предположить, что он и в постели окажется на высоте. Да и война давно кончилась. Клара уже на собственном опыте успела понять, сколь важны такие вещи, как здоровье и отсутствие войны.

Нет, она ни за что не позволит, чтобы кто-то снова разбил ей сердце! А потому, улыбнувшись Джулиану, она пробормотала что-то вроде: «Кто знает, что принесет нам будущее», а он, сняв одну руку с руля, поднес ее руку к губам и поцеловал в ладошку. Никто в жизни не целовал ее в ладошку – никто, даже Майкл.

– Вообще-то я очень терпеливый, – только и сказал он.

Глава восьмая

Как же чувствовалась смена времен года в сельской местности! Конечно, в Лондоне она тоже чувствовалась, но в Лавенхэме чередование времен года происходило с каким-то преувеличенным размахом. В начале октября дороги и улицы были устланы толстым слоем разноцветных опавших листьев, которые скапливались грудями; дули холодные ветры, а воздух был напитан головокружительной смесью запахов – костра, корицы и близких снегопадов. Старшие дети учили малышей проделывать дырочки в конских каштанах, собранных под деревьями, и, нанизав каштаны на бечевку, играть в «Чей каштан крепче». Прошел слух, что у детей из «Шиллинг Грейндж» самые крепкие каштаны. Билли и Барри приходили домой с охапками выигранных призов. Какой-то незнакомый человек остановил Клару на улице и сообщил, что «ее дети» выиграли у «его Бернарда» все каштаны. Клара уже собралась извиняться, но он, вежливо коснувшись шляпы, с явным уважением сказал: «Впечатляет!», и прибавил: «Желаю им удачи!». Ее, правда, куда менее приятно впечатляло то, что теперь каштаны обнаруживались абсолютно везде: в постелях, на полу, в грязном белье.

– Кто вас научил так здорово играть? – спросила она как-то у близнецов.

– Каштановый чемпион! Наш Айвор!

Это ведь для них так важно, думала Клара. Она лишь недавно осознала, до какой степени Айвор включен в жизнь обитателей «Шиллинг Грейндж». Однако до отъезда у нее оставалось всего несколько дней, а ей еще нужно было со стольким разобраться, из стольких сложностей выпутаться. Жаль, что они с Айвором расстанутся почти врагами. Но ведь он действительно оказался просто невыносимым!

Клара даже вещи свои до сих пор не сложила. На этом пункте ее словно заклинило; она тут же начинала думать, что работы у нее в Лондоне нет и жить ей негде, а при одной лишь мысли о том, что ей снова придется ночевать на диване в гостиной Джуди, разглядывая загадочный рисунок на ковре под пристальным вниманием Артура, она просто в ужас приходила.

На следующий день после свидания в кондитерской Джулиан неожиданно забежал в «Шиллинг Грейндж» и преподнес Кларе букет цветов. Он не требовал, чтобы она незамедлительно назначила день следующего свидания, но все же попросил сообщить ему, «когда она будет готова».

Из школы и из Совета стаями прилетали плохо напечатанные письма; похоже, в Совете так и не поверили, что она уезжает.

Известно ли мисс Ньютон о полезных свойствах печени трески и о тех жирных кислотах, что в этой печени содержатся?

Знает ли мисс Ньютон, как опасно заболеть полиомиелитом?

Занимается ли мисс Ньютон шитьем и починкой одежды? (Да, хотя она предпочла бы все это передать в руки Айвора, вот только все мосты, к сожалению, сожжены.)

Подала ли мисс Ньютон заявку на причитающиеся ей купоны?

В следующую среду будет производиться взвешивание детей.

Клара все свое свободное время посвящала тому, чтобы составить максимально полные отчеты о воспитанниках «Шиллинг Грейндж» и передать детей другому воспитателю без излишних эксцессов. Отчетами она как раз занималась почти с удовольствием, зато все остальное буквально валилось у нее из рук.

Чем ближе было четырнадцатое октября, тем больше Кларе нравилась ее работа в «Шиллинг Грейндж», чего в начале своего пребывания здесь она никак не ожидала. Ей было интересно слушать рассказы детей о том, как у них прошел день и что нового было в школе; ей было приятно, когда Билли и Барри притащили откуда-то целую банку пикулей, потому что она однажды обмолвилась, что пикули просто обожают (сами близнецы вволю наелись всего на празднике урожая); она вместе со всеми радовалась, когда они содрали с дома старую вывеску – «А Совету мы сообщим, что ее бурей унесло!». А уж как она была счастлива, когда Морин получила на экзамене семь очков из десяти возможных или когда Пег показала ей новый, только что разученный танец. Все эти события вызывали у Клары просто потрясающие чувства, хоть она и старалась убедить

себя: все это только из-за того, что я скоро уезжаю, а потому и воспринимаю каждую мелочь словно под увеличительным стеклом. Но иногда ей все же казалось, что, может быть, следовало дать себе реальную возможность хорошенько распробовать и эту работу, и этот странный городок, напоминающий декорацию к какому-то фильму?

За два дня до отъезда Клара все же вытащила чемодан и принялась укладывать вещи, и тут в дверь позвонили. Оказалось, что это миссис Харрингтон, которая с порога заявила, что приехала «с великолепными новостями» относительно Риты. Клара, естественно, тут же спросила, что это за новости, но миссис Харрингтон, загадочно улыбаясь, сказала, что сперва должна сообщить их самой девочке. И Клара вдруг почувствовала необычайный подъем, у нее даже походка стала этакой пружинящей. Еще бы – именно такая высокая нота и была ей необходима, чтобы уехать с чувством выполненного долга.

Клара пошла за Ритой в садовый сарай, куда она теперь вместе с Алексом и Пег направлялась каждый день после школы. Им там нравилось; они танцевали, делали вид, будто умеют играть на фортепиано, и вообще занимались, чем хотели.

Пег попыталась увязаться за ними, чтобы посмотреть на миссис Харрингтон, но Клара ей не разрешила.

– В другой раз, Пег. – И она подмигнула маленькой молчальнице. Пег, естественно, подмигнула в ответ, и у Клары потеплело на душе. Какая чудесная девочка! Да, она, конечно, необычная, но Кларе казалось просто невероятным, что она так и не понравилась никому из потенциальных усыновителей; или, как это сформулировала мисс Бриджес, «ее такую очень трудно – а попросту невозможно – куда пристроить».

Миссис Харрингтон, чувствуя себя у них на кухне как дома, уже пила чай из любимой чашки Клары.

– Ага, вот и ты, Рита! У меня есть кое-какие новости о твоей маме.

Темные глаза Риты вспыхнули. Она посмотрела на Клару в поисках поддержки, и Клара, сама взволнованная, ободряюще ей кивнула. Рита судорожно пригладила волосы, закусила губу и приготавилась слушать.

Она давным-давно была к этому готова.

– Ну, как тебе уже известно, в ваш дом попала бомба, и твоя мама пропала, а тебе казалось, что ты помнишь, будто видела ее живой... я все правильно рассказываю?

– Да! – Рита больше не могла держать себя в руках. – Мама была вся в пыли и держалась за голову! Я видела! – Одной рукой девочка вцепилась в руку Клары, а вторую – чуть ли не все пальцы – засунула в рот и прикусила. От волнения она кусала не только собственные пальцы, но и ладошку, и Клара, стоя с ней рядом, тоже была сама не своя. *Вот оно!* – думала она. *Только такие события и делают работу здесь осмысленной!*

– В общем, нами были предприняты кое-какие расследования, и выяснилось, что твоя мама действительно погибла.

Кларе словно ледяной воды за шиворот плеснули. По всему телу побежали мурашки. Ей показалось, что снова началась война, что дом ее ближайших соседей был только что стерт с лица земли, что она опять не знает, что ей с собой делать... Нет – *это* было хуже.

Ах, Рита...

Рита долгое время стояла неподвижно, потом, скрючившись, вползла под согнутую руку Клары, и слезы покатались по ее пылающим щекам.

– Мама, – выдохнула она, и дыхание ее показалось Кларе влажным и несвежим. – Мама. Моя мама.

– Как вы думаете, девочка захочет взглянуть на свидетельство о смерти? – спросила миссис Харрингтон.

– Не думаю. – Клара просто поверить не могла, до чего эта женщина оказалась бесчувственной.

– А ты, Рита, особенно-то не переживай, – сказала миссис Харрингтон. – Не драматизируй это событие, ведь с тех пор уже столько лет прошло! И перестань так цепляться за мисс Ньютон, ты ведь знаешь, что она скоро уезжает. – И миссис Харрингтон неодобрительно покачала головой, а затем, обращаясь уже к Кларе и даже голос не понизив, сказала: – Вы просто не поверите, насколько у них эластичная психика, мисс Ньютон. Девочка вскоре привыкнет к тому факту, что ее матери больше нет, особенно если будет знать, что у нее самой все хорошо. А то, что вы уезжаете, для них даже лучше: они не успеют слишком к вам привязаться. Ну, вот и все, – и она

подмигнула Кларе, – а теперь я, пожалуй, навещу своего любимого обойщика мебели.

После этого разговора Риту три раза вырвало; слезы так и катились у нее по лицу; все ее хрупкое тельце била дрожь. Клара придерживала девочку и отводила назад ее длинные волосы, когда бедняжку выворачивало наизнанку в ванной. Перепуганные Пег и Терри торчали в дверях. Затем Рита, совсем обессилев, легла прямо на пол, и Клара забеспокоилась: она боялась, что у нее не хватит сил отнести девочку в спальню.

– Тебе придется встать, дорогая, – уговаривала она Риту, и та вскоре действительно встала – точнее, заставила себя подняться, – а потом Клара отвела ее наверх, уложила в кровать и заботливо подоткнула одеяло со всех сторон. И тут Рита вдруг взмолилась:

– Пожалуйста, мисс Ньютон, хоть вы не бросайте меня! Не бросайте, пожалуйста!

– Ш-ш-ш, – прошептала Клара, испытывая острое чувство вины. – Ты теперь постарайся немножко поспать. После такого потрясения это необходимо.

* * *

Когда Морин вернулась из школы, Клара оставила с ней младших детей и бегом бросилась к телефонной будке.

– Алло! Алло! – Монеты одна за другой проваливались в щель счетчика – этот телефонный аппарат не имел ни малейшего представления о срочности.

Клара снова и снова бросала монеты, снова и снова набирала номер. Теперь десятизначный номер штаб-квартиры Совета она знала наизусть.

– Мисс Бриджес? Это Клара. Нет, все-таки вы непременно должны поставить нам телефон!

Голос мисс Бриджес звучал как-то невнятно.

– Вы только поэтому звоните, Клара? Видите ли, мы сейчас страшно заняты – серьезные проблемы с кладбищами. Не может ли ваш вопрос немного подождать?

Нет, – подумала Клара, *не может!*

– Мисс Бриджес, вы уже нашли мне замену?

Мисс Бриджес откашлялась.

– Мы настолько перегружены ра...

– Потому что, видите ли...

Черт побери! Связь, похоже, снова прервалась. Но вскоре телефон почему-то снова включился, причем самостоятельно, и мисс Бриджес восторженно завопила в трубку, хотя Клара и двух слов ей сказать не успела.

– Вот-это-ты-молодец-моя-девочка! Я так знала! Так вы остаетесь с нами, Клара?

– Да, мисс Бриджес. Если только не слишком поздно.

И она почувствовала, как мисс Бриджес улыбается на том конце провода.

– Никогда не бывает слишком поздно, Клара. Добро пожаловать обратно.

* * *

Чтобы отпраздновать «возвращение» Клары, они все высыпали в сад, а потом сыграли партию в раундерз^[12]. Даже Рита встала с постели и присоединилась к ним. А Питер сказал Морин: «Значит, все-таки выиграл я, гони мои денежки обратно», но Морин ответила: «Отвянь! Не радуйся раньше времени, – и во весь голос прибавила: – Все равно она вскоре передумает. Она и осталась-то только из-за своей *любвонной истории*, к нам это никакого отношения не имеет».

Клара заметила, что миссис Гаррард прогуливается вдоль их садовой ограды, явно что-то вынюхивая, и, имея полную возможность «вышибить» Алекса, нарочно промахнулась, так что вся ее команда неодобрительно завывала и застонала. А потом они вернулись в дом и стали пить молоко с крекерами, и Клара учила их чокаться стаканами – «ТИХОНЬКО, Барри, осторожней, ради бога!» – и вскоре все улеглись спать.

Сама Клара в ту ночь спала сном младенца. Возможно, из-за того, что набегалась, а может, из-за того, что Рита, бедняжка, после всех своих мучений спала спокойно – благослови ее, Господи! – или просто

потому, что после стольких недель неуверенности и сомнений хорошо было прийти к окончательному решению. И, похоже, решение это оказалось правильным.

Клара обнаружила, что уже задумывается о том, как расскажет все Джулиану. Решение она, разумеется, приняла отнюдь не только из-за «любовной истории», хотя и это тоже помогло. У нее будет еще много свиданий с Джулианом, много посещений кондитерских и ресторанов, а может быть, и что-то большее. Стоит позволить себе хоть немного романтики, это вовсе не преступление. И кто знает, куда это может ее привести?

Утром Клара, распахнув окно, с наслаждением вдохнула свежего деревенского воздуха. Она уже начинала любить этот исторический городок, его средневековые здания, сады и булыжные мостовые, ей было приятно сознавать, сколь много поколений людей успело здесь смениться за минувшие века и сколь многие представители этих поколений были свидетелями эпохи Тюдоров. И ощущение этой неразрывной связи настоящего с прошлым отчего-то согревало Клару душу и, пожалуй, внушало надежду, что когда-нибудь и она сможет почувствовать себя одним из маленьких звеньев этой связи времен.

Она, наверное, впервые с тех пор, как ее отец вернулся в Лондон неизвестно откуда, так хорошо выспалась. И уж точно впервые с тех пор, как погиб Майкл, она встала с постели с улыбкой на лице и отчетливым ощущением того, что в ее жизни все еще возможно. Дети постепенно к ней привыкали. И она привыкала к ним.

Но, пожалуй, самым удивительным было ее ощущение уверенности в том, что она непременно со всем справится.

Следующий день тоже начался с хороших новостей, что лишний раз подтвердило правильность принятого ею решения. Они с Алексом возились в саду, когда у ворот Грейнджа затормозил весьма импозантного вида автомобиль, только что промчавшийся с верхнего края шоссе. За рулем сидел молодой мужчина в мягкой шляпе «федора». Потрясающий красавец. Клара подошла к воротам, чтобы поздороваться, и только тут поняла, что этот человек не так уж и молод, как можно было бы предположить по его лихой манере вождения и по модной шляпе – пожалуй, лет тридцати пяти, а то и

старше, – но безусловно очень хорош собой. Оказалось, что он – дядя Питера, его единственный оставшийся в живых родственник, а приехал он, чтобы познакомиться с мальчиком и на целый день взять его с собой. Но ведь это, возможно, первый шаг к усыновлению! – обрадовалась Клара, поскольку мисс Бриджес и миссис Харрингтон уже успели внушить ей, что «старших детей почти невозможно пристроить» и это «практически все равно, что просить луну с неба».

– Какая красивая машина! – восхитилась Клара, заметив, что Айвор вышел из мастерской на улицу и наблюдает за ними.

– Это «Астон Мартин», – тут же пояснил Алекс, выглядывая у нее из-за спины.

– Какой умный парнишка, – похвалил его дядя Питера. – Это *он*? Клара рассмеялась.

– Нет, это Алекс. А вашего зовут Питер... Подождите, он через минуту спустится.

– Жаль, что это не девочка, девочка вполне могла бы и по дому помочь. – Он подмигнул Кларе, и та слегка покраснела, неприязненно подумав: лучше бы ты все-таки со мной не заигрывал! Стараясь скрыть смущение, она принялась оглаживать подол платья, и тут на пороге дома показался смущенный Питер.

В руках у него был мяч для игры в раундерз, и в целом он выглядел каким-то страшно неловким, чересчур длинноногим, и старенькие шорты были ему явно малы, и прядь волос прилипла к вспотевшему лбу...

– Мяч ты пока оставь, – сказала Клара и забрала у него мяч. Питер сел в машину, и она помахала ему рукой на прощание, испытывая такую гордость, словно ее ребенок только что сделал свой первый шаг. Дядя Питера громко посигналил, отъезжая от ворот – на соседей ему было явно наплевать, – а Питер, обернувшись, все смотрел на Клару из заднего окошка, и его веснушчатое лицо показалось ей каким-то странно напряженным. Она тут же ободряюще ему закивала – ничего, все будет хорошо, Питер! *Одного возьмут – но семеро-то останется.*

Она и не заметила, как Айвор вернулся к себе в мастерскую.

Алекс, просунув пальцы ей в ладонь, с мечтательным видом вздохнул и сказал:

– Хотелось бы и мне попасть в хорошую семью!

– М-м-м, Питеру очень повезло. – Клара ласково сжала его пальцы. Она не сомневалась, что уж Алекс-то у них долго не задержится. – Когда-нибудь и твое время придет.

И вот ведь что удивительно, подумала она, когда это случится, она будет *здесь* и все увидит собственными глазами!

* * *

Когда Клара сообщила Джулиану, что остается, он, по его собственным словам, «просто в экстаз пришел», хотя, пожалуй, это выражение и показалось ей несколько чрезмерным. Он тут же сказал, что на ее счет у него имеется масса всевозможных планов, и то, как выразительно он приподнял одну бровь, глядя на нее, свидетельствовало о том, что его планы связаны не только с тем, чтобы *куда-нибудь ее сводить*. Клара, впрочем, из ложной скромности тут же отмахнулась от подобного предположения, а вслух сказала, что боится приобрести в Лавенхэме дурную репутацию. Джулиан рассмеялся: «В моем возрасте твоя “дурная репутация” – это только лишний козырь!» Вообще-то, его возраст Клару и впрямь немного беспокоил; с другой стороны, ее отец был старше матери на двенадцать лет, что в целом воспринималось совершенно нормально. Куда менее нормальным было то, что она до сих пор не имела представления, много ли у Джулиана денег; хотя в глубине души подозревала, что и к его скрытности сумеет привыкнуть, если так будет нужно. Пока что они договорились, что в ее следующее свободное воскресенье пойдут в ресторан, и Джулиан сказал, что «пьян от одной мысли об этом».

* * *

Члены местного общества имени Джейн Тейлор каждые несколько месяцев непременно собирались в библиотеке Лавенхэма. Подобные встречи устраивались с 1912 года, и поклонники поэтессы ухитрились не растерять друг друга даже во время обеих мировых войн, чем весьма гордились. Вскоре должна была состояться очередная

осенняя встреча, и мисс Бриджес предложила Кларе пойти туда с ней вместе. Клара, правда, никак не могла понять, как ей к этому предложению относиться: с сарказмом или без? *Да и с какой стати, скажите на милость, мне вообще могло бы захотеться туда пойти?* – думала она.

Но в ту среду, на которую была назначена встреча, Клара оказалась совершенно свободна: все дела были переделаны, дети ушли в школу, ланч готов, белье постирано, в доме относительно чисто. И ей вдруг пришло в голову, что *на это собрание можно было бы и сходить*.

Она была удивлена, увидев, что в секции «Биографии и путешествия» уже расселись участники встречи; их оказалось не менее дюжины; там были и хозяин мясной лавки, и мистер и миссис Гаррард, и начальница почтового отделения, и даже жена доктора Кардью – та самая великолепная дама, которую Клара видела с Ритой в саду при хирургической лечебнице. Стараясь держаться от Гаррардов подальше, Клара отыскала свободное место, уселась и, посмотрев на миссис Кардью, обнаружила, что та настолько тонка и хрупка, что в профиль ее почти не видно. К сожалению, ближайшим соседом Клары оказался Айвор Дилани.

А он-то что здесь делает? – удивилась она.

Доклад делал библиотекарь, старый и какой-то пыльный человек в плохо сидевшем костюме. К тому же он страдал мучительным кашлем, и Клара решила, что все-таки зря сюда пришла. А уж когда докладчик объявил, что сегодня намерен основное внимание уделить не самой Джейн Тейлор, а ее старшей сестре Энн, она испытала еще большее разочарование и стала думать, как бы ей потихоньку, не привлекая к себе внимания, выбраться из библиотеки. Впрочем, Айвор бы все равно заметил – и уйти она так и не решилась.

Энн Тейлор родилась в 1782 году и была вполне достойна своей знаменитой сестры: это была женщина практичная, умелая, талантливая и способная рискнуть чем угодно, но не позволить тогдашним условностям связать ее по рукам и ногам. Она вышла замуж за Джозефа Гилберта, человека весьма набожного, и завела большую семью, однако продолжала писать – и стихи для детей, и мемуары, и памфлеты, и статьи для газет. Ее писательский труд служил для семьи существенной финансовой поддержкой, хотя в те

времена считалось весьма необычным, чтобы замужняя женщина работала. Губы Клары тронула улыбка сочувствия. Теперь она была уже рада, что пришла: приятно было сознавать, что даже в консервативном Лавенхэме, который в некоторых отношениях оказался куда более консервативным, чем Лондон, все-таки замечают и ценят вклад женщин в общее дело.

Во время перерыва на чай Клара ринулась в уборную и постаралась максимально там задержаться, чтобы не столкнуться ни с Айвором, ни с Гаррардами.

Из второй половины доклада она узнала, что Энн Тейлор активно протестовала против рабовладения и страстно поддерживала зарождавшееся тогда движение аболиционистов.

– А вот это мне слышать особенно приятно! – вдруг громко сказала жена доктора, и все вокруг зашептались, выражая свое с ней согласие. А Клара с удовольствием подумала: *Значит, она все-таки умеет разговаривать!*

Странное дело, но Энн Тейлор оказалась еще и антисуфражисткой и считала, что давать женщинам право голосовать не следует. Возникла пауза.

– А я не вижу тут ничего странного, – снова заговорила миссис Кардью. – Человек может быть прав в одном, но не прав в другом – это совершенно естественно. Такова уж природа человеческого существа.

Это было максимальное количество слов, которые Клара когда-либо слышала от миссис Кардью, и все же она решила, что жена доктора ей нравится. И стоило ей так подумать, как Айвор повернулся к ней и улыбнулся.

Нет, этот человек попросту выводил ее из себя!

Присутствовавшие на заседании еще хлопали, когда миссис Кардью, собрав свои вещички, вышла из библиотеки, на ходу поздоровавшись с Айвором и Кларой. Тон у нее при этом был совершенно равнодушный.

К сожалению, Айвору было с Кларой по пути, так что они пошли рядом.

– Никак не ожидал вас здесь увидеть, – сказал он.

Клара тут же гордо выпрямилась – хотя куда уж больше, она и так шла с абсолютно прямой спиной.

– А почему бы мне было сюда и не прийти? – Если Айвор намерен опять ее задирать, то и она ему спуску не даст.

– Ну, мне казалось, что вы дождаться не можете, когда, наконец, получите возможность покинуть нашу тихую культурную заводь.

Интересно, с чего это он так решил?

– Для меня культурная жизнь Лавенхэма никогда не была основной проблемой.

– Ну, и когда же вы уезжаете?

– А я в итоге передумала и решила остаться!

Он посмотрел на нее, покачал головой, но ничего не сказал, продолжая недоверчиво трясти головой.

– Знаете, – наконец заговорил он, – есть одна детская песенка – по-моему, прямо про вас: *Одна нога здесь, другая там, быстро скачем по верхам...*

Клара, рассердившись, решительно свернула в сторону. *Ну что за идиот!* Нет уж, хватит с нее, больше он ни одного шанса не получит! И вообще, где это сказано, что человек со всеми соседями ладить обязан?

* * *

Клара нарезала в саду цветов и поставила букеты в каждую комнату. Затем широко распахнула окна – сестра Юнис явно была противницей проветривания – и немного прибралась в доме, ей не хотелось, чтобы дети проводили свободное время исключительно за мытьем полов и отскребанием грязи.

Затем она обдумала, какие вопросы задаст сегодня детям во время трапез – разумеется, это будут вопросы о самом насущном, например: «Чем вы сегодня занимались в школе?» или «Что вы собираетесь делать в воскресенье?». Когда она впервые попыталась задать такие вопросы, то сразу поняла, что застигла их врасплох; они даже рты раскрыли от изумления. Впрочем, вскоре они привыкли и стали отвечать весьма охотно.

Клара попыталась самостоятельно наладить радиоприемник, но у нее ничего не вышло, и тогда она позволила разбираться с приемником Билли и Барри. Как ни странно, приемник вскоре заработал, и

программа «Детский час», как и надеялась Клара, стала у младших любимой.

Джуди подала ей идею превратить унылую кухню в художественную галерею. Здесь особенно проявились таланты Пег, которая нарисовала и звезды, и солнечные лучи, и тучи, и зонты. Клара, смеясь, говорила, что Пег, должно быть, большую часть времени смотрит вверх.

Рита нарисовала множество человечков, похожих на картофелины, и сказала, что все это ее мама. Терри пообещала, что тоже что-нибудь нарисует, но попозже, поблагодарила и убежала в сад. Она мастерски умела откладывать «на потом» то, что ей делать не хотелось. Алекс честно сказал, что рисовать лучше не будет, если, конечно, Клара не возражает. «Спасибо, но мы и в школе на всякую такую ерунду достаточно много времени тратим».

А старших детей Клара и просить не стала. Билли и Барри подобные занятия были вообще не свойственны; они и за обедом-то усидеть с трудом ухитрялись и при малейшей возможности начинали хихикать, толкаться, а то и кататься по полу, где уж им было смиренно сидеть и что-то там изображать с помощью карандаша или ручки. Морин в ответ на предложение Клары попросту презрительно усмехнулась бы – она вообще на многое отвечала презрительной усмешкой. А Питер... Питер, конечно, был очень милым мальчиком, только он, скорее всего, сразу сменял бы карандаши на сигареты, поскольку теперь курил *постоянно и совершенно открыто*.

Клара стерла с детских туалетных принадлежностей написанные на них номера и заменила их именами воспитанников. Так стало гораздо лучше. Затем она заставила каждого перемерить все башмаки, выбрать себе подходящую пару и на каждой такой паре написала имя соответствующего ребенка, чтобы никакой путаницы с башмаками и никакого обмена больше не было. К сожалению, вся обувь бедняге Питеру оказалась мала, а крошке Пег – слишком велика. Неужели до сих пор никто этого не замечал? В субботу утром Клара отправилась со своим выводком на рынок, расположившийся возле железнодорожной станции, и каждому разрешила выбрать себе по одной паре обуви. Для этого ей пришлось вытащить из заглашника те деньги, которые она отложила, чтобы купить новые игрушки и настольные игры, но обувь, разумеется, была важнее. Клара также

направила в Совет еще одну просьбу – по поводу покупки для детей на лето легких парусиновых туфель на резиновом ходу и курток, – и, как ни странно, на этот раз решение Совета оказалось положительным, о чем ей и сообщила обрадованная мисс Бриджес. Когда Клара сказала детям, что им совершенно не обязательно носить в школу «дурацкие», по определению Морин, шапочки, сразу выдающие в них воспитанников «Шиллинг Грейндж», они страшно обрадовались (только Терри заявила, что ей нравится быть похожей на летучую мышку, и продолжала отвратительную шапку носить).

По инициативе Клары дети записались в библиотеку, и старый библиотекарь – мистер Доусетт – стал увлекательно рассказывать им о разных книгах и авторах – не хуже, чем тогда об Энн и Джейн Тейлор. Пег обожала комиксы о медвежонке Руперте, хотя Клару подобное чтение всегда вгоняло в сон. А Рита и Терри стали большими поклонницами детской писательницы Энид Блайтон. Морин постоянно рылась на стеллажах для взрослых, где были любовные романы издательства «Миллз энд Бун», несмотря на бесконечные увещевания типа: *«Тебе еще рановато, Морин, тебе ведь всего тринадцать!»* Билли и Барри просто нравилось иметь библиотечные карточки: им казалось, что с этими карточками они похожи на тайных агентов. А над Алексом Клара и мистер Доусетт часто подшучивали, предлагая ему и кровать свою перенести в секцию научной и документальной литературы. И, если бы это было можно, он, наверное, так бы и поступил. Когда Алекс обнаружил, что домой можно брать не три, а сразу шесть книг, то прямо-таки подпрыгнул от счастья. А уж когда Морин предложила ему иногда брать взаимы ее карточку и таким образом получать еще больше книг, его радость и вовсе не знала предела.

В течение всего октября Клара, стоило ей выглянуть на улицу, непременно видела Айвора, работавшего в мастерской с настежь распахнутыми дверями. Айвор коротко кивал ей в знак приветствия, хотя с детьми всегда здоровался весьма радостно и шумно. Ну и пусть. Клара решила не расстраиваться из-за подобных мелочей. В конце концов, в Лавенхэме полно и других симпатичных людей – например, Джулиан, – которые всегда ей рады и гостеприимно ее встречают.

Глава девятая

В начале ноября зачастили дожди. Клара жалела детей, которые успевали промокнуть насквозь, пока добежали до школы, но им самим, похоже, было хоть бы что. Рита и Пег любили взбираться на невысокие ограды и шли поверху, опасно балансируя, так что Морин и Питеру приходилось их страховать, держа за руку. Билли и Барри предпочитали другие забавы: прятались за мокрыми деревьями и выскакивали оттуда навстречу незнакомым людям с криком «Бу-у!».

Директор средней школы Лавенхэма тепло поздоровался с Кларой и спросил, как у нее дела. Когда она сказала, что общение с детьми «открыло ей глаза», он рассмеялся: «У вас всего восемь человек, а вы со ста двадцатью пообщайтесь! А дети из «Шиллинг Грейндж» у нас никогда беспокойства не вызывали. По крайней мере, мы точно знаем, что они там сыты и одеты».

Но Кларе подобная планка показалась слишком низкой.

Собственно, это Джуди посоветовала ей сходить к детям в школы и узнать, как там и что. Клара страшно злилась на себя за то, что сама об этом даже не подумала – да и никто из членов Совета ей ничего подобного не предложил. Она все чаще приходила к выводу, что обо всем должна думать сама и ни от кого советов не ждать. Нельзя же без конца полагаться на Джуди! Как бы сильно ей этого ни хотелось.

Вскоре Клара поняла, что директор средней школы, как и она сама, является большим любителем бережной фиксации данных и продвинутой формы их хранения. Пригласив ее в свой кабинет, он зачитал ей дела детей, и Клара узнала из них много нового. Например, что у Морин не только успеваемость по академическим предметам ниже среднего, но она также частенько не выполняет домашние задания и прогуливает уроки. Когда директор сказал: «По рейтингу успеваемости – четырнадцать из шестнадцати», Клара не поняла и сказала: «Но ведь это же, по-моему, неплохо...», но директор тут же вернул ее на землю: «Это означает, что она на четырнадцатом месте в классе из шестнадцати человек».

«Хорошо хоть не на последнем!» – вздохнула Клара, пытаясь себя утешить.

Билли и Барри были, разумеется, записными проказниками, и директор со смехом рассказывал Кларе об их проделках, но потом посерьезнел и сообщил, что учатся они, к сожалению, плоховато, оценки по чтению, правописанию и арифметике у них ниже среднего уровня – из шестнадцати учеников Билли занимает двенадцатое место, а Барри – шестнадцатое. Клара уже собралась критиковать эту систему оценочных мест, но тут директор заговорил о Питере и сообщил, что этот мальчик практически по всем предметам успевает очень хорошо и занимает в классе второе место из 19, а по некоторым дисциплинам – даже первое.

В конце концов, обрадовалась Клара, один способный и успешный ребенок из восьми – это уже не так плохо!

А директор еще и прибавил: «Питер имеет полное право перейти в классическую школу», и объяснил удивленной Кларе, что в Ипсвиче имеется такая школа, где дают углубленные знания по академическим предметам; оттуда, сказал он, открывается прямой путь в университет, тогда как его средняя школа в основном готовит детей после ее окончания, то есть лет в шестнадцать, к более простому ручному труду или занятиям домашним хозяйством. Клара об этом понятия не имела.

– Впрочем, Питеру уже поздно менять школу^[13], – сказал директор, пытаясь разом отразить все возникшие у Клары вопросы. – Ничего, этот мальчик преуспеет повсюду, где бы он ни оказался.

Клару охватило горячее чувство гордости. *Ее* мальчик преуспеет повсюду!

И она вдруг вспомнила об Алексе и Терри. Им обоим скоро одиннадцать, и оба весьма сообразительны.

– Но тогда как поступить в грамматическую школу? – спросила она.

– А вот это хороший вопрос, – сказал директор.

Встреча получилась весьма информативной, и Клара в приподнятом настроении направилась напрямик в начальную школу Лавенхэма, где учились *ее* младшие дети. Женщина в приемной приветливо кивнула Кларе и отложила ручку, не обращая внимания на то, что с зонта Клары на паркетный пол натекла целая лужа воды.

– Я бы хотела поговорить с директором школы, – сказала Клара. – По поводу детей из «Шиллинг Грейндж».

Секретарша встрепенулась, накрыла крышкой чернильницу и встала из-за стола.

– О, знаю, *знаю!* – затараторила она. – Это же просто какие-то дикие зверьки! Что они там еще натворили?

– Ничего. Просто я новая заведующая этим детским домом, – Клара даже на цыпочки приподнялась: в данный момент каждый дюйм имел значение, – так что, если у вас возникнут проблемы с моими *дикими зверьками*, сразу дайте мне знать.

И секретарша, прикусив губу, заявила:

– Непременно! Сразу во все колокола ударю.

После столь неудачного начала директриса сказала, что может уделить мисс Ньютон не более пяти минут. И все эти пять минут она, сурово сжав бледные губы, водила Клару по каким-то коридорам, похожим на бесконечный лабиринт.

Клара узнала, например, что Рита часто выпивает *чужое молоко* – молоко полагалось младшим школьникам бесплатно, – а Пег молоко *вообще не пьет*. Алекс вечно поправляет учителей, а Терри часто приходится бить тростью за невнимательность и опоздания. Услышав это, Клара нахмурилась. Странно, что дети вообще еще в эту школу ходят, думала она, если к ним тут такое отношение.

Они уже снова оказались в директорской приемной, когда Клара, наконец, задала главный вопрос.

– Скажите, а как можно сдать экзамен «11+» и подать заявление в грамматическую школу?

Впервые за все это время директриса позволила себе улыбнуться. Впрочем, она сразу же перестала улыбаться, поняв, что Клара говорит серьезно.

– Это невозможно.

– Почему же?

– Скажем так, мы не даем таких рекомендаций *некоторым* детям.

– Что значит «некоторым»? Нельзя ли поточнее?

Директриса решительно покачала головой:

– Нет-нет, в грамматические школы поступают исключительно одаренные дети.

– Вот именно! – Клара вспомнила, как Алекс излагал ей теорему Пифагора, а также вердикт Айвора: *У него такой острый ум!* – Потому-то я и хочу, чтобы мои дети попробовали сдать этот экзамен. А

также я хотела бы, чтобы вы их соответствующим образом к этому подготовили.

– До сих пор никто из «Шиллинг Грейндж» этот экзамен сдать не мог! – отрезала директриса и посмотрела на часы. – Мне пора, мисс Ньютон, благодарю вас.

Клара и сама не знала, что ей втемяшилось в голову, но она решила сражаться до конца.

– Это совершенно неправильно! – твердо заявила она. В конце концов, она – заведующая детским домом «Шиллинг Грейндж» и намерена добиться того, чтобы ее дети получили самую лучшую подготовку и сдали этот чертов экзамен! – Мои дети непременно будут сдавать этот экзамен вместе с остальными вне зависимости от того, пройдут они дальше или нет. Они это заслужили и должны иметь такие же права, как все.

– Но откуда, скажите на милость, вы возьмете средства, чтобы хоть школьную форму им купить, если они поступят?

Клара сказала, что проблемы нужно решать по мере их поступления, что на жизненном пути всегда немало поворотов и развилок, но директриса продолжала сопротивляться.

– Это невозможно! Так никогда раньше не делалось! Они для грамматической школы совершенно не годятся!

Однако ее сопротивление лишь прибавило Кларе решимости.

– Хорошо, – сказала она, – я непременно свяжусь с Советом и сообщу, что вы подвергаете наших детей дискриминации. Они там уделяют подобным вещам особое внимание, – в последнем она была совсем не уверена, но ей было плевать, – особенно с тех пор, как был принят Закон о детях.

Директриса, словно обессилев, прислонилась к стене. Секретарша уже поглядывала на них обеих с беспокойством.

– Не вижу особой необходимости беспокоить Совет графства, мисс Ньютон. Я пришлю вам все необходимые аппликационные формы.

– Я бы хотела получить от вас письменное подтверждение этого, – нагло потребовала Клара, не поверив директрисе ни на йоту.

И директриса покорилась.

И с каждым разом, вставая на защиту детей, Клара чувствовала в себе все больше уверенности. Странное дело, это оказалось *так*

здорово!

Клара уже вышла из школы, когда звонок возвестил перемену, и через несколько секунд на покрытую лужами игровую площадку лавиной хлынули дети. Высматривая «своих», Клара заметила, что Алекс неразлучен со своим лучшим другом Бернардом, таким же умником и «профессором», только в два раза крупнее. Пег вместе с другими девочками играла в «классики», слегка хвастаясь своей ловкостью и удачливостью. А Терри в толпе веселых одноклассниц прыгала через веревку и вместе со всеми орала: «Повернись, поскользнись!», чтобы кто-то сбился и «вылетел».

А вот Риту Клара сперва никак не могла обнаружить. Она обошла всю игровую площадку по краю, все сильнее беспокоясь, и, наконец, увидела Риту. Девочка стояла возле дренажной канавы, полной воды. Выглядела она абсолютно независимой и очень одинокой – руки в карманах, глаза опущены, прекрасные волосы гладко причесаны.

Позднее, где-то днем, Клара заметила, как по улице, осторожно обходя лужи, идет миссис Кардью с большой сумкой для покупок. Вспомнив, как нежно жена доктора обращалась с кроликами, как прямо и точно высказывалась в библиотеке, Клара, не задумываясь, ринулась ей наперерез. «Лови момент», – сказала она себе, решив, что именно так поступила бы и Энн Тейлор, наиболее практичная из знаменитых сестер.

Миссис Кардью воззрилась на нее не то чтобы холодно, но без особого интереса.

– Миссис Кардью, я просто хотела узнать... – Клара и сама не была толком уверена, что именно хочет спросить, но все же решила воспользоваться удачным мгновением и продолжила: – Не захочется ли вам как-нибудь провести пару часов с нами, в Грейндже? – Клара улыбнулась, надеясь, что улыбка как-то закрепит столь неожиданное приглашение.

– С чего это вдруг? И почему я должна этого хотеть?

Обычно акцент в ее речи был практически незаметен, но становился значительно сильнее, когда миссис Кардью волновалась или смущалась.

– Ну, можно было бы выпить чаю или... не знаю.

Кларе показалось, что взгляд миссис Кардью сейчас просто дырку у нее в голове просверлит, и она решила сказать честно.

– Понимаете, я иной раз просто теряюсь, общаясь с детьми, и мне бы очень помогло общение с кем-нибудь из взрослых. И потом, я в Лавенхэме аутсайдер. Как и вы.

– Я *совершенно* не такая, как вы.

Ну ладно, значит, я просто не то слово выбрала.

– Но я же совсем не это имела в виду! Судя по вашему акценту, вы, вероятно, немка?

На лице миссис Кардью отразилась целая гамма чувств, и она отрезала:

– Нет!

О Господи!

– Извините, тогда, наверное, полька, да? А чем вы раньше занимались там, в своей стране?

У миссис Кардью был такой вид, словно больше всего ей хочется немедленно повернуться и уйти прочь, однако она не ушла, а тяжело вздохнула и напряженным голосом промолвила:

– Я преподавала в средней школе.

Этот ответ Клара восприняла как манну небесную. Ей показалось, что даже небо над головой вновь стало безоблачным.

– О! И что именно вы преподавали?

– Музыку и математику.

– Как? Но ведь это же просто идеально!

Миссис Кардью с полным непониманием уставилась на нее.

– Почему «идеально»?

– Дело в том, что у нас теперь есть фортепиано. Оно в садовом сарае стоит.

– В садовом сарае? – медленно переспросила миссис Кардью.

– И некоторые дети очень хотели бы научиться играть. И потом, я же знаю, *как* вы в музыке разбираетесь... я же слышала, как вы тогда играли на скрипке... Это было прекрасно!

Казалось, что каждый мускул на лице миссис Кардью напряжен и буквально окаменел.

– Что вам сказал мой муж? – резко спросила она.

Доктор Кардью?

– Ничего. А почему вы спрашиваете?

– Он вам точно что-то рассказал. Я знаю, что это так.

– Нет, он ничего мне не говорил. Но даже если б он что-то и сказал... не могли бы вы все же подумать о моем предложении? Пожалуйста!

Миссис Кардью с трудом перевела дыхание. Что-то явно привело ее в бешенство.

– Меня уже не исправишь, – сказала она. – Да я и не желаю, чтобы меня *чинили*. И мой ответ вам – нет и нет.

СИРОТСКИЙ ДОМ «ШИЛЛИНГ ГРЕЙНДЖ»

ОТЧЕТ № 3

Морин Эмми Китон

Дата рождения:

23 ноября 1934 г. (Морин родилась недоношенной.)

Происхождение:

О своей семье Морин мало что помнит. Но даже если и помнит что-то, то, по-моему, старательно блокирует эти воспоминания.

В деле Морин имеются кое-какие сведения о том, как она оказалась в Саффолке. Ее направили в приют напрямую из родного дома в 1940 году. Ей тогда было пять лет. Морин была в своей комнате наверху, когда ее отец на кухне до смерти забил молотком ее мать и ушел из дома. А Морин еще долго сидела возле матери, возможно, сутки, а может, и больше. Полицейские потом никак не могли понять, почему несчастная женщина вся облеплена бумажными салфетками, и сперва решили, что это тоже дело рук ее мужа, но на самом деле это Морин пыталась «перевязать» мамины раны. От тела матери девочку удалось оторвать лишь силой.

Ныне ее отец находится в тюрьме в Северном Лондоне. Контактных никаких.

Здоровье/внешность:

Меня беспокоят зубы Морин; мне кажется, они недостаточно прочные. Примечание: она явно избегает их чистить, иногда по утрам ее зубная щетка абсолютно сухая. Кроме того, Морин болезненно реагирует на холод, у нее даже губы моментально синеют; она очень нуждается в теплых вещах – шапке, шарфе, перчатках. (Спросить, возможна ли покупка всего этого.)

Еда:

Морин любит готовить и с удовольствием печет печенье, кексы и тому подобное. Может, это ее будущая профессия?

Хобби/интересы

Она, по-моему, могла бы очень хорошо учиться, если бы сосредоточилась на уроках и почаще заглядывала в учебники. В школе мне жаловались, что Морин слишком часто смотрит в окно, а по некоторым предметам совсем ничего не делает.

Другое:

Морин – весьма самоуверенная и своевольная, даже упрямая молодая особа, ни к кому особого уважения не испытывающая. Что, пожалуй, не удивительно, если учесть ее страшное прошлое.

* * *

Кларе хотелось, чтобы у Морин было какое-то время на развлечения. Девочке всего тринадцать, и совершенно не обязательно, чтобы она в свободное от школьных занятий время занималась исключительно работой по дому. Может, если она получит больше свободы, будет больше гулять, у нее и отметки в школе станут лучше?

Когда Клара пообещала Морин освободить ее от определенных домашних обязанностей, никакой реакции сперва не последовало, но затем хорошенькое личико Морин осветила улыбка, а в ее глазах возник неуверенный вопрос: *Правда? Нет, честное слово?*

Обретя бóльшую свободу, Морин действительно понемногу расслабилась, но вскоре Кларе стало казаться, что расслабилась она

как-то чересчур. Она стала поздно возвращаться домой, и не просто после наступления темноты, а и бóльшую часть ночи где-то гуляла. Пока что, правда, только по уик-эндам, но и это Клару уже настораживало. Освобождая Морин от домашних дел, она совсем не такую свободу имела в виду. Она и сама не так давно, всего каких-то двенадцать лет назад, была в возрасте Морин, но мир с тех пор неузнаваемо переменялся. Да и сама Клара тоже. Теперь она хорошо знала, какие ужасные вещи могут случиться, если осмелишься хоть на мгновенье отвлечься.

Но делиться своими тревогами относительно Морин с мисс Бриджес Кларе было неловко; мисс Бриджес всегда считала, что давать детям больше свободы – значит, попросту напрашиваться на неприятности. «Вы же знаете, Клара, – с усмешкой говорила она, – поговорку насчет дьявола и незанятых рук?»

– Где ты была, Морин? – Клара каждый раз задавала этот вопрос, все-таки дождавшись среди ночи появления несносной девчонки. Разговаривали они шепотом, чтобы ни в коем случае не разбудить остальных девочек.

– Гуляла.

– Это я знаю. – Все-таки Кларе давно пора было перестать задавать этот вопрос – ведь ответ на него был всегда один и тот же. – А где ты гуляла?

– Нигде.

– Нельзя так поздно являться домой. Нельзя торчать на улице до глубокой ночи. – Клара старалась говорить холодно и строго, но в итоге сама собственный голос не узнавала. – Так больше не пойдет.

– Ну и прекрасно!

И Клара решала, что эту битву она выиграла. Но наступила очередная пятница, и Морин снова пришла домой где-то после полуночи, часа на два позже положенного.

Кларе никак не удавалось проявить должную строгость. И не только из-за страшного прошлого Морин, но и потому, что порой эта дерзкая девчонка была удивительно доброй.

Однажды в ноябре Морин вернулась домой из школы, буквально волоча за собой Риту и поминутно ее подталкивая. Все лицо у Риты

было выпачкано грязью, она едва могла говорить и захлебывалась слезами.

– Я сказала только, что из меня получится самая лучшая Майская Королева, потому что у меня красивые волосы!

Клара не совсем понимала, в чем дело, но ясно было одно: одноклассницы Риты не смогли переварить ее заявление о красивых волосах.

– Ну, хватит, хватит, – приговаривала Морин, вытирая лицо Риты куском фланели с такой нежностью, что Клара была тронута до глубины души. Отправив Риту наверх полежать, Морин весело объяснила:

– Они ее дразнят. Называют «большоголовой» и «маменькиной дочкой». А еще Ширли Темпл.

Клара судорожно вдохнула. Наверняка именно прозвище «маменькина дочка» так больно отозвалось в сердце бедной Риты.

– Я там одну даже побила. – Морин как ни в чем не бывало принялась намазывать джемом кусок хлеба, и Кларе показалось, что она хвастается. Даже эти ее мелкие движения выглядели хвастливыми. Она отняла у Морин нож и гневно воскликнула:

– Как ты могла ударить ребенка?! *Детей бить нельзя!*

– Ну а я побила!

– Что-о? И сильно?

И Морин с набитым ртом буркнула:

– Довольно-таки. Да их только так и можно остановить.

И ведь вот что интересно: в течение нескольких последующих дней Рита выглядела куда более веселой. Так, может, Морин была права?

* * *

В субботу утром Клара поняла, что находится в Грейндже уже целых одиннадцать недель. Они в этот момент как раз возвращались домой из библиотеки. Билли и Барри, как всегда, убежали вперед, и теперь кто-то из них – Билли или Барри – остановившись посреди улицы, завопил во весь голос (чего Клара велела им никогда не делать):

– А у нас гости!

Слово «гости» всегда вызывало у Клары определенные опасения: больше всего она боялась очередного нашествия вшей. Впрочем, как выяснилось, дело было совсем не в этом. Терри, которая тоже всю дорогу от библиотеки ни минуты не знала покоя, возбужденно сообщила:

– Там у ворот какой-то мужчина, мисс Ньютон! *Какой-то мужчина!*

У ворот действительно стоял какой-то мужчина в черном костюме, и, по всей вероятности, автомобиль, весьма неудачно припаркованный посреди дороги, имел к нему самое непосредственное отношение. Может, это кто-то из членов Совета к ним заглянул? Или явились некие потенциальные усыновители, о которых Клару не предупредили заранее? Или дядя за Питером решил приехать почему-то в субботу?

И лишь подойдя ближе, Клара увидела, что это Харрис с ее прежней работы – точнее, Харрис-младший, один из совладельцев фирмы «Харрис и сыновья».

– Мистер Харрис! – Она бросилась к нему, таща сумки с продуктами. Поцелуй – это, пожалуй, слишком, а вот теплое дружеское рукопожатие в самый раз, хотя рукопожатия, пожалуй, маловато для старого приятеля и одного из ее бывших начальников.

– Мисс Ньютон! – Он радостно стиснул ее руки.

– Вы знаете маму? – тут же потребовала ответа Рита.

– Вы что, пожениться с ней собираетесь? – спросил Билли, подозрительно прищурившись.

– Тогда вам сперва придется пройти наш осмотр, – заявил Барри и с суровым видом скрестил руки на груди.

– Ты что, она же замуж за Айвора собирается! – встряла Терри. – Правда ведь?

– Терри, что за глупости ты говоришь! – Клара редко сердилась на Терри, но сейчас почему-то была возмущена ее заявлением. – Ну, с какой стати тебе *такое* в голову пришло?

– А вы знаете, что такое «число пи»? – подал голос Алекс. – В математике, я имею в виду? А то я могу вам объяснить, если хотите.

– Мистер Харрис знает, что такое «пи», Алекс.

И Клара поняла, что ей придется хорошенько поработать с детьми, чтобы они научились «знакомиться» с другими людьми как положено. А уж Терри вела себя и вовсе из рук вон плохо.

Затем Клара спокойно объяснила детям, что мистер Харрис в течение десяти лет был ее непосредственным начальником, что он – один из хозяев той фирмы, где она раньше работала, и третий в третьем поколении Харрисов. Она велела всем умыться и привести себя в порядок, а у мистера Харриса спросила:

– Вы ведь останетесь на ланч, не так ли?

С некоторым смущением она подала гостю водянистый куриный супчик и черствый хлеб – такова была их обычная субботняя трапеза, – но мистер Харрис воспринял это самым естественным образом и сказал, что в последнее время ест совсем мало. Впрочем, у него всегда были очаровательные манеры. Он всегда отличался худобой, хотя, пожалуй, теперь еще больше похудел. И лицо у него было на редкость бледное и какое-то изможденное. Клара сразу это заметила. Он, правда, никогда не отличался ни любовью к прогулкам, ни цветущим видом, но сейчас отчего-то казался каким-то совсем уж усталым. Таким усталым и измученным он не выглядел даже в страшные ночи тяжелых лондонских бомбежек, когда они вместе с Кларой укрывались на станции метро «Олдгейт». *Интересно, зачем он приехал?* – думала она. – *Почему просто не позвонил, не написал?* Она уже успела понять, что его отец, мистер Харрис-старший, пребывает в добром здравии и наслаждается покоем после выхода на пенсию, а его дед, 84-летний мистер Харрис-старший-старший, по-прежнему увлекается рыбной ловлей и даже получил приз за особо крупного пойманного карпа.

Значит, за пойманных карпов можно и призы получать?

Странно, но дети, умывшись, на кухню так и не пришли. Через несколько минут Клара преувеличенно весело сказала мистеру Харрису: «Вы кушайте, кушайте», – и отправилась выяснять, в чем дело.

В комнате мальчиков Билли швырялся подушкой, Барри пытался отжиматься, лежа на полу, Алекс валялся на кровати и читал, а Питер смотрел в окно и курил.

А ведь Клара несколько раз громко звала их всех! Впрочем, сейчас она лишь напомнила, старалась говорить максимально спокойно:

– Ланч готов, вы что, не слышали?

– Мы не пойдем.

– Что?!

– Да с какой стати нам с ним дружить-то?

– Что происходит? – спросила она у Питера, но тот лишь плечами пожал. Зато Барри тут же объяснил:

– Он же хочет, чтобы вы с ним в Лондон уехали!

Соображала Клара быстро.

– Нет, мальчики, это самый обыкновенный дружеский визит.

И, произнося это, почувствовала, как сильно забилося у нее сердце. *А что, если мистер Харрис и впрямь приехал за ней? Что она ему ответит, если это действительно так?*

– Не притворяйтесь, будто вы такая уж недогадливая, мисс Ньютон, – сказал Барри, оставив свои физкультурные упражнения и ничком плюхнувшись на кровать.

В девичьей комнате тоже царила атмосфера всеобщего недовольства.

– Вам помочь вещи сложить? – спросила Морин – как плюнула.

– Что-что?

– Мы же знали, что вы и трех месяцев здесь не выдержите!

Рита, сжимая в руках мышку Молли, посмотрела на нее умоляюще:

– Вы же обещали!

– Нет, это уж совсем никуда не годится! – рассердилась Клара. – И мистер Харрис совсем не потому сюда приехал, и я никуда уезжать не собираюсь.

Терри тоненьким голоском возразила:

– Но вы всегда говорили, что были счастливы, когда работали в фирме «Харрис и сыновья».

– Ну да, была. А теперь я и здесь вполне счастлива.

В итоге дети все-таки на кухню явились. Мистер Харрис держался стойчески и даже попытался завести с ними беседу, пока они ели.

Но как только тарелки опустели, дети встали, извинились и попросили разрешения выйти из-за стола.

– Ну, ладно, идите, – вздохнула Клара, глядя им вслед. Собственно, ничего нового они в сложившуюся ситуацию не привнесли.

Сегодня была очередь Морин мыть посуду. Она заняла позицию возле раковины и буквально метала раскаленные стрелы в бедного мистера Харриса.

– Ну и как вам работается с мисс Барбер? – Этот вопрос Клара задала ровным тоном, хотя даже упоминать имя этой молодой женщины, занявшей ее место, было ей крайне неприятно. Мистер Харрис церемонно положил ложку на пустую тарелку, промокнул губы салфеткой и сказал:

– Это самая плохая из всех возможных секретарш. Вы просто вообразить себе не можете, насколько она плоха. И это еще мягко сказано.

Клара засмеялась. Как это приятно – все-таки оказаться отомщенной! Эта пробивная девица, из-за которой ей тогда пришлось пережить столько неприятностей, в итоге оказалась большой ошибкой. *Какой сюрприз!*

– Если честно, мистер Харрис, мне она никогда не нравилась. – Клара вдруг захотелось быть с ним откровенной. – И во время собеседования я не верила ни единому ее слову. Ведь с самого начала было совершенно очевидно, что у нее нет ни умения, ни соответствующих личных качеств для работы секретарем.

– Ах вот как? – сказал мистер Харрис. – Значит, вы не слышали, что мы с ней поженились?

И Клара почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Впрочем, и у мистера Харриса физиономия была малинового цвета.

– Хм-м... нет, не слышала. Поздравляю вас!

Она успела заметить, что спина Морин, стоявшей у раковины, трясется от беззвучного смеха.

Когда Клара провожала мистера Харриса до автомобиля, вдруг поднялся ветер, взметнув целую тучу осенних листьев. Было видно, как на той стороне улицы Айвор подметает улицу перед своей мастерской. На мгновение их глаза встретились.

Мистер Харрис между тем говорил о том, что их компания ищет способ несколько изменить свою деятельность. И он одним из первых сумел предложить некие конкретные планы.

Затем он завел двигатель, вылез из машины и, держа в руках шляпу, просительно посмотрел на Клару.

– Видите ли, – сказал он с кривой усмешкой, – у нас *действительно* большие трудности с канцелярской работой. Я все хотел спросить: не согласитесь ли вы к нам вернуться? Если честно, вас вообще ни в коем случае не следовало отпускать. Зато теперь мы могли бы предложить вам новые, куда лучшие условия. И, разумеется, существенно повысить зарплату.

Лучше бы он этого не говорил! Клара даже пожалела, что он сейчас ей это предлагает. Новые условия – это, конечно, очень соблазнительно. Особенно обещание существенно повысить зарплату. Умения во всем себя ограничивать и на всем экономить хороши только в романах и в сказках, а в реальной жизни это выглядит весьма уныло, а порой и попросту неприглядно. И дело даже не в деньгах: ведь всего полгода назад она эту работу *по-настоящему любила*. Такие вещи просто так со счетов не сбросишь.

– Большое вам спасибо и за то, что навестили меня, и за ваше удивительное предложение, – сказала она.

– Надеюсь, вы вскоре дадите о себе знать?

– Безусловно. – Клара глубоко вздохнула – все-таки в эту минуту она предавала нечто очень ей дорогое. – Но не по поводу работы. Я надеюсь, вы понимаете, что я не могу просто взять и бросить этих детей?

Мистер Харрис кивнул и снова открыл дверцу автомобиля.

– Да, я вас понимаю.

– И вы на меня не сердитесь?

– Не сержусь? Что вы, ни в коем случае! Это определенно ваше место, Клара. Это же любой человек сразу поймет.

Сердце у Клары вдруг бешено забилося. *Ее место?* Иной раз она и сама чувствовала, что это именно так, но чтобы об этом ей сказал кто-то другой...

– Не знаю, действительно ли это так... На самом деле я совсем не уверена, что сумела чего-то здесь добиться.

И вдруг за ворота выбежала сияющая Терри.

– Вы не поверите, но у меня помидоры проросли! Самые настоящие! Которые едят!

– О, это же просто чудесно, Терри! Жду не дождусь, когда твой урожай поспеет.

И Терри помчалась в мастерскую к Айвору, чтобы и ему сообщить эту потрясающую новость.

А мистер Харрис, удивленно приподняв брови, с улыбкой заметил:

– И вы еще говорите, Клара, что ничего особенного здесь не добились!

Когда Клара вернулась на кухню, Рита, сгорбившись, сидела за столом, и глаза у нее были в пол-лица, а лицо белое как бумага.

– Ну? – обвиняющим тоном спросила она и скрестила руки на груди. – И когда же вы уезжаете?

– Все в порядке, моя хорошая, и я, честное слово, не собираюсь никуда уезжать.

И тут Рита, Алекс, Пег и – вот уж невозможно поверить! – Морин принялись ее обнимать.

Она здесь! Она остается!

Глава десятая

В ноябре Морин стала возвращаться домой все позже и позже. Она выскользнула за дверь, когда Клара считала, что она уже спит, используя старый трюк с подушкой, засунутой под одеяло и изображающей тело спящего человека. Клару даже немного оскорбила уверенность Морин в том, что она на эту удочку попадется, но, подумав, поняла, что и впрямь уже несколько раз попадалась.

Когда Морин вовремя не являлась домой, Клару охватывало всепоглощающее чувство бессилия – почти такое же, как во время блица в ожидании яростных бомбежек, когда ты ровным счетом ничего сделать не можешь, разве что съежиться, максимально уменьшившись.

А Морин возвращалась за полночь с сияющими глазами, запыхавшаяся, а то и напевающая себе под нос «Шайн он Харвест Мун»^[14]. Клара в итоге эту песню просто возненавидела. Держалась Морин просто на удивление нагло, и когда у Клары было особенно плохое настроение, она с тоской думала: *Вот и с ней я тоже не справилась и в итоге сдалась!* А ведь сейчас она запросто могла бы вернуться в «Харрис и сыновья», и там для нее самой большой проблемой была бы западающая клавиша пишущей машинки с литерой «Е» или минимальное, на несколько минут, опоздание в сроке сдачи материала.

Только ничего ей не говори, пока злишься, – убеждала она себя. – Иначе завтра же ты об этом пожалеешь. Да и главенство свое в этом доме утратишь.

Однажды, когда время уже близилось к полуночи, а Морин все еще не было, Клара нервно меряла шагами кухню и гостиную, мрачно размышляя о том, что никто не предупредил ее заранее, что, заботясь о подростках, можно почувствовать себя самым одиноким человеком на земле. Ну а потом, когда она уже места себе не находила от тревоги, наглая девчонка вернулась, вприпрыжку, как маленькая собачонка, и как всегда весело напевая себе под нос.

Этого Клара вынести не могла и вихрем вылетела на улицу, чтобы не выпалить Морин в лицо те слова, о которых потом стала бы жалеть. Но сдерживать себя в присутствии Морин у нее тоже не было сил.

На той стороне улицы Айвор выставлял на крыльцо молочные бутылки.

Не разговаривай с ним, не разговаривай! – велела она себе.

Айвор выпрямился и окликнул ее:

– Мисс Ньютон, что-то вы поздно вато гулять собрались.

Да откуда он знает, что для нее поздно, а что рано!

Но ей вдруг страшно захотелось поговорить с ним, рассказать ему обо всех своих бедах и тревогах. И она, больше не сдерживая себя, сердито воскликнула:

– Да это все Морин! Удрала потихоньку и полночи гуляла. Она совершенно меня не слушается!

– Хотите, я пойду ее поищу?

– Нет, нет... спасибо. Она уже вернулась. На сегодня, видимо, уже нагулялась.

И Клара вдруг направилась через улицу прямо к Айвору, чувствуя, как ноги холодит ночной воздух, проникая под распахивающиеся полы домашнего халата, и понимая, что *вовсе не с ним* ей так хотелось поговорить – на самом деле его она для этой цели выбрала бы в последнюю очередь; *тоже мне, герой войны, черт бы его побрал, а сам обивкой мебели занимается!* Нет, ей необходимо было поговорить хоть с кем-нибудь, но звонить мисс Бриджес или даже Джуди было уже слишком поздно.

– Это ведь далеко не впервые, – горестно призналась она, – и у меня уже просто нет сил. Я уже не знаю, что ей и говорить. И понятия не имею, куда она ходит и где...

– Местные ребятишки часто кучкуются возле кладбища, – подсказал Айвор.

– Веселое местечко!

– Может, вы зайдете? – пригласил он. – А я вам чай приготовлю.

Его мастерская показалась ей похожей на тайное убежище какого-то султана или на пещеру Аладдина. Она в подобных местах никогда не бывала. Вдоль всех стен в несколько рядов выстроились прислоненные к ним длинные рулоны разноцветных тканей. А в центре стоял просторный стол и на нем три – целых три! – швейных машинки. Еще там имелся шкаф с множеством маленьких выдвижных ящичков с бронзовыми ручками. И повсюду коробки, из которых

выглядывали ленты, кружева, связки пуговиц, куски бархата. На столе лежали толстенные альбомы с образцами. А на свободном месте громоздились диваны – Клара насчитала штуки четыре – одни были поставлены на дыбы, другие лежали на боку. Стопки готовых портьер. Груды набивки для диванных подушек. Несколько сантиметровых лент и линеек. Клара уже и вспомнить не могла, какой она себе представляла мастерскую Айвора, но точно не такой.

А он скользил в этих своих владениях – в своем собственном мире – с уверенной грацией, какой она в нем раньше не замечала.

– Это просто удивительно! – вырвалось у нее. – Я и понятия не имела...

Айвор озадаченно поскреб затылок.

– Не нахожу это таким уж удивительным, но мне нравится.

Наблюдая, как он кипятит воду на маленькой плитке у задней стены мастерской, Клара заметила, что одна щека у него покрыта страшными шрамами. Война. А разве у кого-то после нее никаких шрамов не осталось? Конечно, у него и у нее военный опыт настолько отличаются, насколько это вообще возможно – война отнюдь не служит великим уравнителем, как нравится думать некоторым, – да ей бы и в голову не пришло, что это может быть иначе.

– Мне нужно перед вами извиниться, – сказал вдруг Айвор. – Я не должен был тогда так грубо с вами разговаривать.

При этом он повернулся к ней лицом, и теперь клубы пара поднимались у него за спиной и вились вокруг головы. А ведь он, похоже, извиняется вполне искренне, подумала Клара, хотя никогда ведь не знаешь наверняка.

– Ну, эти походы туда и обратно с чемоданом выглядели и впрямь отвратительно, – нехотя буркнула она. – Прямо «хоки-коки»^[15] какой-то!

– Да, действительно похоже.

– Я этот дурацкий танец всегда ненавидела.

– И все-таки, Клара, я не имел права так говорить. Это было глупо. И *несправедливо*. Простите меня, пожалуйста.

– Но вы ведь по-прежнему считаете, что мне следовало бы уехать, верно? Что мне в Грейндже делать нечего. Вы свою мысль высказали вполне ясно.

– Но я же не дал вам возможности доказать обратное, не так ли?

– Как вы меня тогда называли? Шутком, у которого совершенно нет опыта, зато полным-полно всяких дурацких идей? А еще...

– Я слово «шут» вообще не произносил! Уж на шута-то вы как раз совсем не похожи.

– Тогда, значит, канцелярской крысой.

– Это я мог сказать, – честно признался он. Волосы свесились ему на лицо, скрывая от Клары его чудесные темные глаза. – Но в этом расхожем выражении нет ничего плохого.

Клара только фыркнула.

– И потом, – продолжал он, – монахини мне всегда нравились...

– Ну, сестра Юнис вряд ли могла вызвать у вас такую преданность!

– Я не о ней. Там были и другие. Меня ведь тоже монахини вырастили – здесь, в «Шиллинг Грейндж».

Этого Клара не знала. Тогда понятно, подумала она и, судорожно сглотнув, сказала:

– Бедняжка!

– Тогда здесь было совсем не так уж плохо, – возразил Айвор, словно она ему не поверила. – Я и жил в той же комнате, где теперь спальня мальчиков. Моя кровать у окна стояла.

Там теперь стоит кровать Питера, мелькнуло у нее в голове, а он все не умолкал:

– И монахини о нас хорошо заботились. Только тогда мы их воспитательницами не называли. Некоторые из них были к нам очень добры, а сестра Кейт, например, вообще была очень милая.

– И чем же она была так уж хороша?

Айвор помолчал, явно вспоминая и сравнивая.

– Ну, она умела слушать. И никогда не торопилась, старалась как можно лучше всех узнать. Нет, идеальной ее ни в коем случае назвать было нельзя, но мы всегда буквально спиной чувствовали ее поддержку, и на нее точно можно было положиться. Но сейчас... я просто не мог не заметить, что дети явно стали выглядеть более веселыми и счастливыми. – Айвор все-таки налил ей чаю и подал чашку. – А все благодаря вам. Так что насчет вас я ошибся, простите.

Клара предпочла промолчать. И *вовсе не обязательно* им быть врагами. Похоже, он и впрямь о ней мнение переменял. Так, может, и ей попытаться переменить свое мнение о нем?

Они еще немного поговорили – о Морин, о ее семье, о ее трагическом прошлом, – и снова Айвор поддержал Клару, сказав, что она совершенно правильно ведет себя с этой девочкой. Затем разговор зашел об Алексе и Питере. Питера Айвор особенно любил, и Клара с удовольствием рассказала ему о том, что объявился родной дядя Питера, а также о потенциальных приемных родителях для Пег; эти люди девочкой очень заинтересовались, однако им мешает немота Пег, ее неспособность сказать вслух хотя бы «спасибо» и «пожалуйста».

Чашка Клары давно опустела, и ей хотелось еще чаю, но Айвор явно забыл ей это предложить. И она принялась рассказывать ему, как холодно порой бывает в Грейндже, особенно в верхних комнатах. Он даже передернулся, словно его пробрала дрожь.

– М-м-м, да! Это я очень хорошо помню!

Кларе было на удивление уютно у него в мастерской. И потом, ее тронули искренность и честность Айвора, а также его неожиданная уязвимость. И она решила, что ей тоже следует говорить с ним откровенно.

– Дело в том, – призналась она, – что я так до конца и не поняла, стоит ли мне всем этим заниматься и правильно ли я поступила, оставшись здесь? И правильно ли я веду себя с детьми? У меня такое ощущение, словно я уже не раз успела каждого из них огорчить.

– Но наверняка не всех?

– По-моему, всех. Ну, может, кроме Алекса.

Айвор рассмеялся:

– Да уж, Алекс – человек в высшей степени спокойный!

– Мне бы, конечно, помощь не повредила, но члены Совета всегда так заняты и так ограничены в средствах...

Айвор с пониманием кивнул и заметил:

– Недаром говорят, что работать с детьми – значит, навсегда остаться подружкой невесты, а невестой так и не стать.

Клара грустно улыбнулась. Этот человек явно ее понимал; после разговора с ним у нее даже на душе стало немного легче.

– Скажите... а вы просили миссис Кардью вам помочь? – спросил вдруг Айвор.

– Жену доктора? Хм-м... Похоже, это еще один человек, которого я сумела огорчить, – печально промямлила Клара, вспоминая тот

неудачный разговор с миссис Кардью, о котором ей очень хотелось бы позабыть.

– Ясно. – Айвор поскреб покрытую шрамами щеку и сказал: – Послушайте, Клара, вам нужно постараться судить себя не слишком строго. Ведь даже Морин в итоге домой вернулась. Она понимает, где ее настоящий дом.

И в душе Клары вспыхнула гордость, что с ней редко случалось. Да, это правда. Может, она и впрямь не полная неудачница? Она с такой легкостью считает собственные ошибки, так, может, стоит попытаться сосчитать и успехи? Вот и в фирме «Харрис и сыновья» вряд ли стали бы просить ее вернуться, если бы не были уверены, что некоторые вещи она действительно умеет делать очень хорошо.

– А знаете, я ведь уже начала понемногу разбираться в документах, все детские дела рассортировала и составила новые, более подробные отчеты о детях, – неожиданно похвасталась она.

– Это вы правильно сделали!

– И двоих записала на экзамен «11+», и все дети теперь ходят в библиотеку... и у нас собственное пианино появилось!

– Да уж, это ваше чертово пианино! – усмехнулся Айвор.

– И с Джулианом у меня тоже очень хорошие отношения. Ведь не каждый день удастся с человеком хорошие отношения установить, правда? Джулиан – это тот солиситор. Ну, мистер Уайт. У него еще такая чудесная собака! Я этого пса просто обожаю.

Айвор встал и подошел к окну. Теперь в темноте она совсем не видела, какое у него выражение лица. Странно, до чего все-таки в сельской местности темные ночи, подумала она, гораздо темнее, чем в Лондоне. Темнота по-прежнему вызывала у Клары воспоминания о затемнениях, когда приходилось больше полагаться не на зрение, а на остальные чувства.

Какое-то время Айвор молчал. Потом сказал:

– В общем, я за вас рад. А теперь, если не возражаете, я хотел бы снова вернуться к работе.

Когда Клара добралась до дома и заглянула к девочкам, Морин уже невинно посапывала в своей постели рядом с пристроившейся к ней под бочок Пег.

Обычно в Грейндже дней рождения не праздновали. Их слишком много, объяснил Кларе Алекс. *Слишком много, чтобы причинять себе лишние хлопоты*, – подумала она, и ей стало грустно. И хотя ее собственные родители тоже ее дни рождения никогда не отмечали, но и в школе-интернате, и в фирме «Харрис и сыновья», и в семье Джуди это событие никогда не проходило незамеченным.

С Майклом ей довелось отпраздновать свой день рождения только один раз. Правда, в тот день он не смог получить увольнительную, но через неделю, в воскресенье явился: *Сегодня мы идем танцевать!* И они без конца целовались – и в клубе, и за его пределами, и держась за руки на крыше дабл-декера – и обещали друг другу в скором времени чудесный отпуск...

Сладкие воспоминания.

Однако придумать, как лучше отметить четырнадцатилетие Морин, Клара оказалась не в силах. А когда она сказала, что Морин могла бы пригласить кого-то из своих школьных друзей, девочка так и уставилась на нее.

– Да вы что? Смеетесь? Сюда же никто и прийти-то не захочет!

Только не теряй самообладания, ведь она именно этого добивается.

– Почему же не захочет?

– Потому что это не дом, а помойка, вот почему!

Удар был болезненный, на что, собственно, Морин и рассчитывала. Ведь Клара, решив остаться в Грейндже, постоянно все в доме начищала и намывала, полировала и переставляла мебель – в общем, наводила уют. А теперь, когда у нее установилось перемирие с ближайшим соседом, Айвор то и дело приносил в Грейндж то новые диванные подушки, то коврик, то новые занавески. «Это просто остатки и образцы», – говорил он. В итоге Клара, немного сэкономив, сумела даже вызвать трубочиста, и тот прочистил камин, так что теперь они могли его затопить, собираясь в гостиной. Живой огонь в камине согревал, казалось, весь дом, да и смотреть на него было очень приятно.

– Речь ведь не о том, *где именно* собраться, а о возможности приятно и всем вместе провести время.

– Вместе! – с усмешкой сказала Морин. – Да меня же там все ненавидят!

– Глупости какие! – засмеялась Клара, но Морин, похоже, говорила серьезно.

* * *

Клара предложила испечь именинный торт, но Морин только нос воротила. Презрение Морин к кулинарным талантам Клары было поистине убийственным, хотя, возможно, и справедливым. В Лондоне Клара вполне благополучно существовала, питаясь консервами, яйцами и тостами, а по пятницам баловала себя фиш-энд-чипс. Здесь же все приходилось делать самой и зачастую буквально из чего придется, и при этом кое-какие из оказавшихся в наличии овощей представлялись Кларе столь же загадочными, сколь и неаппетитными.

Но вскоре она все-таки сумела уговорить Морин вместе испечь на ее день рождения пирог, точнее хлебный пудинг из оставшихся сухих корок. Морин обладала удивительным, совершенно инстинктивным талантом к кулинарии, и как-то так получалось, что результаты ее усилий всегда пахли весьма аппетитно, да и выглядели не так уж плохо.

Когда после ланча внесли «именинный пирог», дети воткнули в него свечи и спели «С Днем рождения тебя», но Морин только покраснела и нахмурилась.

Пег подарила ей собственноручно нарисованную картину: все их домашнее хозяйство, а в центре Морин и Клара, держащиеся за руки. Впрочем, Морин тут же умерила всеобщие восторги: «Спасибо, Пег, но на нас это *ни чуточки* не похоже». Это было жестоко, потому что Пег старалась изо всех сил.

Зимнее пальто, которое купила ей Клара, было, конечно, не от Дороти Перкинс, о котором так мечтала Морин, но выглядело на самом деле *почти* таким же. Морин даже губу закусила, но все же сказала: «Вряд ли оно будет на мне нормально сидеть».

Господи, ну почему она не может быть просто благодарной? Клара чувствовала, что уже с трудом сдерживается, когда в дверях вдруг появилась миссис Кардью. В меховом палантине и на высоких каблуках она выглядела так великолепно, словно собралась на бал.

– По-моему, Морин, ты очень любишь засахаренный миндаль, – сказала она, – иначе во время последнего визита к нам в хирургию ты не набрала бы целую горсть этого лакомства, стоило доктору к тебе спиной повернуться.

На Морин было жалко смотреть; казалось, ей больше всего хочется, чтобы пол разверзся и поглотил ее.

– Так вот я специально для тебя приготовила целую коробку.

Морин дрожащими руками взяла подарок и смиренно поблагодарила.

– Не каждый день человеку четырнадцать лет исполняется, – сказала миссис Кардью и посоветовала: – Ты только непременно со всеми поделись.

Морин кивнула и тут же куда-то исчезла, а миссис Кардью с недовольным видом провела пальцем по кухонному столу и нахмурилась, изучая щербатые тарелки. Казалось, даже хлебный пудинг осел под ее неодобрительным взглядом.

– Ну ладно.

– Что – ладно? – не поняла Клара.

– Ладно, я помогу детям с музыкальными занятиями. А еще я слышала, что двое ваших будут сдавать экзамен «11+»?

– Да, мы в списке.

– Это хорошо. Тогда я могу помочь и с математикой, а не только с фортепиано. Когда вы хотите начать занятия?

– Но я не смогу вам платить, миссис Кардью, – заикаясь, пролепетала Клара.

– Зовите меня по имени: Анита. А насчет платы я знаю.

Вот это *действительно* неожиданность! Клара просто не знала, как реагировать, а потому осторожно спросила:

– Не хотите ли вы к нам присоединиться и съесть кусочек праздничного пирога?

Сперва Анита целую вечность расстегивала свое пальто. Затем подвинула к себе стул, положила на него свою большую сумку, села на

нее и стала всех рассматривать, внимательно вглядываясь каждому в лицо.

Клара поставила перед ней тарелку с куском пирога, и Анита с подозрением на него уставилась.

– Это что, пирог?

– Ничего лучше мы сделать не сумели.

– Похоже, мне придется давать вам еще и уроки кулинарии.

Клара не выдержала и рассмеялась. Еще никогда в жизни она не встречала столь прямолинейного человека! Впрочем, и сама Анита слегка улыбнулась.

Клара почему-то решила, что ее прислал Айвор. Вот она и появилась у них на дне рождения, точно фея-крестная из сказки о Золушке.

Во всяком случае говорить Аните «нет» Клара точно не собиралась.

Глава одиннадцатая

К середине декабря Клара успела еще четыре раза сходить на свидание с Джулианом. Хотя можно ли было эти встречи назвать свиданиями? Джулиану больше нравилось слово «рандеву»; ему казалось, что это звучит почти по-парижски. *Когда у нас состоится следующее рандеву?* Лучше всего в этом слове было то, что оно как бы обходило основную проблему, не дававшую Кларе покоя: *Значит ли все это, что мы теперь пара?*

Они пообедали в ресторане (и там все было просто шикарно, как и надеялась Клара), позавтракали в пабе (фантастический завтрак!), съездили на пикник, захватив с собой вкусные сэндвичи (и это прошло на удивление весело), и даже сходили в театр, хотя пьеса показалась им настолько непонятной, что в перерыве они ушли – и ничего этого Клара одна никогда бы не сделала, а потому каждое свидание с Джулианом вызывало у нее восторг.

– Жизнь слишком коротка! – сказал он как-то, и Клара поняла, что и свою жизнь он строит, видимо, согласно этому философскому принципу.

– Почему вы проводите со мной столько времени? – спросила она, когда они угощались лобстером в знакомом пабе. Ведь он мог заполучить любую – достойную матрону или пылкую девственницу – на тех веселых вечеринках, где был частым гостем.

– Во-первых, потому что вы великолепны. Перечислять дальше?

– Нет, правда, Джулиан?

– А как насчет такой формулировки: «Вы для меня как глоток свежего воздуха»?

– Неубедительно.

– У меня никогда ничего толком не получалось с обычными хорошими девушками. Мне куда интереснее те, кто способен бросить мне некий вызов.

– Значит, я бросаю вам вызов?

Он задумался.

– Нет... но вы действительно другая. И мне очень приятно находиться в вашем обществе.

А помимо этого? Ведь наверняка было и что-то еще. Просто должно было быть. Особенно если учесть, что согласно статистике, женщин после войны больше, чем мужчин. Даже в газетах пишут: «Мы столкнулись с избыточным количеством женщин!», или: «Теперь у мужчин широкий выбор!». А журналы советуют женщинам «не выпускать из рук пойманную дичь», если им хочется видеть на безымянном пальчике возжеленное колечко с бриллиантом. («Ловля дичи» включала также накладные ресницы, непременно похудание и привычку помалкивать.) Любые средства были хороши, чтобы обратить на себя внимание особенно редкой «дичи» – подходящего по всем параметрам холостяка. «Он и слушать не захочет о том, что вам довелось пережить во время войны, – ведь в это время сам он изнемогал от зноя в Египте». Джулиан, правда, в Египте не был, но все-таки...

Чем же я для него так привлекательна? – недоумевала Клара. Она снова спросила, что, собственно, он в ней находит. Она и сама не знала, что хочет от него услышать, но ей хотелось добраться до сути.

– Трудно найти по-настоящему хорошую женщину, – объяснил Джулиан. – Многие представительницы моего круга несколько холодноваты. А мне нужна женщина мягкая, ласковая, с добрым сердцем. И я не вижу в этом желании ничего странного. Вы со мной согласны? – Он помолчал, откашлялся и прибавил: – Видите ли, довольно долго я был в близких отношениях с одной женщиной, но в итоге ее оставил.

– И почему же?

– Она не хотела детей.

Кларе это заявление показалось просто удивительным и подействовало на нее прямо-таки как взрыв бомбы. Честно говоря, ей никогда еще не доводилось слышать, чтобы мужчина так открыто заявлял о подобных вещах. Даже Майкл так далеко не заходил.

– А вы, значит, хотите детей? – сама себе удивляясь, уточнила Клара. У нее даже внутри все похолодело от волнения.

– Очень хочу, – кивнул Джулиан. – А теперь я хотел бы знать, что *вы* во мне находите.

Клара искренне наслаждалась свиданиями с Джулианом. Он позволял ей полностью сменить обстановку, немного пожить совершенно иной жизнью; ей даже начинало казаться, что

повседневная жизнь в Грейндже – это просто некий спектакль или, может, пантомима, и только с появлением Джулиана все меняется, и сама она, и ее жизнь становятся какими-то более зрелыми, что ли.

Иметь дело одновременно с двумя этими мирами – с двумя сторонами ее жизни, а может, и души, – казалось Кларе безумно увлекательным, хотя порой она и чувствовала себя похожей на тех бумажных куколок, которых Пег и Рита вырезали в библиотеке из детских журналов и приносили домой. К куколкам прилагались различные, тоже вырезанные из бумаги, наряды, надев которые на куклу, можно было подарить ей другую жизнь – ее можно было превратить в актрису, хозяйку бала, принцессу или невесту.

Клара не позволяла себе слишком много размышлять на эту тему и никогда никому не стала бы об этом рассказывать, даже Джуди, однако себе она была вынуждена признаться: в Джулиане она видела и еще одно существенное преимущество – финансовую стабильность. И если бы однажды она решила выйти за него замуж, его точно можно было бы считать «отличной добычей». А ей никогда больше не пришлось бы рыться в сумочке в поисках последних медяков, чтобы заплатить трубочисту.

Однажды днем, когда после перерыва на обед дети вновь ушли в школу, Клара и Джулиан решили немного прогуляться, и Клара очень удивилась, когда Джулиан попытался взять ее за руку, хотя, наверное, это не должно было бы так уж ее удивить.

– Я не очень люблю ходить с кем-то за руку, я как-то к этому не привыкла, – объяснила она, хоть и не была уверена в правдивости своих слов. Она, например, всегда брала Пег за руку, когда провожала ее в школу. Ей вовсе не были неприятны телесные контакты с детьми: когда Риту выворачивало наизнанку после столь неудачного и безжалостного сообщения о смерти ее матери, она заботливо поддерживала длинные волосы девочки и помогала ей умыться; а однажды она даже сама выкупала Алекса, когда тот ночью описался и был этим страшно смущен; она каждый раз ласково утешала Терри, прижимая ее к себе, когда та обжигалась крапивой.

И этих физических контактов мне более чем достаточно, спасибо большое!

Джулиан засмеялся.

– А мне казалось, что *все* женщины любят держаться за руку.

Ему вообще были свойственным подобные обобщения; стоило Кларе в первый раз это заметить, и обобщения посыпались как из рога изобилия. «Мне кажется, что все лондонцы пахнут смогом». «По моему, все французы любят сыр». Просто удивительно, до чего он мог быть порой умным и тонким, зато в иных случаях его уверенность в собственной правоте граничила с грубостью.

– Я попробую это полюбить, – пообещала Клара.

– Только не нужно себя заставлять, – сказал он даже с некоторым раздражением, и Клара поспешила прибавить:

– Да нет, это, в общем, даже мило. – Ей ведь действительно было приятно, когда их пальцы ласково сплетались, и она уже понимала, что ведет себя глупо, а ее сдержанность в данном случае совершенно неуместна.

Теперь Клара старалась не рассказывать Джулиану о своих неприятностях, связанных с детьми и Грейнджем – ей не нравилась его реакция на эти рассказы. Однажды, например, она пожаловалась ему на то, что Морин часто является домой за полночь, и он тут же заявил: «У нее, должно быть, просто дурная наследственность». А в другой раз, когда Клара рассказывала, что Барри грозят неприятности в школе из-за постоянных драк, он ответил: «Неужели до сих пор за нарушение дисциплины не внесли трудовой повинности?»

– Ему ведь всего двенадцать лет, Джулиан!

– Ну, так пусть вернут в обиход розги.

В парке они сперва брели по дорожкам, поддевая ногами опавшие листья, потом сели на скамейку и стали смотреть, как белки прыгают с дерева на дерево. Все это время они держались за руки, и Клара с удивлением думала: а ведь это, оказывается, так приятно, так... уютно.

– Между прочим, я знаю способ, чтобы оттуда убраться. Из Грейнджа, я имею в виду, – сказал вдруг Джулиан, и Клара, не будучи уверенной, что правильно его поняла, переспрашивать не решилась, но на всякий случай сказала:

– Да я ничего против Грейнджа не имею! А сестра Грейс – просто чудо. И мисс Бриджес тоже. Она всегда дает мне полезные советы.

А все проблемы с шитьем и починкой теперь решал Айвор. Он отпускал подолы на платьях Морин – *эта девочка так быстро растет!* – штопал детские носки, чинил Питеру рубашки, ставил

Билли и Барри заплатки на штаны, которые у них были вечно протерты или порваны на коленях. Нет, он, конечно, *сам* это предложил, но Клара решила все же, что рассказывать об этом Джулиану не стоит, инстинктивно чувствуя, что особого восторга это известие не вызовет.

– И Анита тоже оказалась замечательной помощницей.

Анита Кардью занималась математикой с Терри и Алексом, устраиваясь обычно за кухонным столом. Учителем она была строгим, склонным к бесконечным повторениям пройденного, а то и отругать могла, но дети двигались вперед прямо-таки семимильными шагами. А еще Анита великолепно готовила, однако доктор Кардью к экзотическим кушаньям склонности не питал, так что «Шиллинг Грейндж» порой оказывался в выигрыше, и дети наслаждались пряным овощным рагу по-бургундски или какой-нибудь особенной картофельной запеканкой.

– Кто такая Анита? – спросил Джулиан.

– Жена доктора Кардью.

Анита, кстати, твердила Кларе, что Джулиан фантастически перспективен. «Значит, у тебя снова свидание с этим солиситором, мистером Уайтом?» – радостно переспрашивала она, стоило Кларе упомянуть об их встречах. И в голосе ее звучал такой восторг, словно Клара собралась на свидание со знаменитой кинозвездой.

Впрочем, сам Джулиан испытывал к Аните прямо противоположные чувства.

– А, эта сумасшедшая полька. Знаешь, где он ее отыскал? В концлагере Берген-Бельзен!

И Клара сразу вспомнила номер, вытатуированный на руке у Аниты, и то, как она порой словно уходит в иную реальность, заблудившись в собственных мыслях и воспоминаниях, и то, как в такие минуты мрачнеет ее лицо.

– Я таких подробностей не знаю, – сказала она.

– Она там с голоду чуть не померла и была в полном отчаянии. Бродила, как безумная, среди этих живых скелетов.

– Даже представить себе не могу!

Джулиан вдруг протянул Кларе руку и рывком заставил подняться, сказав, что им пора. Время вышло.

– А ты ей полностью доверяешь, когда она работает с детьми? – спросил он.

Клара ответила не сразу. Подобный вопрос даже не приходил ей в голову. Хотя, может, и должен был прийти. Но ей казалось, что лучше не размышлять о том, как следовало на состоявшемся несколько месяцев назад собеседовании обрисовать свою линию поведения в плане «защиты детей от дурного влияния», а полностью положиться на явные таланты и умения Аниты.

– Пожалуй, да, – ответила она Джулиану.

– И вот это мне тоже очень в тебе нравится, Клара. Ты поразительная оптимистка!

Клара, правда, никакого особого оптимизма в себе не чувствовала. Но спорить с ним ей не хотелось – тем более, если именно ее «оптимизм» так ему нравился.

Весь обратный путь до его адвокатской конторы они так и прошли, держась за руки, хотя у Клары то и дело то где-то чесалось, то ей хотелось поправить шляпку, то еще что-нибудь. Для следующего «рандеву» Джулиан предложил теннис, или верховую езду, или... Он вдруг умолк, и эта неожиданная пауза была исполнена напряженного ожидания.

– Может быть, вы согласитесь прийти ко мне в гости?

Клара спортом никогда не увлекалась. Также как не была готова и к дальнейшим шагам в плане физического сближения, что, как она опасалась, мог означать вариант номер три. Ведь с мужчиной никогда не удастся сохранять ровные, дружеские отношения; мужчины всегда стремятся эти отношения углубить, либо же сразу отступают к береговой линии.

Хм-м-м.

В общем, пока они договорились, что посетят свою любимую кондитерскую «Лайонз» в пригороде Оксфорда. *Это как бы на середине пути*, – подумала Клара, да и Джулиан, похоже, остался доволен: он всегда был не прочь полакомиться тамошним фруктовым тортом.

* * *

– Я попала в трудное положение, – так Клара начала вечером свой еженедельный телефонный отчет перед Джуди. – Понимаешь, этот

тип...

Это был один из тех странных разговоров, когда голос ее лучшей подруги Джуди начинал звучать словно издалека. И такие случаи стали повторяться все чаще. Если Клара выказывала некое удивление, Джуди говорила либо: «Ты же знаешь, я не люблю болтать по телефону» (хотя раньше Клара этого за ней не замечала), либо: «Ерунда, просто какие-то помехи на линии».

Последнее, возможно, и соответствовало действительности, но почему-то никаких помех никогда не возникало, когда Клара звонила в Совет.

– Ну-ну, удиви меня, – подбодрила ее Джуди.

– Я не совсем уверена, но, по-моему, я ему нравлюсь. Ну, понимаешь, *в том самом смысле*.

– Ты *всем* мужчинам «в том самом смысле» нравишься.

Джуди была, как выражаются учителя, «ребенком позднего развития». Когда ей исполнилось шестнадцать, она все еще выглядела девятилетней; у нее даже менструаций до восемнадцати лет не было. Мальчики, естественно, ее не замечали, смотрели как бы сквозь нее. Возможно, именно из-за этого Джуди с таким восторгом восприняла ухаживания Артура, считавшегося завидным холостяком; видимо, в глубине души она по-прежнему чувствовала себя гадким утенком.

– Но сама-то я так толком и не поняла, как к нему отношусь.

Клара не могла избавиться от мыслей о том, что *в данный момент связана отношениями с восемью детьми, и они занимают столько места в ее душе, что ей порой кажется, будто она вот-вот взорвется*. Однако Джулиан – настоящий профессионал, известный адвокат. *Не следует забывать об этом!* С ним ее жизнь стала бы в тысячу раз легче.

– Майкл хотел бы, чтобы ты была счастлива, – сказала Джуди. Впрочем, так она говорила всегда.

– Ох, я так по нему скучаю! – вздохнула Клара. Стекла в телефонной будке запотели, но сквозь них все еще были видны золотистые огни в мастерской Айвора, который, казалось, практически все время проводил за работой, и усыпляющие темные окна офиса Джулиана.

– Я знаю, – ласково шепнула Джуди.

Милая Джуди.

Но тут Джуди позвал Артур, и Клара сразу повесила трубку.

* * *

В декабре Морин стала удирать из дома несколько реже – и можно было только догадываться, то ли это из-за близившегося Рождества (и желания быть хорошей девочкой), то ли из-за того, что стало слишком холодно болтаться по местным кладбищам. В общем, какова бы ни была причина этого, Клара была довольна и даже стала надеяться когда-нибудь до Морин достучаться. Особенно, когда они стояли рядом на кухне и, скажем, чистили лук. Морин могла быть отличным компаньоном, когда хотела.

Младшие дети делали в школе елочные украшения из бумаги и рисовали поздравительные открытки. Рита создала весьма сложную открытку с волхвами и одинокой овечкой из ваты и сообщила: «Это для мамы». Алекс тоже сделал открытку с несчастной одинокой малиновкой на упавшем дереве. Вручая ее Кларе, он даже извинился: «Изобразительное искусство – отнюдь не самая сильная моя сторона».

Ничего себе! – подумала Клара. *Отнюдь!* Такое слово детям в словаре смотреть нужно.

На открытке Терри были красками нарисованы некие расплывчатые коричневые и зеленые формы, и она утверждала, что это деревья. «Типичная Терри!» – смеялась Клара, показывая открытку Айвору. А Пег изобразила веселого Деда Мороза с мешком, полным игрушек, и написала внизу: «Маме Ньютон», чем тронула Клару до глубины души. Как жаль, что Пег не может говорить! – думала она. После той неудачной попытки удочерения девочки надежды на то, что ее удастся пристроить в приемную семью, сильно уменьшились. В первое время Клара все пыталась хоть как-то разговорить Пег, но ту настолько расстраивали эти попытки, что Клара, задав ей вопрос, сама же на него и отвечала, дождавшись от Пег лишь одобрительного кивка или еще какого-нибудь знака. Со знаками у Пег все было в порядке: словами она, может, и не владела, однако очень быстро и точно давала понять, если ей что-то нравится или неприятно.

Близнецы пожаловались, что так и не успели сделать рождественские открытки, а вот Питера и Морин тема открыток,

похоже, вообще не интересовала. В последнее время Клара подозревала, что Морин после ланча в школу попросту не возвращается. Телефон в «Шиллинг Грейндж» был очень нужен, и Клара упорно донимала мисс Бриджес просьбами насчет его установки, но сдвинуть с места тех, от кого это зависело, было по-прежнему невозможно.

В конце триместра Клара получила письмо от директора средней школы и была очень удивлена тем, что это не по поводу Морин, а по поводу Питера.

Питер, оказывается, по результатам триместровых тестов съехал со второго места на семнадцатое, что было просто непостижимо, и Клара тщетно ломала голову, пытаясь понять, с чем это связано. Может, с тем, что теперь он регулярно видится с дядей и думает только о том, когда тот приедет в следующий раз на своем роскошном автомобиле? А может, решил, что ему теперь и стараться в школе больше не нужно, раз его вот-вот могут усыновить? И Клара решила обратить на Питера особое внимание.

Джулиану удалось-таки поселить в ее сердце зернышко недоверия к Аните Кардью. Жена доктора и впрямь казалась Кларе чересчур суровой, а с другой стороны – как бы слегка не в себе. Но когда она спросила у Алекса, как ему нравится заниматься с миссис Кардью, он решительно заявил: «Она – самый умный человек из всех, кого я знаю!»; его поддержала и Терри, сказав: «Она же все цветы знает!».

Клара решила непременно обсудить эту проблему с мисс Бриджес, когда они встретятся в последний раз перед Рождеством.

– Боже мой! – воскликнула мисс Бриджес. – У этой женщины есть и семья, и друзья, не так ли? А значит, все у нее нормально.

Музыкой теперь занималась только Рита. Все остальные сдались в первый же месяц. А болтушка Рита, которая способна была заговорить даже задние ноги осла, вдруг стала гораздо сдержанней и насчет своих занятий музыкой предпочитала с таинственным видом помалкивать.

Как-то раз ближе к вечеру Клара на цыпочках подкралась к садовому сараю, желая послушать, как идет урок, и убедилась, что все очень хорошо. Вот только можно было подумать, что это бедняжка Анита учится у Риты играть на фортепиано, а не наоборот.

Глава двенадцатая

Клара никак не могла придумать, чем бы ей порадовать детей на Рождество. *И как его празднуют?* Но потом она припомнила, как готовилась к празднованию Рождества мать Джуди, когда Клара у них бывала, и решила попытаться все эти приготовления воспроизвести. Хотя бы приблизительно.

Айвор принес рождественскую елку, которую дети тут же принялись украшать. Клара обрадовалась, что именно Морин взяла на себя руководство этим процессом и теперь строго распоряжалась, какое украшение на какую ветку повесить – казалось, она руководит перемещением армий по территории Европы. Пег подхватила насморк, Билли и Барри больше дрались, чем наряжали елку, а Рита как всегда подвывала, но в остальном затея с елкой удалась.

Затем Клара повела детей петть на улице рождественские гимны. Список мест, которых следовало избегать, был столь же длинен, как и тех, куда они могли пойти. Во-первых, не стоило соваться в тот большой особняк чуть в стороне от Верхнего шоссе, где, как она слышала, живет художник сэра Маннингса и где находятся его знаменитые «портреты лошадей»; ну и, разумеется, в дом миссис Гаррард рядом с ее цветочным магазином.

Джулиан и его партнеры, стоя на крыльце адвокатской конторы, переговаривались между собой, комментируя выступления детей, а затем раздали каждому из них по шиллингу. Особенно Кларе понравился маленький застенчивый мистер Робинсон; а мистер Брауни, высокий и какой-то громоздкий, показался ей похожим на те новые холодильники, рекламу которых так часто помещают в газетах. Костюм на мистере Брауни сидел плохо, усы уныло свисали, и вообще было в нем что-то такое, от чего у Клары по коже поползли мурашки.

Последняя их остановка была перед мастерской Айвора. Он пригласил их войти, и дети тут же уселись по-турецки вокруг обогревателя. Затем Рита спела соло «Тихая ночь». Голосок у нее был удивительно чистый и нежный, и все слушали очень внимательно. Анита уже успела открыть Кларе тайну о том, что Рита уже научилась играть «О, малый город Вифлеем», но когда Клара попросила ее сыграть, Рита отказалась: «Сперва я сыграю для мамы». И Кларе стало

ясно, что ничто из сообщения миссис Харрингтон о гибели матери Риты в душу девочки так до конца и не проникло.

Младшие дети буквально облепили Айвора, взобравшись к нему на колени или на плечи.

– Пег ведь и с вами не разговаривает, да? – вдруг спросила у него Клара. Пег и Айвор так и льнули друг к другу, точно горошины в стручке.

Айвор громко рассмеялся.

– Да, со мной тоже! Но я надеюсь, что в один прекрасный день мы с ней все-таки поговорим, да, Пег?

Пег смутилась и спрятала головку у него на плече.

А Клара подумала: неужели и я когда-нибудь научусь вести себя с детьми так же естественно, как это получается у Айвора?

На верстаке у Айвора лежал какой-то красиво оформленный сверток, перевязанный золотой лентой.

– Там что, какая-нибудь зверюшка для меня? – пропищала Рита, заметив сверток.

– Нет, это мне подарок прислали! – И Айвор быстренько запихнул красивый сверток под верстак подальше от детских глаз. Все засмеялись, даже Клара, потому что получилось и впрямь забавно, но она все же не могла не удивиться: *От кого это Айвор подарки получает?*

Алекс первым догадался, что насчет подарка Айвор вовсе не шутит, но лишь одна Морин осмелилась спросить:

– А от кого этот подарок, Айвор? Ну же, открывай карты!

– От одного друга. – И Айвор вдруг покраснел. Вот уж удивительно: Клара что-то не помнила, чтобы Айвор вообще когда-нибудь краснел.

Уж не миссис ли Харрингтон ему это прислала? – подумала она и тут же себя одернула: это в любом случае не мое дело.

Дети казались ей иногда удивительно похожими на пса Бандита, когда тот, получив в дар куриную ножку, стремится завладеть и всей курицей целиком.

– От какого друга? От кого, Айвор, ну, от кого? – хором спрашивали они.

– Ее зовут Руби, – наконец не выдержал Айвор. – И хватит с вас. Итак, кто поет следующим?

* * *

Клара и Майкл постоянно находили какой-нибудь повод, чтобы устроить себе маленький праздник: столько-то дней с момента их знакомства, первого поцелуя, первой ночи, когда они занимались любовью, обручения, назначенной даты свадьбы. Но в сочельник Клара просто не знала, куда ей себя девать – ведь именно в сочельник и погиб Майкл, и каждый год именно этот праздник она воспринимала как самую горькую и мучительную отметину.

Ей удалось довольно рано отправить детей спать – подкрепив это обещаниями на завтрашний день, – она и сама легла рано, окружив себя любимыми фотографиями, и всласть, как это бывало и раньше, поплакала. Возможно, дело было именно в контрасте между ее мечтой о Рождестве и реальной действительностью, а возможно – в воспоминаниях о том, как всего четыре года назад она вот так же в сочельник легла спать, не ведая, какой ужас вскоре на нее обрушится. Впрочем, может, это и не имело отношения к конкретному дню; просто она очень живо представляла себе Майкла в кабине самолета, украшенной рождественской мишурой – Майкл очень любил Рождество, – и чувствовала, какой ужас он испытал, заметив, что его самолет горит. Понимал ли он, что сейчас произойдет? Нет, ей никогда не узнать ответа на этот болезненный вопрос и никогда от этого вопроса не избавиться.

В этом году никакой поздравительной открытки от Мэрилин, матери Майкла, Клара не получила и только теперь поняла, что так и не сообщила ей свой новый адрес. Она понимала, что надо непременно написать Мэрилин, но никак не могла заставить себя это сделать. А может, Мэрилин послала открытку по ее старому адресу, в родительский дом? Да, это вполне возможно. Впрочем, пора, наверное, вообще все это отпустить.

Было уже, наверное, начало двенадцатого, когда дверь ее спальни слегка приоткрылась и кто-то – она еще подумала, что, наверное, Морин, хоть и не была до конца уверена, – тихонько проскользнул внутрь и тут же быстро попятился обратно.

На Рождество Айвор явился к ним, позаимствовав где-то огромное красное пальто с капюшоном, отороченное мехом, и фальшивую бороду на резинке. На плече у него висел грубый мешок из-под картошки, а в мешке – подарки для детей, и дети, получая подарки, вопили и пищали, точно выводок птенцов.

– А можно нам их сразу развернуть?

– Да, – ответил Дед Мороз, – но если разрешит мисс Ньютон.

После этих слов Терри пронзительно крикнула:

– А откуда ты знаешь, как ее зовут?

В подарок Терри получила заступ для своих огородных дел, о котором давно мечтала. Пег достался симпатичный мягкий медвежонок, которого так приятно было обнимать, и она сразу же прижала его к щеке и окрестила Рупертом – в честь своего любимого героя комиксов. Подарком для Риты была настоящая музыкальная шкатулка с крошечным зеркальцем, перед которым вращалась тоненькая балерина; эту шкатулку Клара нашла на рынке, желая окончательно закрепить с Ритой мирное соглашение. Алекс получил долгожданный набор для занятий геометрией. Билли и Барри, хоть и пребывали уже в сложном переходном возрасте, но буквально прилипли к подаренным мраморным шарикам. А вот Питеру настоящего подарка Клара так и не придумала и подарила ему пачку сигарет и немного денег. Он, правда, почти сразу поднялся наверх, но Клара успела с радостью отметить, что он улыбается. Морин она решила подарить свой серебряный браслет – самое первое ювелирное украшение, какое появилось у нее в жизни. И лишь увидев, как просияло личико Морин, поняла, какое значение имел для нее такой подарок.

– Вы ведь останетесь и поужинаете вместе с нами, Дедушка Мороз?

Но Дед Мороз объяснил, что ему пора двигаться дальше, ведь он должен раздать еще так много разных подарков. Так что сегодня он очень занят и никак не может остаться. Дети стали обнимать его на прощание, а потом он ушел, и бдительная Терри тут же спросила, хитро прищурившись:

– Интересно, а откуда ему известно, где у нас задняя дверь?

А минут через десять Айвор вернулся – беззаботно улыбающийся и в своей обычной одежде. Глядя на него, Клара тоже никак не могла

перестать улыбаться. Она вдруг поняла: а ведь он просто замечательный парень! Такое ощущение, что раньше она этого попросту не замечала.

– Видишь? – сказал Билли, повернувшись к Терри. – Это никак не мог быть Айвор!

– Ну конечно, это был никакой не Айвор! – поддержала его Рита. Айвор рассмеялся.

– Всем привет! Весело ли Рождество празднуете?

Дети принялись показывать ему полученные подарки.

Джуди связала Кларе к Рождеству чудесный красный шарф и прислала вместе с запиской, заставившей Клару рассмеяться. Там было сказано: «Красное хорошо оттеняет твои чудные глаза», – типичная Джуди! Клара послала ей коробку саффолкской помадки, что было не слишком изобретательно, но она надеялась, что Джуди будет не против, и потом, она сможет поделиться помадкой с Артуром – и Артур, возможно, в кои-то веки запишет это ей в плюс.

Пока дети спорили, у кого подарок лучше, Айвор игриво подтолкнул Клару и спросил:

– Можно вас на пару словечек, мисс Ньютон?

– Можно даже и не на пару, – столь же игриво ответила она. – Сегодня ведь как-никак Рождество!

И Айвор, не сводя с нее глаз, вручил ей большой мягкий сверток. На мгновение Кларе показалось, что это тот самый сверток, который дети тогда заметили у него на верстаке – подарок от какой-то там Руби. *Да нет,* – сказала она себе, – *глупости, он никогда бы так не поступил.*

– А это для кого?

– Для вас, – сказал он таким тоном, словно он только что передумал.

Оказалось, что это большое стеганое одеяло, красное, как почтовый ящик, и мягкое, как лепестки цветов.

– Я помню, вы говорили, что вам нравится красный цвет, мисс Ньютон, – сказал он. – Еще в нашу первую встречу. И что... – он помолчал, но потом все же прибавил: – ...по ночам вы мерзнете.

Одеяло было чудесное. Клара даже к лицу его прижала, пытаясь скрыть переполнявшие ее чувства. Она просто в глаза Айвору не могла посмотреть. Она была в восторге от его подарка, но вместе с тем

испытывала убийственный стыд: ведь она-то о подарке Айвору даже не подумала!

Анита и доктор Кардью приготовили для всех рождественские конфеты-хлопушки. Кларе очень хотелось, чтобы главный приз выиграла Морин, и Айвор шепотом посоветовал ей поднять хлопушку как можно выше у Морин над головой. Потом они потянули за концы, и Морин *действительно* этот приз выиграла, слава богу! Это были крошечные ножнички, и Морин так обрадовалась, что даже принялась в шутку подстригать Рите челку. Рита, разумеется, тут же взвыла.

Пег страшно развеселил этот маленький спектакль. Она так смеялась, что даже свалилась со стула.

А потом все надели бумажные короны, даже Питер. Правда, у Билли и Барри короны, конечно же, сразу разорвались, зато у Морин уцелела и, плывя над толпой детей, светила на ее пышных, как облако, волосах подобно нимбу.

Билли и Барри раздобыли где-то на рынке целую охапку омелы и притащили ее домой, страшно гордые собой. Ветки омелы они подвесили к люстре и *даже* к электропроводам, хотя Клара и говорила, чтобы они этого делать не смели. *Если увидит мисс Бриджес...*

И вот после ланча Клара с удивлением обнаружила, что стоит прямо под свисающими с потолка ветками омелы бок о бок с Айвором.

– Целуйтесь, целуйтесь! – закричали дети, *собираясь* вокруг них в кружок и хлопая в ладоши. Клара быстро глянула на Айвора, которого, похоже, охватило вдруг ужасное смятение.

– Не-е-ет! – пробормотал он, но так неуверенно, словно и сам не знает, как ему поступить. Так что воля детей оказалась сильнее, и они с Кларой шагнули навстречу друг другу.

Она успела лишь заметить, как вспыхнули его темно-карие глаза. *Что это было: смущение, сочувствие, желание?*

В общем, они по-детски смачно чмокнули друг друга в губы и громко рассмеялись, а Клара еще и принялась нарочито брезгливо вытирать губы, подражая Пег. Она почему-то чувствовала себя на редкость глупо, ей даже спрятаться захотелось. Праздник спас Алекс: он рассказал длинную историю о том, как рождественская елка, впервые выставленная на Трафальгарской площади, была подарена норвежским народом в знак благодарности.

– Да знаем мы! – выкрикнул Билли. – Слушай, профессор, можно нам хоть один денек от школьных уроков отдохнуть?

– Какой у нас замечательный праздник сегодня! – пропищала Рита. – Самый-самый лучший!

И с ней согласились все – даже Морин и Питер.

Даже Клара пришла к выводу, что все получилось очень и очень неплохо.

В День подарков, на второй день Рождества, приехала сестра Грейс, и не с пустыми руками. Она сказала, что до шести вечера Клара может чувствовать себя совершенно свободной, и та, оставив детей разворачивать очередные свертки и пакеты, решила сразу пойти к Джулиану, поскольку они собирались где-нибудь вместе пообедать. Ей, однако, пришлось довольно долго ждать в вестибюле, пока Джулиан возился где-то наверху, пытаясь собраться. Он вообще плохо ориентировался во времени, хоть и признался, что на работу никогда не опаздывает. В качестве подарка Клара купила ему точно такую же коробку помадки, какую послала Джуди.

У меня ведь так мало времени, всего до шести часов! – сердито думала она, но Джулиан все продолжал метаться по дому, утверждая, что еще нужно сделать то одно, то другое.

– Ты ведь не сердись, да, дорогая? Ты же знаешь, как это бывает.

Я же как-то ухитрилась собраться и прийти вовремя, хотя у меня на руках восемь детей, – про себя возмутилась Клара, но вслух ничего не сказала, зная, что таких вещей Джулиану говорить не стоит, иначе с ним можно и посориться.

Вестибюль у Джулиана был просторным – размерами он, пожалуй, не уступал их гостиной в Грейндже, – пол выложен черно-белой, безупречно чистой плиткой, мебель антикварная. Клара знала, что Джулиан из богатой семьи, хотя сам он так не считал, сравнивая себя с теми богачами, в обществе которых чаще всего вращался.

Белье у него забирали и приносили обратно выстиранным и выглаженным. И еду ему готовила женщина, приходившая раз пять или шесть в неделю.

– Это все миссис Уэсли из соседней деревни, – сказал он Кларе. – Она могла бы и твое белье стирать.

– Не говори глупостей, Джулиан.

Хотя, конечно, мысль о том, что можно было бы не стирать, не убирать в доме, не ходить по магазинам и не готовить еду, обладала определенной привлекательностью.

Примерно через четверть часа Джулиан, наконец, спустился вниз, держа в руках нечто, завернутое в серебряную подарочную бумагу. Клара пришла в восхищение:

– Никогда такой красоты не видела! Эта бумага слишком хороша, чтобы ее просто разорвать.

Джулиан уставился на нее с умилением.

– Ах ты, моя *девочка*!

Ну как было на него, такого, сердиться.

– Я никаких подарков не ожидала.

Но, если честно, *как раз ожидала* и, зная Джулиана, предполагала, что это будет какое-нибудь ювелирное украшение.

Но оказалось, что это вовсе не украшение, а первое издание сборника стихотворений Джейн Тейлор.

– Ты же говорила, что тебе понравился наш семинар, и потом, насколько мне известно, тебя интересуется местная история. Так что вот, это тебе.

Клара перелистала страницы. Издание было изысканное. Это была одна из самых чудесных вещей, какие ей когда-либо дарили. Прелесть этой книжки – и то, что она никак не предполагала получить в подарок нечто подобное, – заставила ее расплакаться. Джулиан поцеловал ее.

– Ну-ну, я вовсе не хотел стать причиной твоих слез.

– Но я вовсе не потому плачу! Просто я так тронута твоей заботой, твоим вниманием...

– Это я могу – быть заботливым и внимательным! – Он рассмеялся. А Клара решила не дарить ему принесенную коробку помадки – слишком дешевый подарок, наверное, даже хуже, чем ничего.

Оказалось, что Джулиан зарезервировал столик в загородном пабе. Затем он сообщил Кларе, что оплатил миссис Уэсли недельный отпуск (Что это? Очередное проявление заботы и предусмотрительности?), и спросил:

– Ну, и как ты встретила Рождество в обществе своих диких зверьков? Наверняка это был суший ад.

Клара рассмеялась.

– Вовсе нет. – И осторожно прибавила, что далеко не весь день была с детьми одна, ибо поздравить их заходил сосед, мистер Дилани. И после этих слов – то ли ей померещилось, то ли так и было в действительности, – в голосе Джулиана послышалось раздражение.

– У него что, собственной семьи нет?

– Нет. Он и сам в «Шиллинг Грейндж» вырос.

– Ах да! Конечно, припоминаю!

– Тогда тебе, наверное, понятно, почему он так сочувствует моим детям, тоже оставшимся сиротами.

Джулиан заказал шампанского и предупредил официанта:

– Только самого лучшего – это для моей девушки. – Затем он снова повернулся к Кларе:

– Значит, он «сочувствует твоим детям»? Ясное дело. Одиноким герой войны, не так ли?

Да какое это имеет отношение к Рождеству? И при чем здесь «герой войны»? И Клара решила ни в коем случае не говорить Джулиану о подаренном одеяле. В этом просто не было ни малейшего смысла.

Как всегда, свидание с Джулианом было для нее чем-то вроде чудесного бегства в красивую местность, где вкусно кормят и ведут утонченные разговоры о всяких «взрослых» вещах. Клара подобные разговоры просто обожала, хотя каждый раз чувствовала себя той самой бумажной куклой, примеривающей на себя прелестные наряды, тоже вырезанные из бумаги, и мысль о том, что она может никогда больше (по крайней мере, до следующего Рождества) этих нарядов не надеть, была для нее невыносимой.

У Джулиана имелись друзья и в высшем свете, и на высоких государственных постах – Кларе было любопытно и приятно слушать его рассказы о недавних назначениях и увольнениях или о том, что многие из его друзей буквально подавлены приходом к власти лейбористского правительства и надеются только на Черчилля, который снова возьмет все в свои руки и отменит большую часть новых законов.

– Надеюсь, консерваторы не откажутся от государственной службы здравоохранения?^[16] – спросила Клара.

– Но ведь нельзя же допустить, чтобы люди этим злоупотребляли, – сказал Джулиан. – Так они вскоре захотят, чтобы все на свете стало бесплатным.

Клара вспомнила о своих регулярных визитах к доктору Кардью и о том, как он тогда сказал ей: «Конечно, Клара, вы *просто должны* приводить ко мне ваших детей! Приводите их без колебаний». И ведь он действительно ни гроша с нее не брал за эти визиты, которые зачастую не просто изменяли ей и детям жизнь, но и спасали их. Неужели даже это Джулиана раздражает?

А Джулиан уже в следующую минуту, погладив ее по голове, принялся читать какое-то стихотворение из только что подаренной ей книги:

И путник в темноте кромешной
Поблагодарит тебя сердечно —
Ведь крошечный твой огонек
Ему найти свой путь помог.

И Клара вдруг смутилась и покраснела. То, как Джулиан прочел эти строки, означало одно: именно она и есть тот «крошечный огонек», что помогает *ему* «найти свой путь»! Или ей в голову опять всякие глупости лезут? Впрочем, одно ей было ясно наверняка: Джулиан обладает не только чудесным голосом, но и талантом чтеца. Когда она сказала ему об этом, он даже замурлыкал от удовольствия.

– Это нужно моей матери спасибо сказать. За уроки дикции.

– И они сполна окупилась!

В машине Клара, решив взять инициативу в свои руки, сама поцеловала Джулиана и подумала: *Он кажется таким счастливым! Наверное, мне впредь следует делать это почаще.*

Когда они вернулись в Лавенхэм и Джулиан припарковал машину возле своего дома, он, просительно глядя на Клару, предложил:

– Может, зайдешь? Просто чтобы еще немного побыть вместе? Может, чуточку выпить? Все-таки Рождество! – В его голосе Кларе

послышались даже слегка плаксивые нотки. *Да нет, ничего подобного! Будь с ним поласковой. Он просто нервничает.*

Но было уже почти пять, а в шесть сестра Грейс наверняка захочет уйти. Да и детям она обещала вернуться к шести и с каждым сыграть в «джин-рамми»^[17]. И потом, по радио наверняка будут передавать рождественские гимны, и на кухне еще остались несъеденные пирожки, испеченные мисс Бриджес... В общем, Клара извинилась и сказала, что лучше зайдет в другой раз, когда Джулиан снова ее пригласит.

На прощание он целовал ее долго, неторопливо, время от времени нежно покусывая ей мочку уха, и Клара почувствовала, как ее всю охватывает странный жар. А Джулиан сказал:

– О, другого раза тебе долго ждать не придется, милая. Я очень скоро снова тебя приглашу, можешь быть уверена.

* * *

Ложась в тот вечер спать, Клара думала о Майкле. Со дня его гибели прошло уже гораздо больше времени, чем те несколько месяцев, в течение которых они были знакомы. Теперь она старше его тогдашнего. Теперь она порой с трудом вспоминает его лицо – и ей каждый раз из-за этого стыдно. В памяти застряли только отдельные фразы Майкла: «мне нравится “Спам”»^[18], или «обожаю Глена Миллера», «а от “Моби Дика” я не в восторге». Но то были всего лишь вкусовые и интеллектуальные предпочтения Майкла; они почти ничего не способны были поведать ей о его глубинной сущности. А вспомнить эту его сущность она больше не могла; его сущность от нее ускользала – точно так же ускользали от нее его запах, ощущение его кожи, хотя еще совсем недавно она с легкостью могла вызвать все это в памяти, напомнить себе, каков был Майкл в действительности.

Единственное, что она хорошо помнила, – те чувства, которые Майкл был способен у нее вызывать. Чувство наслаждения – до самозабвения, до бреда. Ощущение полной безопасности – глупое, почти младенческое. А еще он мог заставить ее почувствовать себя такой сильной, словно ей под силу завоевывать миры.

В обществе Джулиана она иногда чувствовала себя миром, который он хочет завоевать.

Нет, у нее не хватит сил снова через это пройти, заново все пережить. И она больше никогда не отдаст себя целиком. Никому. Никогда. Теперь она стала старше и мудрее. Реальные, осмысленные отношения – вот к чему она теперь стремилась. Если она вообще продолжала еще к чему-то стремиться.

Она уверяла себя, что нужно отринуть все мысли о мужчинах и *сосредоточиться на детях*. И на том, чтобы подготовить их к жизни в новых семьях. А пока постараться, чтобы они были счастливы, находясь вместе с ней в детском доме «Шиллинг Грейндж». Таковы и будут ее планы на Новый год.

* * *

Грамматическая школа в Ипсвиче оказалась весьма сурового вида зданием в викторианском стиле, высившимся на холме, и Кларе пришлось старательно делать вид, что она ничуть не растеряна, хотя один вид этого здания наводил на нее оторопь. Как всегда, через несколько дней после Рождества в этой школе устраивали день открытых дверей, и Клара привела сюда Алекса и Терри. На этот раз им снова пришлось облачиться в старые плащи и шапки, делавшие их похожими на летучих мышей – нужно же было хоть чем-то прикрыть ту жалкую одежку, в которой они обычно ходили в школу. Остальные дети оказались в основном одеты нарядно, даже с иголки – в начищенных туфлях, наглаженных рубашках и в таких дорогих блейзерах, что, пожалуй, даже Джулиан счел бы это чрезмерным. А кое-кого привезли в шикарных автомобилях, капоты которых были украшены красивыми орнаментами. Ну, а Клара, Терри и Алекс вывалились на железнодорожный перрон из тесного жаркого нутра поезда, насквозь пропахшие дымом.

– Не тушуйтесь, – посоветовала Клара детям (а заодно и себе). – Это чудесная школа. Но вам придется много работать, чтобы попасть сюда, и когда вы сюда *попадете*.

Собственно, действовала Клара в соответствии с советами Аниты. А *основная идея* Аниты состояла в том, что дети должны понимать, к

какой именно цели они стремятся. Это могло придать им некий дополнительный импульс в последние несколько месяцев перед экзаменом «11+». Анита не раз говорила Кларе, что дети – оба! – определенно очень способные и впитывают знания «как фланель», но Клара решила, что она имела в виду губку – «впитывают как губка». Алекс имел явную склонность к математике, а Терри – к естественным наукам. И у каждого имелся очевидный потенциал.

Слушая Клару, оба молчали и согласно кивали. Лица у обоих были чрезвычайно серьезные.

– Да, мэм, мы все поняли! – И Алекс отдал ей честь.

– Отлично поняли, – поддержала его Терри.

– Помните, что я в вас верю и не сомневаюсь, что у вас все получится, – сказала Клара, и они, пройдя под аркой входных дверей и лишь чуточку там замешкавшись, присоединились к остальным.

* * *

В канун Нового года Анита согласилась присмотреть за детьми, чтобы Клара смогла пойти с Джулианом на вечеринку. Для Клары это оказалось полной неожиданностью, потому что она лишь постфактум узнала, что Джулиан со своей просьбой сумел застигнуть Аниту врасплох прямо посреди улицы, а Кларе об этом не сказал. Джулиану Анита никогда не смогла бы отказать. Она постоянно напоминала Кларе: «Вот это настоящий жених! Изысканный. Такие надолго в одиночестве не остаются!»

Клару, правда, беспокоило, что в праздники она часто отсутствует и мало занимается детьми, но когда она призналась в этом мисс Бриджес, та сказала: «О нет! Немного приятных развлечений вам только на пользу».

И все же вплоть до ухода Клара читала младшим девочкам стихи из подаренной Джулианом книжки Джейн Тейлор. Там было немало очаровательных строк, посвященных цветам и детям. Пег эти стихи просто обожала, и Клара невольно исполнялась благодарности к Джулиану, питая к нему все более теплые чувства. Вот и сейчас она просто дождалась не могла, когда сможет рассказать ему, как детям нравится поэзия Тейлор. Подогревал ее и невероятный энтузиазм,

который испытывала Анита по отношению к «потенциальному жениху» Клары.

Когда она примчалась к Джулиану, разодетая в пух и прах, он, как бы в потрясении, провел рукой по лбу, поцеловал ее и шепнул:

– А может, нам вместо вечеринки дома остаться?

Клара оторопела.

– Ты меня стесняешься?

– Господи, конечно же, нет! – И Джулиан снова поцеловал ее. – Дело совсем не в этом. И потом, ты, безусловно, будешь там самой красивой женщиной! – Рука Джулиана осторожно приподняла подол ее юбки. – Мне будет завидовать вся гильдия солиситоров. И я бы непременно хотел – если ты не против – представить тебя как свою девушку.

Клара покраснела, но сказала:

– Мне это было бы очень приятно.

И он ласково поцеловал ее в кончик носа.

Вечеринку устраивали в белом кирпичном особняке, окруженном деревьями, которые были украшены рождественскими гирляндами, состоявшими из крошечных лампочек, похожих на волшебные огоньки. Внутреннее убранство дома тоже было соответствующим: омела, плющ, падуб, колокольчики, свечи. Именно так Кларе хотелось бы и в Грейндже все устроить.

Официанты в галстуках-бабочках разносили шампанское. Мир Джулиана настолько отличался от того, который Клара только что покинула, что она не сразу сумела переключиться. Только что дома ей пришлось возиться с Алексом, желудку которого пришелся не по вкусу рождественский пудинг, сражаться с Морин, которая опять явилась домой позже некуда, останавливать Билли и Барри, которые придумали швыряться в прохожих «водяными бомбами». «У каждого человека много разных лиц», – говаривала, помнится, мать Джуди. И Кларе казалось, что с сентября количество ее «лиц» увеличилось многократно.

Джулиан представил ее кое-кому из своих старых друзей, вместе с ним служивших в ополчении, и каждый из них одинаково крепко пожал ей руку.

– Вы ведь не из этих современных зубастых карьеристок, мисс Ньютон?

А ведь о мужчинах так никогда не говорят!

Клара гордо вздернула подбородок.

– Можно, наверное, и так сказать. Я – заведующая детским домом.

– Понятно. Не понятно мне только одно: почему наше правительство заботится исключительно о сиротах, но совершенно не заботится о тех детях, которые порой просто вынуждены жить в ужасных семьях!

Это сказал Лестер, хрупкий молодой человек с остро торчавшим кадыком и в очках в тонкой металлической оправе.

– По-моему, это еще одна серьезная проблема, на которую нужно непременно обратить внимание... – несколько неуверенно ответила Клара.

– Значит, вы согласны, что Закон о детях практически не коснулся тех детей, которые оказались в сложных семейных обстоятельствах? – Лестер так пристально вглядывался в лицо Клары, словно надеялся прочесть на нем ответ.

– Да, я полностью с вами согласна, – сказала Клара, хотя никогда раньше об этом не задумывалась. – Закон получился несколько ограниченным, хоть его авторы и были на верном пути.

– Вы знаете, у меня самого детство было очень тяжелым.

И Клара, мгновенно растрогавшись, поспешила его утешить:

– Я очень надеюсь, что правительство вскоре займется и детьми из неблагополучных семей.

– А расскажите мне тогда, как вы все устроили в вашем «Шиллинг Грейндж»?

– Я всего лишь постаралась, чтобы там как можно меньше чувствовался дух государственного учреждения, – честно ответила Клара, и Лестер явно не без удовольствия с ней чокнулся.

Вскоре к ним подошли Джулиан и его коллега мистер Брауни, который держал в одной руке бутылку красного вина, а в другой – полный бокал. Мистер Брауни, должно быть, подслушал разговор Клары с Лестером, потому что моментально в него включился:

– А мне лично порка плетью в детстве никакого вреда не принесла. И я, кстати, тоже всегда хотел узнать, что же там такое происходит, в этом вашем Грейндже. Фантастической красоты особняк

– и пропадает ни за грош! Отдали его на откуп каким-то неблагодарным малолеткам. Нельзя ли и нам как-нибудь к вам туда заглянуть? Разнюхать, как все устроено внутри?

Клара еще и рот открыть не успела, чтобы ответить, как Джулиан дернул ее за рукав, призывая к молчанию, однако она этот предупредительный знак проигнорировала.

– Что же там вынюхивать? «Шиллинг Грейндж» – не музей.

Она чувствовала, как сильно напрягся Джулиан. *Что ж, ему не следовало приводить меня сюда. Особенно, если он не хочет, чтобы я оставалась собой!*

– И не зоопарк!

– Жаль, жаль. А ведь если бы я захотел кого-то усыновить, вы ведь реагировали бы иначе, не правда ли? Вы бы наверняка сразу надо мной захопотали. – Мистер Брауни явно стоял слишком близко от Клары, и ее возмутило, как может человек его возраста с таким пренебрежением относиться к нарушению границ личного пространства? Она демонстративно от него отодвинулась, но тут же поняла, что это отнюдь *не пренебрежение*, а полнейшее *безразличие*.

– В таком случае, – спокойно сказала она, – вам пришлось бы пройти соответствующую процедуру. Как и любому другому потенциальному усыновителю.

Но мистера Брауни ответ Клары уже не интересовал; он подмигнул приятелям и сказал:

– Мне бы, например, очень подошла хорошенькая девчушка-подросток. Она бы заодно и в доме у меня прибиралась... У вас случайно нет подходящей девчушки лет девяти-десяти? – поинтересовался он у Клары.

– Нет.

– Вообще-то я и сам бы не возражал в детском доме работать. Повсюду такие свеженькие попки! – Он поднял свой бокал – «ваше здоровье!», – остальные мужчины тоже выпили и засмеялись. Захихикал даже тот милый тихий Лестер в очках в тонкой металлической оправе. Клара чувствовала себя отвратительно: все эти люди – представители одного клуба, одного племени, а она здесь чужая, и существует миллион причин, по которым она никогда членом этого клуба не станет, так что ее мнение не только никому не интересно, но и отнюдь не приветствуется.

Джулиану все же удалось отвести ее в сторонку, и он тихо сказал – как бы в свой бокал:

– Ты уж, пожалуйста, поласковой с Брауни. У него повсюду друзья, в том числе в разных нужных местах.

– А мне он не нравится! – Шампанское прибавило Кларе храбрости, и она гневно глянула на мистера Брауни, который все продолжал разглагольствования на ту же отвратительную тему:

– Я даже заплатить за такую девчущку готов, – донеслось до Клары. – Не особенно много, но...

Ужасный тип!

– Между прочим, о чем это вы там с Лестером беседовали? – спросил Джулиан.

– О, *Лестер* как раз был очень мил! А вот мистер Брауни...

– Не бери в голову. А Лестер вообще на стороне другой команды играет.

– Что-что?

Джулиан покачал наполовину полным бокалом.

– Сомнительная он личность, вот что!

Как ни странно, вскоре Джулиану захотелось оттуда уйти, хотя было еще совсем рано, только начало десятого. При слове «рано» он сделал страшные глаза... *Ну и прекрасно*, – подумала Клара. От всех этих разговоров у нее совершенно испортилось настроение, и время от времени в душе вскипали пузырьки гнева. Но когда Джулиан отправился в гардеробную за их пальто, к Кларе подошел какой-то крупный и совершенно лысый человек, до этого неподвижно торчавший возле полок с книгами.

У него была самоуверенная повадка человека, который прекрасно понимает, что был в жизни весьма успешен и теперь может позволить себе не беспокоиться о том, о чем и беспокоиться-то не следует. Клара вдруг догадалась, кто он такой, смутилась и покраснела.

– Это ведь вы работаете с сиротами, не так ли? – спросил он.

В маленьких городках всем и все друг про друга известно.

– Довольно печальная у вас там жизнь и весьма ограниченная, по моему. Или я не прав?

– Правы, но я стараюсь хоть немного ее изменить. – Клара, слегка рассердившись, заговорила чопорным тоном.

Человек должен считать каждое отпущенное ему мгновение счастья, а Клара замечала улучшения в «Шиллинг Грейндж» буквально повсюду – это было видно и по ее отчетам, и по тому, как стал теперь выглядеть их дом, и по тому, какой хороший праздник у них получился на Рождество, и по тому, какие успехи делает Рита на уроках музыки, а Терри и Алекс – в школе. Даже Морин в последнее время стала гораздо лучше к ней относиться.

– Вы бы как-нибудь зашли со мной повидаться, – пригласил он Клару. – А я подумаю, не смогу ли и я чем-то помочь вам изменить к лучшему жизнь этих детей.

* * *

– Сэр Маннингс хочет, чтобы я к нему зашла, – сообщила Клара, когда они с Джулианом уже сидели в машине.

– Ты уверена? – Джулиан как-то нервно сглотнул и, казалось, ненадолго даже утратил дар речи. Потом прибавил с легкой обидой: – А меня он никогда к себе не приглашал. Ни разу – за все двадцать лет нашего знакомства.

– Он сказал, что хочет что-то сделать для детей.

– Ну-ну... – Джулиан так посмотрел на Клару, словно впервые ее увидел. – Вы *прямо-таки* исключительная особа, мисс Ньютон.

В тот вечер она впервые решила у него остаться. Впрочем, карты давно уже это ей предрекали. И потом, «период ухаживания», как это называл Джулиан, у них и впрямь несколько затянулся, они «встречались» уже полных три месяца. И он, как Клара со смехом рассказывала Джуди по телефону, выложил уже целую кучу денег, все время угощая ее лобстерами.

Она гнала от себя мысли об Айворе, но все же очень хотела бы знать, будет ли он сегодня вечером выглядывать из открытых дверей своей мастерской, увидит ли, как они с Джулианом целуются на крыльце его дома перед невероятной красоты двойными дверями.

Господи, а что, если он и впрямь это увидит?

Ну и что такого? У него эта Руби имеется, которая – кем бы она ему ни была – присылает подарки в сверкающей упаковке, перевязанные золочеными лентами!

И Клара тут же вспомнила о детях, оставшихся дома. Она ведь обещала, что к двенадцати вернется – прямо как Золушка! Впрочем, она знала, что Анита на нее в любом случае не рассердится и ее не подведет. *Боже мой, Клара, да действуй ты наконец! Подумай только, обеспеченный солиситор!*

И у Клары вдруг мелькнула мимолетная мысль: а действительно ли Анита и доктор Кардью друг друга любят? Или, может, Анита любит только «денежную» профессию доктора?

Возможно, впрочем, в их отношениях всего понемногу.

* * *

Тогда, с Майклом, Кларе, конечно, не пришлось так долго ждать. Тогда все было иначе; тогда Мировая война была в самом разгаре, и человек действительно порой терял управление собственными инстинктами и сдерживающими центрами, даже того не сознавая.

Теперь она, конечно, стала старше, и совершать ошибки ей не хотелось. Хотя это вряд ли стоило считать ошибкой. Она просто нервничала, однако полностью отдавала себе отчет в собственных действиях. И потом, Джулиан действительно был привлекательным мужчиной. И с каждым днем все больше ей нравился.

Это была, безусловно, совершенно иная разновидность отношений мужчины и женщины. *Более зрелая. Взрослая. Более соответствующая женщине, которой скоро тридцать, и пятидесятилетнему мужчине.* Впрочем, значительная разница в возрасте Клару больше не волновала; она понимала, что это не так уж плохо.

Им обоим довелось многое пережить. А любые испытания меняют человека, хочет он этого или нет. Дни ярких чувств и бешеного накала страстей – когда основным лейтмотивом было «*завтра мы, возможно, умрем, так что...*» – остались позади. Теперь Кларе требовался более разумный подход. Джулиан был человеком серьезным – то есть именно то, что нужно. Она больше не хотела ни волшебной всепоглощающей любви, ни безумной страсти. Ей хотелось обрести надежного партнера, на которого она всегда могла бы

опереться. И хорошо бы с собакой. Насчет собаки никаких сомнений у нее не возникало – Бандит оказался существенным бонусом.

– Виски? – прервал ее мысли Джулиан.

– Да, пожалуйста.

Он вручил ей стакан, поцеловал в шею, потом чуть ниже подбородка.

– С Новым годом, дорогая! С тысяча девятьсот сорок девятым...
А теперь давай немного повеселимся.

Глава тринадцатая

Сэр Маннингс жил в большом доме, и все стены там – и в холле, и в гостиной – были, как и предполагала Клара, увешаны изображениями лошадей. Черные лошади, птицей перелетающие через зеленые изгороди; белые лошади, мчащиеся по пляжу; гнедые лошади на белом снегу; и все они выглядели такими живыми, что, казалось, слышится топот их копыт.

– И чувствуется запах навоза? – рассмеялся сэр Маннингс.

– Да, и это тоже, – улыбнулась Клара.

На вечеринке в канун Нового года ей показалось, что он не так уж и стар, но теперь было ясно: ему наверняка за восемьдесят. Он никак не мог справиться со своей трубкой и набивал ее бесконечно долго дрожащими пальцами; руки у него были все в коричневых пятнах, что свидетельствовало о неполадках с печенью. Его окутали клубы дыма, но Клара старалась не кашлять – ей не хотелось, чтобы старик счел ее слабой или невежливой. Хотя, как она подозревала, ему многое вокруг представлялось либо проявлением слабости, либо отсутствием воспитания.

Его домоправительница, говорившая с чудесным, каким-то уютным, шотландским акцентом, обладала той редкой способностью, которая заставляет человека постоянно чувствовать, что он окружен заботой. Чай она подала в таких красивых изысканных чашках, что с ними не мог тягаться даже любимый сервиз Джулиана. К этому дивному фарфору Клара отнеслась прямо-таки с трепетом; ей все время казалось, что она вот-вот уронит и вдребезги разобьет тонкостенную, почти прозрачную чашечку или просто обольется чаем. Сэр Маннингс сказал, что жена его поехала на верховую прогулку, и Клара удивилась: *Надо же, я и не знала, что у него есть жена!* А потом подумала: *А что я вообще о нем знаю? И что я здесь делаю?*

– Знаете, – сказал сэр Маннингс, – у меня насчет ваших детей возникла одна идея.

Клара напряглась, опасаясь, что это нечто, связанное с лошадьми. Лошадей она недолюбливала, хотя и чуточку меньше, чем коров.

– Киноклуб!

Киноклуб?

– В Ипсвиче, в кинотеатре «Ритц» на утреннем сеансе по субботам показывают детские фильмы компании Эй-Би-Си^[19].

Клара знала об Ипсвиче только то, что там имеется классическая школа, а также то, что, по мнению мистера и миссис Гаррард, ее детям-сиротам следует жить именно в этом городе, а не в Лавенхэме. Неужели это уловка?

– Идея чудесная, и дети были бы в восторге, но... Ипсвич?

– Ближайший кинотеатр имеется только там. И я хочу предложить вам воспользоваться моим автомобилем. А также водителем, разумеется.

Клара от волнения даже закашлялась. И все же попыталась сопротивляться:

– Но нас девять человек! Мы все там не поместимся.

– Места там более чем достаточно. Всем хватит. Позаботьтесь только о том, чтобы дети с утра в субботу были готовы к поездке.

– Вы невероятно добры!

Он ласково потрепал ее по руке.

– Ну что вы, доброты у меня в самый раз.

Детей затея сэра Маннингса привела в полнейший восторг. Даже Питеру, который в течение всех рождественских праздников был необычайно тихим, удалось улыбнуться.

– Неужели он все это сам организует? Для нас?

Утром в субботу автомобиль сэра Маннингса подкатил к их дому и посигналил. Дети моментально набились в салон, и в кои-то веки никого не нужно было подгонять. Все были готовы ехать.

Для троих это оказалось первым в жизни путешествием на машине. Для пятерых – первым в жизни посещением кинотеатра. Пег сперва чувствовала себя неловко и постоянно вертелась, но вскоре привыкла. Зато все остальные сразу устроились и вели себя так спокойно, словно с рождения привыкли и на машине ездить, и в кино ходить. Зал кинотеатра был набит битком, и там было темновато, но дети спокойно уселись на места, указанные в билетах, и вели себя тихо, предвкушая удовольствие. Правда, когда на большом экране появился Микки-Маус, все дружно завопили и захлопали в ладоши. А Билли и Барри, схватив друг друга за шиворот, даже заулюлюкали.

Оказалось, что это программа мультфильмов: сперва Микки-Маус сделал все, что ему было положено по сценарию, а затем показали полнометражный мультфильм о Даффи Даке.

Клара даже чуть задремала в темноте; ей вдруг страшно захотелось спать, хотя в минувшую ночь она спала неплохо, да и будили ее всего раза два или три. Исподтишка поглядывая на Питера, она вспомнила записку от директора школы, исполненную тревоги по поводу резкого ухудшения результатов его успеваемости. Сегодня Питер смеялся, как все, но стоило ему заметить, что Клара на него смотрит, и уголки его покрытых веснушками губ сами собой опустились вниз. Да, с ним явно что-то не то; придется поговорить с мисс Бриджес и, наверное, с директором школы, но прямо сейчас она вряд ли сумеет что-то исправить. И Клара вдруг вспомнила, как в зале кинотеатра доверчиво сворачивалась калачиком под боком у Майкла – это было еще в те времена, когда она могла все свое внимание и любовь отдавать одному-единственному человеку.

* * *

Когда Рита узнала о существовании в Кингз Линн центра по спасению диких животных, ей захотелось немедленно туда отправиться и выпустить всех зверей на волю. Она горько заплакала, когда Клара сказала, что это невозможно, и продолжала настаивать и рыдать, хотя у нее все лицо уже и так было покрыто красными пятнами.

– Ведь они такие же, как мы. Им тоже нужен кто-то, кто будет их любить. Некоторые звери живут там ГОДАМИ! НИКТО их не любит! И все они скоро УМРУТ!

Рита словно перенесла часть своей страстной любви к матери на музыку и животных. И Клара отнюдь не была уверена, что это здоровое чувство. То есть она *не сомневалась*, что это некая ненормальность, но поделать с этим ничего не могла.

Мисс Бриджес сказала, что Рита просто «одержимая от природы» и ей пока что трудно справиться с собственным темпераментом. Потенциальным приемным родителям подобная «одержимость» девочки тоже вряд ли понравится. *Вот и с самой Ритой все так же,*

как с теми животными в приюте, – думала Клара, – особенно с теми, что пробыли там слишком долго.

– Нет, это какой-то бесконечный процесс, – жаловалась Клара. Она позвонила Джуди, чтобы поблагодарить за красный шарф. – Не одно, так другое!

Джуди только вздохнула. В знак согласия? Отчего-то Клара в этом уверена не была.

– Ну, а ты как? – спросила она.

– Страшно занята, – сказала Джуди.

– Чем это?

– Ой, да ты сама знаешь!

Хотелось бы мне знать, – подумала Клара.

– А как Артур?

– У него свои проблемы, – и Джуди снова вздохнула.

– Как это понимать?

– Да никак. Считай, что я тебе ничего не говорила, так будет лучше.

– Да что такое-то?

– Я так и знала, что ты начнешь расспрашивать! А если я тебе расскажу, отреагируешь слишком бурно.

– Я же не отреагировала... Так почему ты не хочешь мне все рассказать?

– Потому что знаю твою реакцию.

Так они и ходили кругами. Клара чувствовала, что Джуди явно пытается сказать ей что-то важное, но что именно?

Впрочем, в тот вечер у Клары не было времени расспрашивать Джуди об Артуре и его проблемах, ибо у нее хватало своих проблем: она обнаружила в комнате девочек мужчину. Он лежал на кровати Морин, свесив ноги в ботинках, и был без пиджака, без галстука и без шапки. А Морин сидела рядом, поджав под себя ноги, и смеялась. Они курили, поставив между собой блюдце и используя его как пепельницу. И повсюду вокруг стояли бутылки, которые они даже не попытались спрятать. *Неужели они оба пьяны?*

Остальные девочки спали или притворялись, что спят.

– Что здесь происходит? – Столь наглого, демонстративного нарушения всех правил Клара просто представить себе не могла.

– Ничего. Просто мой дружок ко мне в гости зашел.

– Вон! ВОН!

Только сейчас Клара разглядела, что незванный гость – скорее мальчишка, а не взрослый мужчина. Вытянув руки вдоль тела ладонями вверх и тем самым как бы доказывая свою полнейшую невинность, он сказал:

– Я ведь ничего плохого не сделал, миссус!

– Вон!

Он вскочил, схватил свою шапку, ринулся к двери, но в дверях вдруг остановился и стал, слегка кривляясь, посылать всем по очереди дурацкие воздушные поцелуи, *наглец малолетний*, а потом, спускаясь по лестнице, принялся еще и веселенькую мелодию насвистывать. Это была все та же чертова «Шайн он Харвест Мун»!

Морин собралась уже бежать за ним следом, когда Клара остановила ее:

– Ты никуда не пойдешь! И о чем ты только думаешь?!

– Вы никогда мне гулять не запрещали! – возмутилась Морин. – И всегда говорили, чтобы я своих друзей домой приводила. Вот я и привела. – Она с сердитым видом снова плюхнулась на кровать. – Определитесь уже!

* * *

Об этом происшествии Клара просто обязана была доложить Совету. Тут без вопросов. К сожалению, трубку сняла миссис Харрингтон, а не мисс Бриджес. Впрочем, миссис Харрингтон сразу же все ей пересказала, и уже в полдень мисс Бриджес появилась в «Шиллинг Грейндж» в сопровождении не только инспектора полиции, отвечавшего за данный участок, но и начальника местной опеки. Вот насколько все оказалось серьезно! Глава опеки, мистер Соммерсби, оказался человеком весьма обходительным; у него было чрезвычайно серьезное выражение лица и блестящий новенький портфель, замком которого он то и дело щелкал – похоже, ему это доставляло удовольствие. Инспектор, мистер Хортон, носил очки и усы, а выправка у него была такая, словно он все еще служит в действующей

армии. Клара ни с одним из них еще ни разу не встречалась, хотя прожила в Лавенхэме уже более четырех месяцев.

– Если девочка еще раз так сделает, вы должны незамедлительно нам сообщить, и она будет переведена в соответствующее учреждение для правонарушителей или...

– Или что?

– Она ведь уже почти достигла того возраста, когда может жить самостоятельно.

– Но ведь она *пока что* этого возраста не достигла! Ей только тринадцать! И потом, она такая... – Клара поискала нужное слово, но в голове крутилось только одно: «уязвимая».

– Она в любом случае не имеет права приводить сюда по ночам мужчин. Скажите ей об этом. Иначе ее отсюда вышвырнут. Тут никаких исключений быть не может.

– Вышвырнут?

– Да.

Мисс Бриджес поспешила вмешаться и как-то смягчить обстановку:

– В любом случае, Клара, вы совершенно правильно поступили, сообщив нам об этом.

– Благодарю вас.

Мистер Соммерсби снова щелкнул замком портфеля и сказал:

– Извините, мисс Бриджес, но я надеюсь, вы подождете нас пять минут? Нам необходимо переговорить с мистером Уайтом.

Они собираются переговорить с Джулианом?

Когда мужчины вышли, мисс Бриджес, пожав плечами, пояснила:

– Они все старые приятели, вместе в ополчении служили.

Кларе показалось, что на мисс Бриджес выходка Морин особого впечатления не произвела, и она решила спросить:

– Так они поэтому сюда вдвоем приехали? Не из-за Морин?

– Наш Совет порой действует весьма загадочным образом, – как-то странно ответила мисс Бриджес и тут же, вновь посветлев лицом, воскликнула: – А знаете, Клара, мы получили несколько запросов на усыновление! Я уверена: еще немного, и положительные результаты тоже появятся.

Но в последнее время уже было столько неудачных попыток, что особых надежд Клара что-то не питала.

– И кем на этот раз заинтересовались? – спросила она.

Мисс Бриджес с таинственным видом постучала себя по носу.

– Там посмотрим. – Но Клара хорошо знала, как мисс Бриджес ненавидит всякие тайны. И действительно вскоре та прибавила: – Вообще-то я могла бы поклясться, что никаких заявок на девочек старшего возраста так и не появится, однако семейство Нельсон как-то вдруг заинтересовалось возможностью удочерить Морин. Почти все уже улажено, так что, возможно, вам осталось не слишком долго терпеть выходки этой девчонки.

* * *

Клара отчасти пересказала Морин свои разговоры с начальством, используя самый строгий тон. Неожиданная поддержка мисс Бриджес подарила ей такое ощущение, словно ее оборонительные позиции со всех сторон были усилены мешками с песком.

– Если ты еще когда-нибудь позволишь себе так поступить, то лишишь себя возможности и дальше жить здесь. Это ты понимаешь?

– Почему?

– Потому что это детское учреждение, Морин. И здесь совершенно не годится так себя вести. Всему свое время и место, как говорится.

Морин промолчала, внимательно изучая собственные ступни, и Клара решила, что молчание – знак согласия.

О возникшей возможности удочерения Клара пока что не могла ей рассказать. Зато сама она вскоре узнала кое-что об этих Нельсонах, уже считавшихся потенциальной приемной семьей. Оказывается, во время войны они удочерили сразу пять девочек, но теперь девочки выросли и покинули дом, так что у них появилось свободное место для очередной приемной дочери. *Хорошие люди, – признавали все, – соль земли. Такие люди и старую собаку от усыпления спасут.*

Клара ненавидела «палку» как воспитательное средство и всегда предпочитала «морковку» или «пряник». А потому она, во-первых, обсудила с Морин, какую ткань лучше купить, чтобы Айвор мог затем сшить ей новое платье, во-вторых, сообщила, какой фильм будет идти

в кинотеатре «Ритц» в следующем месяце, а в-третьих, предложила испечь сахарное печенье – в общем, постаралась заинтересовать девочку.

Печенье, как ни странно, Морин испечь согласилась. Замешивая вязкое тесто, Клара спросила:

– А что, тот молодой человек – твой парень?

Морин только плечами пожала. Потом обвела пальцами края миски, а пальцы облизала.

– Тогда давай и я с ним как следует познакомлюсь, – продолжала Клара. – В дневное время. Ты приведешь его к нам в гостиную и представишь нас друг другу.

Морин по-прежнему молчала.

Наверное, люди, многое пережившие, заслуживают большего количества любви? – думала Клара. А уж когда она узнала, ЧТО пришлось испытать некоторым из ее детей... Она очень хорошо это понимала, не могла не понимать, но в то же время не была уверена, действительно ли она им так уж искренне сочувствует, потому что как раз те из детей, кто особенно много пережил, нравились ей куда меньше тех, кому ничего такого испытать не довелось. Кларе, например, очень нравились Алекс, у которого когда-то жизнь была куда более приятной и легкой, чем у других, и Терри, в то же время ей часто приходилось буквально сражаться с Ритой, Морин и Пег, которых жизнь так тяжело ранила.

Я должна попытаться полюбить их всех. Должна!

И она вдруг подумала, что и у мужчин на войне опыт был тоже совершенно различный – у Майкла, у Айвора и даже у Джулиана. И у Артура, конечно. Но Артуру она в любом случае никакого послабления не давала, хоть на его долю и выпали ужасные страдания.

Мне бы следовало быть к нему более снисходительной, – упрекнула она себя. *Бедный Артур!* А ведь и Джуди было бы легче, если бы она, Клара, относилась к Артуру с меньшей неприязнью. И не то чтобы Клара проявляла к нему *прямо-таки ужасную враждебность*, но и ей самой, и Джуди, было ясно: Артура она недолюбливает.

И она решила: в следующий раз, когда они встретятся, проявить максимум заботливости и вообще быть с ним веселой и милой.

* * *

Однажды вечером Морин попросила у Клары бигуди и вместе с ней поднялась в ее комнату.

За чаем Морин поскандалила с Питером – «У тебя-то все хорошо! У тебя вон и родственник нашелся, который тебя усыновить хочет!». Потом ее гнев перекинулся на Билли: «Вы же близнецы – вы всегда друг у друга есть!» Даже Терри, которая никогда ни во что не вмешивалась, пала жертвой гневного презрения Морин: «И нечего тебе притворяться, будто ты на всю жизнь в своем огороде останешься! Никто тебе этого не позволит!»

В какой-то момент Клара почти пожалела, что отменила правило, запрещавшее всякие разговоры во время еды.

Морин обошла всю комнату Клары, прикоснувшись буквально к каждой вещи. Она, правда, делала это весьма деликатно, но Кларе казалось, будто каждая из дорогих ей вещей получает удар палкой. В поведении Морин вообще было нечто агрессивное, захватническое. Она внимательно рассмотрела фотографии Майкла, но, к счастью, ничего не сказала. Больше всего ее заинтересовали коробки с записями, хранившиеся под столом.

– Вы что, все записываете и сохраняете?

– Да, именно так.

Одним из самых ранних воспоминаний Клары была охота на бабочек. И когда ей впервые удалось поймать и насадить на булавку одну особенно красивую бабочку – скорее всего, это был красный адмирал, – ей сразу показалось, что теперь все в порядке, бабочка сохранена и даже подписана. Именно такое чувство она испытывала, зная, что все ее коробки с записями в целости и сохранности. Любые мысли и данные, будучи однажды записанными ею и как бы *пойманными*, отныне принадлежали ей. Они становились свидетельством, а свидетельства способны все в жизни прояснить.

– Там у вас и обо мне записи есть? – Морин провела руками по столу.

– Там есть отчеты обо всех живущих здесь детях.

– А можно мне посмотреть?

На лице Морин в кои-то веки было написано острое желание, она даже выглядеть стала младше своих лет. Клару подобная просьба застала врасплох, однако она осталась верна себе: эти драгоценные записи предназначались только для ее глаз.

– Нет, это исключено.

– Но ведь в них *обо мне* написано!

– Это не совсем так.

– Вы же сказали, что там есть и обо мне!

– Я слышу, не кричи. Но читать эти записи никому, кроме меня, не полагается.

Наутро Клара позвонила мисс Бриджес и осторожно спросила, нет ли у них в Совете какого-нибудь сейфа для документов, и была очень удивлена, когда мисс Бриджес сказала, что Совет не только *оплатит* покупку такого сейфа, но и *доставит* его уже к концу этой недели. А пока что Клара решила непременно запирать дверь в свою комнату каждый раз, как она оттуда выходит.

СИРОТСКИЙ ДОМ «ШИЛЛИНГ ГРЕЙНДЖ»

ОТЧЕТ № 4

Билли Коулсон

Дата рождения:

19 января 1936 г.

Происхождение:

Билли Коулсон – один из близнецов. Он и его брат Барри очень близки. Их мать умерла через три дня после родов в лондонской больнице. Отец в это время находился на военной службе, и новорожденных приютила соседка. Вскоре отец мальчиков был убит – во время войны в Бирме. Говорили, что у них имеется дядя, но он, похоже, эмигрировал в Австралию. Ни о каких других родственниках сведений нет.

Здоровье/внешность:

Билли – здоровый сильный мальчик, хотя и чрезвычайно непоседливый. Волосы у него совершенно белые, как у привидения!

Еда:

Билли ест все что угодно. Особая слабость у него к медовому печенью и кокосовому мороженому, тут ему совсем нельзя доверять. Он вообще плоховато умеет собой владеть.

Хобби/интересы:

Обожает медовое печенье. Очень любит ходить по субботам на утренние киносеансы. Любит всякие фокусы – волшебные и неволшебные. С удовольствием занимается починкой разных вещей. Любит играть в футбол или что-нибудь бросать – мяч, сухие листья. Ему нравится останавливать Барри, когда тот дерется или сквернословит. Он вообще часто на Барри покрикивает.

Другое:

Билли необходима активная деятельность, развлечения, а вот с академическими дисциплинами в школе ему приходится сражаться. В целом он очень практичен, и находиться с ним рядом весело и приятно.

Глава четырнадцатая

Миссис Харрингтон подала в Совет заявление об уходе. Ее мужу перестало нравиться, что она работает. Клара до сих пор не простила ей того, какими ядовитыми словами она сообщила Рите о смерти матери. Ей также очень не нравились жеманные манеры миссис Харрингтон и ее постоянные заигрывания с Айвором, а еще она так поливалась своими терпкими духами, что даже после ее ухода их запах еще долго висел в воздухе. И все же требование мистера Харрингтона Клару возмутило. Да почему миссис Харрингтон должна бросать работу? Неужели английских женщин прогресс так и не коснулся? А интересно, подумала вдруг Клара, как поведет себя Джулиан, если их отношения примут серьезный оборот?

– И вы ему даже не возразили? – спросила она у миссис Харрингтон. – А как бы ваш муж отреагировал, если бы вы сказали «нет»?

И миссис Харрингтон с непроницаемым выражением лица ответила:

– Рано или поздно это должно было случиться. Он не возражал, когда я работала во время войны – считалось, что это делается во имя победы, – но теперь-то войны больше нет, так что...

Место миссис Харрингтон заняла некая мисс Купер. Молодая особа, склонная к идеализму. Мисс Бриджес предупредила Клару, что мисс Купер состоит в партии лейбористов и «чрезвычайно увлекается политикой». «В былые времена она наверняка суфражисткой бы стала», – не слишком одобрительно прибавила мисс Бриджес.

По случаю первого знакомства с Кларой мисс Купер надела броуки, а свои великолепные абсолютно прямые светлые волосы заколола заколкой.

Клара начала было рассказывать ей о том, как ее беспокоит Морин, о своих записях и о сейфе, но мисс Купер тут же ее прервала и сообщила:

– У меня просто чудесные новости, Клара! Планируется усыновление!

– Неужели Нельсоны?

Клара – невольно – мечтала, чтобы Нельсоны удочерили Морин. Если девчонку удастся отвадить от той дурной компании, с которой она проводит время на местном кладбище, и от того мальчишки, что валялся у нее на кровати прямо в шапке и ботинках, ее будущее, возможно, еще наладится.

Но мисс Купер ни о каких Нельсонах ничего не знала. И вообще, сказала она, речь идет о приемных родителях для Билли и Барри.

Вот это неожиданность!

Оказалось, что супруги Петерсоны намерены уже завтра познакомиться с мальчиками.

– Завтра? Но на завтра у меня был намечен поход кое-куда... с одним из детей.

Клара собиралась повести Терри в садоводческий центр.

– Вопрос о приемных родителях куда важнее! – Мисс Купер сердито пошуршала своими бумагами, потом принялась крутить в руках карандаш. Ее, похоже, разочаровала реакция Клары. – Нельзя же позволить этим людям просто уйти! Тех, кто хотел бы взять детей старшего возраста, почти так же мало, как несусек с зубами. И потом, вам же известна политика государства?

– Да, конечно, но, по-моему, знакомиться с детьми им еще слишком рано.

– Ничего не рано! – Энтузиазм мисс Купер заставлял Клару чувствовать себя туповатой занудой. – Вы ведь позаботитесь о том, чтобы мальчики были умыты, чисто одеты и прилично себя вели?

Клара все это пообещала, думая: *значит, близнецы станут первыми?*

Она спросила, что слышно насчет дяди Питера. Выражал ли он уже готовность предпринять некие шаги к усыновлению мальчика?

– С ним лучше не торопиться, – сказала мисс Купер. – Поверьте, мисс Ньютон, мы знаем, что делаем. У нас работают люди в высшей степени профессиональные.

А сама-то ты там всего неделю работаешь! – усмехнулась про себя Клара.

Когда Клара сообщила Терри, что их поход, к сожалению, отменяется, темные глаза девочки налились слезами, но, мужественно кивнув, она сказала лишь:

– Ничего, в другой раз сходим. Спасибо, мисс Ньютон.

Порой, пожалуй, даже хуже, когда ребенок проявляет подобный стоицизм, подумала Клара.

«Шиллинг Грейндж» выглядел просто очаровательно в ожидании предполагаемых усыновителей. Они собирались прийти в половине четвертого, выпить чаю, а затем, когда дети часа в четыре вернутся домой, познакомиться с близнецами.

Миссис Петерсон оказалась тощей и очень высокой, существенно выше мужа ростом. У того и шляпа была с высокой тульей, и каблуки на ботинках неестественно высокие, но сам он был коренастым, коротконогим и пузатеньким, как чайник. Вместе они напоминали Кларе Джека Спрэта и его жену^[20].

– Какой у вас чудесный ухоженный дом, – с восхищением заметил мистер Петерсон, так что подаренные Айвором волшебные занавески и коврики свое дело сделали. Мистер Петерсон мимоходом ласково провел рукой по детскому одеялу, и Клара заметила, что на руке у него только три пальца. Потерял на фронте?

– Мы ведь в нескольких детских домах побывали, но нигде так уютно не было! – воскликнула миссис Петерсон, почему-то ломая руки. – Боже мой! Да в таком доме и королю жить не зазорно!

Сами они жили в Колчестере, и она, вдруг смутившись, сказала:

– У нас-то домик совсем маленький. Хотя нам вполне хватает. И комнатка для малыша там имеется.

В гостиную вошел Билли с тщательно прилизанными волосами.

– О, Сидни! Да это же вылитый ты! – восхитилась миссис Петерсон.

Что правда, то правда. У Сидни, то есть у мистера Петерсона, были такие же буйные светлые кудри.

– Люди наверняка решат, что он твой родной сын, – продолжала миссис Петерсон.

Смешно, подумала Клара, до чего им это кажется важным. А может, это просто легче – любить существо, похожее на тебя? Ведь любим же мы собственное *отражение в зеркале*.

Затем вошел Барри, и потенциальные приемные родители с таким изумлением уставились друг на друга, словно мальчики только что явились прямиком с Марса. Рот у миссис Петерсон невольно приоткрылся.

– Что здесь происходит? – спросила она каким-то странным тоном.

– Хм-м... Просто Билли и Барри – близнецы, – пояснила Клара и подумала: *Ну вот и конец решительным действиям в высшей степени профессиональных сотрудников Совета!* Петерсоны явно понятия не имели, что им сватают близнецов.

– Близнецы?!

– Неужели вас никто не предупредил?

Нет, я непременно поговорю с этой мисс Купер!

И тут Клара увидела, что выражение ужаса в глазах миссис Петерсон сменилось полнейшим восторгом.

– Я же всю жизнь о близнецах мечтала! Это поистине предначертано судьбой. Ну, близнецы, сколько же вам лет? Девять?

– Нам скоро тринадцать, – чуть презрительно поправил ее Барри, не понимая, как можно было так ошибиться.

– Впрочем, это все равно! – Миссис Петерсон буквально задыхалась от восторга. Мистер Петерсон маячил где-то на заднем плане. – Мы и против тринадцати не возражаем.

И она, загибая пальцы, принялась перечислять: *катание на лодке по реке, поездки на морские пляжи, фруктовые пироги...* Она нанизывала свои обещания, словно каштаны на веревочку для игры в «Чей каштан крепче».

– Вам это понравится, мальчики, верно ведь? Надо же, близнецы! Спасибо моим счастливым звездам! Я просто поверить нашей удаче не могу!

Через несколько дней Билли и Барри, обняв на прощанье Клару, уехали на «пробный» уик-энд к Петерсонам. И сколько Клара ни пыталась поднять оставшимся детям настроение, у нее ничего не получалось. Дети дружно грустили из-за отъезда близнецов. Рита, как всегда, подвывала, проливая слезы по любому поводу. Пег, точно епископ Кентерберийский, безостановочно мерила шагами дорожки сада. Она могла так делать часами и вне зависимости от погодных

условий. Терри, разумеется, спасалась любимым занятием: возилась на грядках. Алекс, обложившись энциклопедическими справочниками, устроился в гостиной. Питер отмокал в ванне. Морин куда-то ушла.

И все-таки это было организовано чересчур поспешно, – ругала себя Клара.

В итоге она потащилась к телефонной будке, надеясь, что Джуди найдет для нее несколько мудрых слов, но и на этот раз голос Джуди звучал словно издалека.

– У вас опять на линии какая-то неисправность? – спросила Клара.

Ответ последовал далеко не сразу:

– Нет.

Они вяло поболтали о том о сем, и когда Клара уже хотела сказать, что ей пора идти, Джуди спросила, и снова еле слышно:

– Скажи, Клара, ты счастлива?

Клара ответила не сразу, чувствуя, что за этим вопросом таится нечто серьезное.

– Да, *пожалуй*, счастлива. Хотя странное дело: когда дети счастливы, и я тоже счастлива, а когда им плохо, плохо и мне.

– Это звучит, как если бы ты...

– Что?

Клара догадывалась, что хотела сказать Джуди: *как если бы ты была их настоящей матерью*. Но она почему-то так не сказала. И закончила фразу иначе:

– Не знаю... как если бы ты окончательно там прижилась.

– Джуди, а *ты-то* счастлива? – Кларе очень хотелось прибавить: *с Артуром*.

И ее лучшая подруга только рассмеялась в ответ. А потом прибавила:

– В девяноста процентах случаев все отлично.

И лишь *после того*, как Джуди положила трубку, Клара подумала: а в остальных десяти процентах?

* * *

Теперь, когда количество «рандеву» с Джулианом увеличивалось по нарастающей, Кларе казалось неудобным слишком часто общаться с Айвором; с другой стороны, ни Айвор, ни Джулиан ни малейшего неудовольствия не выказывали. Ну, Джулиан, наверное, просто не знал, что она общается с Айвором. А может, и Айвор был не в курсе ее встреч с Джулианом?

Какое-то время Кларе страшно хотелось узнать, зачем Айвор остался в Лавенхэме – а точнее, почему он живет здесь один? Может, и у него кто-то близкий на войне погиб? Подобных вопросов у Клары стало значительно больше после визитов миссис Харрингтон и особенно – когда Айвор получил на Рождество тот подарок в роскошной упаковке. Ей давно уже хотелось как-то все это выяснить, но все начальные фразы разговора на эту тему, которые она придумывала и репетировала про себя, она сразу же отметала как слишком детские и неуклюжие. И все же как-то февральским вечером, притащив Айвору в мастерскую целую охапку детской одежды, нуждавшейся в починке, она решила воспользоваться моментом.

– Значит, пока на сцене миссис Дилани так и не появилась?

На сцене? Господи, что это еще за «сцена»?

Айвор перестал улыбаться.

– Пока нет, но возможно, появится.

Ого!

– Я действительно *был* женат.

– Ох, извини, пожалуйста! Я, кажется, сую нос не в свое дело.

Впрочем, извинение было не слишком-то искренним: от слов Айвора ее любопытство только разгорелось.

– Она от меня ушла. Уехала. Года два назад.

Уехала? Значит, не умерла?

– Извини, я не знала...

– Откуда же ты могла знать? – На нее он не смотрел. – Ее зовут Руби.

Вот оно! Значит, это именно она прислала ему на Рождество тот подарок в роскошной упаковке!

– А может, надо говорить «звали», – продолжал Айвор. – Я теперь и сам не знаю, как о ней следует говорить: в настоящем времени или в прошедшем. Она тоже отлично ладила с детишками из Грейнджа. Вечно водила их на всякие экскурсии вместе с монахинями. А иногда

возила их в Ипсвич или даже в Лондон. А однажды устроила им поездку на пароходе по Темзе.

– Вот это да! – фальшиво восхитилась Клара, хотя ей было абсолютно безразлично, как эта Руби «отлично ладила» с детьми. Ее интересовали только отношения, связывавшие Айвора с бывшей женой. – А куда она уехала, ты не знаешь?

– В штат Нью-Мексико, – ровным голосом сообщил Айвор. – С каким-то американцем познакомилась и уехала. – Он залпом опустошил свою чашку. – В войну таких, как он, американских ублюдков, в Саффолке было полным-полно; да ты, наверное, и сама знаешь. Вот они-то наших женщин одну за другой и увозили, пока нас во Франции и в Египте в порошок стирали. Подкупали их своими сладостями и жвачкой.

– Мне очень жаль...

– Зато теперь у нее сколько угодно нейлоновых чулок! Она так о них мечтала. – Он помолчал, но все же спросил: – А у тебя что вышло?

Он не пояснил толком, что именно у нее «вышло», но она поняла.

– У меня был любимый человек, – призналась Клара. – «Американский ублюдок». И он тоже хотел увезти меня в Америку.

Айвор растерянно на нее посмотрел.

– Ты прости меня, пожалуйста! Я не хотел...

– Ничего, – сказала Клара и улыбнулась. Как же давно она не улыбалась, рассказывая о Майкле! – Я отлично тебя понимаю.

– Мне так стыдно, Клара. Привык всех подряд обвинять и говорить всякие глупости. Пожалуйста, прости меня. Мне даже думать противно, что я, как какая-то последняя...

– Да все нормально. Честно.

– Так... И что же с твоим американцем случилось?

– У них была здесь база – в Кокфилде. Восьмой военно-воздушный полк. И как раз накануне Рождества 1944-го... – *Трудно было это выговорить.* – В общем, наши с ним мечты как ветром сдуло.

Некоторое время Айвор молчал, молчала и она. И сколько бы раз она об этом ни говорила, у нее по-прежнему сердце в клочья рвалось. И по-прежнему гибель Майкла казалась невероятной.

– Грустно такое слышать, – сказал Айвор и стал убирать пустые чашки. Затем внимательно на нее посмотрел и спросил: – Значит, ты *поэтому* сюда, в Лавенхэм, приехала?

– Не совсем. Так уж получилось. Мне приятно думать, что это просто счастливая случайность. Ну, а ты? – Она понимала, что это слишком серьезный вопрос, но знать на него ответ ей очень хотелось. – Ждешь, что Руби вернется?

– Больше не жду.

Клара встала, собираясь к себе, и вдруг Айвор осторожно спросил:

– А твой американец где-то поблизости похоронен?

– Да, на кладбище в Кембридже.

– Ты туда ездила?

Клара покачала головой.

– Я могу с тобой поехать, если хочешь... Ты не думай, я не навязываюсь...

– Спасибо, это так мило, что ты предложил. Я, правда, пока туда не собиралась, но вдруг... Спасибо тебе, Айвор! Правда, спасибо.

– Пожалуйста. Я ведь от всего сердца предложил.

В это воскресенье у нее был самый настоящий выходной, то есть она могла хоть весь день валяться с Джулианом в постели и читать газеты. До его дома от Грейнджа было меньше ста метров, но там она словно попадала в иной мир. Нарядная бумажная куколка Клара оказывалась в элегантном и спокойном антураже, полностью ей соответствующем. Клара, разумеется, не говорила детям, где бывает по выходным, опасаясь, что они начнут стрелять из рогатки по окнам или стучаться в дверь, но подозревала, что старшие дети и так все знают.

Комнаты в доме Джулиана были просторные, с кремовыми стенами и красивыми стеклянными абажурами. Паркетные полы тщательно натерты. Подобные детали всегда свидетельствуют о том, что деньги у хозяина дома имеются.

Клара рассказала Джулиану о пробной поездке Билли и Барри к Петерсонам, и он сказал:

– Вот и отлично. Теперь ты от них избавилась.

– Что значит «избавилась»? – возмутилась она. – Ты хочешь сказать, нашла им приемных родителей?

– Вот именно. А когда ты найдешь приемных родителей для каждого из них, с этим, я надеюсь, будет покончено?

Клара рассмеялась.

– С этим *никогда* не будет покончено! У нас в стране тысячи детей на попечении государства. Для всех никогда приемных семей не хватит.

И она, вдруг вспомнив свой разговор с приятелем Джулиана, печальным Лестером, прибавила:

– А сколько еще детей живут в тяжелых, порой просто невыносимых условиях? О таких государству тоже *следовало бы* позаботиться.

– Но, Клара, нельзя же помочь *им всем!*

– Можно помочь хотя бы некоторым. Я могла бы.

– Все ясно, – только и сказал он.

А Клара подумала: ничего тебе не ясно, мой дорогой. Но он ласково чмокнул ее в щечку – Джулиан отлично умел гасить любую ссору, словно каждый день только этим и занимался, – и сказал, что приготовит чай («Уж точно не такое дерьмо, какое ты пьешь в своем Грейндже. А к чаю у меня есть воздушные макарунс, которые так тебе нравятся».)

Как Джулиан ухитряется доставать все эти вещи при карточной системе, Клара могла только догадываться.

С недавнего времени Клара чувствовала, что между ними все больше и больше недосказанного; впрочем, у нее было столько нерешенных проблем, что, возможно, подобное ощущение возникало именно поэтому. *Куда приведут меня подобные отношения с Джулианом? И должны ли они вообще куда-то меня привести? –* думала она. *Да, должны. Я этого хочу. Вот только куда?*

Близнецы вернулись от Петерсонов совершенно измученные, оставив там «на память» по одному носку, зато не забыв прихватить с собой десять ломтей пышного сливового пирога, *а также* новенькие вязаные шапки из серой шерсти.

– Ну как, хорошо там было? – дрожащим голосом спрашивала Клара, понимая, как это важно не только для самих близнецов, но и – особенно! – для малышей в качестве наглядного примера. Да, собственно, и для старших тоже. Это вообще давало надежду, что найти новую семью и постоянный дом вполне в пределах возможного даже для детей из «Шиллинг Грейндж».

– Они хотят, чтобы мы у них всегда жили! – От возбуждения Билли вскочил на кровать прямо в ботинках. – Совершенно точно!

– Барри, ботинки!

– Я – Билли.

– Да кто бы ты ни был! Сперва сними ботинки.

– Они нас обоих хотят. – Барри, дернув за концы галстука, развязал его и швырнул на пол – видимо, чтобы Билли мог прямо с кровати на него спрыгнуть и потоптать. – Они хотят, чтобы мы оба с ними жили. И тогда мы с Билли сможем всегда быть вместе.

– Или пока не поженимся и не родим своих собственных детей, – прибавил Барри.

– Ну, и что же вы сами думаете по этому поводу?

Билли поднял вверх два пальца, подражая жесту Черчилля, но как бы перевернутому.

– Нет уж, спасибо. Пусть гуляют!

* * *

Мисс Бриджес и Клара по очереди провели с близнецами «серьезные беседы» в гостиной, где обычно и происходили всевозможные собрания и разбирательства.

– Послушайте, это же такая отличная возможность! – убеждала их Клара. – Петерсоны могли бы каждую субботу возить вас в кино! – Она не имела ни малейших оснований утверждать, что это возможно, но надеялась, что сумела бы Петерсонов убедить. В конце концов, в подобных обстоятельствах все средства были хороши.

Отвечал ей или мисс Бриджес обычно Билли. Барри в их паре был исполнителем. Но на этот раз почему-то именно Барри вдруг обрел собственный голос. И голос у него оказался почти мужским – низким, басовитым.

– Дело в том, Клара, что я не знаю, хотела бы наша мама, чтобы у нас появилась новая мать.

Вот оно. Клара глубоко вздохнула.

Мальчик молча смотрел на нее из-под густых ресниц, ожидая ответа. Он доверял ей. И ей стало страшно, потому что она не знала,

как ему ответить. Впрочем, она отлично понимала, что для него в данный момент было бы лучше, а потому сказала так:

– Ваша мама наверняка захотела бы, чтобы вас любили. – Клара вдруг почувствовала в горле колючий комок. *А она и впрямь этого захотела бы? Разве это так уж обязательно?* А захотела бы этого ее собственная мать? Если она этого хотела, то зачем же уехала и оставила ее?

– Но нас тут и так любят. И даже очень! – весело возразил Билли. – Все ребята нас любят.

– Да уж, насчет ребят вам беспокоиться нечего! – подхватил Барри.

– И Айвор нас любит. Он нас своей левой рукой называет.

Клара рассмеялась и подтвердила:

– Айвор вас любит. Но он и без вас как-нибудь справится.

– И вы тоже нас любите, – прибавил Барри. – Ведь правда же?

Клара улыбнулась. Когда дети говорили ей нечто подобное, это всегда трогало ее до глубины души.

– Конечно, я вас люблю, но в жизни постоянно что-то меняется. И потом, это прекрасная возможность снова обрести семью, постоянный дом...

И произнося эти правильные слова, она думала: *а разве не этого хочет каждый?*

– Постоянный дом... – повторил Билли. Потом настежь распахнул окно, выкрикнул в сад: «Постоянный дом!», и с громким стуком захлопнул окно. – А что значит «постоянный дом»?

– Семья. Семья навсегда.

Билли наморщил нос.

– Уж больно серьезно звучит.

И Барри серьезно, таким сердечным тоном плохого радиоведущего, повторил:

– Семья навсегда.

И оба рухнули на кровать, хохоча и утратив всякую взрослость. А Барри еще и «велосипед» в воздухе ногами прокрутил.

– Но вы все-таки попробуйте, мальчики? Еще разок, а?

Они переглянулись.

– Хорошо, еще разок попробуем.

Глава пятнадцатая

Через некоторое время после «столкновения» Клары с ухажером Морин в спальне девочек, но еще до появления в доме сейфа, исчезла сама Морин. Попросту не вернулась домой из школы. И Питер, явно стыдясь, признался, что после ланча больше Морин не видел. Она явно выбрала тот день, когда Клара отправляется закупать провизию, и в ее отсутствие с легкостью проскользнула в дом, взяла свои вещи и точно так же незаметно оттуда выскользнула. То есть она точно знала, что Клары дома не будет, потому что та обычно все же контролировала ее уходы и приходы, хотя особого интереса к этому и не проявляла – а следовало бы.

Клара поискала и в доме, и вокруг него, надеясь найти хоть какую-нибудь подсказку. Одежды у Морин было немного, но Клара сразу обнаружила, что розовая кофточка, которая стала девочке уже маловата, и ее самое лучшее, воскресное, платье отсутствуют. Морин, должно быть, еще с утра запихнула все это в свою школьную сумку.

Затем одного лишь взгляда на дверь в свою комнату Кларе хватило, чтобы она поняла: замок сломан и к ней кто-то вломился.

В комнате царил чудовищный беспорядок. По всему полу были разбросаны бумаги. Ее дурацкие отчеты о воспитанниках детского дома. Ее личные письма. Исчез, однако, только ее отчет о Морин и выписка из личного дела девочки.

Фотографии Клары тоже были переставлены. Нет, не переставлены – стекла на них были разбиты вдребезги. Особенно пострадала фотография ее дорогого, любимого Майкла, снятого рядом с его самолетом. Господи, и зачем Морин понадобилось это делать? Пострадали и другие фотографии – их она не разбила, а просто бросила лицом на пол.

О Господи! Что же там было такого, в этом проклятом отчете?

Клара понимала, конечно, что ничего хорошего там не было. Ужасная история. И хуже всего то, что написано было так, словно Морин – просто... некий интересный для науки экземпляр человеческого существа или просто лишенный тела мозг в стеклянной

колбе, а не живая любящая девушка, которая имеет полное право знать все о своем происхождении.

Томик со стихами Джейн Тейлор остался, впрочем, нетронутым и по-прежнему лежал на тумбочке возле кровати. Увидев это, Клара вздохнула с облегчением, и не только потому, что ей было бы непросто объяснить Джулиану исчезновение этой книги, но и потому, что самой Кларе стихи Тейлор очень нравились. А в особо тяжкие ночи эти стихи казались ей единственным, что имеет какой-то смысл.

Возмущенная и до крайности возбужденная, Клара ринулась к Айвору за советом. Он сразу же отложил все дела и стал слушать. Он тоже явно встревожился – вдоль щек пролегли длинные резкие тени, – но все же попытался успокоить Клару:

– Ты же знаешь, Морин любит порой исчезнуть.

– Да, но на этот раз все по-другому. – И Клара, вновь переживая разгром, учиненный Морин в ее комнате, рассказала об исчезновении дела Морин, о разбросанных отчетах, будь они прокляты, в которые она вложила столько старания и веры, о своих вдребезги разбитых фотографиях.

При одной лишь мысли о том, что Морин поступила так вполне сознательно, у нее начинало болеть сердце.

– Хорошо, я сейчас возьму велосипед и поеду поищу эту девчонку, – сказал Айвор.

– Да, пожалуйста!

Они вместе вышли на улицу и немного постояли рядом в свете уличного фонаря, который почему-то вызывал у Клары воспоминания о Лондоне. Айвор в своей куртке выглядел таким большим, теплым и внушающим надежду, что Клара вновь начала жаловаться.

– Я чувствую себя полной дурой! – И она рассказала, как пыталась донести до членов Совета свое беспокойство по поводу отлучек Морин и объяснить, что девочка явно страдает и борется с собой. – Наверное, мне следовало обратиться в какую-нибудь более высокую инстанцию, – в отчаянии сказала она, и Айвор остановил ее:

– Клара, ты в этом совершенно не виновата! Ты все равно ничего больше сделать не смогла бы. Дело в том, что Морин... Просто Морин – очень трудный ребенок.

– Но ведь я...

И тут она заметила, что к ним неторопливой походкой направляется Джулиан, а на лице у него какое-то странное выражение. Клара понимала, что ничего плохого она не сделала – и уж Айвор, по крайней мере, тут совершенно ни при чем, – но ей почему-то казалось, что со стороны ее общение с Айвором вполне может выглядеть подозрительно.

– Ну... что у вас на этот раз случилось? – спросил Джулиан, хотя губы его буквально подергивались от невысказанных слов, и внимательно посмотрел на Клару и Айвора. По сравнению с ним, одетым в хороший офисный костюм, аккуратно причесанным и выглядевшим умным и в высшей степени профессиональным, они оба, должно быть, выглядели весьма растерянными, да и одеты были довольно неряшливо.

– Морин пропала, и Айвор собирается поехать ее поискать.

– О, это не поможет. – Джулиан пыхнул своей сигарой. – Это... совершенно... не поможет. С кем она на сей раз развлекается?

* * *

Когда Айвор поехал прочь, то и дело звоня в велосипедный звонок и громко окликая Морин, Клара ринулась к телефонной будке. Однако на этот раз там выстроилась небольшая очередь, и ей пришлось даже довольно ожесточенно поспорить с каким-то мужчиной средних лет, стоявшим перед ней и считавшим, что в ее звонке в Совет графства нет никакой срочности. Это вылилось в десять минут зря потраченного времени. Как далеко способна Морин уйти или уехать? А что, если она отправится в Лондон? Разве не в Лондоне любой беглец надеется поймать свою удачу за хвост? А может, она все еще где-то тут, поблизости? Вместе с тем своим молодым человеком?

Мисс Бриджес на месте не оказалось, мисс Купер уехала на кладбище, трубку брал то один, то другой сотрудник, пока ее не соединили с кем-то из отдела школьного образования, который заявил ей надменным тоном: «Не понимаю, а от нас-то вы чего хотите? Рабочая неделя практически кончилась. Вы что, в полицию позвонить не догадались?»

И Клара позвонила в полицию, но как только там поняли, что пропал ребенок из «Шиллинг Грейндж», это вызвало еще меньший интерес, чем у сотрудников Совета. Один полицейский, правда, сказал, что завтра «произведет осмотр места происшествия» и составит рапорт.

– Не сегодня?

– Но уже почти шесть часов!

Айвор вернулся только в начале восьмого, усталый, взмокший от пота и страшно расстроенный.

– Извини, Клара, завтра я снова поищу.

Никакой полицейский на следующий день к ним не явился. И Клара снова отправилась звонить. На этот раз ее у телефонной будки опередила какая-то хихикающая девчонка-подросток, которая, похоже, готова была потратить на болтовню по телефону все свои сбережения, так что ждать Кларе пришлось долго. Ей показалось – сто лет. Слава богу, думала она, я хотя бы туфли на этот раз надела, а не в домашних шлепанцах выскочила.

– Вы что, одна из тамошних монахинь? – спросил полицейский, когда она наконец дозвонилась до участка. Она сразу представила себе, как он обводит рукой бока своей кружки с кофе: *есть у меня одна подходящая монашка...*

– Я сотрудница Совета.

– В таком случае вам лучше к своему начальству и обратиться.

– Но там мне сказали, чтобы я позвонила в полицию.

– Хорошо, какое-то расследование мы, конечно, проведем. – Полицейского явно куда больше интересовал репортаж о скачках, который он слушал по радиоприемнику – звук он не уменьшил, так что Кларе было хорошо слышно, – чем поиски Морин.

– Послушайте, у меня ребенок пропал! – в отчаянии воскликнула Клара.

– Да ваша девчонка, скорее всего, просто сбежала. Или вы считаете, что такое невозможно? Ничего, вернется, когда замерзнет и проголодается.

– Вы должны мне помочь.

– Мы и поможем.

– Но как именно?

– Я ведь уже сказал: мы постараемся провести кое-какие расследования. – Он хрюкнул, явно пытаясь подавить смешок. – А вы *точно* не одна из этих сестер-монахинь? А, сестра?

Но Морин на этот раз так и не вернулась. И, похоже, никому не было до этого дела. Клара плакала, сидя перед мисс Бриджес за кухонным столом.

– Она же всего лишь ребенок!

– Но, дорогая моя, – мисс Бриджес развернула еще один носовой платок и подала Кларе, – она совсем не такая, как вы или я. – От этих слов Клара просто в ярость пришла. Она никак не ожидала услышать такое из уст мисс Бриджес – ей раньше казалось, что мисс Бриджес все-таки в детях кое-что понимает. – И потом, вы же говорили, что эта девочка уходит и приходит, когда ей вздумается.

– Да, говорила, но ведь это плохо. И ей вовсе не следовало так поступать. Это небезопасно.

Мисс Бриджес, желая, видимо, отвлечь Клару, решила прочесть ей вслух новый приказ об ограничениях по поставкам угля, но вскользь все же заметила:

– Ничего не поделаешь, с некоторыми девочками такое случается.

– Если с ними такое случается, то это значит, что у них в жизни какая-то беда приключилась! – Кларе очень захотелось выругаться, но она знала, как мисс Бриджес относится к бранным словам.

– Возможно, вы правы, только теперь уж этого никак не изменишь, – пожала плечами мисс Бриджес. – Кстати, я звонила этим Нельсонам, ее предполагаемым приемным родителям, помните?

– Да, и что?

– Эта девочка их больше не интересуется.

Ничего удивительного, подумала Клара, и ей показалось, что будущее Морин попросту затоптано.

– Они уже ездили насчет ребенка в Совет Норфолка, – сообщила мисс Бриджес.

Клара понимала, что визит потенциальных усыновителей к соперникам из Норфолка наверняка задел мисс Бриджес, но так и не смогла заставить себя хоть что-то сказать ей в утешение, ведь она и на мисс Бриджес тоже сердилась. И ей было куда проще сердиться на

мисс Бриджес, чем отчаянно надеяться на возвращение Морин и бояться за нее.

Ей же всего четырнадцать! Кларе хотелось вывесить в небе огненную скрижаль с этими словами. Ей было столько же, когда ее родители покинули Англию. Она помнила, что казалась себе какой-то ужасно маленькой и незащищенной, – но ее родители страстно мечтали вершить Божьи дела, а Бог, судя по всему, в план своих дел заботу о девочках-подростках включать не собирался. Так что даже на каникулах ей пришлось оставаться в школе-интернате. Это был особенно болезненный удар, и боль, которую Клара испытала тогда, словно перелилась в боль за Морин.

– А Морин все еще нет? – спросила вечером Рита. Пустая кровать Морин была точно указующий и обвиняющий перст.

– Нет... да... пока не вернулась, – заикаясь, пробормотала Клара. – Она *не то чтобы пропала*, мы просто не знаем, где она сейчас.

Господи, какую чушь я иногда несу!

– Как моя мама? – на всякий случай поинтересовалась Рита, выглядывая из-под одеяла.

– Не знаю.

– Можно мне спать на кровати Морин? – спросила Терри. – Она мягче, чем моя.

– А ты на сегодня уже все экзаменационные задания сделала?

– Да-а! Можно?

– Да, наверное.

Терри тут же оккупировала кровать Морин с более мягким матрасом. А безмолвная Пег, не обращая ни на что внимания, все читала свою книжку о медведе Руперте, водя пальцем по картинке, где Руперт был изображен в клетчатом шарфе и штанах и находился в таком месте, где ничто и никогда особенно не меняется.

Айвор был также встревожен затянувшимся отсутствием Морин. Это было заметно даже по его привычным движениям – он кроил ткань или подрубал занавески с такой яростью, словно подчинял себе дикого зверя. И каждый раз, разговаривая с ним, Клара читала у него на лице только плохие новости.

Однажды он принес в Грейндж целую кучу починенной детской одежды и, словно продолжая некий разговор с самим собой, сказал, переступив порог:

– Совершенно очевидно, что эти перемены ничего не дают.

– Что-что?

– Я имею в виду Закон о детях. От него одни только беды.

– Нет, не только, – неуверенно сказала Клара, не зная, как это утверждение опровергнуть, и думая: *а наш чудесный рождественский праздник? И то, что наши дети готовятся к экзамену «11+»? И то, что Терри удалось самостоятельно вырастить помидоры?* – Просто все как-то смешалось, но ведь и улучшений всяких было немало, хотя, конечно...

– Все не просто смешалось, а стало гораздо хуже!

И Кларе вдруг стало так больно и обидно, словно Айвор влепил ей пощечину.

– Ты что, хочешь сказать, что Морин из-за меня сбежала? – напрямик спросила она.

– Не *лично* из-за тебя, конечно. Только она всю жизнь вынуждена в приютах жить, есть за общим столом, спать в общей спальне, и любые перемены и нововведения она воспринимает как очередной способ ее унижить, указать, где ее место, поселить в ней разочарование.

– Но ведь в Грейндже *задолго до того*, как я начала здесь работать, был полный застой, – не сдавалась Клара. – Все эти монахини, исповедующие насилие над детьми, полное отсутствие отчетности, шлепки и затрецины, раздаваемые направо и налево, дурацкие шлепанцы, запрет на разговоры за столом и вообще бесконечные запреты и невозможность ни к кому обратиться за помощью, невозможность ни с кем посоветоваться... Никакой *системы!*

Айвор был с этим не согласен.

– Все было совсем не так, Клара. Уж я-то знаю. Я же сам ребенком здесь жил. Некоторым из нас везло, и они попадали в хорошие семьи. Но и у нас бывали счастливые дни. Во всяком случае, раньше Морин и в голову бы не пришло отсюда сбежать. Никогда.

– Слушай, я понимаю, конечно, что новая система далеко не безупречна, однако...

Айвор в ответ лишь безнадежно рассмеялся.

– Да, она весьма далека от идеала, – продолжала Клара, – ее даже и хорошей-то пока трудно назвать, но согласись, Айвор, ты вряд ли предпочел бы вернуться к приютам для бедных и к работным домам? Может, тебе и повезло с твоими монахинями, только я знаю точно, что у многих, очень многих детей в приютах жизнь была просто страшной. Их секли кнутом, били, морили голодом, а то и что похуже с ними делали. И знаешь, что самое страшное? То, что никому до этих детей и дела не было. А мне, по крайней мере, до них дело есть.

Клара рысью понеслась вверх, отыскала у себя в столе доклад Майры Кертис – Морин, слава богу, хоть его не тронула, – и опять же рысью сбежала вниз и сунула доклад Айвору.

– Вот. Тебе нужно непременно это прочесть.

Айвор покачал головой:

– В детских домах имеют дело с людьми, а не со статистикой или политикой. Строгая система здесь не применима, Клара. Когда ты только это поймешь?

– А это *как раз* о людях. Прочти этот доклад, Айвор. Пожалуйста!

И он взял доклад, но сделал это лишь для того, чтобы она успокоилась, а вовсе не потому, что поверил ей. И весь этот разговор оставил у нее очень неприятный осадок. Ей было обидно отчасти потому, что в словах Айвора, безусловно, была определенная правда, а отчасти потому, что она так и не сумела должным образом противопоставить его убеждениям свои собственные.

Интуиция подсказывала Кларе (впрочем, она не призналась бы в этом никому, даже Айвору), что Морин убежала именно с тем молодым человеком, которого тогда привела к себе в спальню. Возможно, именно он и замок на двери в комнату Клары взломал. Она очень надеялась – она даже видела это в мечтах, – что у этого парнишки, возможно, есть настоящая хорошая семья, и его родители теперь станут заботиться о них обоих. Но куда чаще в наличии «хорошей семьи» она сомневалась и представляла себе Морин где-нибудь на улицах Лондона.

Хуже всего, конечно, была неизвестность. Неизвестность и сокрушительное чувство собственной вины. Все ее старые сомнения не просто вернулись, а удвоились – нет, пожалуй, даже утроились. Она

определенно не годилась для этой работы. Она вообще для работы с людьми не годилась. Она почему-то решила, что детей можно регистрировать, строить по ранжиру и сдавать в архив столь же легко, как документы. Она так гордилась всеми теми незначительными переменами, которые сумела привнести в жизнь «Шиллинг Грейндж», но теперь стало ясно, что все это было впустую, и детям она ничем не помогла, абсолютно ничем, и это было просто ужасно. Ведь привнесенные ею перемены можно было разглядеть разве что в лупу, а если эту лупу убрать, то вряд ли кто-то заметил бы, что именно ей удалось тут сделать. Ей казалось, что она «полностью меняет образ их жизни» или, по крайней мере, «делает их жизнь немного иной», а на самом деле она просто наблюдала, как у нее на глазах происходят всевозможные мелкие беды. Собственная глупость, облепив ее, как туман, не давала ей даже толком разглядеть эти беды.

От нее, собственно, требовалось одно: обеспечить этим детям полную безопасность; и как раз с этим она справиться не сумела.

Глава шестнадцатая

И ведь их опередил не только Совет Норфолка. В Линкольншире, например, ухитрились за прошлый год устроить в приемные семьи или под опеку семьдесят девять детей. А в Саффолке по-прежнему жалких пятеро – весьма убогий результат, к которому ровным счетом ничего не прибавили нулевые успехи «Шиллинг Грейндж».

Одна молодая пара сперва заинтересовалась Пег, но потом решила, что у девочки «слишком серьезные проблемы с речью» и это им не по силам. Алексом тоже несколько раз интересовались, но затем все расспросы как-то заглохли. Потом выяснилось, что его потенциальные усыновители предпочли уехать за границу. Близнецы собирались немного пожить у Петерсонов, но не соглашались даже на несколько месяцев.

Имелись, впрочем, и кое-какие хорошие новости. Например, в Лондоне нашлась живая родственница Терри, ее бабушка, и теперь переписка с ней шла полным ходом. Этим занималась мисс Купер, охваченная нервным возбуждением, да и Клару тоже охватил некий трепет. Неужели Терри удастся перебраться в Лондон и жить с родной бабушкой? Наверное, это было бы очень хорошо для нее.

Собственно, основной целью их работы и было помещение детей в приемные семьи, однако Клара ничего не могла с собой поделаться: ей было бы грустно расстаться с Терри, к которой она успела так привязаться. Да и Терри успела привязаться не только к ней, но и – причем куда больше – к своему огороду. Она возилась там часами, копая, сажая, поливая и ожидая результатов. Неужели она так и не успеет увидеть, как созреют выращенные ею помидоры?

И подготовка к экзамену «11+» тоже шла у нее очень хорошо.

Клара сообщила в начальную школу Лавенхэма, что везет Терри в Лондон «по медицинским причинам». Ей совсем не хотелось давать школьному начальству лишнюю возможность бранить девочку за пропуски занятий. В дорогу Терри надела серые шорты до колен, школьную белую рубашку, которая, правда, была скорее грязно-желтой, и старые подтяжки, доставшиеся ей от Питера. Насчет этого

наряда Клара спорить не стала, но одной уступки все же добилась: заставила Терри заколоть волосы заколкой.

В поезде Терри спросила:

– Мисс Ньютон, а когда вы были маленькой, поезда уже были?

Клара рассмеялась.

– Были, конечно! Вот ведь надоеда.

– Но самолетов, наверное, тогда еще не было?

Затем Терри потребовала ланч, хотя было всего десять часов утра, и Клара согласилась. Ей осточертело навязывать детям всякие правила и самой этим правилам подчиняться. Пейзаж за окнами становился все более искусственным, явно созданным человеческими руками. И небо как-то съежилось, и телеграфные столбы попадались все чаще, став чересчур навязчивыми. В Челмсфорде в вагон вошла женщина с младенцем на руках и заранее извинилась: «Заранее прошу прощения, но ребенок может громко плакать», однако малыш вскоре уснул, и мать тут же снова уткнулась в книгу; Клара заметила, что она читает роман «1984» издательства «Пингвин букс».

Клара спросила, помнит ли Терри свою бабушку, но на этот вопрос Терри не ответила и, вонзив зубы в яблоко, сообщила:

– Пепин.

Мужчина, сидевший напротив, рассмеялся:

– Надо же, как она в сортах яблок разбирается!

Бабушка Терри жила в очаровательном районе Лондона, где улицы были чисто выметены, а уличные фонари стояли прямо и сияли вовсю. Это, безусловно, был добрый знак. Здесь, похоже, не было столь разрушительных бомбежек, и Клара могла легко себе представить, как Терри, вся такая аккуратная, будет играть на улице с другими девочками, у которых даже имена на редкость приятные – вроде Мэриголд или Фэй. Может, она еще и балетом увлечется и не будет гонять по грязным улицам на роликовых коньках...

А Терри, между прочим, нервничала. И заколку для волос уже где-то потеряла. И губы сурово поджала. И все время крепко сжимала руку Клары своей маленькой рукой в варежке. Продавец газет крикнул ей:

– Эй, спроси-ка у матери, не хочет ли она «Стэндарт» купить!

– А это вовсе и не моя мать! – крикнула в ответ Терри и насупилась. Продавец засмеялся:

– Ладно-ладно, приятель, не горячись!

Чем ближе они подходили к нужному им дому, тем сильнее обеими овладевали нехорошие предчувствия.

– Как ты думаешь, Терри, тебе бы понравилось здесь жить?

Терри быстро огляделась.

– Возможно.

Грохнула дверца лифта, и мальчик-лифтер поднял их на четвертый этаж. *Чудесно*. Но Терри лишь еще сильнее вытаращила глаза и крепче вцепилась в руку Клары. В конце коридора, освещенного тусклой лампочкой, их встретила бабушка Терри. Она ждала их у входа в свою квартиру. Над верхней губой у нее имелись усы, а вставные зубы она явно не надела. Еще у нее были густые, даже какие-то кудлатые, седые брови и седые, абсолютно белые волосы. Ходила она, опираясь на палку, и встреча гостей, видимо, сильно ее утомила, так что она двинулась напрямик к просторному креслу и, тяжело дыша, туда плюхнулась. Согласно личному делу Терри ее бабушке должно было быть максимум семьдесят, но, судя по ее виду, ей уже было *далеко за семьдесят*.

– О, вот оно что! Похоже, это мальчик, да?

– Нет. Терри – девочка.

– Тогда ей следует носить платья.

Клара быстро оценила ситуацию и поняла, что тут никаких шансов на успех нет. И о чем только они там, в Совете, думали? В квартире царил затхлый запах, чему весьма способствовали наглухо закрытые окна. Бабушка Терри с явной неохотой показывала им свое жилище.

– Вот здесь будет твоя комната, Тереза. Не правда ли, уютная? Тебе нравится? – В комнате пахло плесенью и шариками от моли. Зеркало было настолько грязным, что в нем лишь с трудом можно было что-то разглядеть. Обои были с бордюром из собак и лягушек. На окне вяло жужжали какие-то насекомые, словно даже им было не под силу все это выносить.

– Ну что, нравится? – снова спросила бабушка.

Но Терри в ответ только чихнула.

Бабушка положила свою оплетенную синими венами руку Кларе на плечо.

– Знаете, если мы договоримся, так я буду хорошо за ней смотреть.

– Да-да, конечно, – солгала Клара, с неприязнью думая: *Да уберет ли она когда-нибудь свою руку с моего плеча?*

– Мне ведь за детишек-то денежки всегда платили.

– Как это?

– Ну, во время войны.

– Ах, вот как!

– Ну, да. А потом мы их разным людям продавали. За детей тогда хорошо платили.

– За каких детей? Кому продавали?

Бабушка указала на Терри и засмеялась.

– Ее мать, например, неплохо мне заплатила. Вы ведь мне наличными заплатите, да? Кругленькую сумму придется выложить.

– Нет, так у нас дело не пойдет, – решительно сказала Клара, испытывая страстное желание немедленно оказаться подальше и от этой старухи, и от этой квартиры, и вообще ото всего. Даже, пожалуй, и от Терри, хоть она и была ее любимицей. Забыть и обо всех воспитанниках «Шиллинг Грейнджа», и обо всех своих обязанностях. Вернуться в фирму «Харрис и сыновья», стучать себе по клавишам пишущей машинки и ни о чем не тревожиться, думая лишь о том, что лучше приготовить себе на ужин.

Терри так и не отпустила руку Клары, даже когда бабушка, подав им чай, угостила ее печеньем и ласково посоветовала: «Засунь-ка поскорей это в глотку». Лишь после нескольких свирепых взглядов Клары Терри все же выпустила ее руку. И Клара тут же ей подмигнула и шепнула, что все нормально.

Из вежливости она все же взяла одно печенье, и это было фатальной ошибкой, поскольку ей сразу же захотелось его выплюнуть. Это печенье, похоже, провалялось у бабки в буфете несколько лет. В общем, когда Терри, следуя ее примеру, тоже потянулась за печеньем, Клара незаметно шлепнула ее по руке и покачала головой. Едва почувствовав, что уже вполне прилично встать из-за стола, Клара встала и сказала, что им пора. Она поблагодарила старуху за гостеприимство и пообещала непременно вскоре с ней связаться.

– Вы учтите: без денег я девочку не возьму, – снова предупредила старуха Клару, провожая их до дверей.

– А что, вам действительно кто-то пообещал некую финансовую компенсацию? – не выдержала Клара, поскольку оказалась не в силах разгадать эту загадку. Господи, что там происходит, в этом Совете?! Или, может, она сама что-то неправильно поняла?

– Но ведь это же нормально, не так ли? – удивилась старуха. – А иначе с какой стати мне ее к себе брать? – Она захихикала. – По доброте, что ли? Нет уж, мадам, спасибо большое!

Даже когда Клара и Терри давно уже были на улице и множество других домов и дворов отделяло их от того дома, да и противный затхлый запах успел практически выветриться у них из ноздрей, Кларе все еще слышался язвительный старческий смешок, а в ушах звучали ее слова: *Мне ведь за детишек-то денежки всегда платили.*

* * *

– Я не уверена, что... подобное место для тебя подходит, – сказала Клара, когда они снова оказались в относительно чистом купе. Терри не ответила. Она с самого начала сидела, прижавшись лбом к оконному стеклу и не говоря ни слова. Но через некоторое время вытащила рабочую тетрадь с заданиями для экзамена «11+», которые специально для нее составила Анита, положила на колени и стала что-то в ней писать. Точнее, даже не писать, рисовать какие-то соединительные линии между разными вопросами. Когда Клара спросила, что она делает, Терри объяснила: это означает, что в данных вопросах она «разобралась».

– Тебе нравится заниматься с миссис Кардью? – спросила вдруг Клара.

– Уж больно она строгая и требовательная.

– О господи!

– А вот если бы я уехала в Лондон и стала жить с моей бабушкой, мне ведь не надо было бы сдавать этот экзамен, да?

– Вряд ли ты бы тогда смогла это сделать. – Клара внимательно посмотрела на Терри. Та, похоже, мысленно взвешивает все «за» и «против». Сама же Клара уже думала, что непременно выдвинет перед Советом самый решительный протест. Она уже начала составлять про себя целый список причин, по которым отдавать Терри такой

«бабушке» совершенно недопустимо. – Ты просто не сумела бы должным образом подготовиться, и это стало бы для тебя большим разочарованием, так ведь? Тогда как сейчас ты явно делаешь успехи. – И Клара, скрестив руки на груди, стала смотреть в окно и думать, с чего начать свою речь перед членами Совета. По всей видимости, именно с того, что старуха ожидает некой компенсации.

Терри закрыла рабочую тетрадь и тоже задумалась, глядя в пол.

* * *

Дело в том, что Анита Кардью вовсе не казалась Кларе неприятной особой; просто порой она становилась какой-то чересчур жесткой, непреклонной. Познакомившись с ней, Клара очень надеялась, что Анита окажется такой же теплой и уютной, как Джуди, или как ее мать, или хотя бы как мисс Бриджес, или сестра Грейс. Но Анита более всего походила на некую эффектную тетку, изредка приезжающую в гости; такую тетку в семье обычно очень уважают, но горе тому, кто осмелится ей противоречить.

На следующий вечер после поездки с Терри к пресловутой «бабушке» Клара услышала, как Анита в кухне кричит на Алекса из-за чересчур небрежно выполненного сложного примера на деление.

– Как я могу тебе помочь, если у тебя цифра 1 ничем не отличается от цифры 7, а нули более всего похожи на восьмерки?

Алекс, словно не слыша ее, продолжал что-то царапать у себя в тетради и выглядел совершенно спокойным. А Кларе вдруг вспомнились слова Джулиана: *Неужели ты и впрямь спокойно доверяешь ей детей?*

И ей захотелось защитить Алекса, но она успела сказать только: «Он же старается изо всех сил», и Анита, мгновенно захлопнув учебник и открыв от возмущения рот, уставилась на нее.

– Вы думаете, я не умею детей учить?

Клара только вздохнула. Ей была известна склонность Аниты к мгновенной самообороне, но в данном случае это выглядело просто странно. И потом, Кларе осточертело без конца попустительствовать Аните с ее оборонительными реакциями, каждый раз заставляя себя умолкнуть буквально на полуслове.

– Возможно, в условиях обычной школы вы делали это превосходно, – сказала она, – но у нас здесь Сиротский дом. – Алекс старательно делал вид, что к их разговору даже не прислушивается. – Этим детям довелось немало пережить.

– Вы думаете, я не знаю, что довелось пережить этим детям? Или вы считаете допустимым, когда ноль невозможно отличить от восьмерки?

И Клара сдалась. Спорить с Анитой было невозможно.

– Я ничего такого вовсе не думала. И я отнюдь не считаю...

– Нет, нет! – Анита собрала свои книжки, швырнула их в сумку и вскинула сумку на плечо. – С меня довольно. Это конец.

Ссора с Анитой тяжело давила Кларе на душу. Как это она ухитрилась нарушить такую полезную договоренность, некстати позволив себе высказать собственное мнение! Алекс и Терри были в общем довольны занятиями с Анитой, так зачем же ей понадобилось затевать спор с человеком, который искренне согласился им помочь? Ведь таких людей очень немного. А когда она сказала Рите, что Анита больше к ним не придет и занятий музыкой больше не будет, та заплакала и, как всегда, заныла: «Мама! Хочу к маме!»

Весь следующий вечер Клара невольно поглядывала на ту сторону улицы, где в мастерской Айвора сиял золотистый свет, особенно яркий на фоне всепоглощающей тьмы. Никогда в жизни она не видела, чтобы люди по собственной воле столько работали! И ей вдруг страшно захотелось тоже оказаться там, в этой ярко освещенной мастерской, и хотя бы на минуту сбежать от всего, что окружает ее в Грейндже.

Подойдя к дверям мастерской, она настежь их распахнула, но за рабочим столом Айвора не оказалось – он возился где-то в глубине мастерской, в полутьме, и Клара громко его окликнула: «Привет, Айвор!» Он, естественно, тут же бросился к ней:

– Клара? Что случилось? Что-нибудь с детьми?

Ну что она могла ему сказать? Что ей необходима передышка? Что это единственное место, где такая передышка возможна? Ведь после такого признания он вполне может счесть ее совсем уж глупой или неумелой. Он и так не слишком высокого о ней мнения.

– Нет, я просто... я... Извини, что отвлекаю тебя от работы...

Но Айвор улыбнулся.

– Ничего, на сегодня у меня уже все... Я там просто звездами любовался.

– Любовался звездами?

– Идем.

Оказалось, что на задах мастерской Айвор установил телескоп. Приладив его так, чтобы Кларе было удобней смотреть, он стал вращать колесико настройки, а ей велел сказать, «когда будет хорошо видно».

Звезды были прекрасны, и зрелище звездного неба было восхитительным, и это настолько отличалось от тех вещей, которые она привыкла видеть перед собой, что ей почудилось, что звезды куда-то ее уносят, увлекают за собой, так что она на мгновение даже забыла, где находится. И ей вдруг вспомнился Майкл, погибший в этом небе, а затем – Морин, затерявшаяся где-то под этими небесами и занимающаяся бог знает чем и бог знает с кем...

Клара не раз слышала, что человек якобы всегда чувствует себя маленьким и незначительным, размышляя о своем месте во Вселенной, однако самой себе она вдруг показалась очень большой, просто огромной. И вокруг нее как бы в фокусе было сосредоточено буквально все. Да, в масштабах Вселенной она, разумеется, была крошечной, просто пылинкой, но в данный момент она была не только центром своей собственной маленькой вселенной, но и самым крупным в ней предметом.

Вскоре она, впрочем, вспомнила, где именно находится, и сразу поняла, что Айвор стоит совсем близко и направляет ее. Она чувствовала его дыхание у себя на волосах, чувствовала, как приподнимается и опадает его грудь, и ей хотелось, чтобы он оказался еще ближе – да, она понимала, что ведет себя нелепо, но ей так этого хотелось! Айвор, впрочем, вел себя корректно, по-джентльменски, и держался на относительно безопасном расстоянии. Ей он казался таким же далеким, как эти звезды.

А сама она едва могла дышать от внезапно охватившего ее волнения. *Я веду себя неправильно... Неправильно?* Она даже самой себе не могла объяснить, что именно делает неправильно. Она сама себя не понимала.

– Почему ты так любишь смотреть на звезды? – спросила она, и голос ее прозвучал неожиданно хрипло. – Ну, помимо того, что это

очень красивое зрелище.

Он ответил не сразу, затем сказал:

– Наверное, потому что звезды ничего от меня не требуют. Им ничего от меня не нужно ни по работе, ни по жизни. Ведь вся моя жизнь связана с починкой, штопкой, всевозможным ремонтом. А со звездами все иначе: они просто есть – и все. Иногда именно это мне и бывает необходимо.

У него и слова, и тон были какими-то необычными, не такими, как всегда. И Клара чувствовала, что просто не в силах от него отодвинуться. Она бы так вечно и сидела здесь, чувствуя, что он стоит у нее за спиной совсем-совсем близко.

Она просто заставила себя пошевелиться. Боже мой! Она ведь пришла сюда только потому, что ей было одиноко.

И это действительно было странно, ведь всего несколько дней назад у нее было свидание с Джулианом, и он ясно дал ей понять, как она привлекательна, как нравится ему, *а также* сказал, что «видит в ней перспективу». И потом, Джулиан так хорош собой, и обе руки у него целы, и он прекрасный профессионал, и много зарабатывает...

Стряхни с себя это наваждение и беги отсюда!

– Я лучше пойду, – торопливо сказала Клара. – Там дети одни... Спасибо тебе, Айвор.

– Спокойной ночи, Клара.

* * *

В понедельник, когда дети ушли в школу, Клара была наверху и перестилала постели (в очередной раз меняя простыни), и вдруг в дверь кто-то яростно забарабанил, и ей послышалось, что дети зовут ее. Она так и встрепенулась: неужели Морин все-таки вернулась? Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы это была она! Нет. Ей почудилось, что кто-то выкрикнул имя Терри. Может, это ее бабушка явилась? Клара бегом бросилась вниз по лестнице, прыгая через ступеньку, и увидела Билли и Барри, которые героически поддерживали Терри с обеих сторон, будто вернувшиеся с фронта солдаты, поддерживающие своего раненого друга. Терри была невероятно бледна, ее лицо казалось даже слегка зеленоватым, и одной

рукой она поддерживала вторую, кисть которой была вывернута под каким-то неестественным углом.

Клара велела мальчикам уложить Терри на диван в гостиной и подложила ей под руку подушку – вот так, теперь ведь чуточку легче, правда? Терри была такая маленькая, что ей с избытком хватило и половины дивана.

– Да *говорите же*, что произошло?

– Она на лестнице упала.

– В школе?

– Да.

Упала? Или ее толкнули? Клара не верила ничему, если речь шла о начальной школе Лавенхэма.

– Учитель уложил ее в медицинском кабинете на кушетку и сказал, чтобы я отвел ее домой, – сказал Алекс. – Мы и пошли, а по дороге я увидел Билли и Барри...

– Жокей, Жокей! – душераздирающим тоном воскликнула вдруг Терри и снова упала на подушки, закрывая лицо здоровой рукой и не давая Кларе заглянуть ей в глаза.

– Кто такой Жокей? – беспомощно озираясь, спросила Клара. *Медведь? Мышь? Или тот, кто ее с лестницы толкнул?*

– Она так свой любимый пятнистый цветок назвала, – пояснил Алекс.

Пег, таращившую от волнения глаза, тут же отправили в сад за этим самым Жокеем. А близнецов Клара послала за доктором Кардью. Уже через пять минут они вернулись, страшно возбужденные, и сообщили, что доктор приедет на машине.

И это явно не сулило ничего хорошего.

Доктор Кардью осмотрел руку Терри и сказал, что Кларе с девочкой нужно немедленно ехать в больницу, что он сам их отвезет, а за детьми пока присмотрит Анита. Никаких «но», заявил он Кларе, которая попыталась было протестовать. В Грейндже все будет в порядке, а для дела важно, чтобы с девочкой поехала именно Клара. Упомянуть о своей недавней ссоре с Анитой Клара не стала. Ей показалось, что доктор Кардью об этом вообще понятия не имеет.

В машине Клара в основном молчала, от волнения практически лишившись дара речи. Рядом с ней на заднем сиденье сжалась в комок

маленькая Терри, дрожавшая всем телом. А сама Клара то и дело невольно сползала вниз по кожаной обивке сиденья.

– Вы не могли бы ехать помедленней? – попросила она доктора Кардью, когда тот в очередной раз на большой скорости преодолел крутой поворот.

Ее просьбу он проигнорировал.

Жаль, думала Клара, что я не успела забежать к Айвору и сообщить ему о несчастье с Терри.

В больнице Сент-Джордж доктор Кардью тут же решительным шагом куда-то направился, явно чувствуя себя повелителем этой вселенной, а за Терри пришла какая-то чопорная матрона и увела ее, попытавшись, впрочем, успокоить Клару гордым заявлением: «Вашему мальчику повезло, это самая лучшая больница в мире!» Клара осталась ждать в коридоре и долго сидела в полном одиночестве, сгорбившись, упершись локтями в колени и пристроив подбородок на сцепленные пальцы; в итоге на коленях остались красные пятна от локтей.

Наконец появился доктор Кардью. Он остановился перед Кларой в несколько театральной позе – сняв шляпу и прижав ее к груди, – и его тень на больничной стене казалась огромной, раза в два больше, чем он сам. Клара, страдающая голодом и беспокойством, ждала его приговора, с ужасом глядя на эту тень.

– Мисс Ньютон, это *действительно* перелом, – сообщил он, – но в целом ничего страшного.

– Слава богу!

Однако доктор Кардью и его тень выглядели по-прежнему мрачно.

– Это еще не все.

Клара вздрогнула. В присутствии доктора она частенько чувствовала себя глупой и жалкой. А он продолжал:

– Дело в том, что она, по-моему, *сама* это сделала.

У Клары перехватило дыхание.

– Господи, доктор, как это – сама?

– Может быть, есть некая причина, заставившая ее решиться на такое... членовредительство. Ей ведь, похоже, *очень хотелось* сломать именно эту руку. Она ведь именно этой рукой пишет, да?

И Клару вдруг охватило странное чувство – словно сама она где-то далеко отсюда, а с доктором беседует кто-то другой, и речь идет о какой-то незнакомой девочке, попавшей в больницу. Господи, ведь всего восемь месяцев назад она ни с кем из этих людей даже не была знакома! А теперь они ждут от нее важных решений, касающихся детских судеб. Как все это странно, словно вверх дном перевернуто! Неужели не нашлось другого человека, лучше подготовленного для решения подобных задач? Как было бы хорошо, если бы рядом с ней оказались Айвор или Джуди. Сама она чувствовала себя настолько непрочной, что, казалось, один порыв ветра – и ее унесет прочь.

Нет, она должна защитить и себя, и детей. Это ее прямая обязанность. Но что все-таки происходит с Терри? Неужели это связано с их визитом к той полоумной бабке? *«Мне ведь за детишек-то денежки всегда платили»*. Или, может, Терри в школе травят? Или у нее с огородом что-то не получается? Хотя нет. И Клара, конечно, догадывалась, в чем тут дело. И мысль об этом становилась все более навязчивой.

Доктор Кардью, терпеливо ждавший ее ответа, не выдержал:

– Мисс Ньютон?

– Да-да. Я непременно с ней поговорю.

Она вспомнила, как Айвор рассказывал о своей воспитательнице, сестре Кейт, которая всегда умела их *выслушать*. А заодно припомнила, сколько раз в детстве и юности она просила взрослых разъяснить ей какие-то вещи, и каждый раз ее вопросы попросту игнорировали. Нет, речь вовсе не о том, когда она не просила, а умоляла родителей не уезжать в Африку, а об иных случаях, куда менее значительных, которые, однако, накладываясь друг на друга, имели для нее весьма существенные последствия.

И возникло ощущение собственной ненужности, заброшенности, которое с тех пор никогда уже ее не покидало.

* * *

В больнице стояла тишина; сильно пахло дезинфицирующей жидкостью. В узкой и длинной палате было несколько детей. Один, совершенно лысый, сидел и читал «Далекое волшебное дерево»^[21],

остальные спали, прижимая к себе игрушечных медвежат или собачек. Еще один ребенок забавлялся с резинкой, пытаясь сделать «колыбель для кошки». Клара тоже любила в детстве играть в плетенку и решила своих детей тоже этому научить, а резинки, наверное, найдутся у Айвора.

А где же ее ребенок? Ее? Впрочем, вот и она, на предпоследней кровати. Терри, вытянув перед собой здоровую руку, неотрывно смотрела на зажатого в ней пятнистого Жокея. Вторая ее рука была в гипсе.

Вид у девочки был печальный, уголки губ скорбно опущены, но стоило ей увидеть Клару, и она радостно заулыбалась. Клара спросила, не болит ли у нее рука, кормили ли ее, а когда Терри, отвечая на эти простые вопросы, немного успокоилась, Клара, ласково разгладив ворсистое больничное одеяло, приступила к главному.

– Терри, я хочу, чтобы ты честно мне все рассказала.

Глаза у Терри вдруг стали просто огромными. Неужели они всегда были такими, удивилась Клара, или это просто следствие травмы и пребывания в больнице?

– И я тебе обещаю, что в любом случае сердиться на тебя не буду, – сказала она.

Терри в ответ что-то прошептала, уткнувшись в пятнистые листья Жокея, и Клара решительно забрала у нее цветок и поставила на тумбочку рядом с кроватью.

– Терри, неужели ты это сделала нарочно? Нарочно упала и сломала себе руку?

Терри по-прежнему на нее не смотрела. Клара терпеливо ждала.

– Мне ты все можешь рассказать, – почти прошептала она.

И тут в палату вошла та чопорная матрона. Она наполнила стакан Терри водой, а потом, добродушно улыбаясь, плеснула немного водички и в горшок с цветком. «Пожалуй, земля у него суховата».

Лишь когда матрона вновь оказалась за двустворчатыми дверями палаты, Терри, словно очнувшись, молча кивнула Кларе.

Больше всего Кларе хотелось завопить в полный голос, однако она заставила себя говорить ровным и спокойным тоном.

– Зачем же ты это сделала?

– Я не хочу сдавать этот экзамен и ни в какую грамматическую школу в Ипсвиче ехать не хочу! Я хочу учиться здесь, в Лавенхэме, в

той же школе, куда ходят Питер, Билли, Барри и все-все.

У Клары просто дыхание перехватило, и она торопливо заговорила:

– Но ведь в Ипсвиче очень хорошая школа, Терри. И Алекс тоже, скорее всего, будет там учиться.

– А я не хочу!

– Тебе не следует слушать, что там говорят другие девочки, ты сама должна знать, как тебе лучше поступить.

– Да при чем здесь другие девочки! Просто я понимаю, что эта школа не для меня. Спасибо, Клара, но мне хочется просто выращивать всякие растения и ухаживать за ними.

– Вполне можно и растения выращивать, и в грамматической школе учиться.

Терри обиженно выпятила нижнюю губу.

– Ну-ну, говори, я тебя слушаю, – подбодрила ее Клара.

– Я не хочу поступать в грамматическую школу, мисс Ньютон!

У Клары все внутри затрепетало. *И это после всех моих усилий! После ссоры с директором школы. После занятий с Анитой. После посещения Ипсвича.*

– В таком случае ты и не обязана туда поступать.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

На том они и порешили и даже обменялись рукопожатием – как всякие серьезные люди при заключении сделки.

Затем Клара сказала Терри, что бросаться с лестницы было на редкость глупо и безрассудно, ведь можно было серьезно покалечиться, и больше она никогда не должна так поступать.

Клара уже уходила, когда кто-то спросил у нее в коридоре: «А с вашим сыном что случилось?», и она не стала никого поправлять, лишь ответила: «Она сломала себе запястье... но в целом ничего страшного».

Доктор Кардью, благослови его Господь, ждал в машине. Кларе не хотелось рассказывать ему о разговоре с Терри, не хотелось, чтобы он понял, как неумолимо она двигалась к своей цели – прямо как паровой каток! – даже не предполагая, что девочка совсем этого не хочет. Она ведь еще и Аниту Кардью привлекла, полагая, что лучше всех знает, что именно нужно Терри. И все же Клара испытывала разочарование –

и из-за выбора Терри, и из-за того, что сама оказалась настолько этим выбором разочарована.

Сиротский дом «Шиллинг Грейндж»

ОТЧЕТ № 5

Александр (Алекс) Дэвид Николс

Дата рождения:
9 сентября 1937 г.

Происхождение:

Алекс как бы окружен некой тайной. Никто, похоже, не знает, откуда он и как давно находится на попечении государства. Его родители, вероятно, погибли во время войны. Я предполагаю, что он из весьма обеспеченной и любящей семьи. И меня бы ничуть не удивило, если бы однажды к нам прибыл некий представитель аристократического рода и сообщил, что Алекс – лорд, или барон, или еще кто-то в этом роде, как в «Оливере Твисте». Он ведь совершенно исключительный мальчик.

Здоровье/внешность:

У Алекса торчащие в разные стороны оттопыренные уши, длинные зубы и густые волнистые волосы, нуждающиеся в частых стрижках. Он страдает предрасположенностью к педикулезу и испытывает отвращение к мытью.

Еда:

Страдает аллергиями. Овощи не любит и ест их недостаточно. Любит виноград, который крайне редко удается раздобыть.

Хобби/интересы:

Алекс – юный интеллеktуал. Мы называем его «профессор». Он знает названия всех стран, все государственные флаги, все столицы. Собирает марки – у него уже два альбома – и монеты (хотя я подозреваю, что последнее служит просто прикрытием для попытки накопить некую сумму!). Он отлично учится в школе – и я ему уже пообещала, что если он не сдаст экзамен «11+», то я съем собственную шляпу!

Другое:

У Алекса прекрасные манеры, он отлично умеет вести себя в обществе и за столом – я никогда не видела человека, который столь же уверенно обращался бы со столовыми приборами. Большинство других детей и с ложкой-то едва управляютя.

И я совершенно не понимаю, почему у нас не выстроилась длинная очередь из желающих взять Алекса на воспитание!

Глава семнадцатая

Алекс сдавал экзамен «11+» в актовом зале начальной школы Лавенхэма вместе с остальными шестнадцатью кандидатами. Терри экзамен не сдавала. Клара весь день была как на иголках – когда чистила картошку, когда стирала простыни. Алекс, конечно, был хорошо подготовлен и вообще умница, но что, если его посадят на такое место, откуда ему не будут видны настенные часы, и он не сумеет сориентироваться во времени? Что, если у него слипнутся страницы? Или пойдет кровь из носа? Или он застрянет в туалетной кабинке? Или вдруг забудет, как делить десятичные дроби и как вообще с ними обращаться? Или у него вдруг случится странный приступ амнезии? Кларе приходили в голову и совсем уж фантастические страхи. Что, если Алекс подавится печеньем во время перерыва на чай и задохнется? Что, если он, поскользнувшись, ударится головой о фонтанчик с питьевой водой?

Алекс вернулся домой, сияя во весь рот, и тут же повторил Кларе все заданные ему вопросы, *а также* все свои ответы на них.

– Неужели ты все это наизусть запомнил?

– А что тут такого? – Алекс оглянулся, словно проверяя, нет ли кого поблизости. Но поблизости никого не оказалось, и он доверительно шепнул: – Это же очень легко, мисс Ньютон!

Он сказал, что, как ему кажется, устный экзамен вообще был не просто легким, а очень-очень легким. А Клара подумала: у этого мальчика в довершение всего еще и фотографическая память. Да и Джуди сказала: очень даже похоже, что так и есть.

И все-таки пока что следовало вести себя осторожно. Мало ли что может случиться.

– Похоже, у тебя все прошло просто отлично, – сказала она, – если, конечно, то, что ты запомнил, соответствует действительности. Знаешь, Алекс, я уверена, что твои родители очень бы тобой гордились!

И у него вдруг задрожали губы. Казалось, он сейчас заплачет, но он так и не заплакал.

* * *

Естественно, Алексу хотелось пойти и немедленно все рассказать миссис Кардью. Когда он выразил это желание вслух, Клара внутренне застонала. После той ссоры они с Анитой больше не виделись. Но найти подходящей отговорки и сказать Алексу «нет» Клара так и не сумела.

Анита со своей большой сумкой как раз выходила из дверей хирургии, когда Алекс подбежал к ней и тут же принялся рассказывать об экзамене. Она слушала его со своей еле заметной жестковатой улыбкой, и Клара думала: *Неужели ей так уж трудно его обнять и поздравить?* – но помалкивала. Да и Алекс, похоже, подобное отношение к себе воспринимал как должное.

– Спасибо вам большое, что так хорошо его подготовили, – сказала Клара, смущенная тем, что они с Анитой по-прежнему держатся отчужденно. – Похоже, он на все вопросы ответил вполне успешно.

– Не стоит заранее предполагать результат. – Анита ни на секунду не позволяла себе расслабиться. – Его теперь еще довольно долго придется ждать.

– Это верно, – вздохнула Клара.

– А как дела у Терри?

Клара вспыхнула, но честно призналась:

– А Терри в итоге решила экзамен не сдавать.

Анита задумчиво кивнула. Она, казалось, вовсе не была этим так уж удивлена. Возможно, она и сама давно уже сумела сложить вместе два и два.

– Если вы хотите, я с завтрашнего дня могу продолжить наши с Ритой занятия музыкой?

– Ой, Анита, конечно! Пожалуйста, приходите! И простите мне мои тогдашние высказывания. Я не хотела вас расстраивать. И никогда больше не стану вмешиваться в ваши методы преподавания.

Анита лишь коротко кивнула в знак согласия и сказала:

– Тогда до завтра.

И Клара была ей очень за это благодарна. Ей вдруг показалось, что они с Анитой вроде бы не только нашли общий язык, но и вполне

могут поладить.

Но если Алекс в тот вечер был весьма оживленным, даже веселым, то Терри, наоборот, выглядела немного печальной. Уныло слоняясь по второму этажу, она забрела в комнату Клары – жалкая, несчастная, с гипсом на руке, засунутой в повязанную на шею косынку, – и Клара всем сердцем устремилась ей навстречу. Уж больно тяжкая ноша выпала девочке в ее неполные одиннадцать лет. Клара ждала, что Терри заговорит первая, но та молчала, и вскоре Клара решилась сама спросить:

– Так ты рада, что не стала сдавать этот экзамен?

– Рада, – ответила Терри, не поднимая глаз. – А вы все еще сердитесь на меня за это, мисс Ньютон?

– Вовсе нет, моя девочка. – Клара погладила ее по голове. – Я даже горжусь тем, что ты не только имеешь собственное мнение, но и способна его отстаивать.

И она почувствовала, что сказала почти правду.

Глава восемнадцатая

Клара выехала из Грейнджа сразу же после ухода детей в школу, договорившись с Питером, что он примет руководство на себя, если она к назначенному часу не успеет вернуться из Лондона.

Джуди и Артур жили в Клэпэме, в южной части Лондона, и дом их стоял в ряду других, точно таких же скромных домов, выстроившихся вдоль улицы. Неподалеку от них, в Баттерси, находился и дом отца Клары. В тех редких случаях, когда Кларе приходилось ездить в Лондон, она всегда боялась наткнуться на отца, но обычно он все же находился не в Англии, а где-то в дальних странах, осуществляя там некие богоугодные деяния, так что вряд ли их пути могли пересечься. Писем от него Клара уже давно не получала – ни слова даже на Рождество, – и это приносило ей одновременно и облегчение, и разочарование. Они оба давно уже договорились, что отныне у них «нет никаких точек соприкосновения» и всякое общение попросту бессмысленно.

У Джуди неожиданно образовался свободный день, и Клара собиралась непременно рассказать ей о своем намерении относиться к Артуру более внимательно и ласково, он ведь в войну так много пережил и заслуживал куда большего снисхождения и понимания – как и ее дети-сироты, к которым судьба тоже была не очень-то добра.

Клара постоянно говорила себе, что должна понемногу учиться правильно себя вести не только со своими сиротками, но и с самыми разными людьми, которые ее окружают. И теперь она просто дождалась не могла, когда сможет подробно рассказать Джуди о своей жизни в Грейндже. Она даже знала, с чего начнет: «Ты только представь, у меня там никогда ни одной скучной минутки не бывает!» Она предложила Джуди встретиться в их любимой кондитерской на центральной улице Клэпэма, где подавали замечательные маффины с сыром, но Джуди попросила ее сперва заехать к ним домой.

Клара поняла, зачем Джуди это понадобилось, только когда добралась туда и Джуди открыла ей дверь. Выглядела она ужасно: под глазами два черных синяка, а губы распухли как подушки.

Впустив Клару, она яростно тряхнула головой и предупредила:

– Ты только ничего мне не говори, Клара! Я просто упала.

– Действительно упала?

– Ну, я же тебе сказала! – Теперь Джуди почти орала.

Клара не знала, что и думать.

А Джуди принялась подробнейшим образом расспрашивать ее о детях – казалось, она хорошо их всех знает, хотя на самом деле ни с кем из них никогда даже знакома не была, – однако любые вопросы Клары на личные темы она тут же яростно блокировала. Клара старалась помалкивать, хотя ей даже смотреть на подругу было тяжело – синяки под глазами у Джуди оказались вовсе не черными: один был темно-лиловым, а второй вообще разноцветным, желто-розово-зеленым, и сам глаз совершенно распух. Прямо краски заката с картины какого-то изысканного современного художника!

Пока Джуди готовила чай, Клара предприняла еще одну попытку:

– Как это ты так «упала», Джуди?

– Да споткнулась и на что-то налетела. На какую-то дверь.

– Ох, Джуди! – Клара чуть не заплакала. – На какую еще дверь?

Так ты упала или на дверь налетела?

Тот глаз Джуди, который был менее заплывшим, налился слезами. Она истерически замахала руками.

– Да ерунда все это, Клара! Пожалуйста, перестань!

А Клара вспомнила и кое-что еще: прошлым летом, когда она здесь гостила, Джуди странным образом среди ночи ухитрилась растянуть лодыжку. Утром Артур приложил немало стараний, массируя жене поврежденную ногу, однако не позволял Кларе даже толком взглянуть на эту лодыжку.

– А твоя нога в тот раз – это тоже ерунда?

Джуди молча убрала со стола чашки, поставила их на стойку рядом с раковиной и вдруг, не поворачиваясь к подруге лицом, разрыдалась. Но, когда Клара попыталась ее обнять, сказала: «Не надо. А то еще хуже будет».

При мысли о том, что эти побои – дело рук Артура, что *и раньше* он неоднократно мучил Джуди, а она, Клара, преспокойно спала внизу, у Клары буквально все леденело внутри. *Чертов ублюдок!* Что за жизнь он Джуди устроил?! А может, и сама Джуди, когда он ее бил, умоляла его успокоиться и вести себя потише? Клара вдруг вспомнила, как однажды, услышав ночью наверху какой-то странный шум, она

наутро спросила у Джуди, что это было, и преспокойно восприняла ее шуточный ответ: «Да я просто с кровати свалилась, глупая ты сосиска!» Она лишь почувствовала себя маленькой и глупой. Все-таки Джуди должна была больше ей доверять.

А Джуди, перестав плакать, высморкалась и снова сказала:

– Да ерунда! Ничего страшного. И не смотри на меня так.

– Сколько же раз с тобой эта «ерунда» случалась?

– Ты не думай, все совсем не так плохо, как тебе кажется. Это бывает, только если я ему в чем-то противоречу. Клара, КЛАРА! Прекрати пялить на меня глаза! Это все *ерунда*. Он любит меня больше всего на свете.

– Вопрос не в том, как сильно он тебя любит.

– Никогда больше даже не упоминай об этом. Обещай мне. Иначе я... больше не стану... с тобой видеться. И не смей вести со мной разговоры на эту тему. Я же сказала, что с *этим* у нас покончено. *Этого* никогда больше не случится.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я уйду от него, если он еще раз посмеет. А он этого очень боится и совсем не хочет со мной расставаться. Ну, все. Давай теперь поговорим о чем-нибудь другом.

Джуди стала рассказывать о старых преподавателях из своей школы, привыкших к допотопным методам преподавания, и о новых, которые вообще представления не имеют, что значит учить детей. Рассказывала она и о трудных учениках, и о тех, что приходят в школу голодными или простуженными.

– С такими ребятами Артур просто чудеса творит! – восхищалась она, а Клара думала: *Ну да, если не выбивает из них мозги.*

Затем Джуди принялась расспрашивать Клару о том, удалось ли кого-то из детей передать в приемную семью и не нашлись ли у кого-нибудь живые родственники. Клара рассказала, что показатели у них в Совете Саффолка крайне низкие, так что им страшно нужна хоть одна история об успешном усыновлении, иначе, как она выразилась, *непрерывно возникнут вопросы.*

– Если мне подвернутся желающие, я сразу же к вам их пошлю, – пообещала Джуди.

– Да, пожалуйста, пошли, – сказала Клара, хотя в данный момент была способна думать только о ней, о бедной, бедной Джуди. Она

просто взглянуть на нее боялась, как если бы Джуди вдруг превратилась в горгону Медузу – вот только при взгляде на нее Клара превращалась не в камень, а в желе.

Джуди призналась, что не выходила из дома уже три дня, и Клара убедила ее пойти прогуляться, подышать свежим воздухом. Даже в самые мрачные дни после гибели Майкла Джуди старалась вывести Клару на прогулку перед ланчем. Джуди решила надеть шляпу с полями, чтобы побои у нее на лице сразу не бросались в глаза, и сказала Кларе, что в ближайшее время Артур вернуться не должен. Но Клара все равно нервничала: а вдруг он все-таки вернется? Что ей тогда делать? Побить его зонтиком?

Жизнь на улицах Клэпэма возвращалась в привычную колею; чувствовалось, что мрачные военные годы остались позади. Клара даже позволила себе немного расслабиться. Возможно, пыталась она убедить себя, ссоры Артура и Джуди и не настолько серьезны. Но стоило ей взглянуть на изуродованное лицо подруги, отчасти скрытое широкими полями соломенной шляпы, и она понимала: нет, все просто ужасно и Артур – форменный садист.

Под конец, когда Кларе пора было уже уезжать, Джуди вдруг снова повеселела. Да она же просто притворяется, думала Клара, притворяется ради меня.

– Пожалуйста, перестань так тревожиться, Клара. У нас с Артуром все прекрасно.

– Да как я могу не тревожиться! Друзья и подруги для того и существуют, чтобы тревожиться.

– Ну, хорошо, можешь тревожиться сколько угодно, только Артур все равно замечательный, и в семье у нас все хорошо.

И Джуди пошла к своему дому, придерживая рукой дурацкую соломенную шляпу. Она же просто живой анахронизм, думала Клара, человек, оказавшийся в неправильном месте и в неправильное время.

* * *

Раз в две недели по воскресеньям, когда у Клары бывал выходной, они с Джулианом питались в основном тем, что миссис Уэсли,

обладавшая не только кулинарным талантом, но и многими другими, им оставляла. Иногда это была рыба, но гораздо чаще какое-нибудь мясное блюдо, скорее всего из баранины, которую миссис Уэсли умело маскировала. Кларе очень нравилась приготовленная миссис Уэсли еда, но, обедая у Джулиана, она каждый раз испытывала некий затаенный стыд, поскольку сама она детям готовила совсем иные кушанья. И потом, даже если она и не сомневалась, что в целом жизнь детей существенно улучшилась по сравнению с теми временами, когда «Грейнджем» управляли монахи, то их послевоенная диета явно стала гораздо хуже.

После ланча Клара и Джулиан обычно поднимались в спальню и неторопливо занимались сексом. Естественно, в удобной постели и на шелковых простынях. Джулиан обладал безупречным вкусом и изысканными манерами. С Кларой он всегда был предельно внимателен. В общем, все получилось именно так, как она и рассчитывала. Именно в этом она сейчас и нуждалась. Слово «механический» она с негодованием отвергала, хотя секс у них отчасти получался именно таким. Впрочем, и в этом не было ничего плохого, ведь умение так же важно, как и полет фантазии.

И потом, в свои пятьдесят Джулиан был полон энергии.

После секса Джулиан впускал в комнату Бандита – тому всегда приходилось ждать за дверью, – и Клара каждый раз бывала приятно удивлена, с каким энтузиазмом Бандит влетал в спальню и бросался к ним, словно не видел их несколько лет. Она обожала возиться с этим псом, и Джулиан частенько повторял в шутку, что она явно предпочитает ему Бандита. Возможно, в этом была доля истины. Господи, но до чего же приятно было хотя бы на несколько часов освободиться от забот и ответственности за детей! С Джулианом все получалось на удивление легко и просто; он умел сгладить любые углы. Нет, думала Клара, надо быть сумасшедшей, чтобы начать раскачивать эту лодку!

Джулиану нравилось получать от жизни все самое лучшее. Впрочем, деньги он тратил не слишком охотно и всегда делал это с осторожностью. И этим он тоже отличался от Майкла. Майкл иной раз бывал чрезвычайно импульсивным, хотя, возможно, в мирное время и он стал бы куда более спокойным и уравновешенным – кто знает? Война влияла на все – от привычки тратить деньги до предпочтений в

сексе. Если ты знал кого-то в мирное время, а потом встретился с ним во время войны, он вполне мог показаться тебе совсем другим человеком. Или наоборот. Война всех сделала не похожими на себя прежних. И очень легко было попасть впросак из-за того, насколько мог измениться характер твоего старого знакомого.

Так или иначе, планы Джулиана насчет Клары были, по его словам, чрезвычайно серьезны, да и сейчас мирное время, а потому...

И все же Клара пыталась понять, что значит «чрезвычайно серьезны». Может, это всего лишь противопоставление легкому, незначительному увлечению?

* * *

С того самого вечера, как Айвор предложил съездить на то американское военное кладбище, где похоронен Майкл, Клара постоянно думала о возможности такой поездки.

Ей казалось, что просить о такой услуге Джулиана – это уж слишком. Просить своего нынешнего любовника – а как ей было еще его называть? – съездить с ней на могилу любовника бывшего, пусть даже и жениха? Нет, это как-то не вписывалось в привычные нормы поведения, даже если окружающие и преодолевали тяготы войны вместе с тобой. Даже если сам Майкл теперь не стал бы возражать против ее отношений с Джулианом. Даже если Майкл и погиб во имя счастливого будущего всей Европы. Даже если он действительно был героем этой войны. И все же Клара решила, что в любом случае лучше сперва спросить у Джулиана; наверное, куда хуже будет, если он потом случайно узнает, что она ездила туда с Айвором.

– Я вот все хочу спросить, – осторожно начала Клара, – не согласишься ли ты съездить со мной на могилу одного моего старого друга? – Она чувствовала себя полной дурой, ей даже жарко стало. Как ни странно, она ведь так толком ничего Джулиану о Майкле и не рассказала – он как-то особенно не интересовался, а ей даже тот разговор с Айвором дался достаточно трудно, и она не хотела лишний раз тревожить еще не зажившую рану. – Хорошо было бы сделать это вместе.

О, сумасшедшая! Сумасшедшая!

Но в голосе Джулиана сразу прозвучали понимание и доброта.

– А знаешь, – и он ласково похлопал Клару по бедру, – я ведь это за честь сочту.

И у Клары возникло ощущение, словно Джулиан только что сдал некий важный экзамен. Возможно, и он тоже испытывал подобное чувство, потому что вдруг наклонился, чмокнул ее в щеку и весело на нее посмотрел. От него, как всегда, пахло яблоками и корицей, что, вероятно, было связано с особыми, исключительными способами стирки белья, которые применяла миссис Уэсли. Но Кларе этот запах ужасно нравился; она прямо-таки подседа на него. И все созданные ею оборонительные укрепления растаяли буквально на глазах.

– Может, прямо сегодня и съездим? – предложил Джулиан, садясь в постели.

– Только не сегодня.

– А почему нет? – Джулиан ловко выпрыгнул из кровати на пол. – Самое лучшее время – это настоящее.

В общем, он сел за руль, и они поехали. А в пути даже немного поговорили на тему, которой раньше оба старательно избегали – о том, что им довелось пережить за годы войны. Клара рассказала, как работала в фирме «Харрис и сыновья» и о ночных бомбежках. Она вспоминала то одну ночь, то другую, и возникало ощущение, будто она осторожно проверяет ногой воду, прежде чем погрузиться в нее полностью, прежде чем рассказать, насколько кошмарным было то время. Лондонский блиц был так ужасен, что большинство людей, переживших его, не любили о нем вспоминать, хотя иногда воскрешать воспоминания все же приходилось, и тогда уж они лились буквально потоком. С другой стороны, рассказывать об этом было нелепо, потому что иногда, уже начав рассказывать, человек вдруг понимал, что его собеседнику довелось пережить нечто куда более страшное, и ему сразу становилось неловко из-за того, что он жалуется. Но ведь каждому порой нужно кому-то пожаловаться, правда?

Клара раньше боялась, что Джулиану, возможно, приходилось куда хуже, чем ей – ведь в некоторых городах и деревнях молодым мужчинам или мужчинам, *которые молодо выглядят* (как Джулиан, например), приходилось терпеть не только оскорбления, но и кое-что похуже, раз они не на фронте, а «отсиживаются в тылу», – но Джулиан сразу отмел ее опасения, сказав: «Да ничего подобного! У нас

ополченцев буквально все любили. Да мы и сами были ребята хоть куда».

– А девушек у тебя во время войны много было?

Ох, наверняка! Холостой боец местной обороны! Недаром про таких говорили, что они все равно что дети, пробравшиеся в кондитерскую лавку.

– Да все они были моими! – рассмеялся Джулиан и тут же поправился: – Это мне так хотелось бы думать. – И он, сняв руку с руля, ласково потрепал Клару по плечу. – Нет, меня всегда больше интересовали охота и юриспруденция – в любом порядке. И так было, пока я тебя не встретил.

Клара отнюдь не была уверена, серьезно ли он говорит, но ей было приятно. И потом, она была очень довольна, что поехала на кладбище с Джулианом, а не с Айвором. Да и как бы они с Айвором туда добирались? Ведь от железнодорожной станции до кладбища далеко, а водить машину Айвор не может. С Джулианом и его никогда не пустеющим бумажником подобные бытовые вопросы таяли как бы сами собой.

У ворот кладбища человек без ног продавал цветы, чтобы люди могли положить их на могилы. Он словно был предупредительным знаком: *возьмите себя в руки, за воротами вас ждет тяжелое зрелище*. По кладбищу и впрямь бродили толпы людей, и Клара вдруг почувствовала себя совершенно неподготовленной. Было очевидно, что для кого-то это было главное путешествие всей жизни, их главная цель, тогда как сама она лишь недавно решила, что было бы все-таки неплохо сюда съездить.

Скрывая смущение, она принялась рыться в сумке в поисках кошелька. Да и захватила ли она с собой хоть какую-то мелочь? И почему она не надела траур? Наверное, следовало бы надеть? Ей стало стыдно. Как-то все это у нее получилось совершенно неправильно.

Джулиан, впрочем, никаких волнений не испытывал. Он сразу же легкой и упругой походкой направился к продавцу цветов, вручил ему хрустящую банкноту и крикнул Кларе:

– Как ты думаешь, какие цветы больше понравились бы твоему другу?

– О, да любые!

А она об этом даже не подумала. Цветы? Ну, конечно! Самое обычное дело на кладбище.

Джулиан сказал, что выбор был невелик, так что он выбрал маки, и Клара тут же вспомнила стихотворение Джейн Тейлор «Мак», где этот цветок был описан как «дерзкий, тщеславный и яркий сорняк». Вообще-то стихотворение Кларе нравилось, но в эту минуту она вдруг с ужасом подумала: ведь это же моя собственная характеристика! И ей вдруг захотелось унести эти цветы в машину и никуда не ходить, а просто посидеть в одиночестве и, как раньше, всласть поплакать по Майклу; ведь этого было бы вполне достаточно, не правда ли? Однако в присутствии Джулиана подобных вещей делать не полагалось. Клара и впрямь ни разу при нем не плакала, хотя довольно часто делала это, оставшись одна.

Ночью прошел дождь, и земля под ногами скользила и чавкала, словно отражая нестабильное состояние Клары. Семьи погибших двигались впереди, позади, пересекая ей путь, навстречу. Девочка-подросток в шапке с помпоном явно скучала, не зная, чем заняться. Двое мальчишек развлекались тем, что щипали друг друга. Матери – ох, сколько же здесь было матерей! – несли на могилы погибших сыновей целые охапки цветов. Кларе вдруг показалось, что ей не под силу будет вынести ту душевную боль, что плотным облаком окутывала ее со всех сторон. Ей хватало и своего собственного горя.

Она вдруг вспомнила, что могила ее матери находится где-то в джунглях Африки. Еще одна могила, на которую ей так и не довелось положить цветы.

Она не сразу сумела найти нужную могилу, пришлось читать имена на надгробиях. А потом могила Майкла неожиданно оказалась прямо перед ней:

Капитан Майкл Адамс

Восьмая дивизия ВВС,

838-я бомбардировочная эскадрилья

Возлюбленный сын Майкла-старшего

(ныне покойного) и Мэрилин

Похоронной она тогда не получила. И ничьей вины в этом не было – кто-то объяснил ей, что ни одна английская девушка не получила уведомления о гибели возлюбленного. Просто так тогда полагалось. Если бы Майкл погиб на три месяца позже, Клара оказалась бы уже в числе вдов, получивших похоронную на законных основаниях. С другой стороны, через три месяца, когда они были бы уже женаты, Майкл вполне мог и не погибнуть, и тогда она сейчас жила бы в Массачусетсе, и у нее было бы двое крепких, выросших на кукурузе малышей, говорящих с американским акцентом.

Нет, действительно ничьей вины не было в том, что она не получила похоронной.

Клара положила маки на могилу и двинулась дальше. Стоять и смотреть на имя Майкла, написанное на плите, было невыносимо. Да и Джулиан рядом с ней нетерпеливо переступал с ноги на ногу.

Когда она думала о том, как молоды были все эти ребята, когда юность их трагически оборвалась, ей хотелось плакать. Вон тому было всего девятнадцать, да и Майкла в его двадцать шесть трудно было назвать зрелым мужчиной. На многих могильных плитах были выбиты кресты, и Клара заметила также две Звезды Давида.

Ту телеграмму она получила утром, 26 декабря 1944 года, в День подарков. *Погиб весь экипаж самолета. Все шестеро.* А всего через десять месяцев после этого закончилась война. Возле одной из могил чуть дальше по дорожке чья-то мать, устроившись на складном стульчике, закусывала сэндвичами и беседовала с мертвым сыном. Обращаясь к могильной плите, она говорила: «Я ведь уже рассказывала тебе о кухне Сью? Так вот, она выходит замуж за того итальянского парня. И родители вроде бы ничего против него не имеют. Знаешь, теперь все так переменялось!»

Целое поколение было искалечено войной, вряд ли хоть кто-то остался невредимым; и даже если казалось, что внешне ни малейших признаков ущерба заметно не было, то внутренний ущерб вполне мог оказаться весьма серьезным.

Клара отыскала руку Джулиана – словно нашла надежный выступ на отвесном утесе, – и он ласково сжал ее пальцы, словно говоря: я здесь, рядом с тобой.

– Этот человек, должно быть, играл особую роль в твоей жизни, Клара?

– Да, совершенно особую.

И она вдруг почувствовала некую связь с ними обоими – Джулианом и Майклом, – всех их соединило то, через что им пришлось пройти. Джулиан понимал, что такое война и какие потери она принесла. Он понимал чувства Клары и не ревновал ее к прошлому. Нет, ничего такого, наоборот: он относился к этому с большим уважением. Он и к ней относился с уважением. Уж он-то никогда ее не ударит. Никогда не столкнет с лестницы, не отпихнет так, чтобы она ударилась об стену, не заставит ее объяснять своей лучшей подруге, что она, дескать, упала или на дверь налетела. Именно такой человек Кларе сейчас и был нужен. Абсолютно надежный. Хотя надежность в любви всегда явно недооценивают.

Клара утирала слезы, пока они ехали от кладбища к центру Кембриджа, а Джулиан, стараясь хоть немного ее развеселить, учил ее одной неприличной песенке, которую они часто пели в ополчении:

«...и вот она без трусиков осталась!»

Джулиан вообще знал великое множество всяких таких песенок о женщинах, с которых «упали последние одежды».

Клару это раздражало, ей хотелось, чтобы он перестал, хотелось посидеть в тишине и подумать о Майкле, но она понимала, что это он по доброте душевной. Ведь он был так мил и так полон сочувствия. Он привез ее сюда, пожертвовав своим выходным, он купил для нее цветы, а теперь еще и ужином собирался ее угостить. Конечно же, все это свидетельства доброты, выходящей далеко за рамки дежурной вежливости. С ним Клара чувствовала себя в безопасности, и даже ее душевная боль несколько успокаивалась, и это приносило такое облегчение...

– Ну что, ты получше себя чувствуешь?

– Да, конечно. Спасибо тебе. Мне, наверное, давным-давно следовало сюда съездить.

Трудно было с определенностью сказать, почему же все-таки она этого не сделала. Она ведь даже не думала о такой возможности, пока Айвор не предложил ей поехать на кладбище. Да и после этого она не сразу смогла заставить себя предстать перед реальным фактом смерти Майкла. Точнее, увидеть то, что делало его смерть реальной. Если честно, она все еще не была к этому готова. Вполне возможно, все эти последние годы она просто притворялась перед самой собой, уверяла себя, что Майкл на очередном задании, а как только вернется – что теперь может в любой день произойти, – сразу же позвонит ей и скажет: «Ну, моя дорогая, надевай скорей мое любимое платье, и пойдем на танцы!»

И Клара вдруг поняла, что полюбила свою новую жизнь в Саффолке – и не только потому, что здесь жил Майкл, что в небе над этим местом он погиб, но и потому, что ей нравилась ее работа. Это была такая мирная сельская местность и такая мирная сельская жизнь, к которой она в конце концов полностью приспособилась. И теперь эта жизнь совершенно ее устраивала.

Сегодня вечером, решила Клара, надо непременно написать матери Майкла. Той, наверное, будет приятно узнать, что Клара побывала на кладбище. И о маках Клара тоже решила непременно ей рассказать, хоть и на всякий случай скрестила пальцы, чтобы оказалось, что Майклу они действительно нравились.

На улицах Кембриджа было полно автомобилей и лошадей; здесь тоже все возвращалось к жизни. Витрины магазинов были куда соблазнительней, чем в Лавенхэме, и в них было выставлено куда больше люксовых вещей: дорогой одежды, дорогих книг. В окнах университетских колледжей горел свет, широкие ворота были распахнуты настежь. Они проехали мимо американского бара «Френкис»; над дверью висел флаг – звезды и полосы. Возле двери Клара различила в полутьме четыре силуэта – маленькой женщины и троих мужчин. Все четверо курили. Похоже, они только что вышли из бара. Впрочем, внимание Клары привлекло нечто иное: красный шарф.

– Погоди, Джулиан, остановись, пожалуйста!

Но Джулиан словно не слышал.

– Пожалуйста, Джулиан!

– Но я не могу здесь остановиться.

– По-моему, там Морин. А нельзя ли нам где-нибудь развернуться?

– Морин?

– Да. Это одна из моих девочек. Та самая, что пропала... Так мы можем остановиться?

– Ты что, хочешь таскаться по всему Кембриджу, пытаешься найти того, кто совсем не хочет, чтобы его нашли? Да еще и в такой редкий у тебя выходной?

Нет, она вовсе этого *не хотела*. Но она *должна была* это сделать.

– Пожалуйста, Джулиан!

Он только головой помотал и развернулся. Они в полном молчании снова свернули за угол и оказались перед баром «Френкис», но было уже слишком поздно. Кем бы ни были те четверо, их уже и след простыл. Перед дверью бара торчал теперь только какой-то толстяк в черном костюме, который смотрел на них, от удивления сворачивая шею.

– Я же говорил, что это бесполезно, – пожал плечами Джулиан.

Вечер должен был получиться чудесным. И ресторан *действительно* был замечательный. Зажженные свечи, вкусное согревающее жаркое, а на первое весьма удачно пришелся суп из пастернака. И все же Клару продолжала терзать мысль, что там, в темноте, все-таки была Морин. *Хотя вряд ли она могла оказаться в этом городе. Но где же она в таком случае? И потом, в таком красном шарфе могла быть только она! Он выдал ее, предатель, маячок в темноте.* Бедная Морин! У нее вечно были синие губы и руки в цыпках – она постоянно мерзла...

Джулиан предложил Кларе заказать все, что ее душа пожелает.

– Довольно, дорогая, оттолкни наконец лодку от берега!

– Какой длинный был день! – вдруг вырвалось у Клары. – Я, пожалуй, немного... перенервничала там, на кладбище.

Джулиан поцеловал ей руку, что означало: *не волнуйся, все совершенно нормально*. Она подозревала, что после ужина он предложит ей снова к нему вернуться – так сказать, устроить «второй тур», – и была очень рада, когда он этого не сделал. Сейчас им просто необходимо было на какое-то время расстаться.

* * *

– У вас ничего не случилось, мисс Ньютон? – Сестра Грейс вычистила плиту, вымыла пол и испекла пирог. Ну, просто ангел, а не женщина!

– Нет, все хорошо, только я очень устала, – солгала Клара. И сестра Грейс пообещала, что помолится за нее дополнительно к своим обычным молитвам. Клара от души ее поблагодарила и вдруг представила себе, как молится ее отец – и за нее, и за «все то хорошее», что он для нее сделал.

Сиротский дом «Шиллинг Грейндж»

ОТЧЕТ № 6

Джеймс «Питер» Дауни

Дата рождения:
29 октября 1934 г.

Происхождение:

Мать Питера умерла либо во время родов, либо сразу после них, а отец бросил ребенка либо сразу же, либо вскоре после смерти жены. Мальчика переводили из одного детского дома в другой практически всю жизнь. В Саффолк он приехал вместе с сестрой Юнис. До этого он жил в Лестершире. Там о детях либо очень мало заботились, либо совсем не заботились. У Питера, правда, обнаружился очаровательный дядя, мистер Джеймс Куртни, который в последнее время по средам забирает его к себе. Это продолжается уже несколько месяцев, практически с тех пор, как я начала здесь работать (т.е. с сентября). Возьмет ли этот дядя мальчика к себе на постоянное жительство, пока не ясно; нужно непременно это выяснить и постараться устроить; мы все в этом направлении работаем.

Здоровье/внешность

Питер много курит. Не знаю, где он берет сигареты. Курение, впрочем, на его физическом развитии явно не сказывается, потому что ростом он уже шесть футов, а размер ноги у него 6. Мне даже пришлось пойти в магазин и купить ему новую обувь. Он очень быстро растет.

Питер – очень симпатичный юноша, у него чудесные зеленые глаза и очаровательные веснушки.

Еда:

Ест все. Любит фруктовые пироги.

Хобби/интересы:

Очень любит принимать ванну, в последнее время делает это особенно часто. Не любит свой школьный галстук.

Другое:

Питер – ответственный, добрый, спокойный мальчик, хотя в последнее время стал очень мрачным. До недавнего времени он делал в школе значительные успехи и занимал второе место в классе из тридцати человек, но к Рождеству вдруг съехал на семнадцатое место. Возможно, это просто какая-то ошибка. Нужно выяснить.

Глава девятнадцатая

Питер был на улице – длинной палкой рисовал в пыли круги, и это отчего-то действовало Кларе на нервы. Пыль вообще была одним из главных ее врагов с первого дня пребывания в Грейндже и особенно после того, как она сама же освободила детей от многих работ по дому. Стараясь сдерживаться, она сказала себе: *Это же Питер, твой милый Питер, так что не раздражайся и всегда помни о том, что ему довелось пережить, прежде чем ты его узнала.* Клара понимала, что должна попытаться вытащить мальчика из той раковины, в которую он забился, а не заталкивать его туда еще глубже.

– Может, рисовать лучше карандашом на бумаге, а не палкой в пыли?

Питер только плечами пожал.

– Нет, это, конечно, тоже развлечение, но, по-моему...

Он даже глаз на нее не поднял и все продолжал возить палкой в пыли, которая вздымалась прямо-таки клубами. У Клары даже глаза защипало. Теперь это раздражало ее уже физически, а ведь она так хотела проявить снисходительность.

– Питер, я ведь с тобой разговариваю. Ты уж все-таки посмотри на меня, пожалуйста.

Господи, я скоро начну с ним разговаривать, прямо как мой отец – со мной!

Веснушки на лице Питера были такими отчетливыми, словно кто-то взял краску и нарочно понаставил точек у него на щеках и на носу. *Мы всегда буквально спиной чувствовали ее поддержку и никогда в этой поддержке не сомневались,* – вспомнила вдруг Клара рассказ Айвора об одной из его воспитательниц-монахинь. Но ведь и она тоже была готова во всем поддерживать Питера! Если он ей это позволит, разумеется.

– Я бы с удовольствием попыталась раздобыть тебе кое-что для рисования. Ты ведь хотел бы рисовать, правильно?

– Да, наверное...

Вот черт, да из него каждое слово приходится чуть ли не клещами тащить! *Неужели он не может проявить хоть чуточку благодарности?*

Просьба Клары прислать бумагу для рисования, карандаши и краски была воспринята Советом безо всякого энтузиазма. Видимо, с их точки зрения, рисование отнюдь не являлось предметом, необходимым как для образования детей, так и для жизни в целом.

– Мы не выделяем денег на развлечения, – объяснила мисс Купер. – А рисунки – это развлечение.

– Да ради бога! Я сам ему все куплю, – возмутился Айвор, когда Клара рассказала ему о своем столкновении с чиновниками из Совета. Вообще-то она не теряла надежды, что Айвор снова предложит ей полюбоваться звездами, но сама спросила об этом лишь однажды, и он сказал в ответ, что сейчас слишком низкая облачность.

– Да не надо, я у Джулиана попрошу. У него в офисе полно бумаги. – Айвор нахмурился, и она поспешила прибавить: – Зато тебе никуда не нужно будет ездить.

– Это, конечно, так.

– А Джулиану всегда приятно сделать что-то для детей.

– Ну, разумеется! – усмехнулся Айвор.

– Нет, ему правда приятно!

Айвор рассмеялся.

– Я же не спорю с тобой, Клара. Раз ты так говоришь, значит, так оно и есть.

На следующий день Джулиан выдал Кларе для Питера ровно один карандаш и одну ручку.

– Разве их в школе всем этим не обеспечивают? Или в вашем Совете? – с явным неудовольствием спросил он.

* * *

Когда Клара пожаловалась Джуди на плохое поведение Питера, та только рассмеялась: «Ах, этот ужасный возраст! Да все подростки такие!», и Кларе сразу стало как-то легче. Джуди сказала еще, что подростки похожи на малышей, которые только-только учатся ходить и все время падают. Только подростки при этом, разумеется, ведут себя куда хуже малышей. Для них быть грубым – это способ самоутверждения, способ *выделиться, не быть обычным человеком.*

Она рассказала Кларе, что, согласно новым американским исследованиям, у подростков «даже мозг иначе устроен».

– У Питера уж точно, – вздохнула Клара.

На этот раз настроение у Джуди было приподнятое. Она сказала, что глаза и губы у нее совсем зажили, и Артур обещал, что отныне «вообще все будет так, как она сама хочет», хотя Клара так и не поняла, что именно «все» и чего именно хочет сама Джуди. Но поболтать с любимой подругой ей было приятно, особенно когда та снова стала такой же жизнерадостной, как прежде. Джуди даже сообщила ей с гордостью, что они с Артуром ходили на танцы и на какое-то шоу – словом, вовсю развлекались.

– Но ведь ты же скажешь мне, если Артур...

– Тебе совершенно не о чем беспокоиться, Клара. Все неприятности теперь в прошлом.

Сквозь стекло телефонной будки Клара видела, как миссис Гаррард выставляет на тротуар возле своего магазина цветы в ведрах. Ей хотелось еще немного поговорить с Джуди, чтобы не быть обязанной здороваться и вести светскую беседу с миссис Гаррард, но Джуди сказала, что они с Артуром собрались в кино на «Газовый свет» Хичкока, закончила разговор и повесила трубку.

* * *

Питер в последнее время утром вставал с постели с огромным трудом, а вечером никак не мог заснуть. Клара слышала, как он стучит мячом о стены дома или просто бродит по комнатам. К счастью, остальные мальчики спали крепко и ничего этого не слышали. Питер не желал ни читать книги, ни выполнять домашние задания, ни участвовать в общих играх, ни даже слушать радиоприемник. Впрочем, свои обязанности по дому он по-прежнему выполнял, но ни с кем никогда не болтал, не насвистывал за работой, как раньше; казалось, он настолько погружен в свой собственный внутренний мир, что совершенно там затерялся.

В какой-то момент Клара даже решила, что это только ей так кажется. *Может у меня что-то вроде паранойи?* – думала она. Но тут выяснилось, что и Айвор это заметил.

– Слушай, тебе не кажется, что с Питером что-то не так? – спросил он. В этот момент он был занят обивкой кресла для резиденции мэра, а Клара внимательно за ним наблюдала. Ее всегда восхищало, как ловко он управляется одной рукой: сперва кладет кресло набок, а потом молотком быстро забивает по краю обойные гвоздики с широкой шляпкой.

– А ты что-то заметил?

– Ну да. Он в последнее время словно в летаргию какую-то впал.

– Может, он и впрямь болен?

– Ты бы сводила его к доктору Кардью.

Легко сказать. Ведь Питер ни за что не согласится пойти к доктору.

Глава двадцатая

Рассказывая Джулиану какую-нибудь историю о своих детях, Клара всегда сознавала, что у нее имеется не менее десятка других историй, которые она рассказать ему ни в коем случае не может. Она, точно священник, как бы подправляла жизнь в детском доме, чтобы не вызывать неудовольствия Джулиана, – а на самом деле чтобы самой лишней раз не портить с ним отношения. Джулиану ведь наверняка было бы неприятно услышать тревожный рассказ о том, как Билли и Барри метали ножи в стену сарая («Это мы тренируемся, чтобы потом убежать и поступить в бродячий цирк!»). Или о том, как «грубо и примитивно» маленькая Рита объясняет обалдевшей Пег странное поведение птичек и пчелок: «Просто самец делает пи-пи в самку – как дядя в тетю». А всяких интимных подробностей Джулиан и вовсе не выносил; ему, например, ни в коем случае нельзя было рассказывать о том, как Терри заявила, что не желает, чтобы у нее «выросли титьки».

Та версия жизни в «Шиллинг Грейндж», что в итоге достигала ушей Джулиана, напоминала истории из детской книжки о медведе Руперте – хотя, пожалуй, сам Джулиан воспринимал это несколько иначе, считая ситуацию в детском доме чем-то вроде времен вишистского правительства во Франции, Клара представительницей оккупированного населения, а воспитанников детдома нацистами.

Кларе *хотелось бы* рассказать Джулиану столь многое, однако при этом она ни в коем случае не должна была говорить о детях. Зато они оба с удовольствием беседовали о Бандите, считая его на редкость милым псом, начиная с гастрономических пристрастий – вообще-то Бандит ел все что угодно – и заканчивая неприязненным отношением к мытью в ванне и вообще к купаниям. А как отлично он умел приносить мячик! Еще Клара любила, когда Джулиан рассказывал о своей работе, хотя его описания и звучали порой суховато. И потом, ее страшно удивило и даже, пожалуй, обрадовало, когда она поняла, что Джулиан – самый настоящий сплетник, знающий все обо всех жителях Лавенхэма, *а также* ближайших деревень; он был способен поддержать любой разговор, заполнить любую паузу (вне зависимости от того, правдива ли была та или иная история). Он рассказал Кларе о семействе Гаррардов – *и что только Дотти нашла в этом Ларри?* – и

о служащей бензозаправочной станции, которая оказалась вдовой – *о, это весьма печальная история!* – и о тех пожилых супругах, что заведовали почтовым отделением (они потеряли на войне сына), и о хозяине бакалейной лавки – *примитивном толстяке*, дочь которого *похожа на Одри Хепберн*, а сын – *вылитый Рок Хадсон*, – и о хозяине мясной лавки, который *не в состоянии сказать «нет» своей испорченной девчонке...*

Как ни странно, одной из любимых тем Джулиана был Айвор, который явно ему не нравился. Однако когда Клара спросила, почему он недолгобливает Айвора, он удивился и с обиженным видом заявил: «Зачем ты так говоришь? По-моему, он отличный парень».

Оказалось, что Джулиан не меньше Клары был заинтригован отсутствием Руби, жены Айвора.

– Должно быть, с ним что-то не так, иначе с чего бы она его бросила?

– Что не так? Что ты хочешь этим сказать?

– Ну, он же спасал всех этих людей в Дюнкерке, вон сколько наград получил... Может, ранен был или еще что. Не считая того, что он руки лишился, из-за чего, конечно, вряд ли может быть таким ловким, как прежде. Нет, я думаю, он *там*, – и Джулиан указал на низ своего живота, – что-то себе повредил. А тебе так не кажется?

– Джулиан! – возмущенно воскликнула Клара, втайне замороженная и заинтригованная подобным предположением. – Разумеется, он никогда со мной о таких вещах не говорил!

– Вообще-то, дорогая, мне трудно было бы такое себе представить. Да и какой мужчина решился бы выложить о себе столь невыигрышные подробности. Да еще и беседуя с хорошенькой женщиной. Но я думаю, жена его бросила именно поэтому.

А в другой раз, снова почему-то вспомнив Айвора, Джулиан задумчиво сказал:

– Знаешь, они ведь вместе были в «Шиллинг Грейндж».

– Кто?

– Айвор и его... Ру-у-би. – Он так и сказал: «Ру-у-би», нарочито растягивая гласные, словно ему даже произносить это имя было неприятно.

– Я этого не знала.

– Да, их с детства, как все тут говорят, женихом и невестой называли. Должно быть, для него было большим потрясением, когда она вдруг взяла да уехала. – Джулиан усмехнулся: – Вот она, обманчивая детская влюбленность.

Бедный Айвор.

Это было совершенно не ее дело, но Клара ничего не могла с собой поделать и часто думала об Айворе и его Руби. Жаль, что у него нигде нет ее фотографии, тогда ей легче было бы хоть как-то эту женщину себе представить. А на одно воображение полагаться трудно. Клара даже подумывала, не завести ли ей на эту Руби отдельное «дело» и собирать в эту папку всякие разрозненные крохи информации, которые ей удастся раздобыть. Впрочем, она понимала: если кому-то станет об этом известно, ее действия сочтут по меньшей мере странными. А уж если узнает Айвор... нет, об этом лучше даже не думать!

Мысленно Клара представляла себе Руби как некую молодую женщину с обесцвеченными в домашних условиях волосами и, безусловно, пользующуюся большим количеством макияжа, который она, вполне возможно, даже перед сном не смывает, а наутро просто добавляет новый слой к уже имеющемуся. Она, наверное, была весьма привлекательной – Клара просто не могла себе представить Айвора с какой-то серенькой мышкой – а потом нашла себе американца. Так ведь? Майкл часто рассказывал о девицах, которые слоняются вокруг их базы ВВС и заигрывают с летчиками. Впрочем, говорил он об этом, никого не желая унижить – он был слишком добрым и справедливым, чтобы обижать этих женщин, – но и особой теплоты в его словах не чувствовалось.

Что же тогда произошло между Айвором и Руби? Клара даже пожалела, что миссис Харрингтон больше в Совете не работает – у нее, как и у Джулиана, была редкая способность знать все обо всех и всегда с восторгом своими знаниями делиться.

* * *

Когда Айвор возил свои изделия на рынок в Феликстоув, он обычно нанимал одного местного парнишку, чтобы тот помог ему

погрузить в грузовичок вещи, а потом их разгрузить; впрочем, иногда он приглашал себе в помощники кого-то из воспитанников «Шиллинг Грейндж». Алекс, например, очень любил с ним ездить и не раз просил Клару составить им компанию.

А вот Анита как раз была против подобных затей и считала, что Кларе даже думать о подобных поездках не стоит.

– А как же мистер Уайт? – сердито спрашивала она, и Клара тоже сердито отвечала:

– А с мистером Уайтом я только что виделась. В минувший уик-энд. – Ее уже начинал раздражать чрезмерный энтузиазм Аниты, буквально «сватавшей» ее за Джулиана.

– Интересно знать, как бы он на подобное предложение отреагировал, – заметила Анита и поджала губы.

– А никак! – весело ответила Клара, зная, что это неправда: Джулиан всегда находил, что сказать. В любой ситуации и *относительно чего угодно*.

Анита посмотрела на нее с хорошо знакомым выражением, словно говоря: *Ты, Клара, ведешь себя просто глупо. Тебе бы следовало постараться укрепить свои отношения с мистером Уайтом, ведь такие, как он, на дороге не валяются*.

Зато сестра Грейс сразу сказала Кларе: «Какая чудесная идея!», и пообещала приехать пораньше и отпустить ее.

Когда Клара приехала на рынок, вся площадь перед ним оказалась занята грузовиками, фургонами и прицепами всех размеров, нагруженными самым различным товаром: цветами, обувью, бакалеей, фруктами. Айвор и Алекс еще не закончили разгрузку; им помогал торговец-сосед по имени Ленни. Айвор слегка улыбнулся, увидев Клару, но она так и не поняла, доволен он тем, что она все-таки приехала, или нет. За работой они с Алексом вели беседу о возможных результатах экзамена «11+». Ленни послушал их и сказал:

– Ты-то, Алекс, наверняка в эту свою грамматическую школу поступишь! А когда-нибудь, может, и премьер-министром станешь! И уж точно будешь получше этого Клемента Эттли!

Алекс нахмурился. Ему премьер-министр Эттли очень нравился.

– Кем бы ты впоследствии ни стал, – решила сгладить острые углы Клара, – сейчас ты можешь быть уверен: твои родители гордились бы твоими успехами, зная, что ты старался изо всех сил.

Алекс смутился, покраснел и ничего не ответил. А Клара сочла своим долгом продолжить:

– Знаешь, пару недель назад я навестила на кладбище могилу одного моего старого друга, и мне как-то очень помогло, когда я увидела место его последнего упокоения. Возможно, после того, как мы узнаем результаты экзамена, нам удастся выяснить в Совете, где похоронены твои родители, и тогда мы сможем туда поехать и сообщить им о твоих успехах. Как тебе такой план?

Алекс сказал, что нормально.

И Айвор тут же послал его за горячим чаем, которым торговали с соседнего лотка. Как только мальчик ушел, он схватил Клару за руку.

– Клара, что ты такое несешь?!

И она вдруг почувствовала себя виноватой. Это ведь Айвор первым предложил ей посетить могилу Майкла. А она, позаимствовав его идею, поехала туда не с ним, а с Джулианом.

Но, как оказалось, дело было совсем не в этом.

– Родители Алекса вовсе не погибли!

– Как это? Да нет, они точно погибли!

– Нет, они живы!

– Но, Айвор, они, должно быть, все-таки погибли, хотя никто этого наверняка и не знает. – Несмотря на то что Алекс был от них довольно далеко, Клара все-таки понизила голос. – Так и в деле у него написано.

– Ну, значит, у него в деле ошибка. Во всяком случае отец его определенно жив. Он даже в Грейндже время от времени появлялся. Он жуткий пьяница и порой так избивал Алекса, что на парнишке живого места не оставалось.

Несколько человек с большими хозяйственными сумками остановились рядом и уставились на них. Айвор тут же умолк, улыбнулся крайне неприятной, наглой улыбкой и продолжал так улыбаться, пока любопытствующие не разошлись. Потом он снова повернулся к Кларе:

– Понимаешь, я ведь давно живу в этих местах, очень давно. И совершенно точно знаю, что родители Алекса не погибли. Интересно, что ты ему *еще успела* наговорить?

Умница Алекс, этот «юный профессор», так, по мнению Клары, похожий на маленького лорда Фаунтлероя, оказывается из

неблагополучной семьи! А она-то воображала, что в один прекрасный день объявится какой-нибудь дальний и страшно богатый его родственник и захочет вернуть мальчика на его законное место в высшем обществе!

Клара тяжело вздохнула.

– Значит, я все испортила... но я же понятия не имела...

Айвор мгновенно смягчился.

– Одно дело быть сиротой, но совсем другое – быть брошенным... Впрочем, в обоих случаях возникают и незаживающие раны, и всякие позорные пятна.

– О том, что такое быть брошенным, я и сама знаю не понаслышке.

И Клара, склонившись над разложенными одеялами, закрыла руками лицо. Ей было стыдно. Неужели она никогда не избавится от подобных ошибок в отношении воспитанников «Шиллинг Грейндж»?

– Я не сомневаюсь, ты все сделаешь, как будет лучше для него самого. – Айвор потянул у нее из-под ног одно из одеял. – Ну что, ты нам сегодня помогать-то будешь или нет?

Это было потрясающее утро. Рынок был полон веселых людей, высматривавших, на что выгоднее потратить деньги.

– А народ, пожалуй, здорово приободрился, – заметил Айвор, – да еще и получка вчера была.

На свои изделия Айвор никаких ценников не прикреплял и все цены держал в голове, но Клара все же ценники сделала и к каждой вещи привесила – порядок никакой работе не повредит. Приходно-расходной книги у Айвора тоже не имелось, и он не слишком хорошо представлял, сколько товара продано, а сколько осталось. Но как же тогда понять, что именно пользуется спросом? Когда Клара задала этот вопрос, Айвор лишь неопределенно помотал головой, и она, устроившись в тихом уголке, придумала для него несложную систему учета.

Алекс торговал с невероятным энтузиазмом.

– Эти полотенца выдержат все что угодно! – выкрикивал он, размахивая хозяйственными полотенцами, сделанными Айвором из всяких остатков, и поглядывая на потенциальных покупателей вытаращенными от возбуждения глазами. – Им нипочем любые

несчастья – чудовища, нашествие инопланетян, засуха! Они будут вам верно служить при любых обстоятельствах!

Покупателям очень нравился товар Айвора, да и сам Айвор тоже. Он и сам обладал талантом продавца, хотя, пожалуй, рекламировал свой товар не столь целеустремленно, как Алекс. У его прилавка постоянно толпилось не менее пяти человек, готовых что-то купить или заключить оптовую сделку. Когда покупателей стало еще больше, Клара бросилась помогать. Она, правда, не чувствовала себя с покупателями достаточно уверенно и немного нервничала. Какой-то старик, протянув Айвору деньги над ящиками с товаром, спросил:

– Как поживает прелестная Руби?

Клара наострила уши: *еще одна подсказка?*

Айвор поскреб подбородок и задумчиво ответил:

– Вообще-то я давно уже от нее никаких известий не имею.

– Другой такой, как твоя Руби, и на свете нет. Она такая одна-единственная. – Старик сурово сдвинул брови на переносице, а его седые курчавые волосы почему-то зашевелились и встали дыбом, словно он увидел нечто ужасное. – Никогда я понять не смогу, почему же ты ее отпустил.

Когда они вернулись в Лавенхэм, Питер спал (или притворялся, что спит), а Билли и Барри в гостиной резались в «двадцать одно». Терри, как всегда, возилась со своими грядками. Пег кого-то выслеживала в саду, а Рита «сочиняла музыку» в садовом сарае, прихватив с собой мышку Молли. Вечером Алекс позволил Кларе уложить его в постель. В пижаме он выглядел совсем еще маленьким мальчиком, и все же было в его облике нечто от настоящего мужчины, причем весьма мудрого.

– Ты их простил? – спросила Клара. Ей было необходимо хоть как-то признать свою ужасную ошибку. – Я твоих родителей имею в виду. Ты их простил за то, что они тебя предали?

– Они меня совершенно не интересуют, – сказал Алекс, улыбаясь ей с белой подушки.

– А ты их хоть немного помнишь?

Он поколебался, потом сказал:

– А я, в общем-то, и не хочу их помнить.

– Это я очень даже могу понять. Но знаешь, Алекс, в будущем ты все-таки не позволяй этому чувству тобой управлять.

– И вы тоже не позволяйте, мисс Ньютон. – Он снова улыбнулся ей. Казалось, за последнее время у него выросли только оттопыренные уши-лопухи и крупные передние зубы. – Знаете: никогда не оглядывайся назад – смотри только вперед, и все будет хорошо.

Он был таким милым, преподнося ей свой мудрый совет, что она наклонилась и поцеловала его.

– А ты, профессор, оставайся всегда таким и никогда не меняйся.

– А можно мне все-таки немножко измениться, когда я вырасту?

– Нет. – Клара рассмеялась и убрала у него с глаз прядь волос. – Ох, ну ладно! Только чуть-чуть!

* * *

Следующее воскресенье было последним выходным Клары в этом месяце, и они с Джулианом поехали в паб «Кингс Хэд». Клара тут же в него влюбилась и просто наслаждалась царившей там теплой атмосферой и чудесной мебелью из красного дерева. А еще там была очень красивая и весьма миролюбивая собака, лежавшая в уголке возле камина. И Клара гладила ее, пока Джулиан заказывал напитки.

Виски она выпила с удовольствием. Ей вообще очень нравились эти воскресные поездки за город, во время которых она чувствовала себя совершенно свободной. Джулиан, разумеется, знал самые лучшие места. Иногда она думала: а что бы я делала по выходным без таких развлечений?

Наконец Джулиан, в третий раз наполнив ее бокал, положил руку ей на колено и сказал:

– Итак, Клара...

– Нет, ты только посмотри, какая у него милая мордашка! Это ведь лабрадор, да?

– Клара, я должен сообщить тебе кое-что очень важное.

– Нет, ей-богу, он как будто улыбается! Клянусь, он и с ребятишками наверняка отлично ладит...

– Послушай, Клара, я ездил в Лондон, чтобы повидаться с твоим отцом.

– Что? – У Клары бешено забилося сердце. У нее всегда начиналось сердцебиение при одном лишь упоминании об отце.

– Ну, не совсем так. Я уже находился в Лондоне, и у меня был его адрес. Это оказалось совсем близко от того места, куда я ездил по работе. Вот я и подумал... Не надо так удивляться, Клара. Мы вместе уже почти шесть месяцев.

– И что же ты *подумал*?

– Я подумал, что было бы правильно так поступить, Клара.

– Как именно «было бы правильно поступить», скажи на милость?

– Видишь ли, мне даже в голову не приходило, что можно действовать как-то иначе.

– А должно было бы прийти! Неужели тебе не достаточно того, что я с ним уже сто лет не общаюсь?

– Не волнуйся так, Клара. Его там все равно не оказалось. Я с ним так и не встретился.

– Вот как?

– Кажется, тебя это больше устраивает? То, что мне так и не удалось с ним повидаться? Но это просто потому, что дома никого не было.

– Но я все равно не понимаю, зачем ты туда поехал?

Клара знала, что ничего плохого Джулиан не хотел. Нет, на самом деле этого она как раз не знала. *Так чего же, черт побери, он все-таки хотел?*

– Успокойся, пожалуйста, – шепнул Джулиан, тайком поглядывая на других посетителей. – Я тебя такой никогда не видел.

Нет, ему просто никогда не доводилось видеть, чтобы я выражала какие-то иные чувства, кроме благодарности! Кларе показалось, будто чья-то рука сдавила ей горло. Она вдруг вспомнила, как Айвор объяснял, где какая звезда. Затем у нее перед глазами мелькнуло страшное видение: сбитый в небе самолет Майкла.

Ее тогда уверяли, что он наверняка умер мгновенно. *Но что, если нет? Что, если он все понимал и знал, что его ждет? Что, если он меня звал?*

Дышать стало совсем трудно. Уже достаточно плохо и то, что отец в Лондоне. Но еще хуже эта попытка Джулиана с ним встретиться. Хозяйский пес подошел и положил голову ей на колени. Она ласково его погладила. *Какой чудный пес! Нет, надо как-то затормозить...*

– В чем дело, Клара? Скажи, что с тобой.

– Подожди минутку. Мне просто нужно глотнуть свежего воздуха.

Клара, пошатываясь, выбралась наружу и оказалась в совершенно ином мире – мире выпавшего снега. Когда же успел пойти снег? Почему она все вечно замечает и узнает последней? Деревья вокруг стояли в белых одеяниях. И весь пейзаж совершенно переменялся: теперь он дышал девственной чистотой и словно призывал начать все сначала. Но разве не того же хотела и она сама? Начать новую жизнь, ничем не запятнанную, ничем не испорченную. Новая жизнь, новая работа. И в этой жизни больше не будет ни испепеляющего гнева на отца, ни мучительной тоски по Майклу.

А теперь дыши. Дыши, пожалуйста.

Вскоре следом за ней на крыльцо вышел Джулиан. Впрочем, у нее уже руки стали неметь от холода, и она готова была вернуться.

Джулиан смотрел на нее серьезно и даже, пожалуй, немного робко. Щеки у него горели. Клара почему-то не могла оторвать глаз от его туфель, отполированных до блеска, изысканно дорогих. Чем-то они похожи на него самого, решила она. У Майкла обувь всегда была несколько грубоватой.

– Похоже, я совершил ошибку. – Джулиан редко говорил так тихо и еще реже признавал свои ошибки. – В данном случае я поступил совершенно неправильно, однако желание повидаться с твоим отцом у меня по-прежнему присутствует. Ты, наверное, догадываешься, зачем я к нему отправился?

И он протянул к ней руку ладонью вверх. На ладони лежала черная коробочка с приподнятой крышкой. Господи, подумала Клара, какой жаркий у него румянец, я его таким никогда не видела. В коробочке лежало сверкающее кольцо с бриллиантом. В точности как на картинке в каком-нибудь модном журнале.

– Я собирался просить у него твоей руки. Для этого я и хотел с ним встретиться. Я люблю тебя. Клара. Ты выйдешь за меня замуж?

* * *

Когда в тот день Клара вернулась в Грейндж, у них в саду было целое войско снежных ангелов и странных полуодетых снеговиков.

Едва она открыла калитку, как над головой у нее просвистел снежок. Кидавший лишь чуть-чуть промахнулся. Впрочем, играть в снежки у нее настроения не было.

– Ступайте в дом, – крикнула она, и в ту же минуту второй снежок угодил ей прямо в лицо. Удар оказался довольно болезненным, а от подтаявшего снега на щеке остался неприятный мокрый след. И это послужило последней каплей.

– Очень смешно! – рассердилась Клара и грозно рявкнула: – Немедленно в дом! Билли, Барри, я кому сказала! Немедленно!

Алекс, Терри, Рита и Пег сидели вокруг кухонного стола при свечах и слушали, как Анита читает им вслух. Ну, прямо сцена из Диккенса, невольно восхитилась Клара.

– Больше всего мне нравится читать ей, – сказала Анита, указывая на Пег, которая даже голову на стол положила, чтобы было удобнее слушать. – Она замечательная слушательница. А все остальные вечно меня прерывают, требует, чтобы я читала быстрее, или говорят, что им скучно, или, – и тут Анита холодно глянула на Риту, – без конца повторяют: «Я хочу вашего кролика».

Клара быстренько отправила детей наверх, а сама принялась готовить чай. Анита сунула книгу в свою вместительную сумку, где уже лежали: запасной кардиган, уличные туфли, шарф, кошелек и несколько книг. Сумка, должно быть, весила тонну. Затем Анита, прищурившись, посмотрела на Клару.

– У вас что-то произошло с вашим солиситором? – спросила она.

– Нет. Да. Нет... я не знаю...

Анита прижала сумку к груди. Клара внимательно за ней наблюдала. Эта сумка была словно подготовлена для того, чтобы ее хозяйка могла в любой момент сорваться с места и бежать.

– Выходите замуж за мистера Уайта, Клара, – наставительным тоном промолвила Анита, надевая шубу. Ей решение этого вопроса казалось, видимо, столь же простым, как таблица умножения. – И жить вам сразу станет намного легче и проще.

* * *

Снег шел почти всю неделю – один снежный слой на другой. Сугробы росли и росли, и дети были в полном восторге. А Клара как раз ни малейшего восторга не испытывала. Она боялась обморожений и травм на скользком льду и срочно обратилась в Совет с просьбой приобрести детям варежки или перчатки, но ей отказали, заявив, что все это было куплено еще в прошлом году и нужно просто как следует поискать, Клара искала, но безуспешно. И Айвор принялся сам вязать варежки. Одну из спиц он при этом держал во рту. Клару восхищала его сноровка, как и его способность владеть собой и быстро восстанавливать душевные силы, но ему она, разумеется, об этом не говорила. Знала, что он вообще громких слов не любит.

Однако ей было просто необходимо с кем-то поговорить насчет предложения, сделанного Джулианом. Анита была чересчур непреклонной и все воспринимала исключительно в черно-белых тонах. Да и Айвор был не лучше. И он наверняка спросил бы у Клары, каков будет ее ответ Джулиану – а она и сама еще толком этого не знала.

Слава богу, ее дорогая Джуди наконец-то приняла ее приглашение и обещала приехать к ней в гости! И на этот раз ей не помешали ни Артур, ни снегопады. Да и поезда ходили по расписанию – *благословит Господь лондонский вокзал Ливерпуль-Стрит!* Джуди приехала в Грейндж утром в субботу, ровно через шесть дней после того, как Клара ее пригласила, и всю эту неделю Клара как-то ухитрялась избегать Джулиана.

– На сей раз ничто не смогло бы меня удержать! – смеясь, кричала Джуди, бросаясь Кларе на шею. – Да я бы и пешком сюда пришла, если что! Пора, пора мне наконец познакомиться со всем твоим выводком!

Боже мой, думала Клара, какое это облегчение – видеть перед собой знакомое и такое любимое лицо! Вообще-то она боялась, что Артур все-таки Джуди не отпустит. Возможно, он в итоге все-таки оказался не таким уж плохим? И на Джуди она не заметила никаких повреждений. Никаких ссадин, синяков, подбитых глаз, вывихнутых лодыжек и запястий. Кларе казалось, что она совсем незаметно осматривает подругу, но Джуди все-таки сразу это заметила:

– Да не смотри ты так! У меня все хорошо. У нас все хорошо. Честное слово, Клара, оставь ты это!

Если Джуди и бывала порой крайне немногословна и по телефону разговаривала как-то неохотно, то сейчас в ней не осталось ни капли былой неприветливости. У нее даже походка снова стала молодой, упругой. В дом она вошла, держа в руках бумажный пакет с лакричными леденцами и чемодан, в котором лежала не ее собственная одежда, а всякие вещи для детей. В основном старые книги «для того твоего умника. Его ведь Алекс зовут, да?».

А еще в чемодане была игра «Монополия» – «Артур купил самую последнюю версию, так что старая нам теперь не нужна», – которая наверняка должна была понравиться близнецам, и кое-какая театральная мишура для костюмов (блестки, бижутерия); «Артур в этом не очень разбирается... – начала было Джуди и с легкостью призналась: – Да и я тоже. Но я решила, что это понравилось бы твоей старшей девочке. Морин, кажется?»

– Да. Только Морин исчезла. – У Клары даже сердце сжалось: *неужели Джуди забыла?*

– Да я помню, разве ж я могла забыть, глупая! Но она ведь скоро вернется, правда?

И Джуди крепко обняла Клару, как делала всегда, когда им обоим приходилось прятаться в бомбоубежище на станции метро «Олдгейт», а война вокруг так и скрежетала зубами от злости.

– Не теряй веру, моя дорогая.

Они отправились встречать детей в Ипсвич после окончания сеанса в киноклубе. Дети высыпали наружу, моргая и щурясь, такой нестерпимой была белизна снега после царившей в зале темноты.

На Джуди они поглядывали весьма нервно.

– Вы ведь не из Совета? – спросил Билли, сложив руки на груди и стараясь придать себе грозный вид, вот только язык и губы у него были совершенно синими от бог знает какого количества жвачки.

– А вы мою маму знаете? – спросила Рита.

– Нет, не знаю. Я приехала сюда, чтобы повидаться со своей подругой.

– Джуди – мой самый старый и верный друг, – гордо объявила Клара, ибо это была чистая правда. И выглядела Джуди именно так. Она была хороша сейчас, как «самая настоящая искусительница

полицейских» – так они это раньше называли. Клара сплела свои пальцы с пальцами подруги.

Наконец-то Джуди приехала, чтобы познакомиться с моими детьми!

А дети уже всю рассказывали, что «Маленькие женщины» – это потрясающий, удивительный и самый лучший фильм. Вернувшись в Лавенхэм, все пошли в парк, где дети старательно демонстрировали гостю свои успехи в умении лазить по деревьям и кататься с гор на чайных подносах. Джуди была снисходительна к Билли и Барри, нежна с Пег, искренне интересовалась делами Риты.

Но особенно ей понравился Алекс.

– Ты точно такой, каким тебя описывала Клара, – сообщила она ему. А через несколько минут, когда Клара попыталась присоединиться к их беседе, они уже успели углубиться в историю семейства Медичи.

– Это наш маленький профессор, – с гордостью сказала Клара несколько позже.

– Да он просто идеальный ребенок, – подхватила Джуди.

Джуди так хорошо умела обращаться с детьми и была *настолько естественна*, что Клара даже ей позавидовала, хоть и сама толком не понимала, в чем тут дело – то ли в тех вопросах, которые Джуди задавала детям, то ли в том, *как* она эти вопросы задавала. Но, так или иначе, а эти вопросы неизменно детей заинтересовывали. Когда они вернулись в Грейндж, то за ланчем – бульон из мясной пасты «Боврил» – Джуди стала расспрашивать детей, чем они хотят заняться, когда повзрослеют.

Билли и Барри сказали, что хотят стать фокусниками и научиться распиливать женщин пополам. А если фокусниками стать не получится, то Барри будет старьевщиком, а Билли выразил желание стать восковой фигурой в музее мадам Тюссо. Джуди рассмеялась. У Алекса цели были более высокими: он хотел стать ученым-естествоиспытателем или историком, но пока еще не выбрал, кем именно. Джуди ласково потрепала его по руке и сказала: «Из тебя получится замечательный естествоиспытатель или историк, не сомневаюсь». Питер буркнул, что пока не знает, но, судя по его мрачной физиономии, ему это было безразлично. Кларе даже стыдно

за него стало, но Джуди с улыбкой сказала, что это совершенно нормально, что все подростки такие, и она их отлично понимает.

Терри сказала, что если ей не удастся стать садовником, то она хотела бы стать мальчиком-лифтером – вроде того, которого она видела в доме у бабушки. Ей очень понравилось, как лифтер с лязгом открывал и закрывал двери в металлической клетке лифта.

Рита сказала, что будет парикмахером – и это Клару ничуть не удивило – или «чинителем», и вот это показалось ей и впрямь удивительным. Джуди тоже, и она спросила:

– «Чинителем»? Что же ты чинить собираешься?

Рита прямо-таки скисла от смеха: оказывается, она имела в виду совсем другое занятие и просто по ошибке назвала не то слово.

– Не чинителем, а *сочинителем*! Я буду *сочинять*, и у меня будет много-много всяких домашних зверюшек.

Пег жестами изобразила, что пишет, затем печатает на машинке, а затем раскладывает напечатанное по папкам.

– Ты хочешь быть секретарем? – предположила Джуди.

Пег яростно помотала головой.

– Библиотекарем?

И снова она не угадала.

Клара догадалась первая:

– Воспитательницей?

И Пег так энергично закивала, что даже свалилась со стула.

Клара и Джуди посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Идет по твоим стопам, – сказала Джуди, и Клара почувствовала, что краснеет.

Разумеется, Джуди и глазом не моргнула, заметив, что Пег не говорит ни слова. Она отнеслась к этому совершенно спокойно и обошла молчанием только сам факт, но отнюдь не ребенка. А Клара смотрела на все это и училась. На Пег было бы очень легко совсем не обращать внимания, и Клара довольно часто была вынуждена напоминать себе, что так делать ни в коем случае нельзя; но уже одного того, что приходится себе об этом напоминать, было достаточно, чтобы ей становилось стыдно. А Джуди и Пег, одевшись потеплее, взяли и снова пошли на улицу – строить снежные домики. Пег прямо-таки сияла от счастья.

Потом Джуди и Клара вместе стали готовить на кухне гороховый суп с копченой ветчиной. Этой совместной женской работы бок о бок Кларе больше всего и не хватало. Морин с ней вместе готовить не любила, а с Джуди у Клары все всегда получалось отлично; они работали слаженно и ничуть друг другу не мешали. *Мы с ней точно старая семейная пара, – иной раз думала Клара, – или как опытные танцоры, – но ведет в нашей паре, разумеется,*

Джуди.

Забежал Айвор с последней партией варежек и долго с топотом сбивал с ботинок снег у двери. Завидев его, Джуди как-то сразу выпрямилась и даже смеяться стала чуть громче. А после ухода Айвора сделала Кларе «большие глаза» и сказала:

– Ничего удивительного, что ты похожа на кошку, которую сливками угостили! Твой Джулиан такой...

– Но это вовсе не Джулиан! Это Айвор, – сказала Клара. – И он женат. – Она продолжала аккуратно нарезать хлеб, избегая пытливого взгляда Джуди.

– Вот как?

– *И он...* меня совершенно не интересуется.

– Что значит «не интересуется»? – спросила Терри, вошедшая на кухню из сада.

– Это значит, что детей должно быть видно, но не слышно, – рассмеялась Клара, а потом с улыбкой пообещала Джуди: – Мы поговорим позже.

Как только дети улеглись, Клара и Джуди устроились в гостиной; Клара разожгла камин, достала бутылку джина и плеснула немного в стаканы. Этого мгновения она ждала весь день, предвкушая, когда, наконец, останется с Джуди наедине. И это было еще одной особенностью ее новой работы с детьми: пока они рядом, нечего и думать о том, чего больше всего хочется тебе самой. И потом, уши у детей так устроены, что они практически не слышат тебя, если ты обращаешься непосредственно к ним, но стоит тебе заговорить с кем-то на личные темы, и они улавливают буквально каждое слово.

– Ну что, на сей раз Артур не возражал против твоего визита в Лавенхэм?

– Просто я сказала, что поеду навестить брата, – призналась Джуди, глядя не на Клару, а в свой стакан.

– Ах, вот как! – Значит, Артур все-таки не хотел, чтобы Джуди гостила у нее? Значит, насчет него она все-таки *не ошиблась*.

– Ничего страшного, это совершенно нормально.

– Может быть, но лгать ему тебе бы не следовало.

– Если мне понадобится твоя помощь, я непременно о ней попрошу.

– Обещаешь? – Клара и сама не знала, почему это для нее так важно, но ведь это действительно было важно.

– Обещаю. – Джуди плеснула в стаканы еще немного джина. Клара посмотрела на ее отражение в зеркале: выглядела она прекрасно. Чудесные светлые волосы, такие гладкие и упругие, на концах чуть загибались. Садясь, она аккуратно оправила юбку, и Клара подумала: господи, как же этому Артуру повезло! Какой он дурак, что даже не понимает этого!

– А что же ты-то все молчишь? – вдруг напала на нее Джуди. – Может, все-таки объяснишь, что у тебя за отношения с этими мужчинами?

– Отношения с мужчинами?

– Ну да, с Айвором *и* с Джулианом.

– Во-первых, с Айвором у меня *никаких отношений нет*.

– Я-я-сно. Ну, а как насчет Джулиана?

– А с ним есть. – И Клара глупо улыбнулась. – А в прошлый раз он попросил меня выйти за него замуж...

– О Господи! Поздравляю!

– Стоит ли? Я еще ничего не решила.

– Разве ты не хочешь за него замуж?

– Хочу, наверное, – неуверенно промямлила Клара. И пояснила: – А с другой стороны, словно какая-то часть моего «я» протестует и спрашивает: почему бы тебе и дальше не жить, как сейчас?

– Клара, тебе давно пора отпустить Майкла. Та любовь осталась в прошлом, а у тебя впереди еще целая жизнь.

– Да я понимаю...

Клара так и не сумела заставить себя рассказать Джуди о визите Джулиана к ее отцу. И это было странно. Она ведь знала, что Джуди прекрасно ее поймет. Но дело в том, что тогда Джуди могла бы

ополчиться на Джулиана. А Кларе этого вовсе не хотелось. Что, пожалуй, и для нее самой тоже кое о чем свидетельствовало.

Она понятия не имела, как же ей рассказать об этом Джуди; или даже так: она понятия не имела, что именно хотела бы ей рассказать. *Айвор никогда бы так не поступил*, – вдруг подумала она, и эта мысль оказалась весьма неприятной. *Он не стал бы пытаться обманным путем проникнуть туда, где ему не место. И Майкл никогда бы этого не сделал. О чем только Джулиан думал, когда отправился встречаться с ее отцом и просить у него ее руки?*

Почему из всех людей на свете он выбрал именно ее отца? Ей было бы легче понять, если бы просить ее руки он отправился к мистеру Харрису-самому-старшему (если бы, конечно, удалось отвлечь старика от ловли карпов), или к отцу Джуди, или, уж если на то пошло, к самой Джуди – но нет, он предпочел посетить ее отца! С другой стороны, она понимала, что Джулиан просто хотел «сделать все, как полагается». Для него это всегда было очень важно, и обычно ей это в нем даже нравилось. Да и откуда ему было знать, какие чувства Клара испытывает к своему родителю? Ведь она никогда с ним на эту тему не говорила. Так что винить во всем, пожалуй, нужно теперь именно ее.

– Итак, что ты собираешься делать? – прервала ее раздумья Джуди.

И Клара вдруг подумала об Аните, которая была абсолютно уверена, что такие девушки, как Клара Ньютон, не отказывают таким мужчинам, как Джулиан Уайт. Во всяком случае, если у них хватает ума понять, что для них хорошо, а что плохо.

– В том-то и дело, что не знаю.

– Тогда, может, тебе вот это поможет в своих чувствах разобраться? – И Джуди вытащила из сумки газетный лист, развернула его и прочла вслух.

Информационный бюллетень

прихода Баттерси

С великой печалью сообщаем, что мистер Огастас Ньютон на Пасху вновь покинет наш приход и вернется в Африку, дабы продолжать богоугодную деятельность миссионера. Мистер Ньютон прожил в Родезии с 1936 года по 1948. В 1937 году он потерял там свою любимую жену, двадцативосьмилетнюю Агату Ньютон, умершую вследствие опасного и быстротекущего недуга. У мистера Ньютона есть взрослая дочь, Клара Ньютон, с которой он весьма близок. Всем известно, сколько тысяч юных душ мистер Ньютон сумел просветить и направить на путь истинный, путь веры в Иисуса Христа.

Перед его отъездом в Родезию приход объявляет сбор детской одежды для нуждающихся детей этой страны.

Глава двадцать первая

Зубная боль у Клары возникла почти сразу после отъезда Джуди. Айвору она ничего не сказала, хотя обычно вполне могла ему на свои недуги и пожаловаться; однако теперь она решила, что ей не следует слишком на него полагаться. Мисс Бриджес посоветовала ей пить чай с перечной мятой, которая должна несколько уменьшить боль. Сестра Грейс сказала, что в десну хорошо втирать гвоздичное масло. Анита предложила полоскать соленой водой. Билли сказал, что запросто может больной зуб выдернуть. А Барри, которому всегда было свойственно несколько сгущать краски – заявил, что в крайнем случае выбьет зуб ногой. Доктор Кардью пообещал найти для Клары дантиста и велел пока что «жевать другой стороной». Ни один из этих советов не помог, и с каждым днем Кларе становилось все хуже. Зуб болел так, что она ни на чем не могла сосредоточиться. Зубная боль заслонила собой все. Клара словно забыла, что нужно заботиться о детях, о том, что тает снег, о том, что лондонский дом вскоре будет свободен, и даже о предложении, сделанном Джулианом, – все эти проблемы вертелись у нее в голове, кипели как суп, но никаких решений она принимать была не в состоянии. Значение имел только больной зуб, все остальное было пока отложено. У нее сильно распухла щека. Любая еда имела отвратительный вкус. Клара чувствовала, что эта боль окончательно загнала ее в угол.

Оказалось, что это абсцесс. Клара лежала, откинувшись, в стоматологическом кресле и чувствовала себя на редкость уязвимой и готовой проливать слезы. К счастью, дантист оказался человеком очень мягким – его Кларе рекомендовал доктор Кардью – да и лечение стоило не слишком дорого.

– А хотите, мы их все вырвем, если вы так уж боитесь лечиться? – спросил дантист.

И Кларе вдруг вспомнились безупречные зубы матери – и история о том, как ей пришлось все собственные зубы вырвать и к восемнадцати годам заменить сверкающими протезами. Вставные зубы всегда выглядели очень мило, но только не в стаканчике с мутной водой, стоявшем возле ее постели. Кларе очень хотелось заплакать, но она сдержалась, открыла рот и позволила начать лечение. Крепко

зажмурившись, она сказала себе: все мои дети умрут, если я не соглашусь лечиться. Это была довольно странная мысль, однако она помогла.

Весь день потом Клара была как пьяная и ужасно хотела спать. Слава богу, о ланче позаботился Питер и, не говоря ей ни слова, приготовил всем тосты с сыром, а для вечернего перекуса почистил и порезал морковку и подал ее с крекерами.

– Ты просто чудо! – поблагодарила его Клара, хотя получилось это у нее как-то невнятно. Да и он как бы ускользнул от ее похвалы. И она вдруг вспомнила о той записке из школы, которую получила накануне Рождества, то есть уже почти шесть недель назад, и на которую как-то особого внимания не обратила, а теперь считала, что все, наверное, уже снова в порядке, иначе ей бы уже сообщили.

Ее несчастный вид, похоже, встревожил кое-кого из детей; они старались ей не докучать и, возможно, чувствовали себя, как спущенные с поводка щенята, за которыми больше никто не следит. Алекс, что было совершенно ему не свойственно, спросил, не пьяная ли она. «Я просто подумал...» – туманно объяснил он и тут же снова уткнулся в книгу. Зато Пег, опустившись на колени возле лежавшей на диване Клары, принялась гладить ее по волосам, Терри принесла букетик полевых цветов, Билли притащил чашку чая, а Барри – таблетку парацетамола.

Итак, думала Клара, отец вскоре снова уедет, так что она снова сможет жить в их старом доме. И ей, возможно, даже удастся получить свое прежнее место в компании «Харрис и сыновья». То есть вернуться в ту точку в Лондоне, из которой десять месяцев назад начался ее новый путь. Если отмотать время назад до этой исходной точки, она опять сможет оказаться в том периоде, когда была вполне своей жизнью довольна.

Или можно выйти замуж за Джулиана и стать женой сельского солиситора.

Или можно сделать вид, будто с ней ничего не произошло, и надеяться, что именно так все и останется, – но в глубине души она понимала, что это абсолютно невозможно.

К вечеру, когда дети уже собирались ложиться спать, Клара почувствовала себя значительно лучше и, как всегда, предложила Рите

расчесать ей волосы. Забавно, до чего ей уже стали знакомы очертания этой детской головки. Обычно она водила расческой почти машинально.

Но на этот раз Рита настояла на том, что расчешет волосы сама.

– Может, ты просто посмотришь? – попросила она Клару, и та кивнула, польщенная.

А потом Рита разделила волосы на шесть прядей и каждую закрутила в тугий узел. Самый большой узел она сделала спереди, а боковые прядки она ухитрилась завить – когда только успела! – и в итоге получилась очень модная прическа. Клара восхитилась и сказала Рите, что у нее самый настоящий талант, хотя ей самой и показалось, что это *слишком взрослая* прическа и для Риты совсем не годится.

– Так обычно взрослые женщины волосы укладывают, – сказала она девочке.

– Ну да, например, Руби, – с воодушевлением откликнулась Рита.

– Руби – это твоя новая школьная подружка? – с надеждой спросила Клара.

Рита захихикала.

– Нет, глупая, Руби – это жена Айвора. Он мне фотографии показывал. У нее самые красивые волосы в мире!

* * *

Джулиан прислал какой-то удивительный, похожий на легкий дождик, букет. Цветы были похожи на крошечные звездочки, мерцающие среди зелени. Клара сперва даже не поняла, что букет он заказал у Гаррардов. Когда же до нее, наконец, дошло, она невольно расхохоталась, хотя во рту у нее все распухло и болело. *Уфф!* Интересно, а что сказала миссис Гаррард, когда Джулиан эти цветы заказывал?

Несколько позже он и сам у нее появился и спросил, получила ли она цветы. К этому времени как раз выглянуло солнце. Топчась на коврик у дверей словно оловянный солдатик и не решаясь войти, Джулиан чуть наклонился в ее сторону и тихо спросил:

– Ты что же, избегаешь меня, моя английская роза?

– Да, но только потому, что у меня зубы болят.

– Зубная боль не заразна.

– Но мне не хотелось, чтобы ты меня такой видел.

На ней было нечто совершенно бесформенное, а сверху она еще и кухонный фартук нацепила. Ей и самой в зеркало на себя посмотреть было противно.

Он мягко возразил:

– Если бы мы поженились, я видел бы тебя каждый день. Неужели это так трудно, Клара, – просто дать мне ответ?

Но Клара не знала, каким он будет, ее ответ.

Впервые за долгое время у нее был серьезный выбор. Да, конечно, определенные обязанности и ответственность у нее тоже были, но ведь был и выбор. И решить, что именно ей выбрать, было не так-то просто. Она попыталась еще разок посоветоваться с Джуди, но у них никто не брал трубку.

Когда с очередным визитом приехала мисс Бриджес, Клара снова обратилась к ней с просьбой установить, наконец, в Грейндже телефон, но мисс Бриджес было не до телефона. Она приехала с большой новостью: Билли и Барри, оказывается, собрались насовсем перебраться к Петерсонам. Значит, в итоге все-таки все устроилось?

– Петерсоны прошли медицинский осмотр, – рассказывала мисс Бриджес. – Совсем недавно. И все результаты хорошие. И в доме у них очень мило и очень чисто. И у каждого мальчика будет своя комната! Вы ведь рады за них, правда?

* * *

Придя в себя после визитов к стоматологу, Клара поехала в Лондон, чтобы проверить, как там их «фамильное гнездо» и действительно ли отец все-таки уехал. Ей также хотелось понять: если он и впрямь уехал, то что это означает для нее? Может быть, теперь у нее в Лондоне есть совершенно пустой дом, в котором она будет полной хозяйкой?

К дому она приближалась медленно, старательно себя сдерживая, и уже за несколько кварталов увидела, что у них в гостиной горит свет.

Так отец дома?

Нет!

Однако в доме *действительно* жили люди – это стало окончательно ясно, когда Клара подошла ближе. И дело было не только в освещенных окнах; их садик выглядел ухоженным; трава на лужайке перед домом была подстрижена; а на крыльце стояла пустая молочная бутылка.

Через окно гостиной она сумела разглядеть, что в их бывшей гостиной расположилась целая семья: отец, читавший газету, мать, занятая шитьем, и маленький мальчик с темными кудрявыми волосами, игравший на ковре с деревянным поездом. Семья из трех человек. В точности как та, к которой она сама когда-то принадлежала.

Они, должно быть, почувствовали, что на них смотрят; женщина что-то сказала мужу, он поднял глаза, почесал себе за ухом и что-то рассеянно пробормотал в ответ. Клара тут же поспешила отойти от окна. Она не очень хорошо сознавала, что делает, но приехала сюда явно не для того, чтобы устраивать сцены. Женщина встала и решительно задернула занавески. Занавески Клариной матери. Клара снова повесила их, как только отменили затемнение и стало можно снять черные шторы. Занавески были серые с белыми птицами и как бы парящими в воздухе белыми перьями.

Должно быть, отец их дом сдал. Или продал. Клара стояла на тротуаре и смотрела на дом, который так хорошо знала, испытывая одновременно и глубочайшее разочарование, и явное облегчение и стиснув пальцами холодный ключ от входной двери. Значит, вот оно как. Ну что ж, по крайней мере дом не заброшен – это уже хорошо, – и она теперь знает, что там живут чужие люди. А это, безусловно, лучше, чем полная неизвестность.

Значит, он все-таки уехал. И дома у нее больше нет. Отец позаботился, чтобы она к этому дому больше отношения не имела. Как был сволочью, так и остался. Тут у нее оказалось много общего с маленьким Алексом, и она, как и Алекс, вовсе не собиралась позволить своей злосчастной судьбе взять над ней верх. Надо все время смотреть вперед – разве не так посоветовал ей Алекс, их «маленький профессор»? В жизни все меняется, ничто не остается прежним.

Вот она и получила тот ответ, который был ей так необходим.

Глава двадцать вторая

На сей раз Джулиан и Клара обедали в лондонском ресторане, и официантки там были облачены в такие короткие и узкие юбочки, что даже смотреть было неприлично. Что ж, времена меняются, думала Клара, и явно не только для меня одной.

Джулиан все же как-то ухитрился не пялить глаза на полуодетых официанток, и Клара окончательно уверилась, что он истинный джентльмен и уж точно не пойдет налево, как сейчас делают столь многие женатые мужчины. И не станет показывать детям фотографии женщин, волосы которых уложены в прихотливые высокие прически.

– Спасибо, что привез меня сюда, мне просто необходимо было немного поднять настроение, – поблагодарила она Джулиана, и он почему-то с тревогой на нее посмотрел и спросил:

– А в чем дело? У тебя что-то случилось?

– Ну да, близнецы! Они на следующей неделе уезжают.

– Ах, близнецы! Ну конечно! – Было заметно, что ни о каких близнецах Джулиан совершенно не помнит, хотя Клара несколько раз рассказывала ему, что их собираются усыновить. – И куда же они уезжают?

– В новую семью. К супругам Петерсон. В Колчестер. – Все это, похоже, весьма мало его интересовало, куда больше он был озабочен следами губной помады на стенках своего винного бокала. – Они, кажется, довольно милые люди, – зачем-то прибавила Клара.

– Значит, количество твоих подопечных уменьшится до четырех? – сказал Джулиан. – Что ж, это приятная новость. – Похоже, его бокал тест все-таки прошел, и он налил себе еще вина.

– Их остается пять человек, – осторожно поправила его Клара. – Ты хоть имена-то их сумел запомнить?

– Алек, Терри и еще... этот, веснушчатый.

– Не Алек, а Алекс. И еще Терри, Питер, Рита и Пег.

Джулиан покаянно склонил голову.

– Ох, дорогая, ты же знаешь, что я совершенно безнадежен в смысле памяти на имена! Лучше спроси у меня названия военных самолетов или танков. Тут я вполне на коне.

Джулиан по-прежнему ждал ее ответа на предложение руки и сердца, и каждый его взгляд был словно вопрос без ответа, словно шкатулка, которую требуется открыть. Невысказанные слова кружили вокруг них, собираясь в стайки, точно детские коляски у дверей театра по субботам во время утреннего представления для малышей.

А ведь ответ у Клары уже был. Но ей непременно хотелось произнести его *правильно*, как полагается. Джулиан, может, и безнадежен в плане запоминания имен, но она отнюдь не хотела выглядеть безнадежной в плане брачных предложений.

После обеда они перешли в какой-то тайный бар на задах ресторана – Джулиан, разумеется, все здесь знал, – и там было гораздо тише, зато гораздо дороже. Стены бара украшали безмолвные фотографии звезд кино – все девушки как одна позировали фотографу, сложив руки на коленях, прикрытых широким подолом нарядного платья, и кудряшки у них на лбу казались приклеенными. Все мужчины были облачены в дорогие костюмы, курили сигары, а на лицах у них был явственно написан комплекс превосходства. Казалось, на этих фотографиях запечатлено некое незавершенное время, но Клара понимала, что это не так, да это и не могло быть так – в конце концов, тогда только закончилась Великая война, и эти фотографии просто отражали реальность несколько иными способами. Нация приходила в себя. В стране было столько погибших.

Джулиан сел так близко к ней, что их бедра соприкасались, и ей это было приятно. Она должна перестать, наконец, думать о Майкле, это просто несправедливо! Она вовсе не хотела угодить в ловушку, расставленную прошлым, – как это явно произошло с Айвором и его Руби. Айвора ей в какой-то степени было даже жаль. Сможет ли он когда-нибудь сдвинуться с мертвой точки?

А будущее с Джулианом – что ж, к чему лукавить, будущее с ним выглядело светлым. Он предлагал ей самое главное: безопасность, надежную защиту, стабильность. После стольких лет неопределенности она все это могла только приветствовать.

– Так ты намерена или нет сделать меня самым счастливым мужчиной в Саффолке?

– Ты уже и так самый счастливый, разве нет?

Он засмеялся.

– *На самом деле* эти счастливицы – довольно жалкая компания.

– В принципе, ответ у меня готов, – но сперва нам нужно кое-что обсудить...

– Ага, романтическую сторону дела! – Джулиан улыбнулся и приготовился слушать, закинув руки за голову и положив ногу на ногу. – Ну, давай, излагай свои соображения.

– Во-первых, я останусь в Грейндже до тех пор, пока не буду готова. Мне еще очень многое хочется там сделать. Я хочу убедиться, что Алекс и Терри освоились в новой школе; я хочу найти хорошие приемные семьи для своих малышей. Я хочу помочь Рите как-то примириться с тем, что случилось с ее мамой. Я хочу, чтобы, наконец, состоялось усыновление Питера. В общем, мне хочется, чтобы все они вышли на верную дорогу.

А во-вторых, думала Клара, что-то внутри меня противится тому, чтобы я *стала похожа* на миссис Харрингтон. Это же просто невыносимо – выйти замуж за человека, который будет запрещать ей работать! Ей нельзя этого запрещать. Особенно после того, что она пережила в военные годы. Ведь тогда получится, что все это было напрасно.

– Значит, и после того, как мы поженимся, я буду продолжать работать. – Она подняла глаза и встретила с его взглядом. – Я понимаю, тебе это не слишком приятно, но для меня это очень важно. И работать я буду до тех пор, пока... пока сама захочу уйти. А я хочу, чтобы работа всегда была частью моей жизни.

– Я понял.

– И мне все равно, что ты об этом думаешь!

Джулиан рассмеялся, зубы его блеснули.

– Я же *сказал*, что все понял, Клара. Я действительно все понял.

– А как ты отнесешься к долгой помолвке?

– Насколько долгой?

И Клара, явно нервничая, предложила:

– Скажем, года полтора? – *А может, и два?*

Джулиан улыбнулся.

– Я думал, ты назовешь куда более долгий срок. Хорошо, дорогая, я согласен. Это и в самом деле весьма разумно. Особенно, если ты разрешишь сейчас сообщить всем о нашей помолвке и закатить по этому поводу сногшибательную вечеринку?

– О, конечно! – Клара никак не ожидала, что Джулиан с такой легкостью согласится с ее предложением.

– И ты простишь мне мой тогдашний просчет? Мою попытку встретиться с твоим отцом?

– Нам нет необходимости вновь это обсуждать.

– Вот это ты молодец, моя девочка!

Кольцо подошло идеально. Клара так и не узнала, как Джулиану удалось столь точно его подобрать. На руке оно смотрелось просто отлично, и ей очень нравилось, что кольцо как бы полностью меняет даже сами очертания ее руки.

Итак, они с Джулианом станут одной из тех пар, которые живут почти семейной жизнью, но все же не совсем вместе, ибо у каждого по-прежнему остается и своя личная жизнь, свои личные секреты. Их пара ни в чем не будет похожа ни на мистера и миссис Гаррард, между которыми и нитка не пройдет, ни на Джуди и Артура, полностью исключивших всякое светское общение; скорее уж... скорее... они будут походить на принцессу Елизавету и принца Филиппа. И очень хорошо. Клара чувствовала себя несколько староватой для чересчур пылкой любви, когда двое, растворившись друг в друге, превращаются в некое единое целое. Пусть такие отношения будут уделом собак и их хозяев. У нее уже были такие отношения с женщиной, когда они оба буквально сгорали от страсти – и что от этой любви осталось? Не лучше ли вместо жаркого пламени симпатичные мерцающие свечи на именинном торте? Это куда менее требовательное проявление чувств и куда более надежное.

Сиротский дом «Шиллинг Грейндж»

ОТЧЕТ № 7

Барри Коулсон

Дата рождения:
19 января 1936 г.

К великому сожалению, Барри родился на две минуты позже Билли (чем Билли страшно гордится), и для него это на всю жизнь стало и определяющим моментом, и вечным проклятьем.

Происхождение:

См. Билли.

Еда:

Больше всего Барри, безусловно, любит шоколадный торт с липкой шоколадной глазурью.

Здоровье/внешность:

См. Билли. Я все еще порой путаюсь и не сразу могу их различить – чем они иной раз не прочь воспользоваться.

Хобби/интересы:

Особых академических успехов у Барри не имеется; однако, по словам его учителей, он порой проявляет удивительную доброту и весьма положительно влияет на атмосферу во всем классе. Барри вспыльчив, его легко вывести из себя, так что мне частенько приходится отсылать его в спальню, «чтобы он подумал над своими поступками». Чтение и письмо ему даются не очень, зато он знает больше ругательств, чем кто-либо из известных мне людей. Очевидно, сестре Юнис постоянно приходилось мыть ему рот с мылом. И я, пожалуй, ее за это не слишком виню.

Другое:

История со счастливым концом! Барри и его брата Билли вот-вот должны усыновить.

ДЕЛО ЗАКРЫТО.

Глава двадцать третья

Приехала ярмарка и расположилась на поле за магазином садовых принадлежностей. Повозки тянулись по Верхнему шоссе несколько дней, и Клара с удовольствием наблюдала, как морщит нос миссис Гаррард, склоняясь над своими гвоздиками.

Клара никогда еще не бывала на ярмарке ночью – ярмарки вообще во время войны были запрещены – и тут вдруг оказалось, что существует некая «ночь половинных цен». Разумеется, Клара пришла в невероятное возбуждение, как, впрочем, и дети в Грейндже. В общем, решено было туда пойти, да, собственно, и не было никаких причин, чтобы подобной возможностью не воспользоваться.

– Береги кошелек, – посоветовал ей Джулиан и прибавил: – У меня как-то на ярмарке случилась весьма неприятная история с торговцами марихуаной – они совсем не такие милые, как может показаться на первый взгляд. – Клара немного огорчилась, когда Джулиан с ними идти отказался, но он твердо заявил: – Дорогая, я с ярмарками ничего общего иметь не желаю.

Человек у входа, бросив в ведро их входные билетки, подмигнул Кларе и сказал:

– Накупите полные руки, так что не унести будет! – Она знала, что он именно так и скажет, еще до того, как он рот открыл. Ей вечно так говорили. А еще: «А у вас что, приемник сломан?» (и приемник у них действительно был сломан!).

От возбуждения глаза у детей были, как блюдца. А для Билли и Барри этот день был последним в Грейндже. Завтра они уезжали к Петерсонам. Да и вообще, что может быть лучше, чем выйти в свет всей бандой?

Шум вокруг стоял невообразимый. Повсюду мелькали и вспыхивали огни, выхватывая из темноты чудесные естественные цвета овощей и фруктов, к ароматам которых примешивались запахи машинного масла и бензина. И возле каждого прилавка толпились люди. Направляя детей между рядами, Клара и сама толком не знала, куда ей нужно. И вдруг ей показалось, что в толпе мелькнул тот парень, которого она видела у Морин на кровати. Может, и Морин здесь? – подумала она и тут же рассердилась на себя: просто нелепо,

что она повсюду ее высматривает! То же самое было у нее когда-то после гибели Майкла. Но ведь Морин-то не умерла, значит, все-таки *вполне возможно, что они здесь встретятся.*

Детям было дано строгое указание: «Оставайтесь в пределах моей видимости». Пег и Рита тут же как сумасшедшие замахали руками каким-то учителям из своей школы. Алекс сразу высмотрел в толпе своего лучшего друга Бернарда, который пришел на ярмарку вместе с отцом, огромного роста спокойным мужчиной, который дружелюбно посматривал по сторонам, покуривая трубку. Отец Бернарда спросил у Клары, бывала ли она во Дворце кривых зеркал, и сказал:

– Там так здорово. Я среди этих зеркал несколько часов подряд могу провести. – Алекс, разумеется, тут же загорелся и стал выяснять у Клары, можно ли ему пойти туда вместе с Бернардом и его отцом, который, похоже, никаких сомнений на сей счет не имел. Клара разрешила, но велела Алексу непременно найти ее ровно через час.

Возле палатки предсказателя судьбы Клара заметила сэра Маннингса, который угощался сахарной ватой – уж его-то она никак не ожидала увидеть на «ночной» ярмарке. Старик с энтузиазмом ее приветствовал, не чувствуя ни малейшего смущения, и они немного поговорили о последних фильмах, которые показывали у них в кинотеатре.

– Ярмарки я очень люблю! – с удовольствием заявил сэр Маннингс. – Здесь всегда возникает ощущение, что с тобой может произойти практически все что угодно.

Клара согласилась; и у нее было ощущение полной непредсказуемости.

Пег буквально прилипла к выставленному по кругу барьеру, за которым можно было выиграть настоящую золотую рыбку; потом рыбку вместе с водой поместили бы в непромокаемый пакет и вручили победителю. Нужно было всего лишь набросить кольцо на штырь – и ты на всю жизнь становился безраздельным хозяином настоящей золотой рыбки! Пег все тащила Клару за руку, чтобы та посмотрела, а бородач, стоявший в центре, громко зазывал: «Подходите, девчонки, выиграйте рыбку! Три попытки за шиллинг!»

Рита протолкнулась вперед.

– Я могу попробовать. У меня здорово получается кольцо бросать!

– Нет, никаких золотых рыбок, – строго сказала девочкам Клара, стараясь при этом не обидеть хозяина аттракциона. – В Грейндже это абсолютно запрещено. Таковы правила Совета. Давайте лучше попробуем выиграть медвежонка. – Обе девочки с восторгом на нее уставились, и она поспешила пояснить: – Медвежонок *не настоящий, а игрушечный*. Какие же тут живые медведи, Рита, Пег, что вы, ей-богу!

В толпе шныряли торговцы марихуаной – объекты ненависти Джулиана, – а рядом с золотыми рыбками имелся аттракцион с выуживанием спиртных напитков и прочие хитроумные развлечения типа «поймай на крюк утку» или «попади в цель из винтовки» – вот здесь-то Билли и Барри и спускали имевшиеся у них денежки. Клара, правда, понятия не имела, где находится Питер, но потом увидела, как он прицеливается и бросает кольцо, надеясь попасть в кокосовый орех. Бросок у него был мощный, но он промахнулся. Клара то и дело собирала детей в кучку и вела их дальше по ярмарочным рядам, чувствуя себя пастушьей собакой, вынужденной постоянно присматривать за своим стадом, поскольку глупые овечки имеют опасную склонность разбредаться и подходить слишком близко к обрыву.

К восьми часам вечера Клара поняла, что с нее более чем достаточно и этих огней, и этой толпы, и этого шума. Алекс вернулся вовремя; вся физиономия у него была перемазана шоколадом, а в руке он сжимал призы – мраморные шарики и бутылку джина (явно для нее), а также какие-то сласти. Похоже, отец Бернарда играл в дартс профессионально. Клара все еще надеялась собрать и всех остальных детей, дабы благополучно уйти, поскольку всякие несчастные случаи, похоже, всегда случаются в самый последний момент. Но пока что ей приходилось смотреть, как дети в третий или четвертый раз карабкаются на башню со спиральной горкой, и она, разумеется, тут же вспомнила, как Терри упала с дерева, а Пег чуть не сломала ногу, попав в рытвину.

– Еще только разик, мисс Ньютон, пожалуйста! – завопили дети в ответ на ее тщетные призывы, и тут к ней подошел какой-то незнакомец, на котором был костюм в тонкую полоску и галстук с пейслийским узором в виде «огурцов». У него была пышущая

здоровьем румяная физиономия, а на шее висела впечатляющего вида камера.

– Четверо детей, не так ли? И вы сохранили такую чудную фигуру? Да эта американская актриса Мэй Уэст от зависти сдохнет, на вас глядя! Ах. Какая. Мама!

– Она вовсе не настоящая наша мама! – пронзительно крикнула Терри и потащила свой ротанговый коврик к лесенке в башню. Незнакомец наклонился к Кларе:

– Я что-то не то сказал? – От него так и несло луком.

– Нет. И девочка совершенно права: я им не мать. Я их *воспитательница*.

Он озадаченно на нее посмотрел, и она пояснила:

– В детском доме. И на самом деле их у меня семеро.

Он сперва удивился, потом обрадовался.

– Ах вот как! Разрешите представиться: Морис Селби. Счастлив с вами познакомиться! – Он протянул руку, и она почему-то ее пожалала, а он почему-то ее руку не выпустил, а все продолжал сжимать и встряхивать. – *А воспитатель у вас имеется, мисс...?*

Клара высвободила пальцы из руки Мориса Селби и на шаг от него отступила.

– Мисс Ньютон. И – да, у меня имеется не то чтобы *воспитатель*, но человек очень мне близкий и совершенно особенный. – Она пожалела, что на руке у нее нет обручального кольца. Кольцо она пока что убрала в сейф, решив, что лучше сперва все объяснит детям, а уж потом его наденет.

– Жаль! – воскликнул он. – Вот так всегда! – Клара на эти стоны внимания не обратила, следя за Пег, которая парила на вершине башни, бесстрашно раскинув руки в стороны, хотя Клара несколько раз говорила ей, чтобы она ни в коем случае этого не делала.

– В таком случае объясните мне, на какие средства вы позволяете себе и детям все эти развлечения? – спросил Морис Селби и указал на игрушечных медвежат, на горку сладостей и на бутылку джина – все это Клара по-прежнему держала в охапке. Она посмотрела на завоеванные призы с удивлением, словно увидела их впервые, и пояснила:

– Это все призы. Дети их выиграли.

– Не могли они *все это* выиграть, – сказал он. – И потом, чтобы *играть*, сперва нужно *заплатить*.

А тебе какое дело? – возмутилась Клара, но, с другой стороны, она за этот вечер не разговаривала еще ни с одним взрослым человеком, если не считать сэра Маннингса, и ей хотелось сразу все прояснить.

– Советом графства мне выделен некий бюджет, – сказала она, – и потом, я сама откладываю каждый месяц понемножку на всякие мелочи – на подарки ко дню рождения и к Рождеству и тому подобное. А на ярмарке сегодня к тому же на все половинная цена.

– Вы, должно быть, неплохая хозяйка.

Это Кларе польстило.

– Я стараюсь. – Она даже волосы пригладила, заметив, что явно ему нравится. – Управление делами – это одна из моих сильных сторон.

Он что-то прикинул.

– А каникулы у них когда-нибудь бывают, у этих бедолаг?

– Конечно. В августе они уезжают на две недели, – Клара лучезарно улыбнулась кому-то из девочек – Терри или Рите, она не очень-то разглядела, – махавшей ей с вершины башни. – И потом, мы иногда ездим на экскурсии – например на целый день в Лондон или еще куда-нибудь.

– Это хорошо. А кто-то говорил мне, что они еще и в кино регулярно ходят?

Интересно, подумала Клара, с кем это он побеседовал?

– Они посещают детский киноклуб, – сказала она уже менее уверенным тоном. – По утрам в субботу и по сильно сниженным ценам.

– А могу я вас сфотографировать вместе с детьми?

– Не знаю, кому это может быть интересно.

– Красивая женщина, занимающаяся таким важным делом! Да это будет интересно буквально всем!

И снова Клара почувствовала себя польщенной. И как раз в тот момент, когда Пег, Рита, Терри и Алекс собрались вокруг нее, чтобы сфотографироваться, примчались Билли, Барри и Питер, запыхавшиеся, держа в охапке выигранные призы.

– Посмотрите, что мы выиграли!

– О нет! – Клара огляделась, надеясь, что никто ее не услышал. Ну что ей делать с золотыми рыбками? Но Билли и Барри настаивали,

чтобы рыбок она непременно взяла домой.

– Это наш прощальный подарок вам, мисс Ньютон! – с чувством сказал Билли.

– Но ведь вы знаете, что Совет запрещает держать в детском доме любых питомцев!

– А зачем им об этом знать? Это совсем не обязательно.

– Они же и двух дней у нас не проживут. – И этого, кстати, она боялась не меньше: и без того обездоленным детям, конечно же, не нужны были новые утраты.

Но Пег так и подскакивала на месте, заглядывая ей в глаза, и Терри что-то ласково ворковала, заглядывая в пакеты с рыбками. А уж когда рыбок увидела Рита, отступить стало и вовсе некуда. Рита верещала, как сверчок, смеялась, обнимала Билли и Барри. И Клара ничего не могла с этим поделать – тем более в присутствии мистера Мориса Селби, который с любопытством за ними наблюдал.

– А ну-ка все улыбнитесь! И вы тоже, мисс Ньютон. Вам кто-нибудь говорил, что вы похожи на актрису Оливию де Хэвиленд? Из «Унесенных ветром»?

Клара вспыхнула. А дети все косились на рыбок, которые, плавно шевеля хвостами, плавали себе спокойно в пакетах с водой.

– Скажите «чизз»! – скомандовал мистер Селби, и все ему подчинились. Среди всех этих мерцающих и вспыхивающих ярмарочных огней Клара так и не успела понять, когда он нажал на вспышку.

А потом она старалась все время держать за руки кого-то из детей, чтобы не нужно было снова пожимать руку этому Морису Селби.

– Я пришлю вам копию, – пообещал он.

И они потащились домой. Оказалось, что она все-таки забыла выключить плиту под оставленным на ней супом, хоть и была совершенно уверена, что выключила ее. Суп, разумеется, совершенно сгорел. А картошка, которую она собралась быстренько почистить, была вся в проросших «глазках». И еще она понятия не имела, куда ей девать этих проклятых рыбок. Выручил, как всегда, Алекс, притащив из комнаты мальчиков старый ночной горшок. После чего Билли и Барри устроили драку на лестнице, пытаясь выяснить, которую из рыбок кто выиграл.

Посреди ночи Клара проснулась от тошнотворной уверенности в том, что случилось что-то неисправимое. Возможно, решила она, одна из рыбок съела другую. Поступают ли так рыбки одного вида? Может, все-таки не следовало помещать их в одну посудину? И она ринулась вниз. Но, заглянув в горшок, обнаружила рыбок целыми и невредимыми. Вернувшись к себе, она еще долго лежала, охваченная странным беспокойством, но не в силах понять его реальную причину. И все вспоминала с отвращением те «огурцы» на галстук Мориса Селби и его липкие холодные руки.

* * *

Петерсоны приехали за близнецами на такси!

– Все-таки это совершенно особый случай, – объясняла миссис Петерсон по телефону, и Клара с легкостью представила себе, как она нервно ломает пальцы, говоря это. – Пожалуйста, постарайтесь, чтобы мальчики были готовы и мы могли бы сразу уехать. Все-таки счетчик-то будет включен!

Ну что ж, тем лучше, – думала Клара. Все равно долгие прощания совершенно бессмысленны.

А дети были по-прежнему заняты заботами о рыбках. Все так и заверещали, когда Алекс в шутку сказал, что ночью нечаянно на них пописал.

Напряжение ощущалось во всем. Билли съел далеко не так много овсянки, как обычно; Барри пролил драгоценное молоко на чистые брюки; Пег все время цеплялась Кларе за ноги.

– Вылезай, Пег, ты же не кролик.

– А можно мы кролика тоже возьмем, мисс Ньютон? Раз уж у нас теперь рыбки есть?

– Нет, Рита, и помолчи хоть минутку. Дай мне сосредоточиться.

Клара и сама готова была расплакаться. *Так не годится,* – твердила она про себя. – *Это же твоя работа, все именно так и задумывалось. Дети должны уходить отсюда, а на их место будут приходить другие. Это как банки с вареньем. Как нажито, так и прожито.* Вот только ей казалось, что это ужасно – так относиться к людям, к детям. Особенно к сиротам.

– Вы же будете нам писать, мальчики?

– Конечно, будем!

И оба крепко ее обняли.

– Только, пожалуйста, не пишите пока никаких женщин напополам.

– А вы присмотрите за нашими рыбками?

– Да уж придется присмотреть. Если вы будете писать, договорились?

Теперь уже все засмеялись. Всем было ясно: писать Билли и Барри уж точно *ни за что* не будут.

– Мы будем к вам приезжать, – пообещал Билли как бы в порядке компенсации.

– Часто, – прибавил Барри.

Снова объятия, поцелуи, затем подъехало такси, и уже через минуту побледневших близнецов запихнули в машину и увезли прочь.

И Рита сразу же принялась подвывать: «Мама!»

* * *

И все-таки это был их первый «успех». Клара позвонила в Совет, чтобы сообщить, что отъезд близнецов прошел гладко, и мисс Бриджес сказала, что она уже внесла это в список их достижений в соревновании с Норфолком и Линкольнширом. Итак, двоих «удалось пристроить», а скольким сотням это еще предстоит?

Теперь в «Шиллинг Грейндж» остались пятеро. Всего пятеро. Казалось, это даже слишком легко, почти по-любительски. Ведь пятеро детей – это почти нормальная семья.

Но мисс Бриджес пообещала: «Мы вскоре пришлем еще», и Клара сразу встревожилась. Все-таки своих пятерых она знала, как собственные пять пальцев – изнутри и снаружи. Как же ей было не волноваться, понимая, что в их уже устоявшуюся «семью» вольются неизвестные новички? *Все время смотри только вперед*, – напомнила себе Клара, – *и никогда не оглядывайся назад. По крайней мере, не оглядывайся на то, что вообще твоего внимания не заслуживает.*

* * *

После обеда пришел Айвор, чтобы починить радиоприемник. Клара поднялась в свою комнату, решив уделить себе несколько свободных минут.

Ей все еще хотелось поплакать, но теперь было уже и немного стыдно за собственную слабость. Ведь возможность для детей обрести новую семью и покинуть приют – это и есть главная часть их работы. Отсылать покупателям «банки с вареньем» – неотъемлемая часть ее миссии, это Клара понимала. Ей просто не следовало так сильно привязываться к детям. Она ведь считала этих детей «своими» не для того, чтобы оставить их при себе, а чтобы помочь им вырасти достойными людьми и найти свой путь в жизни. И все-таки «*в море случаются вещи и похуже*» – разве не это было главным девизом ее поколения?

И хотя Клара очень ценила постоянную помощь Айвора, где-то в глубине души ей хотелось, чтобы помогал ей не Айвор, а Джулиан. Это Джулиан должен был бы ее утешать и говорить, что все будет хорошо; однако Джулиан предпочитал охотиться на бедных лис и понятия не имел о ее горестях и печалях. Клара легла на кровать и стала читать стихи из сборника Тейлор, и постепенно магия поэзии подействовала на нее, и она успокоилась.

Айвор печально ей улыбнулся, когда она снова спустилась вниз – приведя себя в порядок, смыв с лица следы слез и аккуратно причесавшись.

– Я так и думал, что у тебя сегодня будут кошки на душе скрести. Это естественно.

– Ничего подобного, – решительно заявила Клара. – Никаких кошек. И вообще у меня отличные новости.

Он улыбнулся.

– Неужели не можешь угадать? – Клара чувствовала, что говорит каким-то не своим голосом.

– Что, пришла очередь Терри? – предположил Айвор. – Или Пег?

– Нет, пришла моя очередь. – *Господи, как глупо это звучит.* – Я... – И у нее вдруг на несколько мгновений перехватило дыхание: она вспомнила тот вечер, когда вместе с Айвором любовалась звездами. И

его слова: *Звезды никогда ничего от меня не требуют.* Какая странная фраза. Почти наглая – словно все остальные, включая, вероятно, и Клару, вечно от него что-то *требуют.* Словно все они тяжким бременем повисли у него на плечах. – Я выхожу замуж за Джулиана. За Джулиана Уайта, солиситора.

– Что? – Айвор обычно старался внешне своих чувств не показывать, но сейчас у него на лице было написано... Клара даже не знала, какое слово тут подобрать. Скорее всего, *презрение*, а может, и *отвращение.* – Но почему? – вдруг вырвалось у него.

Клара потупилась. *Почему?* Нужный ответ она нашла не сразу. Но потом сообразила: на этот вопрос существует один-единственный правильный ответ.

– Потому что я его люблю! – выпалила она. – Разве это не очевидно?

– Но почему? – повторил он, и Клара вспомнила, как Айвор помогал Терри вскопать особенно твердый участок земли в саду, как он сделал для Риты ваньку-встаньку, какое у него было лицо, когда он рассказывал ей о вечно пьяном отце Алекса, когда пытался вызвать улыбку у мрачного Питера...

– Потому что он обо мне заботится и... – Она не договорила. Это «и» так и застыло там, словно актер на опустевшей сцене в луче прожектора. По непонятной причине в голове у нее сейчас крутилось одно-единственное слово: «лобстер», и ничего другого она придумать не могла, и, возможно, в этом была некая вина Айвора. И она сердито закончила фразу: – И сейчас я хочу именно этого! На данном этапе это для меня самое важное.

– Войти, выйи и немного отряхнуться.

– Ничего подобного! Все совершенно иначе.

– Да неужели? Ты с самого начала заморочила детям головы, а теперь и еще сильнее их заморочишь!

– Не заморочу! Могу тебе в этом поклясться!

Его голос теперь звучал так, словно в горле у него что-то застряло, и Клара вдруг поняла, что в данный момент стала ему совершенно безразлична и он – она не стала тратить на это даже мимолетных размышлений – одержим Грейнджем.

– Я *никуда* не уйду, во всяком случае в ближайшее время. Я буду продолжать здесь работать, пока... ну, по крайней мере, еще год. Я

хочу твердо убедиться, что здесь все идет хорошо, и потом, я же все равно буду рядом – мы никуда уезжать не собираемся – и всегда буду частью их жизни...

Когда Айвор наконец перевел дыхание, его мощная грудь стала похожа на бочку. А изуродованная рука выглядела как некий упрек. Лицо его вновь затуманилось, и Клара вспомнила, что его и Руби в детстве дразнили «жених и невеста», а у Руби были прекрасные волосы.

Смотреть ему в лицо у нее уже не было никаких сил, не говоря уж о том, чтобы продолжать это выяснение отношений. Его резко очерченные скулы, шрам на одной щеке, добрые темные глаза, из которых сейчас ушло все тепло, его губы... Тот их поцелуй под омелой длился менее секунды – наверное, если бы он продлился дольше, они оба превратились бы в камень. А потом Кларе снова вспомнился тот вечер, когда они смотрели на звезды и она, прислонившись к нему, чувствовала на шее сзади его дыхание. Неужели она никогда не перестанет думать об этом?

– Извини. Я...

Он горько рассмеялся.

– Я там детскую одежду починил. Ты заberi, пожалуйста, когда сможешь.

– Почему ты мне не веришь? Я не брошу этих детей.

– Бросишь. Они занимают слишком много места.

Глава двадцать четвертая

Когда Клара стала созывать детей на собрание, двое под столом играли в карты, одна была в саду, один в гостиной, пытался настроить приемник, а один отмокал в ванне, хотя сегодня была вовсе не его очередь мыться. Рассердившись, Клара постучала деревянной ложкой по кастрюле, и вскоре все собрались вокруг нее. Такие послушные, милые дети. И она вздохнула с облегчением – ей совсем не хотелось на них сердиться и призывать их к дисциплине, тем более в присутствии Джулиана.

– Мистер Уайт и я должны сообщить вам кое-что важное.

Вообще-то Джулиан совсем не хотел сообщать детям об их помолвке. И Клара даже толком не понимала, почему. Во всяком случае не потому, что он, проявляя сдержанность, не хотел, чтобы эта новость стала всем известна – он ведь уже подал заявку на объявление в «Телеграф». Короче, Клара настояла, чтобы *ее дети* узнали об этом не в последнюю очередь. Дети ненавидят узнавать о чем-то последними. Ненавидят куда сильнее, чем взрослые. И, возможно, именно потому, что им-то чаще всего обо всем сообщают в последнюю очередь.

Впрочем, Клара знала, как умаслить Джулиана. А он *действительно* нуждался в умасливании, словно какой-то лохматый щенок. Ему не хотелось сообщать детям о помолвке, а ей хотелось, и она выиграла. Она прекрасно понимала, что ей и впредь придется не раз постоять за себя, ибо Джулиан склонен не то чтобы пользоваться своим главенствующим положением, но все же проявлять определенный деспотизм по отношению к ней, не сознавая, что этим как бы бросает ей вызов. И она охотно его вызов принимала; это ее на самом деле даже возбуждало. Она не какой-то бессловесный половичок, лежащий под дверью. Уж она-то никому не позволит вытирать о себя ноги! И потом, разве с некоторых пор умение постоять за себя считается дурным качеством? Они оба – и Клара, и Джулиан – были склонны всегда считать себя правыми, что, безусловно, как бы раздвигало стены их спальни, добавляя перца любовным утехам.

– Почему я-то должен при этом присутствовать? – недоумевал Джулиан.

И Клара ответила ему в точности теми словами, какие услышала от Джуди: в первую очередь детей пугает неизвестность, а потому, чем больше они понимают, тем лучше – понимание ситуации усыпляет страх.

– Но ведь меня они наверняка знают, – продолжал сопротивляться он. – Сто раз меня видели: я ведь бóльшую часть их жизни живу и работаю на противоположной стороне улицы.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду. Пора тебе лучше с ними познакомиться.

Джулиан поморщился.

– Я женюсь на тебе, а не на «Шиллинг Грейндж».

– Мы тебе достанемся в одной упаковке.

После этого заявления Джулиан потерся носом о ее шею и прошептал:

– И я с наслаждением предвкушаю, как буду каждую ночь распаковывать этот сверток.

– Серьезно, дети моментально к тебе привыкнут и облепят тебя.

– Ну да, как грибы старый пень!

– Вот именно. – Клара только вздохнула.

Явившись «на собрание», Джулиан не снял ни шляпу, ни пальто, давая понять, что не собирается здесь задерживаться. Он даже не уселся как следует, а лишь присел на краешек стула.

– А что, будет еще одна война? – вдруг спросил Алекс. – Вон в Корее уже сколько народу полегло. На тридцать восьмой параллели.

– Война? – дрожащим голосом спросила Рита. А Пег тут же закрыла уши руками.

– Не тревожьтесь, девочки, речь пойдет совсем не об этом.

– А где эта Кар-ри-яр? – выкрикнула Терри.

– Успокойтесь, дети, я уже сказала: речь не о войне. Да и Корея, так или иначе, находится на другом конце света. Нас тамошняя война никак не затронет. Пег, вылезай, пожалуйста, из-под стола. Ты ведь не кошка.

– Да нет, она *как раз* кошка.

И Пег, смеясь, забралась к Кларе на колени.

– Так, все послушайте меня: новости у меня *хорошие*.

И Клара, набрав полную грудь воздуха, взяла Джулиана за руку и сообщила:

– Мы с мистером Уайтом собираемся пожениться.

– Это что, первоапрельская шутка?

– Первое апреля только через неделю, Рита. И не надо надуть губы.

– Значит, он теперь тоже станет нашим воспитателем, раз уж вы за него замуж выйдете? – с сомнением спросил Алекс.

– Но ведь у нас уже есть воспитатель! Айвор, разве не так? – Терри была страшно недовольна тем, что ее отвлекли от огородных дел. Земля так глубоко въелась ей в одну щеку, что Клара никак не могла понять, каким образом Терри ухитряется так перепачкаться. Втирает она в себя эту землю, что ли? Как детскую присыпку?

Питер с обиженным видом стоял в дверях, облаченный в пижаму, и дрожал. Он был явно недоволен тем, что его извлекли из ванной; должно быть, он снова поменялся с Алексом «помывочными» днями. Алекс же с каждым днем становился все больше похож на своего любимого героя: Альберта Эйнштейна.

– Айвор у нас воспитателем не работает, – принялась объяснять Клара, – он просто наш друг. И никаким воспитателем мистер Уайт здесь тоже работать не будет. Такой должности, как «муж воспитательницы», просто не существует.

– Но ведь вы от нас не уйдете, правда, мисс Ньютон? – И Рита обвила ее шею руками. – Вы моя вторая мама.

Клара наклонилась, поцеловала ее в нахмуренный лобик и сказала:

– Когда-нибудь – и довольно скоро – у всех вас будут новые дома и новые семьи. Именно к этому мы в Совете и стремимся.

– Ну, а мы к этому вовсе не стремимся! Правда, ребята? – Иногда Терри могла быть такой же острой, как садовый секатор, которым она только-только начала пользоваться.

– Вы-то, *вполне возможно*, и не стремитесь, однако...

– Та дама из Совета говорила, что мы уже слишком старые, – сказала Терри. – Приемным родителям все больше младенцев подавай!

– Это кто вам такое сказал?

– Мисс Купер.

Черт бы побрал эту мисс Купер!

– Мисс Купер далеко не во всем права. И потом, Терри, никогда не говори «никогда». Вспомни Билли и Барри. А ведь они старше тебя.

- Вы обещали, что никогда не будете нам врать.
- Ну да, конечно. Обещала. И вообще... И вообще, наша свадьба не завтра. Пока до нее еще далеко.
- Так зачем же вы нам сегодня об этом говорите? – снова возникла Рита.
- Мисс Ньютон, у меня кровь из носа пошла!
- Терри, у тебя носовой платок есть? Нет? Ступай и найди себе платок в выстиранном белье. Ну, на сегодня достаточно. Всем спасибо. – И Клара, хлопнув в ладоши, повернулась к Джулиану, который по-прежнему сидел на краешке стула, как на жердочке, и язвительно усмехался.
- По-моему, все прошло хорошо, да? – неуверенно спросила у него Клара.

«Дейли Телеграф»

1 апреля 1949 года

Помолвка мистера Уайта и мисс Ньютон

Планируется бракосочетание мистера Джулиана Арчибальда Сэмюэля Уайта, сына мистера Фредерика Уайта и миссис Хелены Фелисити Уайт, и мисс Клары Ньютон из Лавенхэма.

Мистер Джулиан Арчибальд Сэмюэль Уайт – выпускник Мертонского колледжа Кембриджа. Он также имеет диплом оксфордского юридического колледжа «Куин Мэри» и в настоящее время является одним из совладельцев адвокатской конторы «Робинсон, Брауни и Уайт» в Лавенхэме, Саффолк.

Глава двадцать пятая

– Я видела вашу фотографию в газете, – несколькими днями позже сообщила Кларе миссис Гаррард. Обычно они старались избегать друг друга, словно следуя правилам некоего безмолвного договора, но сегодня их пути зловещим образом пересеклись. Берти, пес Гаррардов, скулил, тщетно пытаясь выбраться из хозяйской сумки. Клара подавила смешок.

– «Доброжелатель» – какое точное слово, вам не кажется? – спросила вдруг миссис Гаррард, и Клара с изумлением на нее уставилась. Берти заскулил еще громче.

– Не знаю, – пробормотала Клара, по-прежнему ничего не понимая. – Но мне, к сожалению, пора... Я веду детей в кино. Это подарок сэра Маннингса.

– Кого?.. Чей, простите, подарок?

– сэра Маннингса. Художника, который портреты коней рисует. Его, по-моему, тоже можно было бы назвать доброжелателем.

Понимание в виде румянца медленно проявлялось на напудренных щеках миссис Гаррард.

– Некоторым людям на самом деле свойственно желать детям добра, – прибавила Клара несколько высокомерным тоном. – И это просто замечательно, не так ли?

Если бы, отступая от миссис Гаррард, она не споткнулась о высокий бордюрный камень, это мгновение могло бы стать поистине триумфальным.

А в полдень в Грейндже вдруг появилась мисс Бриджес – на неделю раньше намеченного срока.

И лишь заметив ее на ведущей к дому тропинке, Клара вспомнила о рыбках. Она стремительно перенесла горшок с рыбками из кухни в гостиную. Ничего, это всего на несколько минут!

Господи, и о чем я только думаю? – рассердилась она на себя. Гостиная совершенно не годилась – мисс Бриджес часто туда заходила – и Клара рысью понеслась вверх, в свою комнату. Вода из горшка выплескивалась через край, попадая на платье, но рыбок все эти перемещения, похоже, ничуть не встревожили.

Хорошо еще, что Клара инстинктивно сообразила спрятать рыбок, ибо сегодня сидеть на кухне мисс Бриджес не пожелала и сразу прошла в гостиную. Стянув с рук белые перчатки, она села очень прямо, держа сумку на коленях и прижимая ее к себе. Клара давно заметила: чем сильнее мисс Бриджес была раздражена, тем больше она скукоживалась, словно стараясь занять как можно меньше места. Сегодня она в итоге стала просто крошечной.

Ничего хорошего это не сулило.

Интересно, пыталась понять Клара, с какой из множества различных вещей, которые она могла сделать неправильно, это связано? О своей помолвке она сообщила мисс Бриджес по телефону – ей хотелось, чтобы мисс Бриджес узнала эту новость одной из первых. Отреагировала мисс Бриджес весьма несдержанно и все твердила: «Я так и знала! Я подозревала, что карты именно это предсказывали!»

Но если дело не в этом, то в чем же?

– Это очень мило, что вы решили... – начала было Клара, стараясь не замечать, что мисс Бриджес буквально трясет от ярости.

– Вы эту газету видели? – зловещим тоном спросила она.

– «Дейли Телеграф»? С объявлением о нашей помолвке? Конечно!

Нет, оказывается, мисс Бриджес имела в виду вовсе не «Дейли Телеграф». Некоторое время она возилась с замком своей сумки – пальцы отказывались ей повиноваться, настолько она была сердита.

– Может, вам помочь?

– Нет!

Это продолжалось, наверное, сто лет, и наконец она извлекла из сумки какую-то газету и с треском ее развернула. Это была местная газета «Саффолк Таймс», и на ее первой полосе красовалась фотография Клары с детьми. Клара едва успела подавить инстинктивное желание вскрикнуть.

– С какой стати здесь появилась эта фотография?

Хотя снимок получился симпатичный. Клара была на редкость аккуратно причесана, и выражение лица у нее было снисходительно-довольным. Рядом с ней стояли близнецы – она уже успела по ним соскучиться, – державшие в руках пакеты с золотыми рыбками, о которых, как Клара убедилась впоследствии, в газетном материале было сказано более чем достаточно. Пег на снимке получилась с закрытыми глазами, а Рита – стоящей на одной ноге. Терри была

похожа на угрюмого мальчишку, зато Питер почти улыбался, ну а Алекс прямо-таки сиял, хотя кто-то, наверное, Питер, и наставил ему над головой «рожки» из двух пальцев.

Но главная проблема, как выяснилось, была не в фотографии.

*Эксклюзивный материал-свидетельство, или
Как попусту расходует деньги Совет графства
Саффолк.*

Автор: Морис Селби

Все мы слышали о флагмане политики лейбористов – о новых детских домах. Отважный журналист Морис Селби провел тайное расследование и выяснил, как на самом деле обстоят дела с детскими домами, опекаемыми Советом графства Саффолк. Ему удалось встретиться с одной из новых служащих Совета, заведующей детским домом «Шиллинг Грейндж» в Лавенхэме.

И он с ужасом обнаружил:

Дети бегали без присмотра по территории ярмарки, причем в НОЧНОЕ ВРЕМЯ.

Совершались и планировались дорогостоящие поездки в ЛОНДОН.

Вопиющим образом не соблюдались правила относительно содержания в детдомах ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ.

Дети, которых явно недокармливали, ели САХАРНУЮ ВАТУ.

Более пятидесяти лет «Шиллинг Грейндж» считался серьезным детским учреждением, во главе которого стояли монахини-девственницы. Теперь же им руководит такая гламурная доброжелательная кошечка, которая и сама еще недавно была подростком. Обитатели «Шиллинг Грейндж» всегда раньше жили простой честной жизнью, помня о тех ужасах, которые вынудили их

оказаться в приюте – теперь же они проводят полгода в мечтах, планируя свой летний отдых на море.

А кто же за все это платит? Да вы, дамы и господа! Вот на что тратятся налоги с наших доходов, обретенных тяжким трудом.

На наши деньги эти дети отдыхают на морском побережье.

Эта статья уничтожала разом все на свете – и ее, Клару, и Грейндж, и Совет, и лейбористское правительство... А дальше автор слегка пнул даже Майру Кёртис.

У Клары сердце в пятки ушло.

Мисс Бриджес тяжело вздохнула. Настроение у нее было куда хуже, чем в тот день, когда Клара подала заявление об уходе.

– Я не знаю, Клара, как это вы умудрились так подставиться!

– Я тоже не знаю.

– И о чем вы только думали?!

А о чем я тогда думала?

– Они же используют любой повод, чтобы нам навредить.

– Кто?

– Люди. Публика. Закон о детях популярностью в народе никогда не пользовался. Люди же считают, что родители должны хоть из могилы встать, но сами о своих детях позаботиться... Вы ведь, конечно, об этом знаете?

– Да, конечно. Просто я... как-то не поняла, что дополнительная забота о детях может вызвать... некие... некие вопросы. Мне казалось, что это нечто само собой разумеющееся – как можно лучше заботиться о детях.

– Да большинство скорее перешагнет через ребенка, умирающего от голода в канаве, чем пожертвует ради него своим временем и средствами!

– О, Господи!..

– Помните, во время войны всегда находился кто-нибудь, готовый украсть или донести? Вот и теперь примерно так.

– Я поняла. Но ведь кто-нибудь мог бы и раньше все это мне разъяснить.

– А разве это не очевидно? *Все на свете* пронизано политикой.

– Мне очень жаль... Но я как-то не сознавала, что... забота о сиротах может быть расценена как нечто плохое или неправильное.

– Забота о сиротах – это вовсе не плохо. Плохо, когда кто-то замечает, что ты этим занимаешься. Ведь об этом никто и знать не хочет.

– Отлично, я непременно позабочусь, чтобы впредь дети выглядели на публике жалкими оборванцами. – Клара злилась в основном на себя, но и на «публику» у нее злости тоже хватало.

Мисс Бриджес нахмурилась.

– Я совсем не это имела в виду, и вы, Клара, прекрасно меня поняли. Тем более что для некоторых детей это еще и может создать угрозу их безопасности. И об этом вам тоже известно.

– Известно, – кивнула Клара. А что, если кто-то, прочтя эту статью, решит поохотиться на одного из ее детей? Вряд ли, конечно, – там ведь не указаны ни имена, ни возраст, – но все же внешность ребенка по этой фотографии вполне можно идентифицировать...

– Ну, ладно, с этим вопросом мы пока покончим, – сказала мисс Бриджес. – А что там с вашими золотыми рыбками? Где они? Что с ними случилось?

– С рыбками? С какими рыбками?

Но мисс Бриджес лепет Клары ничуть не смутил. Она решительно постучала ногтем по фотографии в газете, так что даже смяла ее, и теперь этот искореженный снимок полностью соответствовал тому смятению, которое охватило Клару.

– Вот с этими рыбками, Клара. Вот они на фотографии. Разве вы не знаете, каковы правила относительно домашних питомцев? Никаких исключений!

– Так все рыбки умерли, – солгала Клара. – Как дронты.

* * *

История со статьей всю неделю не давала Кларе покоя. Она утратила аппетит. Даже поедая великолепные произведения кулинарного искусства, созданные Анитой, она испытывала не удовольствие, а чувство вины. Она отодвигала тарелку, не доев до

конца, и все думала: *Проклятый Морис Селби! Нет, ну каков ублюдок!* Она без конца прокручивала в памяти события того вечера на ярмарке и понимала, что сама вела себя на редкость глупо. Обычно она была более осторожна. Как же она могла допустить, чтобы с ней случилось нечто подобное?

Как-то раз она проходила мимо мастерской Айвора, и он окликнул ее, но отнюдь не для того, чтобы обсудить ту статью или объявление о ее помолвке с Джулианом. Просто ему показалось, что Алекс снова подцепил вшей. Он давно заметил, что мальчик чешется.

– Ты только это хотел мне сообщить? – Клара нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Она вдруг почувствовала присутствие у себя на пальце бриллиантового кольца, подаренного Джулианом; теперь она носила его постоянно. Интересно, заметил ли это Айвор?

– Ну, да-а...

Клара только плечами пожала. С наслаждением повернулась к Айвору спиной и, нарочито громко топая, двинулась к своему дому.

* * *

Днем в пятницу, во время ланча, Джулиан неожиданно пригласил ее в паб. Оказалось, что кто-то из клиентов отменил назначенную встречу, и у него высвободилось какое-то время. Клара уже поела вместе с детьми, но сказала, что с удовольствием посидит с ним и что-нибудь выпьет, думая, что «выход в свет» пойдет ей на пользу. Однако она никак не могла избавиться от назойливых мыслей о той статье.

– «Доброжелательная кошечка»? – все повторяла она. Эти слова словно обжигали. – Хотя нечто противоположное было бы, наверное, еще хуже. Как это могло бы звучать? Зложелательница? Злодейка?

– Не расстраивайся! Есть клички куда хуже, чем «гламурная киска», – утешил ее Джулиан, строя глазки. – Мяу!

Он явно не желал воспринимать эту историю всерьез – с другой стороны, на кону ведь стояла не его репутация.

– Да не в кличке дело. – Клара с унылым видом болтала вино в бокале.

– А ведь он, пожалуй, прав насчет летнего отдыха у моря для бедных сироток, тебе не кажется?

Клару прямо-таки пронзила яростная вспышка гнева.

– А тебе кажется, что сироты, находящиеся на попечении у государства, никуда на каникулы ездить не должны?

– Я этого не говорил. – Джулиан преспокойно продолжал разделывать лобстера.

И Клара вдруг с ужасом почувствовала, что и у нее, похоже, голова чешется именно так, как это было ей даже слишком хорошо знакомо. Значит, насчет Алекса Айвор был прав! Возможно, и у нее тоже «гости», как выражаются дети. Черт бы все это побрал!

Джулиан, видимо, заметив, как изменилось ее лицо, быстро наклонился к ней и сказал вполголоса:

– Не надо портить нам ланч, Клара.

Его собственное лицо при этом осталось непроницаемым.

* * *

К понедельнику о той газетной статье узнали и дети – от других детей в школе, разумеется.

– Похоже, нас всех теперь считают жуткими воришками, попрошайками и нахлебниками, – насмешливо сообщил Алекс, как всегда стараясь прийти Кларе на помощь. – Ой, а больше всего мне понравилось слово «паразиты»!

– Значит, вы то и другое сразу? Боже мой! – устало сказала Клара, и Пег тут же обняла ее ноги и прижалась головой к ее бедру. А Рита сообщила, что начала записывать все эти слова в особую тетрадь.

– В какую еще тетрадь?

– Я в эту тетрадь все грубые слова записываю.

– Но это же просто ужасно, Рита!

И все они дружно, хотя и немного истерически, расхохотались.

Глава двадцать шестая

Питер стал хуже к ней относиться, и Клара не могла понять, уж не объявление ли о помолвке тому виной? Впрочем, это объявление, похоже, подействовало на всех. Дети были явно встревожены, сколько бы она ни пыталась их заверить, что *в ближайшее время никаких изменений в жизни Грейнджа не произойдет*. После того «собрания» Пег даже ночью описалась, у Терри то и дело болела голова, и кто-то – должно быть, Питер со своими сигаретами, хотя он и отрицал свою вину, – прожег дыру на ковре в гостиной.

Зря она так рано объявила им об этом. Такая же ошибка, как сказать Бандиту «пойдем гулять», когда вовсе и не собираешься никуда идти – подобные вещи и самой Кларе пришлось весьма непростым способом усваивать.

– Возможно, к Питеру просто временами возвращается прошлое, и эти воспоминания для него мучительны? – предположила мисс Бриджес.

Вполне разумное предположение. У всех этих детей было мучительное прошлое, но Питер был самым старшим и уже достиг того возраста, когда особенно часто задумываешься о собственной жизни. Клара решила, что ему следует уделить побольше внимания. Ей совсем не хотелось, чтобы он последовал примеру Морин, по которой она очень скучала. В былые времена общение с Питером было для Клары делом легким и приятным. Он всегда отличался спокойным нравом, был вежлив и немногословен. Он и теперь внешне выглядел спокойным, но чувствовалось, что в душе у него словно что-то кипит. И стал все чаще отказываться выйти с Кларой в сад и покурить там на свободе.

– Питер, у меня «Лаки Страйкс» есть!

Он не реагировал. Продолжал лежать на постели спиной к ней и даже не думал повернуться.

– Я не хочу. Уходите.

– Послушай, это просто невежливо.

– *Пожалуйста*, уходите.

Когда Клара впервые с ним познакомилась, она ничего подобного даже представить себе не могла. Ей тогда казалось, что они с Питером

удивительно похожи. *Тот самый тихий омут, в котором черти водятся.* Теперь она этого сходства больше не видела. Питер стал казаться ей обыкновенным ворчуном: если это и был тихий омут, то с холодной, неприветливой водой.

* * *

Анита придумала, как быть с теми золотыми рыбками – «Билли и Барри-2», как их называли дети. Оказалось, доктор Кардью уже давно хотел купить для своей приемной аквариум с рыбками – всегда ведь приятно понаблюдать за рыбками, пока ждешь, когда тебе начнут удалять запущенную бородавку.

Клара отнесла рыбок в клинику, пока дети были в школе, и вместе с водой из ночного горшка перелила их в просторный аквариум прямоугольного сечения, украшенный водорослями и камешками. Протирая боковые стенки, чтобы Билли и Барри-2 было лучше видно, Анита удовлетворенно сказала:

– Ну вот, нужно же доктору Кардью иметь какое-то хобби! – И они с Кларой дружно рассмеялись.

У них вообще налаживались отношения. Клара так и не поняла, зачем ей тогда понадобилось критиковать Аниту. К счастью, Анита давно ее простила. Возможно, она искренне верила, что даже если человек ошибается в одном, то он вполне может быть прав в другом – именно так она и сказала тогда в библиотеке.

С другой стороны, и сама Анита, как заметила Клара, стала в последнее время куда более чуткой с детьми. Возможно, ей просто требовалось время.

Целых три дня Рита не замечала, что рыбки куда-то исчезли, но уж когда заметила, то рухнула ничком на постель и принялась рыдать в голос. Клара, пытаясь ее развлечь, пообещала дать ей немного своей старой пудры, *а еще* кое-что из маскарадных блесток и бижутерии для театральных костюмов, привезенных Джуди, и Рита действительно немного повеселела, но продолжала хныкать.

– Все равно я хочу кошку! Хотя и морская свинка сойдет. Или крыса.

При одной лишь мысли о крысах по спине у Клары пробежал холодок, и она вспоминала ночи в убежище на станции метро «Олдвич», когда мальчишки рассказывали друг другу страшные истории о том, как крысы заживо поедали людей.

Остальные дети о рыбках даже не вспоминали. И Клара была довольна, что эта тема их больше не волнует.

* * *

Купленные овощи чаще всего были завернуты в газетные листы, но порой в качестве обертки использовались и комиксы. Например, на этот раз зеленая фасоль в стручках – «волосатая», как называла такую фасоль Терри, – оказалась завернута в комикс «Бино». Когда Клара развернула покупки, у нее мелькнула мысль, что, может, хоть эти листки вызовут у Питера улыбку – это был как раз раздел, посвященный «маленькому народцу», один из самых его любимых.

– Мне нравится вот этот тип. И его собака тоже, – сказал Питер, но даже глаз на Клару не поднял, хотя она успела заметить на его лице проблеск улыбки, а это сейчас стоило для нее дороже любой сияющей во весь рот физиономии.

В субботу утром Клара обнаружила Питера в саду под вязом; он по-прежнему изучал все тот же комикс.

– Покуришь со мной за компанию?

– Не возражаю.

Кларе очень хотелось спросить: *Почему ты все время выглядишь таким несчастным, Питер? Поговори со мной!* – но по предыдущим попыткам она знала: услышав такой вопрос, он попросту от нее отвернется.

– Скажи, а мультипликации тебе нравились?

Он проворчал.

– Наверное, нравились.

И через несколько дней Клара отправилась к книжному киоску на привокзальной площади и купила там кучу новых комиксов, истратив на них непозволительно много денег. Ничего, предвкушала она, скоро мне, возможно, уже не придется беспокоиться из-за подобной суммы.

А купить хоть что-то специально для Питера было так приятно! Он ведь почти ни о чем никогда и не просил.

– Вот. – Она гордо выложила Питеру на кровать купленные журналы. – Кстати, почему бы тебе самому не попробовать рисовать комиксы? Ты же так хорошо рисуешь! А я могла бы тебе некоторые рисунки по клеточкам разметить, чтобы ты потом мог их перенести. – Питер с безучастным видом ее слушал и не говорил ни слова.

В этой комнате, думала Клара, когда-то жил Айвор; он спал именно на этой кровати под окном; и у него все в жизни получилось именно потому, что всего лишь один человек – монахиня, сестра Кейт, – в него поверил. Но ведь и она, Клара, тоже способна сделать для Питера нечто подобное. И даже без помощи Айвора. А Питер продолжал, скорчившись, сидеть на полу и лениво перелистывать комиксы.

– Ох, да ведь уже пять часов! – спохватилась Клара. И тут же снаружи донесся автомобильный гудок. Приехал дядя Питера. Питер нехотя поднялся, и Кларе показалось, что из дома ему выходить совершенно не хочется. Вид у него был чрезвычайно неуверенный.

– Ну, что же ты? Беги скорей! – ласково улыбнулась ему Клара. – Насчет комиксов не беспокойся: до завтра они никуда не денутся.

Предложение «бежать скорей» Питер воспринял своеобразно: он потащился к двери так медленно, словно ноги у него прилипали к полу.

А на следующий день он попросил у Клары несколько листов хорошей бумаги.

– Если хочешь, я могу тебе сетку нарисовать? – предложила она.

Питер хотел, и Клара отлично его понимала. С помощью такой сетки любой мог перенести желаемый рисунок на свой лист бумаги; эти клеточки как бы обещали некую свободу, хотя и в заданных рамках. Ну, а самой Кларе всегда нравилось чертить ровные вертикали и горизонталы, так что с помощью линейки она быстро изобразила для Питера на листе бумаги отличную сетку. Эти квадратики и прямоугольники казались ей еще одним способом привнесения порядка в возникший хаос.

– Интересно было бы посмотреть, что ты с помощью этой сетки нарисуешь, – сказала она и, заметив, как он нетерпеливо мотнул головой, быстро прибавила: – Нет, ты, конечно, вовсе не обязан мне

свои рисунки показывать. – Она даже немного испугалась, что все испортила. – Искусство – вещь все-таки очень интимная. – Эти слова прозвучали и вовсе неискренне, и она заторопилась: – Ну, в общем, ты понял, что я имею в виду. Постарайся просто получить хоть какое-то удовольствие.

* * *

Дорогая Мэрилин!

Извините, что давно Вам не писала. Надеюсь, у Вас все хорошо и вся семья в добром здравии. Я теперь живу в Саффолке и работаю заведующей детским домом. Вам может показаться, что это не совсем соответствует моему характеру – мне во всяком случае именно так и кажется, – но порой, видимо, неплохо сделать и нечто такое, что идет вразрез с твоим характером: ведь только так и можно выяснить, каков он, твой настоящий характер. Вы ведь знаете, что Майкл навсегда останется в моем сердце. Навсегда. Он сделал меня самой счастливой девушкой в мире. Однако прошло уже больше четырех лет, и вряд ли я так уж не права в своем желании вновь почувствовать себя счастливой. Я познакомилась с одним человеком. Пожалуй, сейчас еще слишком рано делать какие-то выводы – хотя, может, и нет! – но он уже попросил моей руки, и я дала свое согласие. Он – человек совсем иного склада, чем Майкл, но он, безусловно, хороший человек. Его зовут Джулиан Уайт. Он солиситор.

Не знаю, захотите ли Вы, чтобы наша переписка продолжалась. Я всегда любила с Вами поговорить, поделиться историями о Майкле.

Рассказывала ли я Вам, например, о том, как Майкл иной раз специально пролетал над офисом «Харрис и сыновья» так низко, что было видно, как

он машет мне рукой? Во всяком случае, нам всем казалось, что мы его видим. Я просто собственным глазам поверить не могла и от страха чуть ли ничком не падала! А в другой раз он сказал, что, увидев сверху поля Лавенхэма, на какую-то долю секунды решил, что летит домой, к Вам.

Я хочу, чтобы Вы знали, Мэрилин: Ваши письма всегда очень меня радуют, и я была бы счастлива продолжать нашу переписку. Но решение, разумеется, за Вами.

Искренне любящая Вас,

Клара.

Глава двадцать седьмая

Однажды утром Клара спустилась вниз и обнаружила за кухонным столом Билли, а у плиты Барри, варившего овсянку. За окнами было еще темно.

– Какого черта? – не сдержалась она. – Что это вы тут делаете?

– Мы вернулись! – Билли взмахнул ломтем хлеба. – А что, у вас маргарин кончился?

О Господи! Придется срочно звонить миссис Бриджес. Затем эта новость дойдет до начальника опеки, а может, и до главы Совета. *Да что же, скажите на милость, они там натворили?*

– Вы не беспокойтесь, мы им оставили письмо и все объяснили, – весело сообщил Барри. *Так. Это уже лучше.* – А молоко есть?

Однако при мысли о том, как миссис Петерсон находит на столе кое-как нацарапанное прощальное послание, у Клары подозрительно защипало в глазах. Они ведь наверняка смертельно оскорбили эту добрую женщину.

– Как вы сюда добрались?

– Автостопом – нас подвезли до Челмсфорда, потом до базы ВВС в Кокфилде, а оттуда мы уже пешком дошли.

– Господи боже! – сказала она и сразу же подумала: *Никто ничего не должен об этом знать. Да мисс Бриджес просто усохнет от ярости! Особенно после той статейки в газете.*

– Но почему вы все-таки сбежали?

– Мы за целую неделю ни разу ничего подгоревшего не ели.

– И очень по такой еде соскучились!

– Ха-ха-ха. Очень смешно. Нет уж, лучше сразу признавайтесь, что там у вас случилось?

– В школе все дети нас крестьянами называли. Или фермерами.

– Крестьянами? Фермерами? *А разве это так плохо?*

– А мы каждому, кто обзывался, давали в нос.

Билли уплетал овсянку с таким аппетитом, словно несколько дней ничего не ел.

– И учителя там были ужасные.

– Неужели хуже, чем здесь? – спросила Клара, стараясь, чтобы в ее голосе не особенно слышалось недоверие.

– Гораздо! И потом, эти Петерсоны никуда нас из дома не отпускали.

А вот это Кларе было уже понятно. Билли и Барри очень ценили свободу и обожали слоняться по окрестным полям и лугам. Вряд ли они могли смириться с попыткой Петерсонов заставить их сидеть дома.

– Но...

– Петерсоны – люди хорошие, только мы им не нужны. Им нужны совсем маленькие дети, – сказал Билли, и Барри вовсю закивал в знак согласия.

– Мы для них слишком старые.

– Она пела нам колыбельные!

– Но ведь колыбельные – это так приятно, разве нет? – удивилась Клара.

– Да нужна мне эта «старая утка Йорка»!^[22] – возмущенно завопил Билли, забыв о догоравшем в тостере ломте хлеба.

– Но он-то явно был человеком интересным, – сказала Клара. Эти двое вели себя так, словно никуда и не уезжали.

– Она обращалась с нами так, словно нам года по четыре!

– По три!

– Ну да, – задумчиво сказала Клара, – она ведь так хотела близнецов.

– Да надо им просто сказать, что Рита и Пег – близняшки, – предложил Билли, выскребая из миски остатки каши.

– И потом, мы по нашим рыбкам соскучились, – прибавил Барри. – Они ведь не умерли, нет?

– Ах, рыбки! Ну, насчет рыбок...

В начале десятого Клара все-таки заставила себя позвонить. Хотя как-то особенно извиняться она вовсе не собиралась. В конце концов, подбирать детям приемных родителей – обязанность Совета; и если у членов Совета имелись хоть какие-то сомнения насчет таких кандидатов, как Петерсоны, то *именно Совету* следовало проявить осторожность. Клара уже пересмотрела содержимое папки с рекомендациями Совета вплоть до раздела, который начинался словами: *Если же по некоей причине усыновление оказывается неудачным или срывается...*

К счастью, мисс Бриджес была уже обо всем наслышана. И, как ни странно, голос ее звучал на удивление весело – особенно если учесть, какой удар был нанесен по статистике.

– Насколько я понимаю, – сказала мисс Бриджес, – этот шаг был признан неудачным обеими сторонами. Кстати, Петерсоны уже побывали в Совете Норфолка и теперь наводят справки там. Они и к нам собираются приехать, чтобы подписать некие формальные документы, свидетельствующие о том, что усыновление не состоялось по взаимному согласию сторон; Билли и Барри тоже необходимо это сделать, так что вам следует как можно скорее устроить их встречу с Петерсонами и все оформить.

– Значит, наказание детям не грозит?

– Ну, это уж от вас зависит, Клара.

И Клара улыбнулась про себя.

Она была так рада, получив обратно своих близнецов. А уж как радовались дети! Они так и заверещали, увидев на кухне Билли и Барри. А самой Кларе это дало некое новое ощущение завершенности. (Если бы еще и Морин вернулась, то весь ее любимый выводок птенцов был бы на месте.) Она чувствовала себя то ли наседкой, то ли кошкой с подрастающими котятками. Хорошо бы как-то отпраздновать возвращение близнецов, решила она и, как могла, постаралась: пожарила картошку – самое любимое блюдо Билли – и открыла коробку с марципанами, подаренную Анитой, не дожидаясь, как планировала раньше, чьего-либо дня рождения. В конце концов, сегодня у нас тоже особый случай, сказала она и рассказала мальчишкам о своей помолвке с Джулианом. В ответ они ее обняли и поздравили, как взрослые мужчины, в которых они понемногу превращались, а она заверила их, что пока никуда не уйдет – во всяком случае не уйдет еще очень долго, – а потом непременно лично убедится, что человек, который сменит ее на посту заведующей детским домом, действительно добрый, легкий в общении, хорошо готовит и ненавидит детские колыбельные песенки. А еще Клара прибавила, что жить она будет совсем рядом, на той стороне улицы, и в этом доме им всем в любое время будут рады.

Билли засмеялся и стал выяснять, переезжает ли она «в свой всегдашний дом», и она сказала, что да, что-то в этом роде, и в горле у

нее сразу возник комок, так что ей пришлось снова пояснить, что это произойдет еще не сразу.

Затем Барри спросил: «А что такое “помолвка”?», и Билли сказал ему: «Это значит, что она выходит замуж, глупый», и Барри был потрясен.

Интересно, что же, как ему казалось, это слово еще может значить? – подумала Клара.

Она как раз собралась подавать на стол свой «особый» ланч, когда во входную дверь кто-то яростно и нетерпеливо забарабанил. У кого-то сегодня явно сдают нервы, решила Клара, но первой ее мыслью было – это явились за Билли и Барри. А второй – Айвор все-таки не сдержался.

Но на пороге стоял Джулиан, крепко держа кого-то за шкуру. На Клару он не смотрел и злобно орал на своего пленника: «Ах ты, жалкое отродье!»

Оказалось, что это Питер. Питер! Это его Джулиан обеими руками держал за воротник и тряс что было силы.

– Если бы я не знал, кто ты, я тебя прямиком в полицию отвел, маленький ублюдок! Ворюга! И не смей больше даже приближаться к моему офису!

Клара так и застыла от ужаса, не в силах сдвинуться с места, а потом вдруг вспомнила один из вопросов, который ей задали на собеседовании: *Вы бы стали вмешиваться в драку?* Да, ответила она тогда, да, стала бы.

– Джулиан? Питер? ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Джулиан швырнул Питера на пол. Лицо у мальчишки было красным, как помидор. Впрочем, и у Джулиана оно тоже было почти багровым. Джулиана еще и трясло от ярости – таким Клара никогда еще его не видела. Она быстро глянула в сторону мастерской. Айвора видно не было, и она даже обрадовалась. Ведь если бы Айвор увидел, как Джулиан трясет Питера, то наверняка врезал бы уважаемому солиситору прямо в нос.

– Мне очень жаль, Клара, что до этого дошло, но, как у нас здесь все и предполагали, этим в итоге и должно было кончиться. У тебя уже есть одна одержимая беглянка, которая спит бог знает с каким проходимцем, а теперь еще и этот мерзавец на воровстве попался.

Спорить готов, он этим далеко не впервые занимается. Ты уж как-нибудь прибери к рукам своих монстров. Не то я сам с ними разберусь.

И как раз в тот момент, когда голос Джулиана взлетел особенно высоко в этой «выразительной диатрибе», как впоследствии в беседе с Анитой назвала Клара его резкую обвинительную речь в адрес воспитанников детского дома, мимо них «случайно» проследовали мистер и миссис Гаррард. Они направлялись на законную прогулку с Берти, и от них исходили радость и благополучие. Миссис Гаррард даже заставила себя ручкой им помахать.

– Мистер Уайт, вы ведь со мной согласны? – крикнула она оттуда. – Эти отщепенцы здесь совершенно ни к чему! Клэктон или Ипсвич были бы для них куда лучше.

– Ничего личного, – скрипучим голосом поддержал ее мистер Гаррард. – Такова реальность, доказанная временем: Лавенхэм для сиротских приютов не годится.

Берти лаял, не переставая.

Когда Кларе удалось вырвать Питера из рук Джулиана, буквально дымившегося от злости, она выгнала всех, кроме Питера, из кухни, а его заставила сесть и рявкнула:

– Вот теперь сиди здесь и слушай! – Хотя она и сама еще не знала, что собирается ему сказать, и больше всего ей хотелось позвонить Джуди. Или хотя бы в Совет. Или позвать Айвора. В общем – хоть с кем-нибудь посоветоваться. *Сочувствие, сострадание*, – напоминала она себе. Питер столько пережил. У него было такое трудное детство.

– Питер, – начала она, – почему же ты у меня бумаги не попросил?

– Не знаю, – пробормотал Питер.

Ну, а кто это знает, Питер? Кто, если не ты?

Мальчик опустил плечи, как-то скрючился и весь дрожал. А его лицо, такое милое веснушчатое лицо, было таким покорным и пристыженным, что Клара вспомнила стихотворение о фиалке, одно из самых своих любимых:

В лесу на зеленой полянке тенистой
Фиалочка синяя скромно цвела.
Поник ее стебель, головка повисла,

Хотела бы спрятаться, да не смогла.

– Я просто потрясена случившимся, Питер.

При чем здесь я и мои чувства; мне вообще не следовало об этом говорить, – думала Клара, но, похоже, никак не могла сдвинуться с этой темы. Она так ему доверяла. А чем он ей отплатил? Все в этой деревне считают, что воспитанники детского дома похожи на диких зверей, на хищников, и она столько раз их защищала и всегда прощала им любые проделки.

А теперь еще и эта кража. Пусть ерундовая, но ведь Питер, черт побери, своим безрассудным поступком попросту доказал, что эти деревенские снобы правы! А что касается Джулиана...

Нет, сейчас нужно сосредоточиться на Питере. Не на Джулиане и не на Гаррардах. Это трудно, но совершенно необходимо – она должна понять, где истоки такого поведения Питера. Увы, все ее попытки были тщетны; перед ней был словно некий бездонный колодезь отчаяния.

– Ты можешь мне просто сказать, *зачем* ты так поступил?

Питер только головой покачал.

И тут в комнату влетела Рита и сердито заявила с порога:

– Я всего лишь кошку хочу! Или кролика. Почему, почему мне нельзя?

Следом за ней ввалились Билли и Барри:

– Когда ланч?

– Позже! – рявкнула Клара. – А теперь все вон отсюда! Оставьте вы нас, ради бога, в покое!

Дети бросились за дверь, громко захлопнув ее за собой. *Какой милый, гостеприимный у нас дом*, – мельком подумала Клара и снова повернулась к Питеру:

– Нам придется непременно извиниться перед мистером Уайтом.

Питер молча пожал плечами, и этот его жест вызвал у Клары новую волну непреодолимого гнева. Неужели он думает, что ей так хочется сесть за стол и от его имени сочинить слезную мольбу, обращенную к ее жениху? Ей что, делать больше нечего?

– Как ты мог что-то *украсть!* *Украсть!* – Клара невольно повторяла и повторяла это слово, сама себе не веря. – *Украсть!* Да еще

буквально у меня под носом! Да еще у моего... друга! Нет, я просто не в силах понять, зачем тебе это понадобилось!

Жаркое сгорело. Праздничный ланч был испорчен. Рита даже заплакала, когда перед ней поставили тарелку с подгоревшей едой. Билли и Барри пробурчали что-то насчет того, что у Петерсонов их все-таки лучше кормили, и Клара замахнулась на них поварешкой. На сегодня с нее было достаточно, больше она была не намерена все это выслушивать. Пег и Алекс, повинувшись долгу, пилили обугленные куски жаркого и тщетно пытались их проглотить. Терри быстро смоталась в сад, к своим любимым грядкам; Кларе из окна было видно, как она поливает овощи и, возможно, молится, чтобы их постигла более счастливая судьба, чем пребывание под началом у Клары.

Позже на постели Питера под подушкой Клара обнаружила и немало других вещей. Джулиан был прав: сегодняшний случай был *далеко не первым*. Под подушкой нашлась даже зажигалка «Зиппо», принадлежавшая мисс Бриджес. Питер оказался вором. Обыкновенным вором. И это было куда хуже, чем она ожидала.

Что же еще он успел украсть? И зачем?

Как жаль, думала она, что нельзя обсудить все это с Айвором. Увы, Айвор ясно дал ей понять, что больше не станет играть для нее роль жилетки. Но в любом случае как-то наказать Питера придется, это она знала точно. Не бить, не пороть – это даже не обсуждается, это все в прошлом, да она на такое и не способна, – а, пожалуй, отнять у него какую-то любимую вещь или что-нибудь ему запретить.

– Ну, хорошо. Я не разрешаю тебе в следующий четверг поехать с ночевкой к твоему дяде, – объявила она.

Питер поднял глаза и расхохотался ей в лицо.

Дорогой мистер Уайт!

От всей души прошу простить меня за сегодняшнее вторжение. Прилагаю шиллинг, дабы возместить стоимость украденной бумаги, и очень сожалею, что причинил вам столько беспокойства. Если в моих силах как-то помочь восстановлению вашего душевного равновесия, то я готов сделать

что угодно. Пожалуйста, сообщите, могу ли я что-нибудь для вас сделать. Ибо я перед вами в долгу.

Всегда готов вам служить.

Искренне ваш,

Питер.

Глава двадцать восьмая

Ей всего и нужно-то было как бы невзначай забежать к нему вечером в субботу, заранее, разумеется, позаботившись о том, чтобы выглядеть сногсшибательно. Основной заботой Джулиана сейчас была грядущая вечеринка по случаю их помолвки.

Он хороший, – убеждала себя Клара. – *Его вполне можно назвать человеком Возрождения* (если бы, скажем, Леонардо да Винчи тоже волновала такая проблема, как палочки от сыра и то, куда их потом девать).

Джулиан, разумеется, извинился за то, что тогда не сумел сдержаться и вышел из себя, а Клара извинилась за то, что не сумела уследить за Питером. На этом они решили с данной проблемой покончить, и не только потому, что и сказать-то больше было нечего, но и потому, что согласия между ними по-прежнему не было, хотя Клара, пожалуй, не смогла бы сказать, с чем связано их несогласие. Во всяком случае, у них с Джулианом частенько возникали всякие «обмены любезностями» (выражение Джулиана), но эти маленькие ссоры обычно кончались поцелуями, щекотанием и так далее. Джулиан явно стремился господствовать в их союзе, но в плане развлечений и общения с разными людьми опыта у него было, безусловно, гораздо больше, так что Клара охотно уступала ему первенство. Почему бы и нет? Что сама-то она понимала в светских приемах? Тем более по случаю какого-то крупного события? Однако в случае необходимости она всегда могла настоять на своем. Когда она предложила пригласить на их вечеринку мисс Бриджес и мисс Купер (но только не мисс Харрингтон!), Джулиан рассмеялся и сказал: «Я думал, ты шутишь. Ты что, хочешь пригласить сотрудников опеки, чтобы они проинспектировали празднование нашей помолвки?»

И она сдалась. Хоть и понимала, что потом будет упрекать себя за то, что отступила; ей следовало сказать: *Они не только сотрудники опеки, но и мои друзья*, – но было уже слишком поздно, они уже определили максимальное количество гостей: восемьдесят человек.

Восемьдесят? Да у Клары за всю жизнь не набралось бы восьмидесяти знакомых!

Джулиану хотелось, чтобы к этому вечеру она купила себе какое-нибудь новое платье, но у нее не хватало купонов, чтобы приобрести что-нибудь действительно эффектное, да и времени рыскать по магазинам не было, и в итоге она решила надеть то же платье, что надевала на Новый год. Оно было далеко не новым, но любимым (и Майклу оно тоже очень нравилось). Она бы с удовольствием попросила кого-нибудь – ну, вообще-то она с удовольствием попросила бы Айвора – немного его подновить, привести в большее соответствие с торжественным событием, но обратиться к Айвору она точно не могла: слишком очевидным было его отношение к их помолвке.

А вот прическу свою Клара твердо решила привести в порядок, понимая, что Джулиан ее просто убьет, если она и этого не сделает. И еще она очень рассчитывала на свое прекрасное обручальное кольцо. Стоило ей его надеть, и она с легкостью могла вообразить, что уже находится на великосветском приеме.

* * *

В пятницу за ланчем Алекс передал Кларе конверт от руководства школы в Ипсвиче. Руки у него дрожали.

– По-моему, там мои результаты.

И Клара подумала: просто поверить трудно, что у мальчика хватило терпения дождаться, пока она сама вскрыет конверт! Ну до чего же он все-таки хороший! На всякий случай она заранее придумала, что сказать Алексу, если окажется, что он не прошел. Думать о том, что он все-таки прошел, она не осмеливалась.

Всем заинтересованным лицам.

Мы бы хотели предложить Алексу место в грамматической школе графства Ипсвич.

В результате тестирования Алекс набрал 484 балла из 500 возможных, получив самую высокую оценку по математике, а по английскому став четвертым. Его устный ответ был также достоин подражания.

В эту субботу у нас состоится торжественный вечер и вручение призов лучшим из наших нынешних учащихся. На этот вечер мы приглашаем также нескольких будущих наших учеников, которых мы уже зачислили в ряды «потенциальных победителей». Поскольку Алекс в этой группе занял первое место, мы были бы очень рады, если бы он смог к нам присоединиться. Список всего необходимого для начала школьных занятий мы вышлем в ближайшее время.

Примите наши искренние поздравления.

Д-р Б. Харви

*(бакалавр гуманитарных наук,
магистр гуманитарных наук,
доктор философии)*

Клара прижала письмо к груди. *У него все получилось!* Вот оно, реальное свидетельство того, что у нее в должности заведующей детским домом не все складывается так уж плачевно! Она передала письмо Алексу и спросила:

– Ну, и что ты сейчас чувствуешь?

Щеки Алекса горели ярким румянцем, и все же он недовольно покусывал губу.

– Я очень рад, вот только...

Клара с удивлением на него посмотрела.

– Что «вот только»?

– Вот только Терри не хочется расстраивать.

Клара обняла его и звонко чмокнула в щеку. *Ну до чего же он чувствительный, их маленький профессор!* Алекс растерянно на нее глянул и тут же стер ее поцелуй.

– Да не волнуйся ты насчет Терри. У Терри все хорошо. Все у нее в порядке. А ты так много работал, чтобы поступить туда, и вот результат.

– Ну, если у Терри все в порядке, то я от радости готов до луны прыгать! – И он вдруг завопил, боксируя невидимого врага, а потом исполнил тот смешной танец, который они и раньше исполняли с его лучшим другом Бернардом и из-за которого оба выглядели слегка чудаковато. Если бы Алекс вздумал изобразить нечто подобное в местной средней школе, подумала Клара, из него, скорее всего, сделали бы котлету. Впрочем, может быть, в грамматической школе графства Ипсвич к подобным вещам относятся более терпимо? Тогда Алекс там, возможно, даже популярным станет.

Айвор, выбравшись наружу, мыл внешнюю сторону окон в своей мастерской. С тех пор, как Клара сообщила ему, что выходит замуж за Джулиана, они отошли на прежние позиции антагонизма и посматривали друг на друга, точно враги через линию Мажино.

Но Клара все-таки к нему подошла – ей хотелось сообщить ему о блестящих успехах Алекса. Ведь именно Айвор всегда самым искренним образом соперничал ему. И потом, может быть, столь радостное известие послужит возврату к их прежним добрым отношениям? Они перестали разговаривать всего недели две назад, но Кларе казалось, что с тех пор прошло уже сто лет.

– Вот это да! – Айвор старательно выжал из губки грязную воду и так искренне улыбнулся Кларе, что она сразу поняла: она поступила совершенно правильно, и это так чудесно, что у нее есть человек, с которым она может разделить и радость, и горе.

– Просто удивительно, да?

– Это твоя заслуга, Клара.

Внутри у нее что-то радостно подпрыгнуло и перекувырнулось, но она сказала:

– Нет, это заслуга Алекса. – Ей было важно, чтобы Айвор знал: она скромна и не собирается присваивать себе чужих достижений.

– Значит, теперь вы с ним отправитесь на этот праздник с вручением призов для «потенциальных победителей»? – Это выражение Айвор явно находил смешным. – Если хочешь, я могу за остальными присмотреть.

– Понимаешь, я никак не могу с ним поехать! Ну, никак! Как раз в этот уик-энд...

Айвор был явно потрясен ее словами.

– Что бы там у тебя ни было, подвести Алекса ты никак не можешь!

– Видишь ли, мы, в общем-то, так и думали, что он, скорее всего, пройдет. Не такой уж это для нас сюрприз... – и Клара засмеялась. Но тут же умолкла, заметив, что Айвор нахмурился. Такой реакции она никак не ожидала. – И потом, нам на этой церемонии вовсе не обязательно присутствовать. – Она помахала письмом. – Посмотри, вот тут говорится...

– Но как же...

– Айвор, в эту субботу мы устраиваем вечеринку в честь нашей помолвки, – твердо сказала Клара. Ей казалось невероятным, чтобы Айвор мог об этом позабыть.

– Ах, вот в чем дело. – Он помолчал. – Да, конечно... Значит, и Алекс тоже должен будет там присутствовать?

– Ну, вообще-то нет. Его там не будет.

– Почему?

– Потому что мы с Джулианом решили, что вечеринка будет только для взрослых.

– Почему?

– Что «почему»?

– Почему ты не пригласила детей? Ты же знаешь, как им хотелось бы принять участие в твоём празднике. Им так приятно иной раз одеться понарядней и получить возможность попеть и потанцевать. Особенно девочкам, Рите и Пег.

– Я не пригласила детей, потому что этот праздник касается только Джулиана и меня. Я не могу вместе с ними *делать абсолютно все*. Но я непременно устрою для них праздник, и мы отметим успешное поступление Алекса. Но только *не в эту субботу*, а когда у меня будет время. С Алексом всегда можно договориться.

Айвор что-то пробормотал.

– Что ты сказал?

Сквозь стиснутые зубы Айвор выговорил:

– Это *именно тот случай*, когда нужно совершить определенное усилие. Алексу свойственно просить о малом – он мало и получает. Он такой нетребовательный, что его начинают игнорировать.

– Но ведь я же постоянно *совершаю усилия*, Айвор. Речь идет только об одном вечере. Об одном-единственном для меня самой. А

как обращаться с Алексом, я и сама прекрасно знаю; спасибо тебе большое за совет.

Кто, собственно, поставил Айвора здесь главным? Кларе он порой казался неким строгим ангелом у нее за правым плечом, который тут же вмешивался, стоило ей выбрать путь, который казался ему недостаточно святым.

Глава двадцать девятая

Утром того дня, когда должна была состояться вечеринка, Клара отвела младших в библиотеку, велела им поискать еще книжки про медведя Руперта, вернула библиотекаря книги по садоводству, которые Терри читать так и не стала, а затем она отвела Билли и Барри в хирургическую клинику на свидание с рыбками Билли и Барри-2. Рыбки были живы-здоровы – доктор Кардью отлично умел заботиться не только о людях, – и мальчики тут же принялись им что-то нашептывать, прижимаясь лицом к стеклянным стенкам аквариума. Даже Клара, глядя на это, вдруг ощутила приступ любви к золотым рыбкам. Возможно, это совсем неплохо – не иметь никакой памяти, размышляла она. Во всяком случае, в данный момент рыбки явно не чувствовали себя несчастными.

Близнецам она, впрочем, велела поторопиться: днем должна была приехать Джуди, и Клара собиралась вместе с ней пойти в салон «Прически от Берил», самую лучшую парикмахерскую Лавенхэма.

Однако Джуди не приехала ни в двенадцать, ни в час, и Клара начала беспокоиться. А в половине второго направилась к телефонной будке. Она была почти уверена, что либо раздадутся бесконечные долгие звонки, либо трубку снимет Артур, но ответила ей сама Джуди:

– Клара, я не приеду.

Клара тщетно пыталась скрыть охватившее ее разочарование – *отнесись к этому спокойно, вы же взрослые люди*. Но «отнестись спокойно» оказалось нелегко.

– Что случилось?

Ведь она-то помогала Джуди перед свадьбой: платье из парашютного шелка, букет, торт с картонными перегородками. Помогала, хотя ее собственное сердце было порвано в клочья.

– Жуткая мигрень, – прошептала Джуди, но Клара, державшая ушки на макушке, догадалась сразу.

– Вот как? Мигрень? А не... Артур?

Голос Джуди донесся как бы издалека.

– Ш-ш-ш. Я же говорила, что в этом отношении у меня все в порядке.

– Что-то у тебя в последнее время мигрени больно участились! – Это прозвучало резко, почти грубо, но Клара и хотела ответить резко. Она Джуди больше не верила. С чего это вдруг у нее сегодня разыгралась мигрень? Что он там с ней сделал на этот раз?

– Да, то и дело случаются. Прости, Клара, мне очень жаль.

Клара невольно смягчилась. Голос Джуди звучал так печально. Может, у нее действительно мигрень? Может, и правда Артур переменился, как и говорила Джуди? Все-таки раньше она никогда Кларе не лгала.

– Но мне так хотелось, Джуди, чтобы сегодня ты была со мной!

И Клара вспомнила о другой своей помолвке. Они праздновали ее все вместе – она, Джуди, Майкл и его эскадрилья. Это был ноябрь 1944-го. Они забирались на уличные столбы, они что-то орали, они вели себя, как мальчишки, эти триумфаторы-иностранцы, они даже в Темзу собирались прыгнуть, и Клара с Джуди с трудом упросили их этого не делать. Тогда они отыскивали какие-то лодки, сделанные в форме уток, сели на весла и стали кататься по пруду. Господи, сколько же они тогда смеялись...

Я люблю тебя, помни об этом, что бы ни случилось.

Неужели Майкл действительно это сказал? *Что бы ни случилось?* Словно знал.

Сосредоточься, сосредоточься на Джулиане. На том, что скоро ты станешь миссис Уайт. На том, что твоя жизнь тогда станет значительно легче.

– У вас и без меня получится замечательная, веселая вечеринка. – Это Джуди сказала каким-то совсем уж задуманным голосом.

* * *

Повинуясь внезапному порыву, Клара обратилась к Аните Кардью и попросила ее сходить с ней в парикмахерский салон. Как ни странно, Анита сразу согласилась, и Клара тут же задумалась: уж не совершила ли она ошибку? Они с Анитой *действительно* почти подружились, но это были совсем не те *естественные и спокойные* отношения, какие с давних пор существовали у нее с Джуди, когда они предугадывали

чуть ли не каждое слово друг друга, а некоторые их излюбленные выражения заставляли обеих буквально плакать от смеха.

К двум часам дня Анита и Клара уже сидели рядышком в салоне и листали модные журналы. Клара была решительно настроена как можно скорее подружиться с Анитой, продемонстрировав себя с наилучшей стороны. Ведь только сейчас, когда они впервые пошли куда-то вместе, ей стало вдруг ясно, что вообще-то они, можно сказать, едва знакомы.

Анита презрительно морщилась, разглядывая в журналах карандашные рисунки различных причесок.

– Вот скажи, ты, например, могла бы *так* уложить волосы? – спросила она, ткнув пальцем в какую-то особенно безобразную укладку.

– А я как раз на сей счет и размышляю, – бодро откликнулась Клара и представила себе выражение лица Джулиана, если она заявится на вечеринку с обесцвеченными на голливудский манер волосами. Он, помнится, разнервничался, даже когда она всего лишь приколола брошку не на ту сторону пальто.

– Ты бы тогда стала похожа на эту ужасную миссис Гаррард! – хихикнула Анита. Поскольку раньше они никогда не делились своими чувствами относительно «ужасной миссис Гаррард», Клара обрадовалась: хорошо, что хоть это их явно объединяет.

У парикмахерши Берил одна сигарета торчала изо рта, а вторая, запасная, была заткнута за ухо. Ее собственная прическа тоже не внушала ни вдохновения, ни доверия – казалось, ее волосы живут отдельно от нее, собственной жизнью; с другой стороны, как говорится, нищим выбирать не приходится; особенно если речь идет о сельской парикмахерской.

– Ты никогда не рассказывала мне о том, как пережила войну, Клара, – вдруг задумчиво промолвила Анита, глядя, как Берил собирает свои расчески и кисти, то и дело роняя пепел на ковер.

– Да особенно и рассказывать-то не о чем. – Клара понятия не имела, что довелось пережить самой Аните в том концлагере, но она видела немало документальных репортажей – их обычно показывали в кинотеатре перед началом художественного фильма – и понимала, что слово «ад» применительно к концлагерям преувеличением не было. – Я почти все время жила в Лондоне и работала в фирме «Харрис и

сыновья» и... вот, собственно, и все. – Если бы она сейчас стала рассказывать о Майкле, то наверняка заплакала бы, а ведь сегодня предполагалась вечеринка в честь их с Джулианом помолвки, так что...

– А во время блица ты была в Лондоне?

– Да.

– И твоя мать тоже?

Дети в Грейндже тоже иногда спрашивали ее о матери, но взрослым это редко приходило в голову. Большинство людей после войны стали похожи на плотно закупоренные банки и понимали, что остальные испытывают столь же мало желания обнажать свое нутро. Ни о чем не спрашивай, ничего не рассказывай.

– Нет. Мои родители были миссионерами. В Африке, – ровным, безжизненным тоном сказала Клара.

– А ты с ними не поехала?

– Не поехала.

– Они сами тебя здесь оставили?

– Да.

Сейчас Анита отнюдь не проявляла своей обычной бескомпромиссности. Очевидно, когда ей хотелось что-то узнать, она применяла иной метод: мягко отвинчивала крышку на очередной «закупоренной банке» и нюхала ее содержимое.

– Они тебя бросили?

– Нет. Ну, в общем, почти что. Да, пожалуй, все-таки бросили.

И Кларе вдруг показалось, что из нее выкачали весь воздух и теперь ей нечем дышать. Но ей давно уже *необходимо было* сказать эти слова. Ей *необходимо было* отпустить эту боль. Кстати, и Берил уже направилась к ним, держа в руках поднос с бигуди.

– Это была *его* идея – туда уехать, – быстро сказала Клара. – А потом моя бедная мама там заболела и умерла. И, как мне говорили, умирала она медленно и мучительно.

Анита ласково накрыла рукой ее дрожащие пальцы.

– Значит, и ты хорошо знаешь, что такое страдания.

Угощение готовила миссис Уэсли и постаралась на славу. Еды на столе было столько, что скатерти видно не было – всевозможные сыры, ветчина на косточке, пышные роллы с колбасой, хлебный пудинг, рассыпчатое печенье с ломтиками персиков. На это ушла изрядная сумма отложенных Джулианом наличных. Давно уже Клара не видела столь богато накрытого стола, у нее даже слюнки потекли при виде этих кушаний, однако она слишком сильно нервничала, чтобы хоть что-нибудь съесть, да и нарушать красивое убранство ей не хотелось. Даже ее старое зеленое платье казалось ей сейчас чересчур эффектным, чересчур лондонским. Хорошо, думала она, что я не стала покупать ничего нового. Тщательно уложенные в парикмахерской волосы выглядели какими-то неестественно застывшими, мертвыми, и она решила, что ни за что больше не пойдет к этой Берил! После посещения парикмахерской уши у нее до сих пор горели после горячей сушки, и ей казалось, что они так и пылают алым цветом, хотя Терри и заверила ее, что уши у нее такие же, как всегда – розовые.

Робинсон и Брауни уже прибыли. Вместе с женами, разумеется, – и Клара немедленно преисполнилась сочувствия к жене Брауни. Двенадцатилетний сынишка Робинсона в галстук-бабочке ходил по залу с блюдом сэндвичей с кресс-салатом, предлагая их гостям, и те милостиво ему улыбались. Клара вдруг почувствовала себя виноватой: если *этому* мальчику можно здесь находиться, то почему же *ее* детям этого нельзя? Им бы тоже следовало быть в числе приглашенных.

Только она хорошо знала, что на это сказал бы Джулиан: «*Это ведь не твои дети, не так ли?*»

Среди гостей было также несколько высокопоставленных клиентов Джулиана, которыми он любил похвастаться на публике: лорды, депутаты парламента, инженеры, бизнесмены. Прибыли и те, о ком Джулиан любил посплетничать с Кларой: коллекционер картин, знаменитый карточный игрок, пара гомосексуалов, актеры. Бродя по залу, Клара слышала обрывки бесед; говорили об охоте, о том, кто что продает, а кто так и не оправился «от случившегося» – имелась в виду война. Они не говорили этого прямо; слово «война» вообще не произносилось; популярна была фраза «мир так и не стал прежним».

Итак, ее собственных гостей среди этих людей не было: ни детей, ни Джуди, ни мисс Бриджес, ни Айвора. *Зато*, правда, была Анита, которая, несмотря на все «усилия» Берил, выглядела ослепительно, а

также доктор Кардью, и та милая дама, заведующая почтой, имя которой Клара никак не могла запомнить (какой позор!). То есть это были все-таки гости *не только* Джулиана.

Джулиан, обняв ее за талию – на людях он почему-то вел себя куда более экспансивно, чем наедине с ней, – шепнул ей на ушко: «Не стой на месте. Ты должна *циркулировать*».

– Вы меня помните? – спросил, подойдя к ней, какой-то хрупкий человечек. Клара сказала, что помнит, и его лицо осветилось радостью. Лестер Бернс! Она бы с удовольствием с ним побеседовала – его хрупкость прямо-таки очаровывала ее, он чем-то напоминал ей Питера, – но рядом с ней тут же опять появился Джулиан и потащил ее дальше, чтобы представить каким-то своим друзьям.

– А вот и будущая миссис Уайт!

– С такими бедрами только рожать и рожать, – одобрительно заметил один из них якобы на ухо другому, но так, что все вокруг это слышали. *Такое ощущение, словно эти люди меня глухой считают!* – возмутилась Клара. Да нет, *им просто наплевать*, слышала она это хамское замечание или нет; она для них нечто абсолютно несущественное.

Клара взяла с подноса еще один бокал. «Надо циркулировать». Она подмигнула Джулиану и, остановившись возле буфета, стала размышлять о том, как мало здесь людей, которые ее знают, и как мало тех, кого знает она. Некоторые пары танцевали; какая-то весьма светского вида особа пыталась уговорить Джулиана потанцевать с ней румбу. Он не соглашался. Вот уж что Клара знала о нем точно: его вряд ли можно было соблазнить хорошеньким личиком или глубоким декольте. Миссис Гаррард, заметив Клару, удивленно приподняла бровь и что-то шепнула мужу, от которого не отходила ни на шаг. Волосы у нее были высветлены настолько, что казались седыми. Интересно, подумала вдруг Клара, а это тоже продукт деятельности Берил? Мистер Гаррард придирчиво выбирал сигару из тех, что предлагались гостям. Клару не покидало ощущение, что эта вечеринка устроена не для нее, а для гостей Джулиана. Например, для этих Гаррардов.

А еще Кларе явно не хватало ее детей. Что это с ней такое? Она ведь всегда раньше любила повеселиться, закатиться куда-нибудь вечерком. А теперь ей доставляли удовольствие неторопливые

приготовления детей ко сну, привычные поцелуи пухлых детских губ, подтыкание одеяла, носки, вывешенные в ряд на батарее, резиновые уточки в ванне, разметавшиеся по подушке волосы. Она, может, и не разбиралась в охоте или ценах на недвижимость, зато знала все слова из песенки «Ты мое солнышко».

Сэр Маннингс, расцеловав Клару в обе щеки, провозгласил, что она потрясающая красавица, и заявил, что, если бы она была лошадью, он непременно написал бы ее портрет, сделав ее бессмертной. Клара рассмеялась.

– Только ты ведь не любишь современное искусство, верно, старушка?

– Я совершенно не разбираюсь ни в каком искусстве.

– Эх, если б я был лет на пятьдесят моложе, я бы непременно научил тебя всему, что необходимо знать и о лошадях, и о живописи!

– Не уверена, что мне так уж необходимо все это знать.

И тут сэр Маннингс, перекрывая громкую музыку, объявил на весь зал:

– Он тебя не достоин!

Подобное заявление, пожалуй, было несколько неуместным на праздновании помолвки, но сэр Маннингс ничуть не смутился, и Клара даже подумала: *Уж не пьян ли он?*

– Джулиан – хороший человек, – с некоторым напряжением возразила она. – Возможно, мы с ним действительно очень разные, но, по-моему, можем вместе составить замечательную команду.

– Джулиан гроша ломаного ни за кого не даст, для него существует только он сам, любимый, а на остальных ему плевать, – холодно промолвил сэр Маннингс и прибавил: – А теперь я, пожалуй, домой пойду. Сделаю несколько набросков, пару жеребят нарисую.

Когда Джулиан в следующий раз ее отыскал, Клара сказала:

– Мне нужно вернуться домой. – Она, правда, обещала сестре Грейс вернуться в одиннадцать, но у нее что-то совсем разболелась голова – и от бесконечного «циркулирования», и от слов, сказанных сэром Маннингсом. Слова были недобрые. И несправедливые.

– Да куда твои дети не денутся, все там будет в порядке. – Клара только сейчас осознала, что Джулиан, оказывается, изрядно пьян. Он грубым собственническим жестом обхватил ее за талию и

закружил в танце, и она была вынуждена подчиниться, заметив, что люди – в частности, Гаррарды – на них смотрят.

– Ты прямо как та старушка, что жила в башмаке и просто не знала, что ей делать со своими многочисленными детьми-пальчиками... – Он и раньше часто вспоминал эту детскую сказочку, и Клара кивнула: пусть говорит, что хочет. – Это же наш с тобой праздник! – упрекнул ее Джулиан, она и с этим согласилась:

– Да, конечно, я знаю.

Хотя это был совсем не ее праздник; это был праздник Джулиана, а она была для него всего лишь аксессуаром и далеко не самым блестящим.

– Ты выходишь за меня замуж, моя дорогая. Тебе больше не нужно так беспокоиться об этих детях.

– Мы же договорились, Джулиан. Пожалуйста, не начинай все снова.

– Этот твой Питер...

– Я знаю, что ты его не любишь.

– А что там любить? Да и все они просто маленькие дикари, грязные, сопливые и отвратительные.

Клара даже рассмеялась от растерянности, не сразу сообразив, что Джулиан говорит совершенно серьезно.

– Они совсем не такие, Джулиан! Они очень милые маленькие существа, просто им нелегко пришлось. Жизнь их всех ужасно побила. Просто трудно поверить, какие тяжкие испытания выпали на их долю.

И перед глазами у нее вдруг предстали, точно некое лоскутное одеяло, истории из отчетов о ее детях, об их семьях, об умерших или пропавших родителях, о насилии, об их вечной неуверенности; очень редко у них в жизни появлялся человек, который хотя бы изредка их целовал. Но куда чаще – и это было куда тяжелее – такого человека у них не было.

– Почему ты, кстати сказать, так невероятно к ним привязалась?

– Любой к ним привязался бы, если бы проводил с ними много времени.

– Я бы, например, никогда к ним не привязался. Грязные мальчишки и девчонки. Да их всех следовало бы пустить в расход. Горевать по ним точно никто не стал бы. – И Джулиан изобразил, будто стреляет из ружья: прицеливается и нажимает на спусковой

крючок... – Я бы, например, с удовольствием это сделал, если бы ты захотела.

Глава тридцатая

На следующий день Джулиан перед ней извинился и преподнес букет примул. Он, казалось, вообще не был способен сказать «извини» без букета цветов. Кларе он объяснил, что ни черта не помнит о вчерашнем вечере, начиная часов с девяти. Должно быть, съел что-то не то. А после полуночи и вовсе старался далеко от уборной не отходить.

Ну и прекрасно, – со злорадством подумала Клара, – пусть это послужит тебе уроком.

– Неужели я действительно вел себя так ужасно?

– Да, Джулиан, действительно.

Они сидели на веранде «Рейлуэй Армз», и полуденное солнце так приятно пригревало, что Клара даже подол юбки приподняла, позволяя солнечным лучам сквозь тонкие чулки добраться до ее ног. Бандит улегся с ней рядом, уютно привалившись к ее бедру. Сегодня она явно предпочитала общество Бандита, и Джулиан это понял.

И вдруг схватил ее за руку, словно опасаясь, что она может встать и уйти. И все крутил обручальное кольцо у нее на пальце, и все заглядывал ей в глаза, неловко вытягивая шею и наклоняясь то вправо, то влево. Клара никак не могла понять, то ли он в самом деле раскаивается, то ли просто делает вид. Впрочем, этот новый, *раскаивающийся*, Джулиан ей нравился. В кои-то веки она отчетливо чувствовала собственную власть над ним.

– Наверное, я слишком много пью, – сокрушенно заметил он.

В данный момент он тоже пил – виски, – но Клара решила, что невежливо было бы указать ему на это.

– Неужели ты думаешь, что все дело в том, что ты многовато выпил?

– Я вообще собираюсь с выпивкой завязывать. Тебе ведь это, наверное, пришлось бы по вкусу?

А Клара думала: переменится ли жестокое отношение Джулиана к ее детям, если он «завяжет с выпивкой»? Вряд ли. Она, во всяком случае, сильно сомневалась. Он, может, толком и не помнит, что вчера ей наговорил, но *она-то*, к несчастью, помнит о вчерашнем вечере все, начиная с разговора с сэром Маннингсом, который сказал, что

Джулиану на всех плевать, и до той дикой злобы, что вспыхнула в глазах Джулиана, когда он заговорил о Питере. Ее отец наверняка сказал бы, что Джулиан «одержим дьяволом».

– И потом, этот Совет слишком многого от тебя требует. На тебя одну взвалили слишком много забот.

Джулиан пытался приписать ей роль мученицы, считая, видимо, что ей не очень-то и нравится быть воспитательницей в детском доме. Он так и не понял, как сильно она переменилась с тех пор, как впервые встретила с ним в саду; тогда она была готова вот-вот сломаться и вся дрожала от нервного напряжения и страха. Но теперь она стала совсем другой. Она обрела опору. И эта работа *отнюдь не была ей в тягость*. Это был самый минимум того, что она еще могла бы здесь сделать.

– Насчет выпивки ты хорошо придумал, Джулиан, – сказала Клара, возобновляя разговор. – Вот только вчера, будучи пьяным, ты высказал несколько поистине отвратительных вещей, и я хотела бы знать: ты сказал бы то же самое, если бы был трезв?

– Абсолютно, – не задумываясь, ответил он.

– Что-о?

– Абсолютно *нет*. – Он подавил смешок. – Ну, Клара, ну, ты же меня знаешь. Я стараюсь быть хорошим, но мне это не всегда удается. – Он погладил ее пальцы, но кольцо оставил в покое. – Когда ты все время будешь рядом со мной, я сразу стану лучше. Я вполне способен перемениться.

– Тогда учти: я приглашу на свадьбу и мисс Бриджес, и мисс Купер, и сестру Грейс и, возможно, даже миссис Харрингтон, – бросила пробный камень Клара. *Почему бы и нет?* – И всех моих детей, разумеется, даже если кое-кого из них к этому времени в Грейндже уже не будет. И работу я свою не брошу. Во всяком случае, пока не буду к этому готова. И тебе придется это принять. И решение свое я не изменю.

– Договорились! – Джулиан, похоже, испытывал облегчение. – Значит, рвать со мной отношения ты не собираешься?

– Боже мой, нет!

– Тогда не могли бы мы... – Теперь голос Джулиана звучал почти по-детски просительно. – Не могли бы мы назначить день свадьбы,

скажем, на декабрь? Я просто хочу, чтобы ты наконец стала моей женой, дорогая.

– На декабрь этого года?

Он молча кивнул, нервничая, как ребенок.

– Почему бы и нет? Не вижу особых препятствий.

Так на так. Клара хорошо научилась с ним обращаться. Словно она и впрямь могла бы разорвать с ним отношения из-за этой ссоры. Да и то, что он стремился сыграть свадьбу раньше, а не позже, тоже было ей на руку. Ибо у нее было нехорошее предчувствие: еще немного, и они оба струсят.

* * *

– Как вел себя Алекс вчера вечером? – спросила она у Питера, который с помощью тряпки и швабры драил пол.

– Отлично.

– Он не обижался, что мы с ним не поехали на школьный праздник?

– Нет, он всех нас заставил слушать, как он зачитывает нам статью из энциклопедии о хищном ящере – *Тираннозавре рексе*.

– Вот здорово! Повезло вам!

И они дружно расхохотались. Порой в обществе Питера было очень приятно находиться – но только если ему самому этого хотелось. Он чудесный мальчик, но лучшие свои качества прячет глубоко внутри, думала Клара. А пока что он, подражая движениям сельских танцоров, выписывал своей шваброй восьмерки на полу вокруг Клары.

– А после лекции о древних ящерах что все делали? – спросила она.

– В прятки играли, – презрительно усмехнулся Питер. – Билли и Барри – вот дураки – под стол залезли, и ноги у них оттуда на километр торчали. Зато Пег спряталась просто отлично – за шкафом...

Клара обожала подобные истории. Как жаль, что они с Питером редко болтают вот так, запросто. Но, может быть, после столкновения с Джулианом Питер тоже несколько переменился, начал понемногу взрослеть? Возможно, ему всего лишь требовалось понять, что каждый поступок имеет свои последствия?

– Неужели она все еще способна там уместиться? – удивилась Клара. Пег на редкость хорошо умела прятаться. И буквально исчезала из виду, когда играла в прятки или в жмурки. Кларе казалось, что это просто дар какой-то.

– Ну, почти... Ее сто лет искали. Рита даже заплакала – решила, что больше мы Пег никогда не увидим.

– Могу себе представить. Ну а ты? Ты тоже с ними играл, Питер?

Питер промолчал. И голову повесил. И снова потянулся с тряпкой к ведру. Хотя, на взгляд Клары, пол после его уборки ничуть чище не стал.

– Между прочим, ты мог бы добиться куда лучших результатов, если бы всерьез занялся учебой. И Анита тебе с удовольствием помогла бы.

Доктор Кардью говорил ей, что занятия с детьми весьма благотворно сказались на состоянии Аниты. Но Питер по-прежнему молчал, еще ниже склонив голову, а потом и вовсе потащился прочь, и ведро с грязной водой било его по ногам.

Ну, вот и все. Никакого особого прорыва в наших отношениях не получилось, – разочарованно думала Клара.

Но, возможно, в кои-то веки слова Клары оказали на Питера некое воздействие, потому как уже на следующий день она заметила, что после школы он вместе со всеми играет в саду в крикет. Хотя крикет и оказался для воспитанников Грейнджа совершенно незнакомой игрой, они быстро все схватывали, учась буквально на лету, а лужайка вскоре и вовсе обрела такой вид, словно в крикет там играют уже много лет подряд.

Но поразило Клару то, что Питер *смеялся*. В последнее время он этого в ее присутствии вообще почти не делал. Как и в присутствии Айвора или мисс Бриджес. Тут же умолкал и закрывался в своей раковине, как устрица.

Сейчас была его очередь отбивать мяч. Дети пользовались обыкновенным теннисным мячом, а калитки складывали из трех длинных палок и одной короткой, положенной в качестве горизонтали. Пес Бандит, ворвавшись в сад, тут же дважды описал каждую калитку, вызвав всеобщее веселье. В этой игре боулером был лучший друг Алекса, Бернанд; он выполнял подачи. Терри была защитником. Билли,

Барри и двое их школьных приятелей, братья, жившие над булочной, а также дочка заведующей почтой ждали своей очереди или время от времени исполняли роль полевых игроков. Рита и Пег в игре не участвовали и, похоже, как всегда, торчали в садовом сарае.

Алекс, который даже гордился тем, что в спорте «никуда не годится», а в живописи и музыке «ни бельмеса не смыслит», подошел к Кларе и, указывая на Питера, только что запулившего мяч в поднебесье, с восхищением сказал:

– Правда, Питер здорово играет?

– Правда. А почему бы и тебе с ними не поиграть, Алекс?

– Но я же *играю*, – удивился он. – У меня одна из самых важных позиций!

Ага, догадалась Клара, его сделали аутфилдером, то есть поставили в самой дальней от калитки части поля, где его сны наяву на исход игры практически повлиять не могут.

А игра продолжалась. Бернارد оказался отличным боулером, но и Питер играл превосходно, ловко отбивая мячи. А потом вдруг послал мяч по красивой дуге прямо в их сторону. Если бы на месте Алекса был более умелый филдер, он успел бы этот мяч отбить, но Алекс растерялся, и мяч, пролетев мимо него, угодил Кларе в ключицу. Она вскрикнула – скорее от неожиданности, чем от боли, – и вдруг заметила, что на лице Питера написана *чистейшая ненависть*. От неожиданности Клара так растерялась, что у нее даже слезы выступили на глазах, и она схватилась за горло рукой, стараясь не показать юным игрокам, насколько она смущена и огорчена.

Билли и Барри тут же бросились к ней.

– Питер, кретин! – завопил Билли.

Алекс, внимательно глядя на нее – так энтомолог изучает некий новый экземпляр мухи, – спросил:

– Мисс Ньютон, вам ведь, наверное, медицинская помощь нужна?

– ПИТЕР!

– Питер не виноват, – простонала Клара. – Я сама виновата, надо было быть внимательнее.

– Может, мне все-таки сбегать за доктором Кардью? – снова предложил Алекс. – Он меня отлично от запоров избавил.

– Нет, нет, никуда бежать не нужно. У меня уже все в порядке. – *Ох, как бы заставить их прекратить эту суету вокруг меня!*

Питер, впрочем, даже с места не сошел. Даже не пошевелился. Несколько минут он смотрел прямо на Клару, потом покачал головой, словно его одолевали ужасные мысли, и выбежал за ворота на улицу, приминая траву своими ботинками. Трава тут же снова пружинисто выпрямилась, и Клара, словно очнувшись, крикнула вслед:

– Куда ты, Питер? Пожалуйста, не уходи! Мне, честное слово, совсем не больно!

Он даже не обернулся.

Через некоторое время дети продолжили игру, и Клара тоже к ним присоединилась, но получалось у нее плохо. Ее терзала мысль о том, куда ушел Питер. Нельзя же допустить, чтобы у нее пропали уже *двое* детей!

Питер вернулся только к ланчу, но до конца дня явно избегал Клару и не желал с ней разговаривать. Не сказал ей ни слова ни за ланчем, ни за чаем. *И ведь это не я в него мяч метнула. Это он нарочно отбил его в мою сторону*, – думала она. – *И к тому же я все-таки понимаю, что это несчастный случай...*

Когда Клара за столом попросила Питера передать ей соль, он сделал вид, что не слышит, и в итоге Барри заорал ему прямо в ухо: «Она просит тебя передать ей соль, дубина!»

И Питер протянул ей солонку, но с таким видом, словно ему хотелось и солонкой этой в нее швырнуть.

* * *

– Питер всегда был странным, – сказала мисс Бриджес. Она весь уик-энд что-то пекла и сейчас, бросив горстку имбирного печенья на тарелку, вздохнула с облегчением: – Ну вот, остатки нам к чаю.

– Вам так кажется? – удивилась Клара. – Странно, ведь у него единственного сохранился контакт с кем-то из родственников, и можно было бы предположить, что ему следовало бы проявить больше жизнерадостности.

– Иной раз такие малозначащие контакты с родственниками воспринимаются детьми весьма болезненно. Как некое напоминание о счастливой жизни с родителями. Как то, что ты потерял. Как то, чего ты так и не получил...

Мисс Бриджес задумалась, макая печенье в чай, и Клара тоже молчала и тоже макала печенье, злорадно думая, что Джулиана подобные манеры привели бы в ужас. *Печенье существует не для того, чтобы его пить, Клара!*

– Вы лучше расскажите мне о вечеринке. Я слышала, что вы с Джулианом допоздна танцевали и пили – прямо второе празднование победы в Европе.

– Кто вам это сказал?

– Да все.

Все – это мистер Хортон, инспектор, и мистер Соммерсби, глава опеки. Клара не помнила даже, видела ли их на вечеринке, но с другой стороны там было столько незнакомых ей седовласых мужчин в строгих костюмах...

– Да, мы отлично повеселились, – сказала она, думая о том, что была бы счастлива никогда больше об этой вечеринке не вспоминать.

* * *

Отношения с Питером не давали ей покоя, и сдаваться она отнюдь не собиралась. Ей хотелось любым доступным способом все наладить еще до свадьбы, но если это окажется невозможно, то хотя бы до начала следующего учебного года. У нее оставалось не так уж много времени, чтобы привести мальчика в порядок: скоро ему исполнится шестнадцать, и он покинет Сиротский дом, сразу оказавшись лицом к лицу с огромным жестоким миром.

Большую часть времени Питер торчал у себя в спальне, и Клара даже толком не знала, чем он там занимается, но старательно таскала ему целые рулоны бумаги для рисования, надеясь, что он все-таки именно рисует.

Когда он смотрел на нее, выражение его лица оставалось по-прежнему холодным.

– Ты перестань беспокоиться, Питер, насчет того, что сделал мне больно. Я к таким мелочам... – Как она собиралась назвать себя? Нечувствительной? Несокрушимой? Улыбка чуть изогнула уголки его губ. – Совершенно невосприимчива. И потом, игра есть игра. Тем

более крикет! – Улыбка Питера моментально сменилась хмурой гримасой.

Он взял принесенную Кларой бумагу, и она, не сдержавшись, язвительно заметила:

– *Спасибо!*

Он немного подумал, потом согласно кивнул, и у нее не хватило духу пояснить, что она его вовсе не благодарит, а просто «ловко» подсказывает, что это он должен был поблагодарить ее.

Глава тридцать первая

Алексу давно хотелось сходить в лондонский Музей естественной истории, и Клара чувствовала, что должна хотя бы этим возместить ему то, что тогда из-за нее они пропустили праздник в его новой школе. Остальные дети, возможно, тоже с удовольствием поехали бы, но Клара решила, что пора – и пора уже давным-давно! – Алексу получить хоть что-то только для себя одного.

У потенциальных усыновителей Алекс, похоже, интереса никогда не вызывал, и Клара в итоге догадалась, по какой причине. Одно дело сирота, но совсем другое – брошенный ребенок при живом отцепьянице; с таким никому дела иметь не захочется: вдруг этот папаша вновь возникнет в жизни мальчика неизвестно откуда?

Джуди выразила желание пойти в музей вместе с ними – если, конечно, они не против, – и сказала, что в этот день у них в школе как раз спортивный праздник, а она, человек абсолютно неспортивный, для таких праздников никак не годится. Конечно же, они были не против и договорились встретиться у входа на станцию метро «Саут-Кенсингтон», где какой-то человек играл на аккордеоне. Алекс купил там себе первую в жизни горсть жареных каштанов и вынес приговор:

– У жареных каштанов запах гораздо лучше, чем вкус!

– Как и у многого другого на свете! – подхватила с улыбкой Джуди, внезапно появившаяся прямо перед ними.

Клара заметила, что, несмотря на улыбку и яркую помаду, Джуди выглядит страшно усталой и какой-то нездоровой; на каждой щеке у нее красовалось целое созвездие то ли каких-то пятен, то ли синяков. А может, дело было в дурацком хлопчатобумажном шарфе, которым она замотала шею до самого подбородка, что делало ее похожей на немолодую, до предела замученную бытом домохозяйку. Однако обняв их обоих, она воскликнула:

– До чего же я рада вас видеть! Я просто минутки считала!

– И до каких вы досчитали? – спросил Алекс.

– До восемнадцати тысяч четырехсот семидесяти шести, – тут же выпалила в ответ Джуди и взяла его за руку, словно лет ему было раза в два меньше, и, с изумлением качая головой, посмотрела на Клару.

Ну что ж, решила про себя Клара, если Джуди говорит, что теперь у них все гораздо лучше, то, возможно, так оно и есть. И не стоит ей копаться в чужих проблемах. У нее самой проблем более чем достаточно – и мнимых, и вполне реальных, которые еще предстоит как-то решать.

В просторном вестибюле Музея естественной истории центральное место занимали четыре слона. Бедняжки, вдруг подумала Клара, выставлены здесь навечно, и каждый может сколько угодно пялить на них глаза и тыкать в них указками. Ей вдруг стало так грустно, что даже плакать захотелось.

– А они настоящие? – спросила она и тут же пожалела о своем вопросе, потому что Джуди и Алекс разом вытаращили от удивления глаза и уставились на нее, похожие на некий комедийный дуэт из мюзик-холла.

Затем они полюбовались костями динозавра (кости настоящие, Клара!), вулканами (а это всего лишь модели, ясно, Клара?) и множеством насекомых в стеклянных ящичках (насекомые тоже были вполне настоящие). Джуди и Алекс переходили от экспоната к экспонату, и Джуди все время что-то объясняла мальчику, а потом задавала ему вопросы, как бы проверяя, все ли он понял. *Как же здорово это у нее получается*, – восхищалась про себя Клара. *И откуда только она набралась этих энциклопедических знаний?*

Джуди, словно в ответ на ее мысли, постучала ногтем по какой-то маленькой табличке, прикрепленной под одним из ящичков с насекомыми, и тихо сказала:

– Тут, между прочим, все написано. – Но ведь рассказывала-то она куда более подробно и так интересно, такими простыми понятными словами, что не только Алекс, но и Клара слушали, развесив уши.

Джуди сказала, что перед самой войной экспонаты этого музея безопасности ради вывезли из Лондона и рассредоточили по всей стране.

– Я знала, что так у нас поступали с детьми, – сказала Клара, – но понятия не имела, что с неодушевленными предметами обошлись еще бережней.

– Их размещали даже по сельским домам, даже в одной из шахт Южного Уэльса; и, разумеется, у одних пристанище было лучше, у других – хуже.

– А мне нравилось то место, куда меня эвакуировали, – сказал вдруг Алекс.

– Ты его помнишь? – удивилась Клара. Ведь тогда Алексу было, наверное, года три или четыре. Разве в таком возрасте можно что-то запомнить? Но, с другой стороны, зачем тогда говорить, что помнишь?

– Этот мальчик все про себя помнит и понимает, – сказала Джуди, когда они с Кларой добрались до конца секции бабочек.

– Да, он у нас умненький, настоящий всезнайка! – с гордостью подтвердила Клара.

* * *

Алексу хотелось непременно посмотреть временную экспозицию пауков. Он вообще хотел разом впитать, вобрать в себя *буквально все на свете*, но Клара часа через три поняла, что с нее довольно; она устала и от этого здания, где слишком сильно топили, и от этих разнообразных существ с вытаращенными глазами и когтистыми конечностями, и вообще от чрезмерной интенсивности впечатлений. Она чувствовала, что мозг ее перегружен, и предложила Джуди выйти на воздух и перекусить сэндвичами, а Алекс, если хочет, может продолжить свои исследования, а ланч она прибережет ему на обратную дорогу. Джуди, похоже, разрывалась между ними.

– Идем, Джуд, – настаивала Клара, – это ведь и для нас тоже возможность на свободе побыть.

– Идите-идите! – Алекс уже с энтузиазмом предвкушал самостоятельный осмотр музея.

– Присоединяйся к нам, когда закончишь осмотр! – крикнула ему вслед Джуди, но Алекс ее уже не слышал: он галопом мчался вверх по лестнице навстречу большой фотографии тарантула и надписи под ней, возвещавшей: ПАУКООБРАЗНЫЕ.

И одного этого слова было достаточно, чтобы Алекс полностью забыл о еде, – подумала Клара. – *Жаль только, что сэндвичи у меня всего лишь с кресс-салатом.* Выходя с Джулианом «в свет» или обедая у него дома, она всегда ела гораздо лучше, чем в Грейндже. И все же сегодня она постаралась и припасла на десерт кекс.

– Ну, как поживают твои мигрени? – Клара столько раз давала себе слово, что не задаст подруге этого вопроса, и все же не сдержалась: она была обижена, ведь Джуди так ее подвела, не приехав на вечеринку по случаю помолвки!

– Сейчас все хорошо.

– Тебе бы надо провериться, с врачом посоветоваться.

Джуди согласно покивала, словно давая понять, что совершенно не собирается ни проверяться, ни с кем-либо советовать.

– А с Артуром у вас все нормально? – Клара чувствовала, что нынешнее состояние Джулии имеет к Артуру самое непосредственное отношение.

Джуди ответила так раздраженно, словно Клара со своими вопросами бесконечно ей надоела.

– Да все у нас нормально! Он сейчас хорошо себя чувствует. – И, прежде чем Клара успела еще что-то спросить, она задала ей встречный вопрос: – А как у тебя дела с твоим женихом?

– Отлично.

В поезде, когда они ехали домой, Алекс не умолкал ни на минуту, рассказывая о всяких удивительных вещах, которые видел в музее; его одинаково волновали ящерицы, пауки и динозавры. И Клара вдруг поймала себя на мысли, что устроила эту поездку не только для Алекса, но и для того, чтобы сделать некий намек Айвору. Может, это нехорошо или неправильно? Однако она не смогла отказать себе в удовольствии, когда Алекс, как и следовало ожидать, потащил ее к Айвору, чтобы первым делом рассказать ему о поездке в Лондон.

– Мисс Ньютон специально повезла меня в Лондон, чтобы показать мне динозавров! – крикнул Алекс, врываясь в его мастерскую.

Айвор был занят: шил занавески или что-то в этом роде, сосредоточенно глядя на шов своими темными глазами. Во рту у него были булавки, которые он поспешно вынул, но Клара все равно слегка вздрогнула и поморщилась. Она вдруг представила себе, что целует его и чувствует болезненный укол булавки. Она даже собственные губы невольно потрогала.

– Вот как? Клара вообще о вас очень заботится, – сказал Айвор и посмотрел на Клару, чуть приподняв брови. Это, конечно, было

никаким не извинением, хотя она очень надеялась, что он извинится, но это явно была похвала, признание ее заслуг, и она испытала огромное – и, возможно, совершенно не соответствующее реальной действительности, – облегчение: значит, они все-таки по-прежнему друзья!

Глава тридцать вторая

На следующий день Клара вошла в кухню из сада, где развешивала и прикрепляла прищепками выстиранное белье, и обнаружила, что все дети с очень серьезными лицами окружили Риту. Среди них был даже Питер. Пег тут же сунула свою ручонку в руку Клары и скорбно округлила глаза. Ситуацию пояснил как всегда Алекс:

– Рите она все-таки не досталась!

Клара не сразу сообразила, чего именно Рите не досталось. *Господи, что же она на этот раз пропустила в жизни детей?* Впрочем, Алекс тут же пришел ей на помощь:

– Она хотела играть роль Майской Королевы. А ее не выбрали. У них сегодня было классное собрание, и эта роль досталась другой девчонке.

Ах да, Майская Королева! Рита давно по этому поводу переживала. И разные прически себе делала, приговаривая: *Когда я буду Майской Королевой, я буду править всеми и всех заставлю класть зубные щетки на место, и все будут носить желтое, и я никого никогда не буду заставлять есть сыр!*

Клара этим ее переживаниям как-то не придавала особого значения, но видеть, как горько Рита плачет, было тяжело. Она опустилась возле девочки на колени.

– Ничего страшного, дорогая. Никому не удастся выиграть все призы на свете. – *Хотя, если честно,* – думала она, – *детям из «Шиллинг Грейндж» никогда, похоже, никаких призов не достается!*

– Но ей и никакой другой роли тоже не дали!

Клара выпрямилась.

– А какие там еще были роли?

Алекс, разумеется, был обо всем осведомлен лучше всех.

– Ну, там было еще много всяких ролей: например принцессы-наследницы или фрейлины.

– А меня назначили просто «девушкой из толпы». – Рита сунула в рот кончик косы и пожевала его, а Клара вспомнила, что сегодня утром девочка как-то особенно тщательно причесывалась, приговаривая, что будет «красивее всех в классе». Глядя на нее, Клара с трудом подавила

искушение сказать: «Не жуй косу», а еще: «Добро пожаловать в реальный мир, дорогая».

– Мисс Ньютон, мне так хотелось стать Майской Королевой, – снова заныла Рита. – Ну, почему, почему это всегда случается именно со мной?

– Ну, и кого же в итоге назначили Майской Королевой?

– Бетси Хэншоуи! – Это имя Рита буквально выплюнула.

– Бетси Хэншоуи? Это ее родителям принадлежит продовольственный магазин возле железнодорожной станции?

– Да.

– А кто будет играть принцессу-наследницу?

– Милли Литтл.

– Это дочка мясника?

– Да! До чего же я их всех ненавижу! – взорвалась Рита и снова горько заплакала.

Она проплакала почти весь вечер и плакала почти так же горько, как в тот злосчастный день «имени мышки Молли», которую Клара тогда по незнанию выстирала. Увы, на этот раз рядом не оказалось Морин, которая сумела бы Риту утешить. А когда Клара за чаем заговорила о том, что все они одна семья и вместе преодолеют любые трудности, Рита чуть не захлебнулась в рыданиях.

– Вы ведь знаете, что такое единство?

– Как в команде «Манчестер Юнайтед»? – спросил Билли. – Вот ведь БРЕД!

– Единство означает, что мы все делаем вместе. Вместе работаем, вместе друг о друге заботимся. А сегодня это особенно важно для Риты, – прибавила Клара, – в самый черный для нее час.

Всем очень понравились эти торжественные слова, а Барри тут же весьма похоже изобразил Черчилля. Алекс, разумеется, притащил свою энциклопедию, чтобы процитировать его знаменитую речь. Даже Терри прониклась сочувствием к Рите, сбегала в сад и принесла несколько собственноручно выращенных ею слив. И Клара сказала, что она очень горда тем, как ее дети умеют сопротивляться обстоятельствам и ни в коем случае не унывать.

– Сопротивляться обстоятельствам? – переспросил Барри.

– Это означает, что даже если тебя другие все время сбивают с ног, ты все равно поднимаешься им назло, – пояснил Алекс.

– А может, было бы лучше, если бы другие перестали сбивать тебя с ног? – спросила Терри.

– Да, – согласилась с ней Клара, – это, конечно, было бы лучше.

А Рита все продолжала плакать. Если бы конкурс на звание Майской Королевы был основан на умении лить слезы, она бы намного опередила всех прочих претенденток.

– Я так хотела нарядное платье надеть!

– Я знаю, милая.

Пора было ложиться спать, и Клара прилегла рядом с Ритой, но утешать ее почти не пыталась. Простыни все время сбивались, одеяло было колючим, и Клара тосковала по своей кровати с уютным красным стеганным одеялом.

– Ну, скажи, детка, что я могу для тебя сделать? – спросила она.

– Я бы сразу повеселела, если бы у меня был кролик, – тут же заявила Рита и угрожающим тоном прибавила: – Только настоящий! Или собачка. Ведь наших рыбок ты отдала-а... – и слезы полились снова.

Клара не стала напоминать ей, что целых три дня она и не замечала, что рыбок в Грейндже больше нет. Сейчас это было ни к чему.

А Рита вдруг сказала, сжимая ее руку:

– Я ведь думала, что если буду Майской Королевой, то в газетах напечатают мою фотографию, и мама увидит ее и придет за мной.

– Бедная ты моя детка! – *Господи, да она ведь все еще верит, что такое возможно!* Клара прижала к себе девочку и немного ее побаюкала. Рита была такая маленькая, худенькая, и какое же тяжкое горе на нее свалилось. Но все же когда-нибудь ей придется с этим смириться.

– Ничего, вот на будущий год... – начала было Клара, но ее слова лишь вызвали у Риты новый приступ рыданий. Когда тебе десять, вполне может показаться, что до будущего года еще, по крайней мере, лет сто. И Кларе, конечно, следовало бы это знать.

На следующий день Клара пошла в школу. На игровой площадке было полно детей, которые носились как сумасшедшие, предвкушая каникулярную свободу. Кларе было страшно неловко предъявлять школе какие-то обвинения, однако она не смогла придумать ничего

иного, чтобы заступиться за Риту. Секретарша в приемной директора нервно порозовела, увидев Клару, и без возражений ее пропустила, объяснив, где найти классную руководительницу, мисс Фишер. Клара брела по коридорам, с каждым шагом теряя уверенность в себе. С мисс Фишер она еще ни разу не встречалась, но знала, что Рита особой неприязни к ней не выказывает.

Ритин класс был самым заурядным, только почему-то показался Кларе темноватым. На доске мелом было написано: Я БУДУ СЛУШАТЬСЯ МОЕГО УЧИТЕЛЯ. МОЙ УЧИТЕЛЬ ЗНАЕТ ЛУЧШЕ. От этих изречений веяло какой-то старомодностью, что *особых* надежд не вселяло, но ведь внешнее впечатление могло оказаться и обманчивым.

Мисс Фишер носила очки с маленькими овальными стеклами и белую блузку в викторианском стиле, которая, вполне возможно, и впрямь сохранилась с тех времен – блузка выглядела почти такой же старой, как и сама мисс Фишер. Появление Клары, видимо, вызвало у нее сильнейшее потрясение, она даже подпрыгнула, причем довольно легко, оторвав обе ноги от пола, а потом, сложив руки на груди, спросила:

– У вас назначена встреча со мной?

– Детям из «Шиллинг Грейндж» за свою недолгую жизнь уже довелось пережить немало тяжелых испытаний, – сказала Клара, сразу решив взять быка за рога, и, как только со вступительной частью было покончено, объяснила, что ей нужно всего пять минут драгоценного времени мисс Фишер. Слова на доске «мой учитель знает лучше» сбивали ее с толку, и она подумала: а может, так и задумано?

Мисс Фишер прищурилась. На шее у нее под самым горлом поблескивал маленький серебряный крестик.

– Вы что же, просите, чтобы *отдельным* детям оказывались особые предпочтения? Если да, то это совершенно неприемлемо.

Клара вспыхнула и смешалась, но воспоминания о горько плачущей Рите, убитой постигшей ее неудачей, словно прибавили ей сил.

– Я вовсе не требую для своих детей каких-либо исключений, но мне хотелось бы знать: неужели ни один ребенок из «Шиллинг Грейндж» не был достоин хотя бы маленькой роли в праздничном представлении?

Мисс Фишер взяла в руки шест с крючком и принялась деловито закрывать длинные узкие фрамуги. Она делала это весьма ловко и оказалась гораздо сильнее, чем можно было предположить по ее виду. И это ее занятие страшно мешало Кларе. Она не могла продолжать наступление, ибо опасалась, как бы мисс Фишер не треснула ее своим шестом по голове или не ткнула крючком в живот. Клара легко могла себе представить, что могли бы натворить, скажем, Билли и Барри, если бы им удалось до такого шеста добраться.

– Роли Майской Королевы и ее фрейлин – это для девочек всегда лакомый кусок, – объяснила мисс Фишер, когда все фрамуги оказались закрыты. Теперь в классе больше не были слышны пронзительные вопли, доносившиеся с игровой площадки. – Они должны заслужить подобное вознаграждение. Никому из них роль не достается просто так. Но, к сожалению, никто из воспитанников «Шиллинг Грейндж» роли в этом спектакле не заслужил.

– И что же следует сделать, чтобы ее заслужить?

– Разве это не очевидно? – Мисс Фишер принялась складывать тетради в стопку, и Кларе страшно захотелось одним ударом эту стопку разрушить.

– Нет.

– Все дети, получившие роли в этом действе, принадлежат к семьям, которые постоянно тем или иным способом нам помогают.

Дочка бакалейщика. Дочка мясника... Клара в замешательстве уставилась на мисс Фишер.

– Помогают?

– Вот именно.

– То есть вы хотите сказать... что и мы должны вам *помочь*?

– Я этого не говорила! – Мисс Фишер возмущенно вздернула брови, и очки соскользнули ей на кончик носа.

– Но тогда... что же вы имели в виду, сказав, что они вам «постоянно помогают»?

– Мясо, книги, сахар? Сейчас ведь у всех... – мисс Фишер взяла губку и старательно, много раз отрепетированными круговыми движениями стерла написанные на доске слова, – ...трудные времена.

Хо-хо, так вот в чем, оказывается, дело! Бедная Рита, – подумала Клара и тут же вспомнила об Айворе. Вот он, ответ. Айвор. И его подарок ей на Рождество.

– Я бы тоже могла кое-что принести... например, занавески... или... стеганое одеяло?

– Ну, это уж на будущий год, – сказала мисс Фишер, однако тон у нее значительно потеплел, словно Клара под конец ей все-таки понравилась. – Мне, кстати, нравятся зеленые и синие оттенки. Но никаких набивных рисунков и никаких клеток. Ну что ж, спасибо вам за визит и до свидания.

Клара все еще пребывала под впечатлением от этого разговора, когда пересказывала его содержание Айвору, сидя у него в мастерской. Он предложил ей выпить с ним чаю, и она, разумеется, это предложение приняла, испытывая невероятное облегчение от того, что отношения у них вроде бы снова наладились. Рита и Пег занимались с Анитой музыкой в садовом сарае. Терри возилась в своем огорожке: она теперь со дня на день ожидала урожай ревеня и спаржи. Билли и Барри где-то носились. Питер лентяйничал, валяясь на кровати. Алекс что-то читал про неандертальцев – это было его последнее увлечение.

– Значит, чтобы моей девочке дали роль Майской Королевы или хотя бы кого-то из ее свиты, мне нужно для начала дать учительнице взятку? Нет, тебе когда-нибудь доводилось слышать нечто подобное? – возмущалась Клара.

– Боюсь, что и не раз. Таковы все маленькие города, и тебе, Клара, конечно, трудно... Возьми, пожалуйста, кусочек торта, а остальное потом заберешь для детей. Для меня тут все равно слишком много.

Шоколадный торт был большой, пышный, политый шоколадной глазурью – при одном взгляде на него текли слюнки; своим видом этот торт словно бросал вызов всем препонам карточного времени.

– И где ты только такой торт ухитрился *достать*?

Он поднял брови.

– Ну как же! Миссис Харрингтон.

Значит, миссис Харрингтон, по воле мужа бросившая работу в органах опеки, по-прежнему поддерживает некую связь с Айвором?

– Такого я не ожидала. – Айвор с абсолютно равнодушным видом промолчал, и Клара быстренько вернулась к прежней теме: – Ты же не против, правда? Не против, что я предложила сшитые тобой занавески в качестве жертвы богам Майской Королевы?

– Нисколько. – Он еще помолчал, потом осторожно спросил: – Скажи, а как Рита отнеслась к тому, что стать Майской Королевой ей удастся еще только через год?

– Пожалуй, нормально. Хотя нет... Но, в общем, как будто ничего... – Клара рассеянно, буквально по крошке клевала свой кусок торта. У нее вдруг словно кончились все силы. – Ей ведь все равно придется потерпеть и подождать. Слушай, Айвор, не мог бы ты сшить ей какое-нибудь симпатичное платьице из моего старого? Может, это ее хоть немного подбодрит.

– Отличная мысль.

Клара уже собиралась к себе, в Грейндж, вместе с тарелкой, на которой высился почти целый торт, когда Айвор вдруг остановил ее, сказав: «Клара!» каким-то совершенно незнакомым голосом.

– Да-а?

– Извини, что в последнее время я... что у нас с тобой... как-то не ладилось.

Такое половинчатое извинение от Айвора стоило трех полноценных извинений от любого другого.

– Дело в том, что я никогда с Джулианом не ладил.

– Я догадалась, – улыбнулась Клара. Значит, теперь все действительно будет хорошо.

– И я бы с радостью тебя благословил...

– Нет никакой необхо...

– ...но делать этого не стану. Нет, не стану! Я по-прежнему уверен, что он тебе не подходит. Это не тот человек, который тебе нужен, Клара.

– А кто же мне, по-твоему, подходит? За кого мне стоит выходить замуж? Скажи, Айвор.

Но он ничего не сказал. Он тогда попробовал ее оскорбить, но из этого ничего не получилось. Словно из-за его слов она могла переменить свое решение! Вот и теперь он молчал. Встал, неловко накрыл крышкой опустевшую коробку из-под торта, принесенного ему в дар миссис Харрингтон, и ушел в заднюю часть мастерской – работать.

Ну и ладно! Значит, в воздухе все еще пахнет грозой.

Сиротский дом «Шиллинг Грейндж»

ОТЧЕТ № 8

Пег Черч

Дата рождения:

Днем рождения Пег считается 1 апреля, именно в этот день ее подкинули на крыльцо церкви в Бостоне, Линкольншир, вложив в сверток всего лишь морскую раковину. И больше никто ничего о ней не знает.

Это случилось в 1942 году, Пег было тогда примерно полгода, так что сейчас ей, наверное, лет семь или восемь.

Происхождение:

На внутренней стороне раковины кто-то написал: «Пожалуйста, позаботьтесь о моей драгоценной Пег».

Здоровье/внешность:

У Пег мышинового цвета волосы и карие глаза. Ей очень нравятся косы. Сейчас она ждет, чтобы у нее выросли новые передние зубы. Одного солнечного луча, кажется, достаточно, чтобы Пег вся стала золотисто-коричневой, как орех. Волосы у нее моментально выгорают, так что она превращается почти в блондинку.

Пег не говорит. Совсем. Нам всем кажется, что дело тут не в медицине. Скорее всего ее неспособность – или нежелание? – говорить носит эмоциональный характер.

Еда:

Ест она мало. Грызет потихоньку, как мышка. А вот варенье и джемы она очень любит. Джем на хлебе. Бисквит с вареньем. С вареньем она съест, наверное, что угодно. А вот бульон из мясной пасты «Боврил» Пег просто ненавидит.

Хобби/интересы

Пег обожает танцевать, прыгать через скакалку и слушать, как Рита играет на фортепиано. Еще она любит играть в классики и в резиночку.

Другое:

Пег любит, взяв меня за руку, гулять по окрестным полям. А еще она любит строить из снега иглу. И, конечно, обожает свою морскую раковину.

Глава тридцать третья

Стоял чудесный летний день; солнце поднялось уже высоко, и его лучи пробивались даже сквозь густую листву деревьев. Клара и Пег выбрали новый путь для прогулки – сперва по деревенской грунтовой дороге, а потом через поля. Пег собирала хорошенькие камешки, карабкалась через калитки и ласково улыбалась Кларе, что бы та ни сказала. Она вообще была отличным компаньоном. А у Клары не выходил из головы ее вчерашний разговор с Айвором. *Вот дурак*, – думала она. Интересно, что же он хотел от нее услышать о Джулиане, ее будущем муже? Он же должен понимать, кому ей полагается хранить верность! Но где-то в глубине души она была способна думать только о нем, об Айворе... и каждый раз при этом испытывала глупое желание – то самое, которое часто у нее возникало, когда она была с ним: ни о чем не говорить, а крепко его обнять и просто быть...

Они гуляли уже довольно давно, когда Пег вдруг потянула Клару за руку и куда-то указала. Оказалось, что впереди мистер Гаррард со своей собакой. Клара невольно застонала и замедлила шаг. Пег захихикала. Но мистер Гаррард явно их поджидал и был намерен дожждаться.

– Господи, ему-то что от нас нужно? – сердито пробормотала Клара. Нет, надо было пойти прежним путем! Еще не хватало – с Гаррардами на прогулке встречаться!

– Здравствуйте, дамы! – приветливо поздоровался мистер Гаррард и даже шляпу приподнял, словно он и его жена ни разу за последние полгода не посмотрели на Клару с глумливой усмешкой. Костюм на нем был фантастически неподходящим для летней прогулки: под пиджаком был еще и жилет, а из кармашка жилета выглядывали часы, отражая солнечный свет таким ярким пучком, что Клара на мгновение ослепла. – Как приятно видеть вас совершающими моцион!

– Добрый день, мистер Гаррард, – весело откликнулась Клара, уже зная, что будет дальше. Она, черт побери, знала это отлично!

– Ну а ты, малышка, что молчишь? – спросил мистер Гаррард. – Неужели ты со мной так и не здороваешься?

– Ее зовут Пег, – сказала Клара и почувствовала, что Пег еще крепче стиснула ее руку.

– Здравствуй, Пег.

Пег таким мечтательным взглядом уставилась на кучу деревьев невдалеке, словно хотела превратиться в одно из них или раствориться в их зеленой листве.

– А телят ты видела? – прочирикал мистер Гаррард. – Такие хорошенькие!

Клара, которой никогда не приходило в голову считать коров красивыми, сказала, что телят они, наверное, пропустили. А мистер Гаррард все смотрел на Пег, и она словно съеживалась под его взглядом, становясь совсем крошечной.

– Ну, что же ты молчишь? Язык проглотила? Или его кошка съела?

– Пег сегодня ни с кем не разговаривает, – сказала Клара. У нее не было ни малейшего желания что-либо ему объяснять. Да и с какой стати? И с какой стати Пег что-то должна о себе рассказывать первому встречному?

Берти скакал вокруг них в лихорадочном возбуждении, и дальше они потащились уже втроем, причем держались совсем близко друг от друга, и Клара тщетно пыталась придумать, как бы им отвязаться от мистера Гаррарда.

– Возможно, люди с большей добротой относились бы к детям из Грейнджа, – заметил он, – если бы те хоть немного умели себя вести.

– Пег прекрасно умеет себя вести! – сердито возразила Клара и подумала: может, сказать ему, что это его пес ведет себя совершенно невоспитанно? Берти и впрямь был чересчур взвинчен, и у Клары из какого-то уголка памяти всплыло чье-то упоминание о том, что телята и собаки – комбинация не слишком удачная. Впрочем, решила она, мистер Гаррард ведь местный, так что, наверное, в его присутствии они могут чувствовать себя в безопасности.

– Ну, это я так, между прочим.

– Просто *в данный момент* Пег нечего сказать. – Клара нарочно подчеркнула это «в данный момент», словно в любой другой момент Пег запросто могла бы разразиться шекспировским монологом.

И тут случилось нечто совсем уж странное: именно *в данный момент* впервые за все то время, что Клара знала Пег, девочка заговорила, а точнее, начала издавать такие звуки, каких Клара в жизни

не слышала – то ли визг, то ли хрип, то ли стон, то ли вой. В общем, это было нечто ужасное.

– Что с тобой, Пег? – перепугалась Клара.

Лицо Пег окаменело от ужаса. Ее рот сам собой то открывался, то закрывался, а потом она вдруг выдохнула: «Ко-о-вы!»

О Господи! Коровы!

И буквально через пару секунд оказалось, что сзади они уже наполовину окружены коровами. Коровы наступали, их, должно быть, взбудоражил Берти. Их было много, и они топотали, словно подкованные лошади. Кларе этот топот показался похожим на далекие, но грозные раскаты грома. На сотни громовых раскатов. И выглядели эти коровы огромными, абсолютно несокрушимыми и явно разгневанными! Клара прикинула расстояние до ближайшей калитки, а потом – расстояние до коров. *Вообще-то можно и успеть!* То есть она и мистер Гаррард наверняка успели бы, а вот Пег... Где ей – с такими-то маленькими ножками.

– Бего-ом! – И Клара сорвалась с места, подхватив Пег на руки. Обычно эта малышка казалась ей легкой как перышко, но сегодня дополнительный вес ей придавали заботливо собранные «хорошенькие камешки», которые дождем сыпались у нее из карманов. Но Клара все же успела затолкать Пег за калитку. Она ни за что не позволит каким-то коровам затоптать их насмерть! Только не сегодня! Земля дрожала от топота коровьих копыт. Но Пег была уже в безопасности. Берти тоже успел перепрыгнуть через забор и бешено лаял. Проклятая собака! Клара была уверена, что и мистер Гаррард от них не отстал, однако уже через секунду поняла, что он ни на дюйм не сдвинулся с того места, откуда они начали свой бег. Так и стоял посреди поля, раскинув в стороны руки, точно воронье пугало; шляпу у него с головы сдуло ветром, растрепанные волосы выглядели крайне непривлекательно. Сейчас он и впрямь походил на пугало, вот только испугать никого не мог.

– Мистер Гаррард! – крикнула Клара. – Ваш пес здесь! Бегите скорей сюда!

И все-таки ей пришлось за ним вернуться. А что было делать? Решение она приняла мгновенно, но двигалась очень осторожно, стараясь почти не дышать. Потом сразу схватила мистера Гаррарда за рукав и, пятясь, потянула за собой. Сперва она еле переступала ногами

и очень старалась не поворачиваться к коровам спиной, а потом, оценив оставшееся расстояние, велела Гаррарду бежать.

На нее наводили ужас эти гигантские морды, эти тучи мух, жуткий топот копыт. Вдвоем они перемахнули через калитку и, совершенно бездыханные, рухнули на землю. Теперь уже все были в безопасности. И Клара хихикнула, вспоминая один пикантный момент, упоминать о котором, конечно, не стала: когда мистер Гаррард лез через забор, ей пришлось подталкивать его в зад, чтобы он лез быстрее.

Но больше всего Клару потрясло то, что она *услышала от Пег*.

– Пег, ты же сегодня заговорила! Ты сказала «коровы»!

Пег только головой покачала. Она то ли смеялась, то ли плакала.

– Да нет, ты точно заговорила! Ведь заговорила же, да? Какая же ты умница! Ведь это ты нас об опасности предупредила!

Пег прильнула к Кларе, уютно устроив голову в ямке у нее на плече, и тихо постанывала.

– Ну-ну, теперь уже все хорошо. – Клара ласково похлопала ее по спинке. История, конечно, вышла просто ужасная, зато вызвала бурный приток энергии.

Мистер Гаррард сидел на земле, вытянув перед собой ноги в виде буквы «V», и был похож на младенца, едва научившегося ходить. Словно не веря в собственное спасение, он все тряс и тряс головой. Его пиджак и даже жилет были перепачканы грязью и мокрой травой.

– А где же мои часы? – Он похлопал по кармашку на жилете, но там было пусто. Часы, должно быть, выпали во время их бегства от коров и остались лежать в грязи вместе со слетевшей с него шляпой. – Слава богу, что вы рядом оказались! – Он все еще тяжело дышал. Лицо у него побагровело, на носовом платке виднелись кровавые пятна.

– Вы, значит, рады, что я оказалась рядом, а не в Ипсвиче или Клэктоне? – не удержалась Клара.

Мистер Гаррард рассмеялся, закашлялся и вынужден был снова перевести дыхание, прежде чем сумел выговорить:

– Очень, очень рад!

Глава тридцать четвертая

Алекс рассказал Кларе, что у них в начальной школе по случаю празднования Майского Дня установят майский шест, а также, возможно, будут устроены танцы, но никаких соревнований по бегу с чайными чашками и – что гораздо важнее, – не будет никаких аттракционов с призами в виде золотых рыбок.

– Хотя рыбки – это, конечно, только для малышни, – строго сказал он. Иногда Алекс напоминал ей рассудительного мужчину лет пятидесяти. Своего пятидесятилетнего мужчину Клара, кстати, уже просила непременно прийти на этот праздник, и он даже согласился. Но в последнюю минуту его пригласили поохотиться на лис в Норфолке, а от возможности поохотиться Джулиан никогда и ни за что бы не отказался.

– Ты ведь не станешь возражать, дорогая? Хотя я, конечно, сделаю так, как ты захочешь. – И он напомнил Кларе, что в следующий уик-энд они собирались поехать в какой-то сногшибательный отель. Против поездки на охоту Клара, разумеется, возражала – точнее, не знала, как ей поступить. Она понимала, что Джулиан относится к детскому празднику с отвращением и, вполне возможно, все испортит своими остроумными, но жестокими замечаниями. С другой стороны, ей хотелось, чтобы они проводили вместе как можно больше времени, и понимала, что ей это *просто необходимо*, иначе они просто начнут ускользать друг от друга, уплывать в разные стороны и вскоре забудут, что некогда планировали для себя чудесное будущее. Да, все это она прекрасно сознавала, как сознавала и то, что Джулиан живет в пяти минутах ходьбы от нее и *на самом деле* они могли бы видеться гораздо чаще, а в том, что они видятся не так уж и часто, не виновата ни война, ни ссора. Таков их собственный выбор.

Майская ярмарка в общественном календаре Лавенхэма считалась весьма значимым событием. Большинство детей были принаряжены, да и некоторые родители надели свои воскресные костюмы и платья. Как и обещал Кларе Алекс, на площади установили майский шест, а вокруг расположились прилавки с освежительными напитками и закусками, там можно было отведать бейкуэлльских сладких пирожков с клубничным вареньем и выпить апельсинового и лимонного соков,

что оказалось особенно приятно, ведь позавтракать Клара не успела. Были также устроены различные состязания – с молотками, мячами, шарами и тому подобным – но они Клару не особенно привлекали. Она лишь обратила внимание, что в качестве призов там, к счастью, не предлагают никаких живых существ, которых можно было бы выиграть и забрать домой. Не было там, слава богу, и никаких газетчиков вроде Мориса Селби, и никто не шнырял в кустах с фотоаппаратом.

Айвор, как всегда, отличился: сшил для Риты совершенно сногшибательное платье – желтое, с ярким цветочным кантом, оборками и кушаком, который завязывался сзади в великолепный бант. Рита была в восторге. На ярмарке она сразу же куда-то улепетнула, хотя время от времени Клара все же видела то тут, то там промельк ее желтого платья цвета весенних нарциссов. Клара прогуливалась с Алексом, который как раз объяснял ей: «А вы знаете, что «m'aidez» по-французски означает «помогите мне»?», когда прямо перед собой увидела нечто совершенно нежелательное: возле стойки с аттракционом «Угадай, сколько конфет в этом кувшине?» торчали мистер и миссис Гаррард и явно ее поджидали. Мистер Гаррард, правда, предпочитал изучать носки собственных ботинок, стараясь не встречаться взглядом с Кларой, а вот миссис Гаррард, обычно подчеркнута не замечавшая Клару, даже приветливо помахала ей рукой, приглашая к ним подойти. Если Клара и надеялась, что их внимание связано с тем, что мистер Гаррард рассказал жене об их столкновении в поле со стадом коров, то вскоре стало ясно, что ничего он ей не рассказывал, и миссис Гаррард настроена, как всегда, весьма враждебно.

– А мы ведь готовим цветы к вашей свадьбе, мисс Ньютон.

– Видимо, да. – Клара старалась не вспоминать, как туго натянулись штаны мистера Гаррарда на его толстом заду, когда он завис на ограде, спасаясь от коров.

– А вы удобно устроились и даже ножки под стол спрятали – пусть другие обо всем позаботятся, да?

Под какой еще стол?

Миссис Гаррард сердито ткнула своего супруга локтем в бок, и тот, быстро глянув на Клару, пожал плечами и повернулся к жене:

– Да, дорогая?

– Ну, давай, скажи ей!

Слава богу, особого энтузиазма мистер Гаррард не проявил (хотя, пожалуй, мог бы все-таки учесть, что именно Клара тогда СПАСЛА ЕМУ ЖИЗНЬ).

– Видите ли, хм-м, нам все-таки кажется, что Ипсвич...

– Или Клэктон куда более подходящее место для детского дома. Я ЗНАЮ! – рявкнула Клара. *Ну до чего все-таки противные, наглые люди!*

Отвернувшись от Гаррардов, она заметила возле стойки с дартс миссис Харрингтон – возможно, та практиковалась в умении пускать стрелы Купидона в Айвора, – и поспешила свернуть в сторону, чтобы, не дай бог, с ней встретиться. Только миссис Харрингтон ей сегодня и не хватало! Алекс тем временем вступил в спор с организатором лотереи.

– Но если число непременно должно заканчиваться пятеркой или нулем, то это несправедливо!

Пег шныряла в толпе. Терри, прищурившись, изучала прилавки со сладостями. Клара помахала ей, но Терри даже руку в ответ не подняла.

Вскоре Клара увидела и Айвора, но подойти не успела: к нему тут же ринулась миссис Харрингтон, хотя сам Айвор явно был от этого не в восторге. Зато миссис Харрингтон прямо-таки сияла от радости. До Клары донесся обрывок их разговора. «Мне вам еще ваше блюдо нужно вернуть», – сказал Айвор, а миссис Харрингтон, захлопав руками, как курица крыльями, удивилась: «Как? Неужели вы, Айвор, уже все съели? Ну, ничего. Там, откуда это к вам попало, еще кое-что имеется».

У Клары возникло ощущение, словно навстречу ей бесконечным потоком движутся именно те люди, которых нужно избегать. Детей она уже совсем потеряла из вида – хотя в этом, конечно же, ничего страшного не было, ибо территория майской ярмарки была ограничена пределами школьной игровой площадки.

Вокруг одного из шатров собралась небольшая толпа; там явно происходило нечто необычное; оттуда доносился какой-то скрип или визг, а потом Клара заметила, как из шатра выбежали раскрасневшиеся Билли и Барри и помчались прочь, сдавленно хихикая. Она бросилась вдогонку, нагнала их и, чувствуя недоброе, схватила Билли за плечо.

– Что вы там натворили?

– Ничего! – бодро ответил Билли.

– Так ей и надо! – буркнул Барри.

– Что? Кому так и надо?

И они, давась от смеха, стали рассказывать, но Клара так и не могла ничего понять, пока Билли, все же сумевший овладеть собой, не объяснил внятно и кратко:

– Майская Королева и две ее принцессы сели на шоколадный торт.

– Что? Нет! Как это?

– У них все сзади было в креме и шоколадной глазури! Крем так и хлюпал, а эти дуры ревели, потому что их замечательные платья были напрочь перепачканы!

– Как же туда торт попал? Откуда он только взялся?

Мальчики переглянулись и дружно подняли руки ладошками вверх, демонстрируя свою полную непричастность к этому событию.

– Понятия не имеем!

И хотя ничего смешного в случившемся как раз не было, Билли тут же принялся выкрикивать, подражая Черчиллю:

– Мы сражаемся с ними на поле битвы! Мы сражаемся с ними на улицах наших городов! Мы сражаемся как *единая* семья, мисс Ньютон!

Он явно рассчитывал произвести на Клару впечатление, однако она рассердилась:

– Это не имеет никакого отношения к тому, что мы единая семья! Вы же их... просто унизили! Унизили совсем маленьких девочек – да еще в такой праздник!

Клара с тем же успехом могла бы упрекнуть мальчишек в том, что они незаконно вторглись на территорию Польши. Наверное, даже тогда они выглядели бы не столь изумленными.

– Но мы же ничего такого не сделали! – запротестовал Барри, настолько возмущенный, что даже рот потом забыл закрыть.

– Эта Бетси сколько лет над нашей Ритой издевалась! – подхватил Билли.

– Вот-вот! Эта Бетси Хэншоуи просто ужас какая противная! Я, например, даже рад, что с ней так получилось.

Клара увидела, что к ним уже направляется директриса школы вместе со своей секретаршей, похожей на жабу.

– Мальчики, стойте. И вы тоже. Да-да, ВЫ! Я к вам обращаюсь, *заведующая* «Шиллинг Грейндж»!

Ого! Вот, значит, до чего дошло! У Клары даже в животе забурчало. Она не знала, как ей реагировать на столь оскорбительное обращение. А как бы в данном случае отреагировала Джуди? Джулиан наверняка сказал бы: *Вот видишь? Я же тебя предупредил!* Мисс Бриджес тоже начала бы ворчать. А вот Айвор, наверное, сперва все-таки ее бы выслушал.

Клара покорно последовала за директрисой в здание школы, а затем – в ее кабинет. Мальчикам было велено ждать за дверями. Директриса даром времени не теряла и сразу же грозно спросила:

– Вы знали, что они собираются сделать?

– Разумеется, нет! – возмутилась Клара. – Они мне только что сами об этом рассказали.

– А по-моему, это преступление было запланировано заранее.

– Преступление? Да еще и запланированное заранее? – Клара быстро решила, на чьей она стороне. – Господи помилуй! Конечно же, нет!

Верхняя часть двери была застекленной, но до нее от пола было примерно метра полтора, так что Билли наверняка пришлось влезть Барри на плечи, чтобы заглянуть внутрь, и Клара чуть не прыснула, заметив его нахальную мордашу, прижавшуюся к стеклу. Нос Билли выглядел совершенно расплюснутым, а губы растянулись в сочный поцелуй. Затем его лицо вдруг поползло вниз, и раздался оглушительный грохот, означавший, что Барри не выдержал и Билли грохнулся на пол.

И Клара все-таки рассмеялась.

– Что с вами, мисс Ньютон?

А Кларе вдруг показалось, что и она видит всю эту сцену вместе с мальчиками из-за двери, но только взобралась гораздо выше, чем это только что сделал Билли, почти на потолок, и оттуда ей все очень хорошо видно, и она слышит голос Майкла, который с улыбкой подбадривает ее: «Давай, моя хорошая, скажи ей все, что ты об этом думаешь!»

– Эти девочки дразнили и буквально изводили Риту весь год. Мне очень жаль, что пострадали их прекрасные костюмы, но я действительно не имею понятия, как именно это случилось, – если же мне когда-либо удастся это узнать, то я, разумеется, немедленно вам

сообщу. А теперь извините, но мне пора: я еще должна собрать детей. Всего хорошего.

Клара сразу увидела Пег и Терри, которые танцевали вокруг майского шеста. Алекс и Бернард тоже затесались в толпу танцующих и выглядели там вполне уместно. Отец Бернарда, весело на них поглядывая, хлопал в такт музыке, и Клара на мгновение удивилась: а где же мать Бернарда? Ее-то она почему ни разу не видела? И куда подевалась Рита?

Тут какая-то другая учительница, потрясающим образом ничего не ведавшая о причинах возникшего в шатре хаоса, крикнула Кларе поверх толпы:

– Мисс Ньютон! Не правда ли, из Риты получилась прямо-таки очаровательная Майская Королева?

Да, Рита действительно оказалась в шатре. Она с достоинством восседала на троне в своем новом желтом платье типа «сам-шей-сам-почини» – о, хвала Айвору! – в короне, изящно дополнявшей ее чудесные косы, и счастливо улыбалась во весь рот.

Глава тридцать пятая

– У нас никто очков не носит! – громко возмущалась Терри, но потом все же поправилась: – Никто из хороших людей, по крайней мере!

Это случилось через несколько дней после ярмарки. Заметив, что Терри постоянно щурится, Клара отвела ее к доктору Кардью, который сказал, что девочку нужно как можно скорее показать офтальмологу.

Клара прикинула, кто из *хороших людей* носит в школе очки. В классе у Терри *действительно* только один мальчик, Генри Микинс, носил очки, но он никак не подходил под определение «хороший человек»: вечно вынюхивал, подслушивал и вообще совал нос не в свои дела. Мисс Бриджес надевала очки, когда читала, как и учительница Терри, мисс Фишер. Но обе эти женщины вдохновляющим примером для яростно сопротивлявшейся Терри служить не могли. А мисс Бриджес к тому же совершила фатальную ошибку, сказав: «Зато в очках ты будешь выглядеть куда более умной». Терри *совершенно не желала* выглядеть «куда более умной». Она вообще не хотела выглядеть умной. Ей хотелось стать хорошим садоводом-огородником или, может, таким умелым журналистом, который расследует и ловко разоблачает коррупцию и темные политические махинации, но уж никак не *умницей*.

Однако она терпеливо позволяла офтальмологу надевать на нее очки и подносить зеркало в надежде на ее одобрение. Терри была девочкой послушной, но очки ей не нравились. Впрочем, вскоре она все же выбрала одну пару – в черепаховой оправе и с маленькими крылышками по бокам. Сама Клара такие никогда бы не выбрала, но в целом очки смотрелись не так уж страшно.

Джулиан запирали двери своей конторы, когда Клара и Терри возвращались с железнодорожной станции, и Клара обрадовалась, увидев его. А уж когда он сам с нежностью ее обнял и расцеловал в обе щеки, у нее с души словно камень свалился. Каждый раз, стоило ей достаточно долго его не видеть – а в данном случае они не виделись больше недели, – ей начинало казаться, что он о ней забыл. Возможно, это было связано с тем, что она сама порой *почти* забывала о нем. Это только потому, уговаривала она себя, что мы с ним существуем как бы

в совершенно различных мирах. И теперь Терри пришлось, потупившись, ковырять башмаком землю, пока Джулиан нашептывал Кларе на ушко, что у него нет сил ждать до воскресенья.

– Видишь, какие у Терри новые очки? – спросила у него Клара. – Тебе они нравятся? – и она незаметно подтолкнула его в бок.

– Да, очень.

А потом, повернувшись к Кларе, Джулиан удивленно поднял брови и сказал:

– Ты не говорила мне, что знакома с Гарольдом Ллойдом^[23]. Ты ведь с него этот образ лепила?

Терри упростила Клару сперва зайти к Айвору, но Кларе не очень-то хотелось – учитывая то, что стояло между ней и Айвором, – хотя если кто и мог сейчас развеселить и подбодрить Терри, так только он.

– Ладно. Ты иди, а я тебя снаружи подожду.

Но Терри, ворвавшись в мастерскую, почти сразу выскочила обратно и с важным видом сообщила:

– Айвор просит тебя зайти.

О Господи!

Хорошо, значит, в присутствии детей они постараются снова выглядеть как закадычные друзья. Ничего страшного, она справится, она же не полная дура.

А Терри, повернувшись к Айвору лицом, старательно демонстрировала ему свои очки.

– Ужасные, правда?

– Дай-ка мне посмотреть... Значит, теперь ты можешь воспринимать мир двумя способами, а я – только одним. Так ведь?

– Что? – Терри утерла сопливый нос рукавом. Клара вздохнула: *носовой платок!* – О каких это способах ты говоришь?

Айвор очень аккуратно взял очки Терри за перемычку и вздернул ей на лоб.

– Что ты теперь видишь?

– Какой-то туман, – призналась Терри.

– Правильно. – Айвор вернул очки ей на переносицу. – А теперь?

– Теперь все вижу ясно.

– Поняла? Вот тебе и два способа видеть мир. Это же настоящий дар, по-моему.

И Клара вдруг заплакала, сама не зная почему, хотя это и было очень глупо.

– Спасибо тебе, Айвор! – вырвалось у нее. – Ты всегда умеешь все сделать чуточку лучше.

Он посмотрел ей прямо в глаза поверх головы Терри, словно говоря ей нечто очень важное, но смысл сказанного был настолько туманен, что понять его она оказалась не в силах.

– Пожалуйста, Клара. Всегда рад помочь.

Сердце у нее колотилось как бешеное. Она вдруг поняла, что с ней такое. Влечение. То самое чувство, которое она испытывала к Майклу, но никогда – к Джулиану. Да, это было оно, глупое бессмысленное влечение. Его еще называют «похотью» в некоторых глянцевого журналов, а Ингрид Бергман и Кэрол Ломбард великолепно изображают его в своих фильмах. Но в реальной жизни это просто нелепо. И потом, влечение не может долго длиться. И ручаться за него нельзя. И долги за него никто не заплатит. И тебе оно ничем не поможет. Вечно у нее что-то идет не так. Или кто-то умирает.

Ей не следует так часто бывать у Айвора, тем более теперь, когда она официально помолвлена.

И все же.

– А ведь ты и меня почти убедил очки себе купить! – весело сказала она.

– Купи. Ты будешь в них выглядеть просто очаровательно.

Клара приложила ладонь к щеке. Щека точно огнем горела.

– Нам пора, Терри, – заторопилась она.

Глава тридцать шестая

А через несколько дней после этого Клара занялась уборкой в комнате мальчиков – и не без задней мысли. Отчасти она, пожалуй, надеялась кое-что выведать.

С Питером в последнее время стало совсем трудно. И с каждым днем Кларе все более отчетливо казалось, что в общении с ним она делает два шага вперед и три назад. Трудно поверить, что когда-то Питер был ее любимцем.

Он отказался пойти на Майскую ярмарку и, когда все вернулись домой, по-прежнему валялся на кровати. Это его вечное валяние на кровати приводило Клару в ярость. И каждый раз ее мысли возвращались ко всем тем мальчикам, что погибли на войне и во время войны; у них не было возможности вот так валяться на постели в уютной обстановке и даром тратить драгоценное время – почему же Питеру следует это разрешать?

Она, помнится, тогда подтолкнула его и сердито бросила: «Вставай-ка да иди отсюда. Займись хоть чем-нибудь полезным». Он встал и ушел. Она не знала, куда именно он пошел, но сперва ей это было безразлично. А потом она забеспокоилась. Тем более что Питер вернулся, лишь когда было пора уже ложиться спать. Даже чай с печеньем пропустил. Клара тогда специально его поджидала, чтобы извиниться (и надеясь, что он тоже перед ней извинится), и извинилась (а он и не подумал!).

И с того дня он с ней практически не разговаривал.

* * *

У каждого из мальчиков имелся маленький прикроватный столик с одним ящичком. И каждый считал, что уж эта-то вещь – одна из немногих – точно принадлежит именно ему. Клара осторожно, даже с опаской, выдвинула ящичек в столике Питера.

Комиксы! Ящик был доверху набит комиксами. Но не купленными в магазине, а, так сказать, домашнего производства. Да

ведь он настоящий художник! – с удовольствием думала Клара, перебирая листки и уже почти не чувствуя чудовищного запаха грязных носков и мальчишеского пота, который царил в комнате с наглухо закрытыми окнами. Здесь вообще было ужасно душно. Постели Билли и Барри остались не убранными. Аккуратной выглядела лишь постель Алекса; все на ней казалось девственно-чистым. Вообще-то одного взгляда на мальчишечьи постели было достаточно, чтобы понять характер каждого из обитателей этой комнаты, и характер Питера представлялся Кларе каким-то комком спутанной паутины.

Ей он никогда свои рисунки не показывал. Но был, безусловно, талантлив! Тут никаких сомнений возникнуть не могло. Клара рылась в стопке листков, пытаясь добраться до тех, что внизу. Она чувствовала, что именно они, а не верхние листки, могут оказаться наиболее интересными. Один ей удалось вытащить.

Он с первого взгляда заставил ее вздрогнуть. На нем был изображен мальчик, очень похожий на Питера, явно охваченный страхом и отчаянием. И рядом с его ртом в «пузырьке» были написаны слова: *Перестань! Ты делаешь мне больно! Нет! Нет! Я не хочу!*

И Клара вдруг все поняла. И это понимание обрушилось на нее как удар грома. Теперь она знала, в чем причина нездоровья Питера. Причиной были его регулярные, по четвергам, визиты с ночевкой к родному дяде. Она стала читать дальше.

Господи, единственный живой родственник! Питера отдавали дяде каждую неделю. Практически преподносили ему мальчика на тарелочке с голубой каемочкой. Клара в отчаянии ломала руки. Она просто не знала, что ей теперь делать.

И где сейчас Питер? Ползучий липкий страх вдруг наполнил ее душу. На днях она велела ему убираться, велела заняться чем-нибудь полезным. А что, если сегодня он решил сбежать?

Ни на кухне, ни в ванной, ни в саду Питера не оказалось.

В конце концов Клара нашла его в гостиной. Он неподвижно лежал на диване, и глаза его были закрыты. Спит или притворяется?

– Питер!

Он отвернулся и зарылся лицом в диванную подушку, вдруг показавшись Кларе маленьким, бледным и, одновременно, недосыгаемым – этакий твердый камешек на берегу. Как же она могла

не догадаться, ничего не заметить? Ведь несколько месяцев она с веселыми прибаутками отправляла его «в гости к дяде» – словно в открытое море. И за все эти месяцы он ни о чем ей не сказал. *А она и не спрашивала!* Все это время она была уверена, что у Питера все очень даже хорошо складывается, и мечтала только об одном: «Когда же этот дядя будет готов взять к себе мальчика навсегда?»

– Питер, поговори со мной.

Но разговаривать с ней Питер не желал. Он ее игнорировал.

– Питер, Питер... – Клара все повторяла вслух его имя, словно это могло помочь ей решить данную проблему. – Теперь я поняла, что с тобой... все это время происходило.

И она тут же буквально физически почувствовала, как атмосфера вокруг переменялась. Воздух, казалось, был теперь насквозь пронизан электричеством, хотя тот жалкий комок на диване, в который превратился Питер, даже не пошевелился. Впрочем, и это само по себе уже говорило о многом. Как и его молчание. Из сада доносились крики детей. Субботнее утро было в разгаре. Клара знала, что скоро ее позовут играть в крикет. Или в карты.

– Я прочитала твой... комикс.

– Я не желаю об этом говорить! – рявкнул он.

– Я и не требую, чтобы ты со мной это обсуждал, – солгала Клара. Ей, конечно же, очень хотелось с ним поговорить. Хотелось узнать все. Хотелось понять, с чем она в данном случае имеет дело. И насколько все плохо? Но сейчас она даже прикоснуться к нему не осмеливалась. Ей казалось, что он будто светится от пожирающего его душу мучительного огня. Сгорает заживо. И она понимала, что до сих пор не видела настоящего Питера, он был просто «одним из ее детей». Но сейчас он предстал перед ней как жертва, как ребенок, которому сознательно причинили страшное зло.

Возьми себя в руки и посмотри на часы.

– Ты в ответ на мои вопросы просто кивни: «да» или «нет». Больше тебе ничего делать не нужно.

Теперь глубоко вдохни.

– Это твой дядя? Это он делал тебе больно?

Никакого движения. Затем секунд двадцать напряженного ожидания, и всклокоченная голова Питера, приподнявшись над подушкой, несколько раз наклонилась: «да». Наклонилась совсем

незаметно, но и этого Кларе было достаточно. Ей хотелось завывать в голос. *Ее мальчик! Ее мальчику делали больно, его мучили!*

– Только никому не говори! – прошипел Питер. – Никогда. Обещай.

И Клара задрожала всем телом – такой дрожи она никогда прежде не испытывала. Она видела немало других страшных вещей, но их творили при свете дня, а этот ужас – с ее мальчиком! – творился во тьме.

Спокойней, Клара, держи себя в руках.

* * *

К счастью, когда она позвонила в Совет, трубку сняла мисс Купер, а не мисс Бриджес, которая вполне могла бы начать ее расспрашивать и что-нибудь раскопала. А мисс Купер была вовсе не такой внимательной и чуткой, как ей казалось самой.

– Питер забыл у дяди свой школьный портфель. Вы не могли бы подсказать мне его адрес? Я бы моментально туда смоталась и забрала его вещи. – Клара помолчала, сама себе удивляясь: ну до чего легко она врет! – А то у мальчика в школе будут неприятности; их всегда ругают, если они не приносят на занятия все, что нужно.

Маленькие дополнительные подробности никогда не помешают.

Клара слышала, как мисс Купер открывает ящики и роется в каких-то бумагах. Сердце у Клары готово было выпрыгнуть из груди. Проклятые бумаженции!

– Ага, вот: Вудфилд-роуд, двадцать четыре. Успели записать? Всего хорошего, мисс Ньютон. Надеюсь, у Питера никаких неприятностей не возникнет.

Трудно сказать, о чем думала Клара, когда ехала туда. Достаточно ясно, пожалуй, ни о чем. Вспоминала, как все завертелось с этой работой в Лавенхэме, начиная с маленького объявления в «Ивнинг Стэндард» и предложения помочь с жильем. Обещанная зарплата тоже выглядела вполне сладким орешком. Кроме того, эта работа позволяла ей сбежать от отца. А потом было то собеседование...

Вот отсюда и все перемены в моей жизни, Айвор.

Все это связано с детьми, с их детскими жизнями.

Дяди Питера дома не оказалось. Клара даже облегчение почувствовала – о чем, скажите на милость, они стали бы беседовать, окажись он дома? Но в первое мгновение неудачная попытка с ним встретиться привела ее в ярость.

* * *

Она и сама была удивлена и своим почти болезненным стремлением защитить Питера, и своей первой неудачей. Она даже думать ни о чем больше не могла. Питер был отнюдь не младенец, он был уже почти в том возрасте, когда молодые люди начинают чувствовать себя независимыми и самостоятельными, Клара искренне любила всех своих детей. Но Питер... Ох, Питер! Она и сама не понимала, откуда взялось это чувство. То ли он напоминал ей, какой она сама была в его возрасте – такой же нерешительной, тихой, доброй не напоказ, – то ли казался немного похожим на Майкла, хотя Майкла она никогда подростком не видела. Питер был слишком высокий, что его явно не красило, потому что выглядел он чересчур худым, да еще и с ярко-рыжей, морковной, макушкой; Кларе все время хотелось набросить на его узкие плечи некий защитный плащ. Было нечто трогательное и в чертах его лица, и во всей его хрупкой фигуре, и это сильно выделяло его среди всех прочих людей. Но как же сильно она его подвела!

И просто ненавидела себя за это. Как она могла просто взять и отмахнуться от Питера! А ведь она так вела себя не одну неделю! Да еще и временами весело болтала и даже слегка флиртовала с этим его дядей, а тот, вальяжно развалившись на водительском сиденье и высунув локоть в окошко, многозначительно ей подмигивал. Боже мой! Клара почувствовала, как от этих воспоминаний ее лицо залил жаркий румянец. Однажды, например, этот дядя спросил, как она ухитряется справляться с восьмерыми сразу, и она, глупо хихикая, заявила: «Просто нужна твердая рука, только и всего». А иногда, когда Питер, вернувшись от дяди, с мрачным видом шаркал ногами на кухне, пытаясь чем-нибудь перекусить, она, раздраженная его мрачностью, говорила: «А ну-ка надень улыбку!», или того хуже: «Веселей, ничего страшного пока не случилось».

И теперь ей, наверное, оставалось только умереть от стыда. О чем она только думала?! А еще воспитательницей себя называла! Да она же самая настоящая преступница – если и не по умыслу, то уж точно по глупости.

Все-таки придется поговорить с кем-то из Совета, решила она, и снова позвонила. На этот раз мисс Купер оказалась занята переговорами с потенциальными усыновителями, а мисс Бриджес была на кладбище: ей сообщили, что какие-то паломники расположились лагерем в непосредственной близости от могил, и она отправилась наводить порядок и заставляя их передвинуть лагерь в другое место.

Клара успела переговорить чуть ли не со всеми сотрудниками Совета, и наконец трубку взял мистер Соммерсби, действующий глава опеки. Клара так смутилась, что у нее слова в горле застряли, а мистер Соммерсби бодро осведомился:

– Вы ведь из «Шиллинг Грейндж», не так ли? Мисс Ньютон? Здравствуйте, мисс Ньютон! Как там мистер Уайт? Он вам рассказывал, что мы вместе служили в ополчении?

– Рассказывал. – Она помолчала. – Спасибо, у него все хорошо.

– Чем я могу вам помочь? – Тон был по-прежнему жизнерадостный.

– Я... у меня... Один из моих детей больше не хочет видеться со своим... единственным живым родственником. И поскольку мальчику уже почти пятнадцать, нам, по-моему, следовало бы с уважением отнестись к его решению.

Мистер Соммерсби вздохнул.

– Мы с вами взрослые люди, мисс Ньютон; в этих вопросах решения принимают взрослые, а не мальчишки.

– Это очень сложный вопрос, но я чувствую, что его решение – правильное.

Я не буду плакать, ни за что не буду. Только, пожалуйста, не надо говорить со мной таким добрым голосом.

К счастью, добротой мистер Соммерсби как раз не отличался. А потому сказал довольно жестко:

– Хорошо. Приведите его на следующей неделе сюда. Нужно заполнить и подписать кое-какие документы.

– Я должна обязательно привести к вам Питера? – Клара сильно сомневалась, что Питер согласится.

– Да, он должен обязательно при этом присутствовать.

– Хорошо.

– Так полагается по протоколу. Это займет всего несколько минут.

– Правда? – Клара испытала облегчение, чего никак не ожидала, и спросила: – Это ведь не такое уж... необычное требование?

– Необычное. Но отнюдь не неслыханное.

– Это очень хорошо. – Она вспомнила, как приводила Билли и Барри в Совет после того, как они сбежали от усыновителей. Тогда все отделались легким испугом, но на этот раз, похоже, все будет гораздо серьезней.

– Ну что, – снова бодрым тоном заговорил мистер Соммерсби, – живете ожиданиями декабрьских событий?

– Декабрьских событий?

– Я имею в виду вашу свадьбу с мистером Уайтом!

Клара что-то радостно пискнула, сказала на прощанье все необходимые слова и, наконец, повесила трубку. Как всегда, пришлось говорить именно то, что требовалось властям предержавшим. Но так было гораздо проще, чем оказывать этим властям бессмысленное сопротивление.

Глава тридцать седьмая

Приготовление к свадьбе шли полным ходом и были похожи на танк «Шерман», сметающий на своем пути любые препятствия. Боже мой, думала Клара, ведь свадьба еще только в декабре, а уже столько всевозможных хлопот! Столь многое нужно организовать! Джулиан с невероятной заинтересованностью и пристальным вниманием вникал во все детали. Кларе следовало бы догадаться, что все будет именно так, после той суеты, которую он устроил, организовав вечеринку по случаю их помолвки, и все же его невероятная активность ее по-прежнему изумляла. Джулиан явно не относился к числу тех мужчин, которые говорят: «А это пусть будет так, как захочет невеста». (Вот Майкл был именно таким! Майкл всегда говорил: «Как тебе будет угодно, дорогая! По мне так все прекрасно».)

Впрочем, некоторые решения Джулиана показались Кларе несколько странными.

– Итак, цветами займется миссис Гаррард. Я знаю, ты ее недолюбливаешь, но она в этих делах разбирается очень неплохо.

– Дело не в том, что она *не нравится мне*, а в том, что я ей не нравлюсь.

Джулиан усмехнулся.

– Ну, зато я ей нравлюсь.

– И что это означает?

– Господи, Клара! Ты сегодня как-то *слишком болезненно* на все реагируешь.

А Клару *действительно* все раздражало. С тех пор, как она услышала признание Питера, все вокруг было словно накрыто серой тоскливой пеленой тумана.

И беспокоил ее не только Питер. Теперь ее озабоченность вызывал каждый ребенок. Что еще она упустила? Некоторые из ее тревог были старыми и как бы слегка поношенными, ставшими почти привычными: например, то, что Пег после того «инцидента с коровами» больше так и не сказала ни слова; или то, что Терри предпочитает носить мальчишечьи штаны или шорты; или то, что Рита по-прежнему плачет и тоскует по матери. Эти тревоги стали как бы уже «классическими», им Клара перманентно уделяла время, но были

и новые поводы для волнений: практически полное отсутствие прогресса в развитии близнецов или проблема денег на новую школьную форму для подросткового Алекса. Как только притухал один повод для беспокойства, тут же на горизонте появлялись другие. Иногда Кларе казалось, что внутри головы у нее часы-кукушка, и эта кукушка то и дело готова выскочить и напомнить ей, что она еще должна немедленно сделать.

Джулиан попытался заинтересовать ее вариантами свадебного меню – *миссис Уэсли считает, что нужна утка, но только не слишком жирная*, – но сдался, когда они еще и до десерта добраться не успели.

– Я скоро приду в себя, – заверила его Клара. – Как только состоится заседание Совета насчет Питера и я избавлюсь от этой проблемы, я снова буду целиком в твоём распоряжении.

– Хотелось бы мне знать, *хоть когда-нибудь* «Шиллинг Грейндж» перестанет стоять у меня на пути?

Даже у Клары стали появляться похожие чувства. Два провала подряд (потому что о Морин она, конечно же, не забыла, разумеется, нет!) и, возможно, зреют новые неудачи. А ведь она еще десять месяцев назад прекрасно понимала, что не годится для этой работы. Однако по глупости решила, что сумеет все переменить. Ну и что? Она и впрямь многое здесь переменяла, вот только, похоже, отнюдь не к лучшему.

Ох, Питер!

А еще Клара начинала жалеть, что согласилась на декабрь. До декабря было совсем не так далеко, как ей представлялось, а 21 декабря – самый короткий день в году или, как любит говорить Джулиан, приподнимая одну бровь, «самая долгая ночь». Надо было, конечно, настоять и отложить свадьбу до лета или даже до осени 1950-го, – но стоило ей заикнуться, что она, пожалуй, предпочла бы стать июньской невестой, Джулиан ответил: расслабься, я сам обо всем позабочусь, а ты, дорогая, чудесно выглядишь в любое время года.

В итоге Клара понятия не имела, что с ней будет после свадьбы. В Совете, видимо, будут ожидать от нее отставки. Замужние женщины редко продолжают работать. И Джулиан, вероятно, тоже – хотя он это и отрицает – надеется, что работу она оставит. В идеале она сможет и дальше вести здесь все дела еще несколько месяцев, или, возможно, ей

дадут в помощь вторую воспитательницу, хотя вряд ли у Совета есть такая возможность. В итоге все ее предположения сводились к тому, что с детьми ей, похоже, придется расстаться, и все же она не сомневалась, что существует некий обходной путь, и она его непременно найдет.

Джулиан уже спрашивал, подала ли она заявление, чтобы ей после свадьбы предоставили недельный отпуск – они собирались провести «медовый месяц» в Бате. (Джулиан, как всегда проявляя заботу, не сомневался, что Кларе очень понравится тамошняя архитектура времен Регентства.)

Однако отпуска Клара до сих пор не попросила.

– Для человека, который любит все записывать, твое отношение к собственной свадьбе просто поразительно. Ты как-то на удивление вяло реагируешь на это событие, Клара!

– Все в свое время, – отвечала она на упреки Джулиана, однако мысль о том, чтобы прямо сейчас попросить в Совете об отпуске, моментально вызывала у нее растерянность и головокружение. *Что подумает Питер?* – спрашивала она себя. *Решит, что я его бросила?* Нет, сейчас она никак не могла его бросить!

Свадьба должна была состояться в Церкви Всех Святых. Джулиан клялся, что тамошний викарий – очаровательный человек, которому абсолютно не свойственна помпезность, но Клара относилась к его уверениям скептически, зная, что Джулианова версия «отсутствия помпезности» совсем не похожа на то, что подразумевают под этим все остальные. К счастью, викарий *действительно* оказался очаровательным, весьма гостеприимным и, что куда важнее, не отчитывал Клару за то, что ее воспитанники плохо посещают церковь, хотя вообще-то они ее совсем не посещали.

А сама по себе церковь была просто прекрасна. И там оказалась такая удивительная обстановка, что Клара вовсе не чувствовала себя посторонней.

Обряд венчания должен был плавно смениться приемом в «Клоув Холл», самом любимом месте Джулиана в Лавенхэме. Кларе не нужно было беспокоиться ни насчет талонов на питание («у нас есть свои способы все достать»), ни насчет угощения (миссис Уэсли уже всюду трудилась над планом создания свадебного торта – три яруса, глазурь и

так далее). Беспокоиться Кларе нужно было только о том, чтобы вовремя оказаться в церкви и выглядеть...

– Сногшибательно? Хорошо, Джулиан! Все твои требования я непременно учту.

– Ну, так запиши их! – И он весело ей подмигнул.

Впрочем, и у самой Клары имелись кое-какие требования. Например, насчет музыки: ей нравилась норфолкская свинг-группа из пяти человек. И еще у нее был *некий* пунктик насчет фотографа...

– Кого же ты хочешь?

– Да любого – только не этого типа из «Саффолк Таймс»! Его, кажется, Морис Селби зовут.

– Ах, вот как?

– А что такое, Джулиан?

– Морис Селби – мой друг.

– Ты мне об этом не говорил!

– А как я *мог сказать?*.. Ты была в такой ярости! Ты же ни одного моего слова в его оправдание слушать не стала бы.

И чем сильнее Клара старалась изгнать из головы мысли о той свадьбе, которую они с Майклом когда-то планировали, тем больше эта тема ее занимала. Теперь, разумеется, планировалась совсем другая свадьба – и это было естественно; ведь не только Джулиан совершенно не походил на Майкла, но и сама Клара успела стать другой, во многом не похожей на ту юную женщину, какой была когда-то.

– Могу я хотя бы на этот раз заранее посмотреть список гостей?

– У меня весь список вот здесь. – Джулиан в раздражении постучал себя по голове.

– А мне бы хотелось видеть его написанным на бумаге.

– Да какая тебе разница?

Но разве не важно, что ей абсолютно неизвестны имена, по крайней мере, половины тех, кто приглашен на ее собственную свадьбу?

Впрочем, сэра Маннингса среди приглашенных был. *Ни за что не пропущу свадьбу моего любимого человека!* – написал он в ответ на полученное приглашение. Во всяком случае Клара сумела понять смысл его каракулей именно так – почерк у сэра Маннингса был даже хуже, чем у Алекса. (Джулиан, впрочем, не сомневался, что слова «мой любимый человек» относятся именно к нему.)

– Из авторитетного источника мне известно, что сэр Маннингс в качестве подарка преподнесет нам некую картину, – сообщил Кларе Джулиан.

– Не портрет лошади?

– Ну, а что же еще?

Клара уже собиралась сказать, что дареному коню в зубы не смотрят, но Джулиан уже забыл о сэре Маннингсе и переключился на описание свадебного кортежа.

Джуди тоже была приглашена. «Я ни за что на свете не пропущу такую возможность», – сказала она, но Клара ей не поверила – из-за той вечеринки по случаю помолвки. «А Алекс там будет?» – спросила Джуди.

Приглашены были все дети. Клара не собиралась дважды совершать одну и ту же ошибку. А еще она хотела устроить как бы маленький спектакль, в котором дети играли бы разные роли, но пока ничего особенного не придумала. Все вообще оставалось в каком-то подвешенном состоянии. Планировать что-либо конкретное Клара не могла – она не чувствовала в себе должной уверенности; и, пожалуй, не очень-то себе доверяла.

Хотя девочки, пожалуй, могли бы сыграть цветочниц. Только Терри ни за что не согласится. Ей, наверное, подошла бы роль пажа. *А что, собственно, делает паж?* Из Морин получилась бы великолепная подружка невесты. Возможно, подобная соблазнительная перспектива помогла бы ей и назад вернуться? Вот только сообщить об этом Морин никакой возможности у Клары не было; с тех пор, как она исчезла, ее так никто и не видел и ничего о ней не слышал. Вообще-то дети, наверное, с удовольствием приняли бы участие в таком спектакле – особенно Рита и близнецы; хотя кое для кого выступление на публике что острый нож. И как поступить с безмолвной Пег?

Наверное, надо попросить Питера увести Пег. Да, так она и поступит. Пусть у Питера будет определенное задание, на котором он сможет сосредоточиться.

Самым важным для Джулиана гостем должен был стать этот мерзкий, похожий на змею мистер Брауни. Клара сказала, что с ужасом предвкушает его нудное выступление, и Джулиан вдруг сказал:

– А ты представь, каково мне?

Этого Клара не знала. Она вообще очень многого еще о Джулиане не знала, и ей это, пожалуй, даже нравилось. Какой смысл заранее все знать о человеке, с которым тебе еще только предстоит жить? Все равно, что читать интересную книгу с конца. А где же тайна? Где ее расследование?

Впрочем, она и так знала достаточно: он ее любит.

И потом, она ведь тоже кое-что от него скрывала. Он, например, так и не знал, что они с Майклом были помолвлены, что она собиралась уехать в Америку, что ее родители, когда она была еще совсем ребенком, отбыли со своей миссионерской работой в Африку и бросили ее одну. Он ничего этого не знал, потому что не спрашивал. Ничего, когда-нибудь она ему все расскажет. Это даже хорошо, когда есть возможность чем-то удивить друг друга.

Клара уже и у портного в Дедеме побывала. Оказалось, что невероятно приятно предвкушать, каким красивым будет твое подвенечное платье, и ничуть не беспокоиться о купонах. Хотя она искренне восторгалась теми женщинами, которым в военные годы приходилось шить и перешивать из старых свадебные платья для себя или своих дочерей – для свадьбы Джуди, например, ее мать и подруги ее матери специально приберегли купоны, и в итоге свадебное платье получилось просто потрясающее, Артур, помнится, даже заплакал – а ей, Кларе, все-таки повезло: не пришлось ни копить купоны, ни перешивать старье.

В общем, свадьба готовилась чудесная.

– По-моему, я такого не заслуживаю, – призналась Клара.

В ответ на ее признание Джулиан рассмеялся:

– А в этой жизни никто и никогда не получает по заслугам.

– Неужели?

Было время ланча, и они собирались выпить пива, но Джулиан извинился и сказал, что никак не сможет, потому произошло кое-что весьма важное. И Клара вдруг исполнилась подозрений. Раньше Джулиан никогда не давал ей поводов в нем сомневаться, но сейчас она чувствовала, что за этим стоит нечто темное, непонятное, и надула губы. Заметив это, Джулиан тут же принялся оправдываться:

– Это связано исключительно с моей работой, дорогая, честное слово.

– Ну, если так...

Хотя это *явно* было связано с чем-то другим. И Клара решила успокоить себя тем, что это опять же связано с приготовлениями к свадьбе. Ведь Джулиану так нравится устраивать ей сюрпризы.

* * *

– У меня проблема, – сказала Клара, когда, сильно нервничая, неожиданно ворвалась к Айвору в мастерскую. (Она теперь никогда не могла быть уверена, насколько он окажется гостеприимен.) – В Совете требуют, чтобы Питер обязательно приехал туда со мной, чтобы подписать кое-какие документы, но он ехать категорически отказывается.

Айвор, явно ничего не понимая, смотрел на нее.

– Да ничего особенного, – смутилась Клара и, откашлявшись, пояснила: – Дело в том, что Питер не хочет больше встречаться со своим дядей, но об этом следует заявить официально.

– Если в этом нет ничего особенного, почему же он отказывается?

Но сказать об этом вслух Клара никак не могла. И тщетно надеялась, что Айвор поймет все по выражению ее лица.

Но Айвор ничего не понимал и, озадаченно закусив губу, все смотрел на нее. Впрочем, он по-прежнему старался во всем разобраться – такой уж он был, Айвор.

– Значит... ну, хорошо... Так ты что, хочешь, чтобы я с ним поговорил?

Вот! Именно это ей и требовалось...

– Да, пожалуйста, поговори с ним.

Потом Клара задумчиво стояла на кухне у окна и смотрела, как Терри высаживает вдоль садовых дорожек маргаритки. Пег, сидя под кухонным столом, играла сама с собой в карты; Рита внимательно рассматривала в зеркале собственное отражение; Алекс изучал строение человеческого скелета; близнецы боролись друг с другом.

Питер и Айвор закрылись в гостиной.

Клара ожидала, что их беседа продлится всего минут десять – Питер и в лучшие времена особой откровенностью не отличался, – однако прошло уже больше часа, но Айвор из гостиной так и не

вышел. Вопросы буквально роились у Клары в голове, но она решила их не задавать. В конце концов важен только один вопрос, и хорошо хотя бы его выяснить. Когда на кухню заглянул Айвор, она так и бросилась к нему:

– Ну что, он пойдет?

Айвор пожал плечами:

– Он пока думает.

– Ну что ж, это, по-моему, все-таки лучше, чем ничего.

– Я рассказывал ему, как вот это заработал, – и Айвор, слегка покраснев, похлопал ладонью по обрубку второй руки.

– О! – Клара вспыхнула. Ее щеки всегда заливала краска, когда Айвор упоминал о своей покалеченной руке. Для нее это был просто какой-то камень преткновения. И эти двадцать человек, которых он спас в Дюнкерке. И эти его медали. А ведь сам он так ни разу ничего ей об этом и не рассказал!

– Я ему пообещал, что тоже с вами поеду – для моральной поддержки. Это нормально? Ты не возражаешь?

Клара уже хотела сказать, что в этом нет необходимости, что там просто нужно несколько бумажек подписать, но ей было приятно, что он сам это предложил. И потом, вообще хорошо, если и он тоже там будет.

– Спасибо тебе.

– Ничего, Питер справится. Он *непрерывно* со всем справится и все переживет. – Румянец на щеках Айвора стал еще ярче. – Что бы там с ним ни происходило. Он вскоре придет в себя и будет жить дальше. У него очень развито чувство самосознания. И в итоге оно ему поможет.

У Клары будто комок в горле застрял. *Ох, Айвор. Как хорошо он все понимает!*

– А в ближайшее время что с ним будет? – почти прошептала она.

– А в ближайшее время ему нелегко придется. Но он и это преодолеет. Вокруг него много людей, которые его действительно любят: все здешние дети, ты, я, – и он знает, что мы на его стороне.

Мы. Такое крошечное слово, но как же много оно значит!

Кларе страшно хотелось расцеловать Айвора. Однако она тут же подобные желания пресекла и обвинила себя в легкомысленности. Нет, просто ее сильно смутили и расстроили все эти события. И потом,

Айвор вовсе не ее мужчина. У нее зимой свадьба с мистером Уайтом, солиситором. И 1950-й год станет самым лучшим годом в ее жизни. В этом году она наконец-то оставит позади и эту войну, и все свои горести и неудачи, которых в последние годы обрушилось на нее предостаточно. Она станет миссис Уайт, и это, безусловно, обеспечит ей определенные привилегии – достаточно вспомнить, с каким подбострастием мистер Соммерсби разговаривал с ней по телефону! Даже думать нечего о каком-то поцелуе в знак благодарности, способным все это испортить – ну уж нет, как раз *это-то* было бы в высшей степени странным. А что сказала бы Анита Кардью, даже трудно себе представить! И потом, ведь так легко спутать благодарность с влечением, это такие похожие чувства. И они зачастую возникают одновременно, но это все же совершенно разные «звери».

* * *

Уже поздним вечером Питер притащился на кухню. Первым делом он схватил крекер, но на Клару старался не смотреть. Когда она спросила, как у него дела, он сказал, глядя в пол.

– Я же просил никому не говорить!

Кларе очень хотелось объяснить, что никаких подробностей она Айвору не сообщила. Что Питера она не предала... что она никогда и ни за что этого бы не сделала. Но Питеру, должно быть, нелегко было выговорить даже ту единственную фразу, и Клара сказала лишь:

– Я почти ничего ему и не рассказала. И не расскажу. Но ты ведь съездишь со мной в Совет, Питер? И подпишешь все необходимые бумаги? Обещай мне. Это ведь действительно совсем не...

– Совсем не страшно, – закончил он за нее. – Да, именно так все и говорят. Ну, хорошо, я поеду.

Глава тридцать восьмая

Выехать Питер, Айвор и Клара собирались в половине одиннадцатого. Мисс Бриджес предложила отвезти их на своей машине. С мисс Бриджес за рулем Клара пока что ни разу не ездила – да и ни с одной другой женщиной за рулем тоже – и с любопытством ожидала, как это будет.

Без чего-то десять раздался шум мотора, затем по саду прошуршали шаги, и в заднюю дверь кто-то постучал. Клара сразу распахнула дверь настежь, ожидая увидеть на пороге мисс Бриджес, хотя, пожалуй, было еще рановато, и еще подумала: странно, мисс Бриджес ведь всегда подъезжает к дому со стороны фасада? Но это оказалась не мисс Бриджес, а какой-то странно скрюченный молодой человек в низко надвинутой шапке, под которой почти скрывалось его смуглое лицо. Клара *вроде бы* узнала его, но никак не могла вспомнить, откуда она может его знать.

– Чем я могу вам помочь?

– Мисс... – Он говорил с таким трудом, словно горло у него было забито камнями. – Там Морин...

– Морин? – Теперь она вспомнила, кто это такой. Когда она в последний раз его видела, он мчался вниз по лестнице, на ходу посылая Морин воздушные поцелуи. Помнится, она тогда вышвырнула его из комнаты девочек. – Где Морин?

Он указал в ту сторону сада, где деревья росли наиболее густо.

– Там. Можно мне ее сюда привести?

– О Господи! *Морин?*

В каком ужасном состоянии она оказалась, бедная девочка! Она буквально корчилась от боли, согнувшись пополам и сжимая руками живот. Волосы у нее были жутко растрепаны. В глазах плескался страх. Она с огромным трудом, спотыкаясь, добралась до Клары и рухнула ей на грудь, вымолвив сквозь слезы:

– Ох, мисс Ньютон!

И тут Клара заметила, что вся юбка у нее в кровавых пятнах. Кровотечение!

– Морин, милая, тебе же скорей в больницу нужно!

– Нет, я хочу домой! – заплакала Морин.

Клара отвела ее наверх, уложила в своей комнате и некоторое время лихорадочно металась в поисках одеяла, гигиенических салфеток, кувшина с водой, парацетамола.

А через несколько минут Клара услышала стук в дверь, затем открылась и закрылась входная дверь, раздались чьи-то голоса – должно быть, Питер впустил мисс Бриджес.

– Никому не говорите, что я здесь, – прошипела Морин. – Пожалуйста, мисс Ньютон! Никто не должен знать. Пожалуйста. Мы тогда в такую беду попадем!..

– Это всего лишь женщина из...

– НЕТ!

– Она тоже захочет помочь тебе, Морин. Мы все этого хотим.

– Если вы кому-нибудь скажете, я сразу же снова убегу. Никто не должен знать!

Клара утерла вспотевшее лицо.

– Но я собираюсь позвать доктора Кардью...

– Нет, – стояла на своем Морин, корчась от боли. – Никто ничего не должен знать, иначе мы уходим.

Мальчишка торчал у Клары за спиной, и на этот раз в нем не было ни дерзости, ни самоуверенности. Стащив с головы шапку, он молча крутил ее в руках.

Когда Клара спустилась на кухню, мисс Бриджес спокойно беседовала с Питером, и оба тут же выжидающе посмотрели на Клару. Вместе с ними ее ждал и Айвор, но на этот раз это был совершенно другой Айвор – такая опрятная, почти щегольская версия Айвора, – уверенный и энергичный в строгом костюме. Клара знала, до чего он ненавидит одеваться «как полагается», и на сердце у нее потеплело, ибо ради них он все-таки совершил над собой это усилие. Айвор ободряюще ей улыбнулся и спросил:

– Ну что, все готовы?

– Боюсь, произошла некая... – прошептала Клара. *Что же произошло?* – Неприятность.

– Что? Что случилось?

– Ничего страшного. Но мне придется остаться. У меня возникли важные дела.

Айвор, похоже, на мгновение даже дар речи утратил. Клара заметила, как он судорожно сглотнул, еще немного помолчал, а потом сказал с ненавистью:

– У тебя снова проблемы с документами, Клара?

– Нет, это совсем иная проблема. Просто... мне придется остаться.

– Ты что, шутишь?

– Нет, вы поезжайте с мисс Бриджес, а я, как только смогу, нагоню вас на такси.

Бедный Питер так мучительно покраснел, что даже его веснушки стали почти незаметны.

У Айвора на щеках играли желваки.

– У нас всего полчаса, Клара. Нам нужно немедленно выезжать. – Он подошел к дверям, словно подгоняя остальных. – Идемте же. Клара!

– Нет. Я не могу.

– Да все ты можешь!

Айвор был в ярости, но очень старался этого не показать.

– Я приеду, как только смогу. Поверь, Айвор. Ты должен мне поверить. И потом, вам же просто нужно подписать отказ от свиданий. И все. По взаимному согласию.

– Ты уже второй раз их подводишь! Я так и знал. Мне сразу было ясно, что тебе никогда не понять, что это такое.

Питер закрыл уши руками. Мисс Бриджес принялась старательно рыться в сумке, делая вид, что не слышит их препирательств.

Во второй раз? Это – считая тот случай с Алексом? Или он имеет в виду Морин? И разве два раза – это так много? Что он знает о том, как это – зависеть от каждого следующего дня, от каждого следующего мгновения? Сам-то он должен беспокоиться только о неодушевленных предметах – о своих занавесках и подушках, – а она уже измучилась от постоянного беспокойства за этих детей. И вообще сейчас ей нужно немедленно вернуться наверх.

– Ты несправедлив.

– Это я-то несправедлив?!

Айвор вихрем вылетел из дома, с такой силой захлопнув за собой заднюю дверь, что на кухне задрезжали висевшие на крючках

чашки. Мисс Бриджес и Питер, криво улыбнувшись Кларе, последовали за ним.

Едва услышав звук отъезжающей машины, Клара не стала подниматься наверх, но со всех ног помчалась в хирургический кабинет доктора Кардью. Ноги ее гулко стучали по тротуару в такт без конца повторяющейся мысли: *Мне с этим не справиться, мне с этим не справиться...*

Клара испытала облегчение, когда дверь ей открыл сам доктор Кардью. Ей совсем не хотелось быть подвергнутой допросу, который непременно учинила бы Анита. Нет, только не сегодня!

– Я по поводу Морин... Она... она в ужасном состоянии. У нее, по-моему, выкидыш случился.

– Она одна?

– Нет, с ней один мальчик, они у меня в комнате. Вы можете прийти?

– Вы идите к ним, а я возьму инструменты и подгоню машину.

К задней двери Грейнджа они прибыли почти одновременно, и доктор Кардью сразу ринулся наверх, подхватив свой саквояж. Он прекрасно знал, куда идти, он столько раз бывал здесь по вызовам.

Морин металась на постели и все время плакала. Парнишка стоял рядом и бессмысленно гладил ее по голове.

– Все у меня как-то не по-человечески получается! Ну, почему я такая невезучая! – выкрикивала Морин.

Доктор Кардью, лишь взглянув на нее, сразу сказал

Кларе:

– Ей срочно нужно в больницу.

И сказал Морин:

– Давай, я забираю тебя с собой.

Но вставать Морин не желала и заявила, что останется здесь. Что скорее умрет, чем сдвинется с места. Слава богу, главную роль сейчас играл доктор Кардью. Присев на корточки возле постели – стетоскоп при этом смешно болтался у него между колен, – он сказал Морин, что если она немедленно не поедет в больницу, то вполне может умереть, и это на веки вечные останется и на его совести, и на совести мисс Ньютон, и они даже в тюрьму могут попасть из-за того, что вовремя не оказали ей помощь.

Клара отнюдь не была так уж в этом уверена (как и Морин, впрочем), но тут, слава богу, вмешался тот парнишка, на которого эта угроза явно подействовала.

– Все будет хорошо, Мо, – уговаривал он ее. – Послушайся их. Тебе сейчас точно в больницу надо, там тебе лучше всего помогут.

– Ты тоже должен поехать со мной, – заплакала Морин.

– Нет, – твердо сказал доктор Кардью. – Но завтра он обязательно к тебе придет, верно, сынок?

Мальчишка кивнул, поцеловал Морин в лоб и попятился, пытаясь незаметно убраться из комнаты. Клара смотрела на него и думала: а ведь он, наверное, даже рад поскорее отсюда уйти. Увидев, что он уходит, Морин зарыдала в голос.

А Клара была так благодарна доктору Кардью, что чуть не расцеловала его, вот только на нее он поглядывал весьма холодно, а после того, как они погрузили бедную Морин на заднее сиденье его автомобиля, взгляд его и вовсе стал ледяным.

– Вам следовало гораздо раньше ко мне обратиться.

– Я прибежала к вам сразу, как только смогла.

Теперь, – думала она, – я смогу поехать в Совет, а потом снова заеду в больницу.

– Я должна сейчас поехать на одну очень важную встречу в Совете, – сказала она доктору. Ей не хотелось, чтобы он плохо о ней думал. – Вы ведь присмотрите за девочкой, да?

Доктор Кардью с удивлением на нее уставился.

– Вы тоже должны непременно поехать с ней.

Возразить ему Клара не осмелилась, но если раньше она восхищалась его уверенностью, то сейчас подобная непреклонность ей не понравилась.

– Я... а это много времени займет? – пролепетала она.

Доктор ей не ответил и взялся за руль.

Клара тут же покорно нырнула на заднее сиденье, где Морин схватила ее за руку и больше не отпускала. Клара сунула ей носовой платок, потому что слезы у девчонки снова лились рекой.

– Я не нарочно это сделала, – простионала она, и Клара заметила в зеркале заднего вида, что доктор Кардью удивленно поднял брови. Она сама тоже не сразу поняла, что Морин имеет в виду, но та, хлюпая

носом, пояснила: – Ваши фотографии тогда случайно со стола упали, и одна разбилась.

– А кто рылся в папках с личными делами?

– В папках? – Насчет этого у Морин явно никаких сожалений не было. И она куда более спокойно сказала: – Вам следовало сперва показать мое личное дело мне, мисс Ньютон! Правда, следовало. Это ведь история *моей* жизни, а не вашей. И я имела право ее знать.

Теперь Морин так крепко сжимала Кларе руку, словно хотела переломать ей все косточки. Впрочем, подумала вдруг Клара, я, пожалуй, этого и заслуживаю.

– Я понимаю, – прошептала она. – Ты прости меня, Морин.

В больнице Морин сразу уложили на каталку и увезли куда-то по длинным гулким коридорам.

– Я вернусь сюда сразу, как только смогу, – крикнула Клара ей вслед. Потом постояла несколько секунд, окутанная больничной тишиной и здравомыслием, и выбежала из больницы.

Но ведь у них в Совете действительно пустяковое дело, – убеждала она себя.

Свободно такси она нашла далеко не сразу, и бедняга таксист ужасно долго вез ее в Бери-Сент-Эдмундс, застревая на каждом светофоре, а потом был вынужден еще и тащиться по узкой улице за тележкой старьевщика. В общем, было уже слишком поздно, когда она добралась до здания Совета. Только теперь Клара заметила, какой сильный дует ветер. Ветер подхватывал на улицах мусор, засыпая им тротуары. У входа в Совет мисс Бриджес видно не было, а Питер и Айвор явно только что вышли из высоких парадных дверей. И по их напряженным лицам Кларе сразу стало ясно, что ничем хорошим их встреча с членами Совета не кончилась.

Питер был бледнее привидения. У него даже веснушки поблекли и стали почти не видны. Он устало присел на корточки возле бордюрного камня, и вид у него был такой, словно он сейчас грохнется в обморок. Какой-то прохожий в бейсболке глянул на него с таким отвращением, что у Клары чуть сердце не разорвалось. Она с трудом заставила себя промолчать и не отчитать наглеца как следует.

На нее ни Питер, ни Айвор даже не посмотрели.

– Ну что, разобралась со своими драгоценными записями? – сквозь зубы злобно спросил Айвор.

Она решила проигнорировать этот вопрос.

– Что там у вас произошло? Айвор? Питер? Да расскажите же, наконец!

Губы Айвора растянулись в злую тонкую усмешку.

– Они хотят заставить Питера продолжать визиты к дяде.

– Нет!

– Да. Его дядя даже адвоката с собой захватил, чтобы тот помог ему оспорить право на свидания с мальчиком.

Питер издал жуткий стон и совсем скрючился, по-прежнему сидя на тротуаре.

– И знаешь, кто его адвокат? – продолжал Айвор.

Кларе показалось, что она падает. Нет, ей показалось, что ее *столкнули с обрыва*. Она обо всем догадалась еще до того, как Айвор произнес имя адвоката.

– Мистер Джулиан Уайт, Клара. Он является официальным представителем дяди Питера. Мало того, этот дядя намерен подать прошение об окончательном усыновлении.

Питер резко вскочил, и его вырвало в сточную канаву.

Глава тридцать девятая

*Моя дорогая Клара,
спасибо, что была со мной честна, я прекрасно понимаю, как нелегко это тебе далось.*

Ты красивая молодая женщина и так много еще можешь дать этому миру; совершенно естественно, что тебе захотелось сойти с мертвой точки и двинуться дальше. Повторяю: это совершенно естественно. И я вовсе не хочу, чтобы ты навсегда застряла в прошлом, как это произошло со многими из нас. Но мне бы очень хотелось не прерывать наше с тобой общение – если, конечно, это не будет тебе в тягость. Когда я вижу конверт, надписанный твоим почерком, у меня просто сердце поет, и это чистая правда!

Этому Джулиану Уайту – какое интересное имя! – действительно очень повезло. Передай ему мои слова! Надеюсь, он относится к тебе так, как ты того заслуживаешь?

Я горжусь тем, что какое-то время – пусть даже и очень короткое – я могла называть тебя дочерью. И я знаю, что ты никогда не забудешь «нашего с тобой» Майкла. Он будет жить в наших сердцах и в нашей памяти.

Мэрилин Адамс.

Глава сороковая

Морин пробыла в больнице три дня, но от посещений Клары все время отказывалась и ни разу не разрешила ее навестить. Клара никак не могла понять, в чем дело. *Ведь она же сразу ко мне прибежала, именно ко мне, так почему она теперь-то меня видеть не желает?* Клара предприняла еще одну попытку, четвертую, но это была пятница, и оказалось, что Морин уже выписалась. Доктор Кардью был единственным человеком, который знал о внезапном возвращении Морин, но на мольбы Клары сказать ей, куда теперь исчезла Морин, он ответил так:

– Я ничего не могу рассказать вам, Клара. Сведения о пациентах строго конфиденциальны, и вам это прекрасно известно.

Похоже, доктор Кардью считал, что Морин сама спровоцировала этот выкидыш, хотя прямо он этого не сказал, и Клара поняла, что в этом мире девушек все и всегда судят очень строго, особенно девушек-сирот.

– Она наверняка вскоре снова объявится, – утешил Клару доктор. – Но сейчас она по-прежнему не хочет, чтобы вы знали, где она живет. И она действительно имеет право на личную жизнь.

– Но ведь я только хочу знать, что ей ничего не угрожает!

Доктор Кардью пожал плечами и промолчал, а Клара обиженно спросила:

– А ведь этому своему мальчику она разрешала ее навещать, да?

Ответ доктора ее удивил:

– Его зовут Джо Паркер, и он, похоже, славный парень. Она вполне могла и куда хуже вляпаться.

* * *

Айвор все еще был в ярости, и Клара не сомневалась, что он сознательно ее избегает. Ну и хорошо, думала она, *пусть остынет немного*. Но однажды утром они случайно столкнулись на улице, и Айвор сразу же обрушил на нее целую лавину слов.

– Я никак не пойму, почему ты тогда не могла поехать в Совет даже ради Питера? Ведь именно ты смогла бы его защитить. И о чем ты только думала, Клара? – Такое ощущение, словно Айвор уже много раз репетировал эту речь про себя, и теперь она просто вырвалась на волю.

Клара моментально рассердилась: кругом сплошные всезнайки! И каждый указывает ей, как она должна поступить. И каждый считает, что все и обо всем знает лучше, чем она.

– Знаешь, Айвор, либо ты поверишь, что я в тот момент была *вынуждена заняться чем-то куда более важным*, либо нет. Можешь ты мне поверить?

Он молча покачал головой.

А Питер, бедный Питер словно уже и не жил, а просто существовал – по необходимости. Ходил в школу, возвращался домой, отскребал кухонную плиту, тихо и привычно накрывал на стол и по-прежнему часами принимал ванну, так что вода в ней под конец, наверное, становилась совсем холодной. Глядя на него, Клара думала: душа у него словно ободрана до крови, и эти раны очень болезненны. Но как ему помочь, она не знала и тщетно понукала себя, пытаясь хоть что-нибудь придумать. Чем бы его таким *наградить*? Или, если не наградить, то хотя бы дать ему понять, как сильно она ему сочувствует, как восхищается его силой воли, как она его любит.

В конце концов Клара вытащила купоны, которые приберегала, чтобы купить себе к лету босоножки, и купила карандаши и альбомы для рисования, и на некоторые листы в альбомах нанесла сетку для переноса рисунков из других комиксов, потому что у Питера, похоже, возникали трудности с воссозданием общих контуров. Все это Клара сложила аккуратной стопочкой на столик возле его кровати.

Что касается Джулиана, то стоило Кларе о нем вспомнить, и гнев в ее душе вспыхивал с новой силой. В то же время она ужасно нервничала, понимая, что им в любом случае придется увидеться и поговорить. Станет ли он как-то перед ней оправдываться? Она прекрасно знала, как завораживающе действуют на нее его красноречие и улыбка. И потом, ее *действительно* тянуло к нему и не просто как к мужчине, но, скорее, как к основе их будущей жизни. Основе их совместных планов, их будущего благополучия. Все в нем, в

том числе и его собака, привлекало Клару. И прежде всего потому, что было таким надежным, постоянным, лишенным ненужного драматизма.

Хотя данный случай был, безусловно, драматическим. Но Клара не сомневалась, что Джулиан сделает вид, будто в случившемся нет ни капли трагедии.

И даже понимая, что этот человек далеко не так мил, как кажется, она все равно любила бывать в его обществе. С ним ей даже в этом неуютном мире всегда было уютно и удобно; с ним она сразу превращалась в счастливую бумажную куколку, которая, меняя наряды, посещает чудесные рестораны и кондитерские – за эти «счастливые превращения» Клара себя просто ненавидела.

Возможно, он скажет, что был пьян, когда согласился взять это дело. Или предъявит ей какую-нибудь другую жалкую отговорку. Возможно, ей самой следовало чем-то его подкупить – но чем? Подушками и кухонными полотенцами, сшитыми Айвором? – ведь именно так, кажется, и делаются подобные дела.

Джулиан не раз демонстрировал ей собственную, несколько неуверенную, доброту: например, подарил первое издание стихотворений Джейн Тейлор, экспромтом организовал поездку на могилу Майкла, часто дарил ей цветы и множество всяких приятных мелочей. Разве подобные поступки не свидетельствовали о том, что он самый обыкновенный человек, которому не чужда определенная душевная тонкость?

Но тогда почему он так поступил? Почему он так поступил с Питером? И с ней?

Очередное свидание у них было назначено на воскресенье, но Клара твердо намеревалась все свои вопросы выяснить заранее, а потому, как настоящий военный стратег, воспользовалась элементом неожиданности.

Рано утром в субботу она крадучись пересекла улицу и направилась к его дому. В воздухе еще висела туманная дымка, на траве и зеленых изгородях блестела роса. Клара знала, что такие утра Терри любит больше всего и, пока большинство детей еще крепко спят, уже принимается за работу в саду. Вот и сейчас, заметив Клару, она помахала ей рукой, и та почти машинально помахала в ответ.

Дверь ей открыл сам Джулиан. Он был в коротком домашнем халате весьма прихотливого рисунка в виде завитков – этого халата Клара никогда раньше у него не видела, возможно, он приберегал его для тех случаев, когда ее с ним не было. Этот халат даже некоторым образом ее поразил: такая претенциозная вещь могла принадлежать человеку, вполне способному совершать трусливые и даже подлые поступки, и на мгновение она даже усомнилась, как этот человек вообще мог когда-то произвести на нее столь сильное, буквально завораживающее впечатление. Но тут к ней, виляя хвостом, бросился Бандит, приветливо топорща свои «генеральские» усы, и он был, как всегда, такой теплый и милый, что сердце Клары моментально оттаяло. Да и смотреть на то, как ласково Джулиан обращается со своим псом, гладит его, позволяет лизать руки и лицо, ей было приятно. Мужчина, который так любит собаку, всегда неотразим.

Почти всегда.

– У тебя какой-то странный вид. – Она, казалось, видела перед собой только его голые колени и тощие белые лодыжки. – Что это ты такое надел?

– Могу и тебе такой раздобыть, если хочешь. Мы с тобой составим отличную пару. Ну, это такой сюрприз, дорогая, а что? Чему я обязан удовольствием?..

От него пахло вчерашним виски и застарелым сигарным дымом. Так пахнет в лондонских мужских клубах и в игральных залах. А еще в кабаре. Может, ему все это *действительно* нравится? Может, он такой же, как все, просто умеет лучше, чем большинство мужчин, это скрывать.

Он, разумеется, и не заметил, как сильно она на него сердита, тут же втащил ее в прихожую и прошептал:

– Пойдемте-ка лучше в постельку, мисс Ньютон, вы ведь...

– Оставь меня, Джулиан!

Измученное лицо Питера, слезы в его печальных глазах, дрожащие пальцы... Из юноши, стоящего на пороге взрослой жизни, он вдруг превратился в маленького перепуганного ребенка. *Боже мой!* Он ведь ей доверился, а она его предала! Но Джулиан поступил еще хуже.

Неужели, думала она, всего несколько лет назад такой же гнев у меня вызывали предложения Майры Кёртис и ее сторонников, которые

требовали более решительных действий по улучшению благосостояния детей и принятия Закона о детях? Сейчас же иной, праведный, гнев и чувство справедливости решительно подталкивали ее к действиям, полностью завладев ею.

– Как ты мог так поступить с мальчиком? Как ты вообще мог взять это дело?

– Что? Ты о чем?

Ну да, она так и думала, что он будет изображать святую невинность.

– Как ты мог заниматься делом Питера? Этой грязной историей с его дядей?

– Но ведь и ты, Клара, не стала обращаться в полицию.

Клара умолкла, словно споткнувшись о невидимое препятствие, потом сказала:

– Потому что полиции это дело не касается.

– Как раз касается, насколько я знаю. И тебе следовало бы к ним обратиться. – Джулиан улыбался, словно они играют в свою любимую игру «зуб за зуб», и проигравший будет подвергнут «пытке щекоткой». – А ты самостоятельно предприняла попытку разлучить мальчика с единственным оставшимся у него родственником. И даже собственные мотивы никак не обозначила. Это был далеко не самый правильный твой шаг, Клара. С точки зрения закона.

– Он негодяй и мучитель, а еще он... – Клара оглянулась. На улице никого не было, но эти слова она все равно произнесла шепотом – она никогда раньше таких слов вслух не произносила. И пусть Питер ее за это простит: – Он педофил и насильник!

Джулиан расхохотался.

– Ох, Клара! Сразу видно, что ты никогда не училась в паблик-скул^[24].

– Что? – Желчь, казалось, подступила к самому ее горлу. – Какого черта ты веселишься? Что это значит?

Джулиан, должно быть, что-то почувствовал, потому что продолжал совершенно иным тоном:

– Ты посмотри, как это выглядит со стороны, Клара. Ты пообещала Питеру, что он сможет никогда больше не видеться со своим дядей, а ведь ты не имела никакого права ему это обещать. Дядя Питера – его единственный живой родственник!

Ох, до чего рассудительный тон! Как же хорошо она этот его тон знает!

Бандит вдруг яростно залаял. Он, как и Клара, терпеть не мог всякие ссоры. Джулиан схватил пса за ошейник и утащил в кухню, чтобы не мешал. Когда он вернулся, на лице его сияла улыбка. Больше всего на свете он любил выигрывать в споре; он сам не раз говорил Кларе об этом, но тогда она была на его стороне и на его признания особого внимания не обратила.

– Но Питер больше видеть его не может!

– Все он прекрасно может.

– Я что-то никак не пойму, зачем тебе понадобилось во все это вмешиваться? Это же *моя* работа и *мои* дети... И потом, почему ты так против нас настроен?

– Я ни против кого не настроен! – Джулиан, якобы потрясенный ее обвинением, бессильно воздел руки. – И уж определенно я не настроен против тебя. Послушай, дело вот в чем. Дядя Питера – мистер Кортни – мой старый знакомый. Мы с ним состоим в одном и том же клубе.

– Что?!

– Не могу сказать, чтобы мне он как-то *особо нравился*, но закон должен быть для всех одинаков. Мы не можем позволить, чтобы каждая – как там тебя называют? Заведующая? Воспитательница? – единолично решала, с кем из своих родственников ребенок может или не может видаться. Это, безусловно, создало бы весьма опасный прецедент.

– Ради бога, Джулиан!

Наконец-то Джулиана, кажется, удивила ее чрезмерная горячность. И ничего удивительного. Ведь она в его присутствии всегда была тиха, как церковная мышка. Он тут же дал задний ход.

– Но я взялся за это дело *не только* по вышеназванной причине. Этот мальчик не может быть вызван в суд в качестве свидетеля – ты же сама говорила, что от него «одни неприятности». Да, Клара, это твои слова. И потом, он не раз совершал кражи из моего офиса. Ты также не раз упоминала, что он часто прогуливает школьные занятия, что он ненадежен. У него *дурная кровь*.

– Я никогда не говорила, что у него дурная кровь! Да я никогда в жизни этим отвратительным выражением не пользовалась!

– Но остальное-то говорила.

– Он его мучает, Джулиан! Он его насилует! Неужели ты считаешь, что *такое* можно игнорировать?

Джулиан рассмеялся. Он явно чувствовал себя победителем.

– А *откуда* тебе это известно, Клара? Ты ведь ничего толком не знаешь, верно?

– Я это так не оставлю. Мы будем бороться. И помяни мои слова: Питер никогда больше к своему дяде «в гости» не поедет!

– Послушай, Клара, сколько времени ты еще собираешься провести в «Шиллинг Грейндж»? В лучшем случае полгода-год? Так оставь эту идею, и я смогу подарить тебе поистине чудесную жизнь, обещаю это тебе. И тебе больше не нужно будет возиться с этими нищими сиротками.

Сразу снять обручальное кольцо Кларе не удалось, потребовалось сперва немного покрутить его на пальце. Но в общем снялось оно довольно легко, и это, как ни странно, свидетельствовало для нее о многом.

Судя по виду Джулиана, он был потрясен. Он действительно был человеком, привыкшим все делать так, как хочется ему.

– Надень кольцо.

– Нет!

– Я не позволю встать между нами какому-то мелкому преступнику, какому-то жалкому воришке!

– *Это ты* – мелкий преступник, Джулиан. Жаль, что ты вообще когда-то попался мне на глаза!

– Ты же так не думаешь, Клара.

– Именно так я и думаю.

– Давай сделаем так: ты уйдешь с этой работы. И как только ты покинешь этот проклятый Грейндж, ты сразу все начнешь понимать правильно.

– Нет. Никуда я уходить не собираюсь. И детей своих ни за что не оставлю. Ни за что.

Джулиан притих, промокнул лоб рукавом халата, а потом сказал весьма холодным тоном:

– Между прочим, я получил письмо от твоего отца. Разумеется, это ответ на мое письмо, посланное несколько раньше. И он пишет, что лучше б я не женился на такой девушке, как ты. И это он пишет мне!

Мне! Человеку, с которым он никогда раньше даже не встречался! И он советует мне на тебе не жениться. *Твой* отец, Клара. Я цитирую его слова.

Этого Клара так оставить уже не могла.

– Ты же *ничего* о моем отце не знаешь, так что не надо...

– Он считает тебя плаксивой девчонкой, которая любит изображать из себя жертву, а о жизни в реальном мире понятия не имеет. Он утверждает, что ты непременно меня подведешь, потому что ты в итоге всегда всех подводила. Наверное, мне следовало бы раньше прислушаться к его советам, не так ли?

– Мой отец меня бросил. Он чуть ли не силой уволок мою мать в Африку, куда она ехать совсем не хотела, а когда она заболела, даже необходимую медицинскую помощь ей не обеспечил. И ты еще хочешь убедить меня, что это я *его подвела*? Впрочем, говори что угодно, мне это безразлично.

И с этими словами Клара развернулась и ушла, а Джулиан так и остался стоять на крыльце своего дома в своем убогом коротком халатике, из-под которого торчали его тощие бледные ноги. Случившееся выходило далеко за рамки представлений Клары о хрупкости человеческой психики. Эта глава ее жизни была завершена, и она испытывала облегчение, даже, возможно, радость. И как это она позволила своим отношениям с этим человеком зайти так далеко?

Глава сорок первая

– Памела Льюис – садовница, я потому сразу о Терри и подумала, – сказала мисс Купер. – А ее муж – бухгалтер, такой типичный счетовод, очень тихий. Они оба уже немолоды. Обоим за сорок. Две войны пережили.

Несмотря на то что мисс Купер пребывала в восторженном состоянии, Клару ее идея не слишком вдохновляла. Это был совсем иной случай – не поездка к бабушке Терри или однодневная «экскурсия» Билли и Барри к возможным усыновителям. То и другое, кстати, закончилось неудачей. А что касается Питера, то постигшая его беда оказалась, возможно, как раз прямым следствием той установки, что детям лучше всего жить с имеющимися у них родственниками.

Иногда Клару удивляла та поразительная уверенность, с какой люди вроде мисс Купер или даже Майры Кертис претворяли в жизнь собственные решения. И вообще, думала она, явилось ли принятие Закона о детях шагом в правильном направлении или же, как всегда утверждал Айвор, это просто дало чиновникам возможность совать нос в чужие дела, дергать детей в разные стороны и порой вопреки их собственным желаниям, и в итоге вылилось в напрасный расход средств?

Клара все еще верила в нужность своей работы, их общей работы, но теперь уже видела и ее недостатки. А недостатки проявлялись прежде всего там, где не хватало денег, или людей, или возможностей претворить в жизнь задуманные перемены. А если то и дело не хватало людей или средств, то получалось, что все свои честолюбивые планы они строили напрасно.

– Что вы по этому поводу думаете? – спросила мисс Купер.

– Вы что, хотите организовать для них приезд в Грейндж? – ровным голосом почти равнодушно сказала Клара. Мисс Купер хлопнула в ладоши, и Клара снова подивилась, сколько в ней еще энтузиазма по отношению к тому, чем занимается Совет.

– Я уже все организовала! – похвасталась она. – Они приедут в пятницу в три. Вы сможете сделать так, чтобы Терри...

– Выглядела чистой и скромной? – Клара вздохнула. – Да, конечно. Правила игры нам хорошо известны.

Памела и Гарри Льюис, устроившись в саду, выпили по чашке чая и съели по ломтику фруктового пирога, испеченного мисс Бриджес. Неожиданно для себя Клара сразу прониклась к ним теплыми чувствами. Памела оказалась очень худой, даже костлявой, и явно приложила немало усилий, чтобы выглядеть пристойно, но от этого сейчас явно чувствовала себя некомфортно. Она то возилась с рукавами своей блузки, засучивая их и снова опуская, то теребила жемчуг на шее – в общем, вела себя, как ребенок, которого одели в непривычное праздничное платье. Легко было себе представить, что ей куда вольготней было бы в рабочих брюках и грубых садовых башмаках. Ее муж Гарри чем-то походил на иностранца, особенно щегольскими усами, в которых проблескивала серебристая седина. Он был старше Памелы, ему явно было под пятьдесят. Ознакомившись с их анкетами, Клара узнала, что они потеряли на войне сына, и сердце ее тут же раскрылось им навстречу. Но для себя она все-таки решила, что на сей раз ни за что не допустит, чтобы эмоции вновь захлестнули ее и сбили с толку.

– Вам будет нелегко опять вернуться к воспитанию маленького ребенка, – сказала Клара.

– Я знаю, – коротко ответила Памела. И больше ничего не прибавила. Она явно не испытывала в этом потребности. И Клара подумала: *она действительно знает, и мне совершенно не нужно ломиться в открытую дверь.*

Когда дети вернулись из школы, Клара перехватила Терри и сказала ей, что люди, о которых она ей уже на днях рассказывала, приехали и хотят с ней познакомиться.

– Это те самые, что, может быть, захотят меня взять? – Больно было видеть, какой надеждой вспыхнули глаза Терри.

– Совершенно верно.

Пока Терри умывалась и приводила себя в порядок, Памела, не выдержав, погрузилась по колено в траву, которой заросла одна из цветочных клумб, и принялась за прополку, а Гарри преспокойно вытащил газету и раскурил трубку. Однако стоило им увидеть

вышедших из дома Клару и Терри, оба так и подскочили, полностью переключив свое внимание на девочку.

Памела вытерла руки о свою безукоризненную узкую юбку и повинулась:

– Ох, прошу меня извинить, что я так перепачкалась! Но я была просто не в силах противиться желанию немедленно выдернуть эти сорняки.

Терри смерила ее взглядом и предложила:

– Хотите, могу вам свои инструменты принести?

И тут же помчалась в садовый сарай. Когда она вернулась, теща полную тачку всевозможных инструментов, Памела вполне искренне восхитилась:

– Инструмент у тебя и впрямь прекрасный! – Она явно не предпринимала ни малейших попыток понравиться девочке, зато попросила к явному удовольствию Терри: – Может, ты мне и весь сад покажешь?

В общем, все вышло очень мило – тем более что никто этого не ожидал. А Терри уже рассказывала Памеле о своих очках.

– У меня тоже есть очки. Очень похожие на твои. Я ими для чтения пользуюсь, – сказала Памела. – Я тебе их как-нибудь покажу... если захочешь, конечно.

– Если мы одновременно наденем очки, то станем похожи на близнецов, – тут же откликнулась Терри.

Гарри снисходительно улыбался, глядя на них, потом перевел взгляд на Клару и заметил, что она так и стоит с чайным подносом в руках, не зная, что ей делать дальше, и отнюдь не чувствуя себя частью той прекрасной группы, что возникла буквально у нее на глазах. Казалось, она наблюдает метаморфозу бабочки. Гарри встал, взял у нее из рук поднос, поставил на стол и повернулся к ней:

– Благодарю вас.

– Не надо меня благодарить! – встрепенулась Клара. – Не за что. Я ничего такого не...

– Вы часть всего этого, – сказал он. – И, пожалуйста, примите от нас полагающуюся вам долю благодарности. Я сам вырос в работном доме. Пришел туда вместе с матерью и с тех пор больше ее не видел. И у нас никогда не хватит благодарности, чтобы должным образом

воздать вам за все, что вы делаете для этих детей, даря им тепло живой души и безопасную жизнь.

Теплые руки Гарри ласково сжали руки Клары, и она почувствовала, что глаза ее полны слез. Ибо ее терзало ощущение, что ничего из того, о чем говорил Гарри, она для детей как раз и не сделала.

Глава сорок вторая

Если бы всего год назад Кларе сказали, как сладостно ей будет слышать детский смех, она бы ни за что не поверила. Но теперь, стоило ей услышать, как смеются *ее* дети, внутри у нее сразу разливалась приятная теплота. На сей раз причиной этого оказался Алекс, весело смеявшийся, читая в гостиной какую-то книгу. Заглянув в дверь, Клара увидела, что он уселся по-турецки прямо на пол и увлеченно листает книгу-панораму о динозаврах, неизвестно откуда появившуюся в доме.

– Откуда у тебя эта книга? – Таких в местной библиотеке явно не имелось. Алекс уже по несколько раз перечитал все, что имелось в тамошней детской секции, и перешел к книгам для взрослых.

– Ее миссис Мартин прислала, – сказал он. – Ой, тут так много смешных картинок!

Джуди прислала?

– Я не знала. Когда принесли посылку?

– Сегодня утром. Вот, например... – Алекс ткнул пальцем в одну из иллюстраций. – Это птеродактиль.

– Как это... мило со стороны Джуди!

И как загадочно! Может, Джуди решила, что у Алекса день рождения или еще что-нибудь в этом роде? Может, она собирается вскоре объяснить все это Кларе по телефону?

* * *

В четверг днем машина дяди Питера опять подъехала к Грейнджу. Если уж Кларе было немного страшновато, то Питер, наверное, и вовсе испытывал бог знает какие чувства, осторожно выглядывая из комнаты мальчиков. Клара вихрем вылетела на улицу. Она же просто обязана выглядеть сильной и смелой, даже если ничуть себя таковой не чувствует! Зато дядя Питера в кои-то веки был вынужден не только вылезти из автомобиля, но и неторопливо направиться к дому с таким видом, словно все у него просто прекрасно.

– Даже не приближайтесь к нашим дверям! – крикнула Клара, проклиная себя за то, что не сумела до конца скрыть предательскую дрожь, явственно слышавшуюся в ее сердитом голосе.

– У меня имеется предписание солиситора. Питер поедет со мной.

Клара заметила, что Питер теперь уже спустился и, весь дрожа, стоит рядом с ней. Она очень пожалела, что сразу не приказала ему не выходить из дома. Незачем ему было становиться свидетелем ее битвы с его родственником. Питер, рослый и крепкий парнишка, выглядел сейчас каким-то съезжившимся, ссохшимся, словно вконец одряхлевший старикашка. Как же ей раньше в голову не пришло, что дело *не только в Питере, не только в его переходном возрасте?* Как же она теперь ненавидела себя за эту недогадливость. Ну ладно, дядя Питера – настоящее чудовище, но она-то чем лучше, раз этого не разглядела?

– Если мальчик не поедет, я всех питомцев вашего гнезда на колени поставлю. – Самоуверенность этого типа была поистине безгранична. – А уж *тебя*, – он ткнул в Клару пальцем, – я попросту уничтожу. Как пить дать!

У Клары перехватило дыхание, а он все продолжал тыкать в нее пальцем, и этот палец выглядел столь же наглым, как и его хозяин.

– Я поеду с ним, – прошептал Питер. Волосы, упавшие ему на глаза, скрывали их выражение, но невозможно было не заметить, что он весь словно окаменел, внутренне застыл от охватившего его ужаса.

– Нет!

– Я... я ведь, наверное, обязан.

А его дядя вовсю развлекался, наблюдая эту сцену.

– Уж я позабочусь, чтобы с вашим притоном было покончено, – злорадствовал он. – Я вас всех в пыль сотру.

– Ты никуда не поедешь, Питер, – твердо заявила Клара. – Я тебе не разрешаю никуда ехать.

Но Питер уже начал медленно продвигаться к дядиной машине. Выглядело это, как если бы он находился под воздействием гипноза или же был привязан невидимыми струнами, за которые его туда тянут.

– Поторопись! – крикнул ему дядя, теперь уже абсолютно уверенный в собственной победе, и расхохотался Кларе в лицо: – Ну что? А ты и поделывать-то ничего не можешь!

– Эй!

Голос Айвора. Айвор! Да, это был он. Он вышел из своей мастерской, держа в руке ножку стула, как держат боевую дубинку. На его лице сияла широкая улыбка – точнее, злобный оскал. Таким Клара никогда еще его не видела. Это был *солдат Айвор*, и она почему-то сразу вспомнила о тех его боевых наградах, которые он так не любит носить. Впрочем, сейчас он был даже не солдатом, а охотником. Он и двигался, как настоящий охотник – так спокойно и осторожно, что, казалось, даже воздух замедляет свое движение, обтекая его.

Клара просто глаз не могла от него отвести: все в нем ее завораживало – даже то, как сидят на нем рубашка и серые брюки с подтяжками. Стоило ему появиться рядом, и ее страх уменьшился сразу в сто раз. Еще не все потеряно, говорила она себе. Не будь Джулиана, вряд ли дядя Питера тогда смог бы выиграть – ведь на их стороне был Айвор. Айвор в бою спас двадцать человек. А сейчас спасет еще одного.

Питер переводил взгляд с одного на другого, но ни на кого толком не смотрел. Вытянутые по швам руки у него словно прилипли к бокам.

Айвор сделал несколько шагов в сторону дяди Питера. На этот раз он нисколько не кособочился, и походка у него была отнюдь не расслабленная.

Но дядя Питера только рассмеялся.

– Нет, вы только посмотрите на него! Неужели ты думаешь, что я тебя боюсь? Ты же у нас *совершенно безрукий*. – Он огляделся, словно в поисках аудитории для своих колкостей. – Или это ответ Саффолка Дугласу Бадеру?^[25]

– Тебе давно пора, отваливай.

– А женушка-то твоя куда сбежала? В страну янки-дудл-денди, да? Ты, небось, ее удовлетворить был не способен? Так ведь, насколько я слышал?

– Лучше уезжайте отсюда, и поскорей! – негромко сказала ему Клара. Она была в ужасе от его слов. *Бедный Айвор!* – Пожалуйста, уезжайте.

– Питер – *мой* племянник. И он поедет со мной.

– Только через мой труп. – Теперь рука Айвора с занесенной для удара ножкой стула оказалась вдруг в нескольких дюймах от лица дяди Питера.

Кларе показалось, что прошло несколько лет, а вовсе не пара секунд, когда она увидела, что дядя Питера, неловко попятившись, задом влезает в свою машину. Хлопнула дверца, взревел мотор, и автомобиль покатился по Верхнему шоссе, испуская клубы черного дыма. Выглядело это на редкость бесстыдно. И Кларе стало бесконечно жаль всех, кто сейчас встретится этому человеку на шоссе.

Она попыталась обнять Питера за плечи, но он не дался. Даже оттолкнул ее. Он всегда терпеть не мог, когда к нему прикасались.

– Что же нам теперь делать? – растерянно спросил он, зубы у него стучали так, что было слышно.

– Ничего особенного. Продолжим заниматься своими делами, – спокойно сказала Клара. – А ты спокойно ступай в дом.

И уже через несколько секунд она услышала, как в ванну полилась вода.

Айвор уже почти скрылся за дверями мастерской, когда Клара в отчаянии окликнула его:

– Айвор! Огромное тебе спасибо! Я перед тобой в долгу.

– Непременно опиши это в своем следующем отчете, – буркнул он, но на нее так и не взглянул. Ни разу.

Ну и ладно, значит, он все еще на нее сердится.

Глава сорок третья

Джуди сказала, что на ланч им следует пойти в паб, а потом вместе вернуться в Грейндж, потому что она хочет еще раз увидеть детей. Клара и удивилась, и обрадовалась – может, это признак того, что Артур перестал так сильно контролировать свою жену? И потом, ей хотелось спросить у Джуди насчет той книги, которую она видела у Алекса.

– Надеюсь, ты не возражаешь, что я выбрала именно это место? – спросила Джуди, остановившись перед дверями отеля «Лебедь», сделанными из матового стекла. – Оно, вообще-то, знаменитое: здесь летчики королевских ВВС, базировавшихся в Лавенхэме, перед вылетами записывали на стенах свои имена. – Оказывается, Джуди прочла об этом в местной газете. – Эти стены в летчицком баре так и остались нетронутыми. У них еще была такая игра типа «вызов новичку», и новичок должен был за максимально короткое время выпить три с половиной пинты пива.

Клара была потрясена – ничего подобного она никак не ожидала, и снова, как тогда на американском кладбище, ей стало не по себе и показалось, что взгляд в прошлое грозит ей какой-то бедой. А Джуди, внимательно на нее посмотрев, сказала:

– Нам вовсе не обязательно туда заходить. Просто мне показалось, что это может немного помочь тебе... преодолеть твою вечную печаль.

Клара некоторое время колебалась, но потом весело воскликнула:

– Значит, «вызов новичку»? Игра на выбывание? Вполне в духе Майкла!

Было еще довольно рано, и бар только-только открылся, хотя у стойки уже торчали несколько стариков. Клара осталась ждать официанта, чтобы заказать выпивку, а Джуди медленно двинулась вдоль стен, касаясь их пальцами. Глядя на нее, Клара одобрительно подумала: выглядит она очень даже неплохо. Может быть, Артуру все-таки удалось сдержать слово? Впрочем, после всего, что было, она сильно в этом сомневалась.

Внезапно Джуди ее окликнула:

– Капитан Майкл Адамс?

– Да.

– Вот здесь, Клара, его имя написано.

На мгновение у Клары перехватило дыхание. Бармен уже принес заказанные напитки и положил перед ней бумажное меню. На его лице было написано искреннее сочувствие. Клара взяла оба бокала и подошла к Джуди. Она очень старалась держать себя в руках, заранее представив себе, как спотыкается, роняет бокалы на пол, и все начинают суетиться вокруг нее.

– Вот. Посмотри...

КАПИТАН МАЙКЛ АДАМС

Большими буквами, немного дерзко, но не вычурно – типичный Майкл. Да, он, безусловно, здесь был. О ней на стене, конечно, ни слова, было бы глупо даже предполагать такое. Это ведь был *его* момент славы. Это ему предстояло лететь на опасное задание, и он, возможно, был полностью поглощен мыслями об этом, ушел в себя, как – Клара не раз об этом слышала – уходят в себя женщины, которым вот-вот предстоит рожать.

– Милая ты моя, – ласково сказала Джуди, когда из уст Клары вырвалось короткое рыдание, – может, я зря все это затеяла? Может, для тебя это чересчур? Надеюсь все же, что нет. Я ведь просто хотела помочь.

Бедный Майкл! Он был так полон жизни, что и до сих пор порой невозможно себе представить его мертвым. Все его записки и письма Клара бережно хранила в особой папке у себя в комнате. Маленькие, смешные, с рисунками самолетов и парашютистов. И настоящие любовные. И, хотя перечитывать их было слишком больно, она ни за что на свете с ними бы не рассталась.

Что он чувствовал, сидя здесь – интересно, а где она в тот момент находилась? – и зная, что ему, возможно, предстоит встреча со своей смертью?

Джуди, оказывается, заранее приготовила несколько листов хорошей тонкой бумаги и карандаш. Она помогла Кларе скопировать со стены надпись, сделанную Майклом, и слезы при этом капали у нее с кончика носа.

– Я пошлю одну копию Мэрилин, – сказала Клара, и мысль об этой одинокой женщине, живущей за океаном, которая будет пристально всматриваться в листок папиросной бумаги с последними словами, написанными рукой ее единственного погибшего сына, все-таки заставила ее разрыдаться.

Она еще долго плакала, сидя рядом с Джуди на красном плюшевом диванчике и вспоминая, что Джуди в нужный момент всегда оказывалась рядом, всегда готова была подставить Кларе плечо, и в это плечо всегда можно было уткнуться и выплакаться всласть. От этого слезы у Клары полились еще сильнее. Все-таки Джуди – просто замечательная.

– Майкл бы хотел, чтобы ты в любом случае продолжала жить и жила хорошо, – сказала Джуди, положив руку Кларе на плечо. Она и теперь осталась верна себе. Хотя обычно мысли о том, *чего хотел бы Майкл*, всегда подталкивали Клару куда-то не туда, но, когда об этом говорила Джуди, ничего такого не происходило. Джуди знала Майкла; и потом, это ведь была чистая правда. Он и сам как-то раз сказал Кларе именно эти слова. Они тогда возвращались домой и, как обычно, спорили что более правильно: «кинофильм» или «кино». И Майкл вдруг сказал: «Если со мной что-нибудь случится...», и она тогда так яростно воспротивилась разговору на эту тему, что не дала ему договорить и закричала: «Да ничего с тобой не случится!»

Живи, продолжай жить и живи хорошо.

– Хотя и не обязательно с Джулианом, – вдруг прибавила Джуди.

И обе вдруг расхохотались. Даже бармен с некоторым удивлением посмотрел в их сторону. Клара пока ничего не говорила Джуди о том, что в последнее время ее мысли занимает вовсе не Джулиан, а Айвор Дилани. Не говоря уж о том, как быстро Джулиан вообще исчез из ее поля зрения после той истории. Джуди, возможно, уже обо всем догадалась; и дело вовсе не в том, что Джулиан оказался негодяем – а он именно таким и оказался! – просто, и это было куда важнее, он как мужчина больше Кларе не интересовал.

– Не плачь, Клара. Ты и тогда сумела оправиться от удара, и на этот раз сумеешь.

– Я плачу, потому что буду скучать по Бандиту.

И они снова расхохотались. А Клара вдруг вспомнила, как однажды они с Джуди, с трудом придя в себя после одной ужасной

ночи, проведенной в бомбоубежище, потащились пешком через весь Лондон. На каждой улице были видны последствия бомбардировок. Заметив чью-то ногу, торчавшую из груды мусора, Джуди вытащила свисток, который всегда носила с собой, и принялась что было сил свистеть. Поднялась жуткая суматоха. Примчалась «Скорая помощь». Когда откопали «погибшего», оказалось, что торчавшая нога принадлежала кукле, обыкновенной детской игрушке. И потом Клара и Джуди несколько недель только об этом и говорили.

Яйца по-шотландски, ветчина, яичница с жареной картошкой, свиные ребрышки.

И Клара, *скрестив пальцы*, подумала: все еще будет хорошо. Просто ее несколько испортили все эти чудесные рестораны, в которые в последние месяцы они ходили с Джулианом. Он, кстати, выбрал бы свиные ребрышки.

– Я должна кое-что тебе рассказать, – сказала вдруг Джуди. – Я... ох, Клара... мне ведь действительно было совсем плохо.

И она, запинаясь, рассказала подруге все. Оказывается, Джуди и Артур с самого начала пытались завести ребенка, но беременности так и не случилось. У нее не было даже самой короткой задержки – с тех самых пор, как они поженились, а их браку теперь уже больше трех лет.

Каждый месяц Джуди испытывала самый настоящий ужас. Порой просто невыносимый. Это было все равно что ожидание воздушного налета, когда уже завывали сирены, сказала она, а еще ее стало терзать ощущение опустошающего одиночества.

И вот у нее всего лишь вчера опять начались месячные. Никогда в жизни она так сильно не ненавидела собственное тело. Оно разрушало ее, уничтожало.

– Но почему же ты мне раньше обо всем не рассказала? – спросила Клара, и ей сразу же стало стыдно. Она понимала, что так не должно было случиться – ей самой следовало быть повнимательней к Джуди, – но так уж получилось. А ведь сама она все эти годы искала и находила у Джуди поддержку! Как же это вышло, что она даже свое теплое плечо ей не подставила! Не дала ей возможности хотя бы выплакаться на этом плече! Доверительные беседы, утешения, постоянная поддержка – все это шло только с одной стороны, а значит, Клара так и не стала для Джуди настоящей подругой. Во всяком

случае, их дружба оказалась совсем не такой, как ей это представлялось.

– Нет, в дружбе мы с тобой *действительно* равны, – настаивала Джуди. – Просто, как тебе известно, я не люблю ни на кого опираться.

– Даже на меня? – задыхнулась Клара.

– *Ни на кого.* Даже на тебя, даже на маму или отца, даже на Артура. – И она снова заплакала. – Такая вот у меня слабость. Я тебе даже завидую иногда, ведь ты вполне способна попросить о помощи.

Клара фыркнула.

– Вот именно! Мне приходится это делать, потому что я то и дело в беду попадаю.

– Вовсе не поэтому! Ты способна обращаться к другим, потому что ты и сама сильная. И всегда была сильной. И всегда могла попросить других тебе помочь, если что. Я просто восхищалась этой твоей способностью – если у тебя что-то плохо получалось, ты не заикливалась на этом, а просто шла дальше или просила кого-нибудь другого это сделать. А я? Я всегда старалась во всем достигнуть идеала, все сделать на отлично, и это меня уродует, Клара, ей-богу уродует. Во всем быть идеальной невозможно! А я все пытаюсь, но получается, что я даже казаться идеальной не в состоянии... Нет, я совершенно безнадежна!

Джуди безнадежна? Неужели она действительно так считает?

– Ты не безнадежна, Джуди, не говори так!

– Я даже ребенка от собственного мужа зачать не могу! После стольких лет! После стольких попыток!

– Ох, Джуди, я понятия не имела...

– После всего того, через что Артуру довелось пройти, я не в состоянии дать ему даже такой простой вещи. Той единственной вещи, которая могла бы помочь нам, исцелила бы наш брак.

Ох, Джуди.

– «Зачатие». Какое странное слово, правда? Это как бы самое начало, и я всегда считала, что это получится очень легко, а оказалось... И во мне столько злости и ненависти, а еще какой-то странной ревности к тем, для кого это оказалось так легко. А потом им было столь легко бросить свое дитя и уйти прочь. Как поступили... и некоторые из родителей тех, кто теперь живет в Грейндже.

– Джуди, ты самый очаровательный человек из всех, кого я знаю. Только не надо себя ненавидеть, потому что в голову тебе явилось несколько плохих мыслей. У всех бывают плохие мысли.

А ведь мне следовало бы знать, что с ней происходит.

– Но это же просто ужасно! Каждый месяц я молюсь и надеюсь – и ничего! Как могло мое собственное тело так меня подвести?!

– А что говорят врачи?

– Говорят: «Продолжайте попытки». А попытки я продолжаю уже почти четыре года, Клара! Как долго мне еще их продолжать?

И Джуди бросилась подруге на шею, дрожа всем телом от сдерживаемых эмоций. Клара почувствовала исходящий от ее волос запах шампуня. Несколько лет Джуди, ее лучшая подруга, испытывает жестокие страдания, а она до сих пор ничего об этом не знала! Это трагическое странствие по медицинским кабинетам они проделали не вместе. Ничего удивительного, что их дружба в последнее время так пошатнулась.

– Ты знаешь, – продолжала Джуди, – это все равно, как после всех этих тяжелых военных лет, после той войны, которую мы пережили вместе, я теперь вынуждена переживать свою собственную, личную войну. И я не знаю, какая война хуже. Когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что то было старое, доброе время – это война-то! – и я чувствую себя такой дрянью из-за всех тех, кто погиб.

– Джуди, ты же не можешь приказать своим чувствам!

– Но это же неправильные чувства! И это никакая не война. Во всем виновато мое собственное дурацкое чрево!

– Господи, Джуди, мне так жаль! Если я могу хоть чем-то тебе помочь, чем угодно, ты только скажи.

Клара навсегда запомнит этот миг: солнце, сдвинувшись, ударило прямо в окно, и золотистые волосы Джуди вспыхнули, как на старой голландской картине. Затем к ним подошел бармен и спросил: «Кому здесь яйцо по-шотландски?», и Клара подняла руку, словно школьница в классе.

Они восхитились изящным оформлением поданных блюд, затем Джуди, развернув алую салфетку со столовыми приборами, сказала вполне спокойно и серьезно:

– А вообще-то, Клара, есть одна вещь, которую ты можешь для меня сделать.

– Все что угодно, Джуди, ты же знаешь.

– Я говорю об Алексе. По-моему, он просто замечательный мальчик.

Клара, разрезая оранжевую панировку яйца по-шотландски, улыбнулась. На тарелке это смотрелось и впрямь очень красиво – просто произведение искусства. Этот паб оказался потрясающим местом – ничего удивительного, что Майкл так любил сюда ходить.

– Да, Алекс замечательный. У меня все дети замечательные, но он особенный.

– А как бы ты отнеслась к тому, чтобы мы его усыновили? Ты бы нас рекомендовала?

У Клары молотом застучало сердце. *Артур. Артур и Алекс?*

– Я уже довольно давно об этом думаю, – продолжала Джуди. – Ну, в общем, с тех пор, как с ним познакомилась. Нет, пожалуй, еще раньше! С тех пор, как впервые услышала, как ты о нем рассказываешь. Это было как любовь *еще до* первого взгляда; я просто сразу поняла, что он предназначен для меня.

Джуди положила нож и вилку и словно забыла о них. А Клара пребывала в замешательстве. Ей кусок в горло не лез, и казалось, что желток у нее на тарелке нагло пялит на нее глаза.

– Понимаешь, Джуди, Алекс ведь теперь будет учиться в грамматической школе в Ипсвиче. Его только что приняли, и он в таком восторге, с таким нетерпением ждет этого.

Клара с трудом подбирала слова. Она давно заметила, что Алекс очень нравится Джуди, но это? Разговора об усыновлении она и через миллион лет от нее не ожидала.

А глаза у Джуди так и светились – ей теперь казалось возможным осуществление любых ее планов, и выглядела она куда более живой, чем та Джуди, какой Клара постоянно видела ее в течение нескольких последних лет. Она вновь стала легкой и прелестной, как перед своей свадьбой. Оживленной, полной надежд и радостного возбуждения.

– В том-то и дело! Знаешь, в Лондоне, совсем рядом с нами, тоже есть грамматическая школа имени короля Джона. Это просто потрясающая школа, там очень высокий уровень образования. И Алекс со своими результатами запросто сможет туда перевестись. Я и с руководством школы уже переговорила. Да и мы смогли бы кое в чем ему помочь – в биологии, в точных науках. С его интересом к миру, с

его любознательностью его непременно ждет успех. Это была бы чудесная возможность все начать заново – и для него, и для нас.

– Ох, Джуди!

Джуди уже поговорила с начальством какой-то там школы?

Клара тщетно пыталась привести свои мысли в порядок. И вдруг вспомнила одну ночь, когда Лондон яростно бомбили, а они с Джуди примчались в бомбоубежище, и им сказали, чтобы они бежали дальше, потому что здесь уже нет места. А вокруг падали бомбы, и ее тогда охватила почти такая же растерянность, как сейчас. Джуди, впрочем, знала еще какое-то бомбоубежище. Джуди всегда знала, куда бежать и где можно спрятаться.

А Джуди продолжала:

– Я понимаю, это звучит дико, но у меня такое ощущение, будто он – моя судьба. Наша судьба, Клара! Знаешь, у моего брата среднее имя было Хауард, в точности как у Алекса! Ты, как мне хорошо известно, не суеверна, но *это* все-таки кое-что значит, правда? Может, это еще один знак свыше? И уж ты-то знаешь, как я люблю динозавров – да я в школе половину учебного времени тратила на динозавров. Помнишь, как я лепила их из папье-маше? Я это занятие просто обожаю. Представляешь, каких динозавров мы с ним могли бы сделать. Да и много чего другого.

– Да, конечно, – тихо сказала Клара.

В пабе теперь становилось все более людно. И это были не приезжие, вроде них, а местные, хорошо знавшие, как зовут бармена. Его звали Мэтью – симпатичное имя и очень ему подходившее. Клара все водила пальцами по трещинам в столешнице – ведь здесь когда-то мог сидеть Майкл – и цеплялась за это занятие, как когда-то привычно цеплялась за его руку.

– Ну, и что ты скажешь?

– Пока не знаю.

– Что ж, для тебя это действительно неожиданно. Ты просто подумай несколько дней, а потом дай мне знать, хорошо?

Клара посмотрела прямо в возбужденное лицо подруги. Она хорошо помнила, как выглядели тогда глаза Джуди – оба! – с багрово-красными синяками цвета заката. Помнила ее лодыжку с кровоподтеками и ссадинами. И ее слова: *Это все ерунда, глупая ты сосиска!* И ее «мигрени», по поводу которых она ни за что не хотела

обращаться к врачу. И ее постоянное вранье мужу, который не желал, чтобы она всего лишь повидалась со старой подругой...

Первая попытка возразить у Клары получилась весьма мягкой:

– Вряд ли я сумею это сделать.

– Что?

– Вряд ли я сумею поставить тебя на первое место в очереди по усыновлению. По-моему, это не удастся.

Лицо Джуди моментально, словно по щелчку, погасло и закрылось – словно опустились черные шторы, как при затемнении. Клара даже вздрогнула.

– Почему ты так думаешь?

– Ты же знаешь, почему, – прошептала Клара. – Ты же *знаешь*, Джуди.

– Артур никогда бы не причинил вреда *ребенку!* – возмутилась Джуди, но сказала это каким-то странным, шипящим шепотом.

– Джуди...

– Никогда! Я его знаю. Я ему верю.

– Нет, он мог бы, – неуклюже возразила Клара. Странно было бы попытаться хоть что-то проглотить во время такого разговора, и она оттолкнула от себя тарелку. – А подобная возможность не соответствует критериям отбора.

– Лучше бы я тебе ничего не рассказывала! Лучше бы я *никогда и ничего* тебе не рассказывала!

Кларе тоже казалось, что так было бы лучше. Шесть месяцев назад ей и в голову не приходило подозревать Артура в чем-то подобном. Но он ухитрился втихую избивать Джуди, когда Клара спала совсем рядом, в соседней комнате. Что это? Смелость? Наглость? Нет, это вседозволенность. И это ужасно плохо, неправильно, однако Клара продолжала сомневаться. А может, это почти нормально для человека, только что вернувшегося с фронта? Может, ей опять мешает ее дурацкий идеализм? Но единственным человеком, с которым она могла на сей счет посоветоваться, была Джуди, и как раз она-то теперь для этого совершенно не годилась...

– Значит, другие люди могут запросто получить ребенка, и к ним никакие особые «критерии отбора» не применяются? А мы с Артуром не имеем на это права? Так что ли?

Клара прикусила губу. Но сказала:

– Я же не могу ради вас менять правила.

– Я знаю, как работает эта система. Она *попросту не работает*. Никому нет дела до отдельных детей. Там как в собачьей стае – один другого готов сожрать. И тебе, как и мне, прекрасно это известно.

– Дело тут вовсе не во мне, и решать этот вопрос буду не я, – сказала Клара. – Но я бы не смогла отдать вам Алекса, даже если бы этого хотела.

Когда эти слова уже успели с некоторым трудом выползти у нее изо рта, она взмолилась про себя: *Пожалуйста, не цепляйся к этому! Пожалуйста, не надо!*

Но, конечно же, Джуди, коварная, как лиса, *как раненая лиса*, в ее слова буквально вцепилась.

– Но ты *не хочешь*, верно? После стольких лет – ты *не хочешь!* А тебе известно, что детей продают просто по объявлению в газете? Что их с легкостью отсылают куда угодно, в любой конец страны? Любому, кто выразит желание? Это весьма процветающий бизнес. А ты тут кривляешься передо мной, изображая из себя некую высоконравственную особу, которая к тому же может что-то мне позволить или не позволить!

Они действительно много лет были ближе, чем сестры. И родители Джуди давно стали для Клары родными людьми. После работы по пятницам она быстро пила чай, быстро стирала одежду, а перекусывала уже у них. Они *спасли* ее. Спасли если и не ее жизнь, то ее душу, ее рассудок. У них она обрела теплый семейный очаг, когда собственные родители ее бросили.

И теперь она не могла спасти Джуди. Или не хотела.

Но как послать ребенка в дом к Артуру? Это невозможно! Она этого не может и не хочет, даже если и ошибается, – но даже если она и ошибается, так поступить она все равно не сможет. Бармен Мэтью, заметив, что на тарелках у них по-прежнему полно еды, подошел к ним и смущенно спросил:

– Что-нибудь не так?

– Не с едой! – рявкнула Джуди.

– Нет, все очень вкусно! – Клара, встретившись с барменом взглядом, попыталась ласково улыбнуться. – Просто оказалось, что мы совсем не хотим есть.

– Тогда я пока все это оставляю, хорошо?

Лучше бы он нас пока в покое оставил! – Клара положила руку ладонью на столешницу. Ей казалось, что так она чувствует живую пульсирующую кровь Майкла. И его дыхание – он словно дышит ее легкими. *А что бы Джуди ответил Майкл?*

– Да, хорошо. Спасибо. – Она снова заставила себя улыбнуться бармену, и он, наконец, ушел, и Клара услышала, как кто-то спросил у него: «Что это с ними такое?» *Неужели все здесь и впрямь следят за нами и комментируют каждое наше движение?* – сердито подумала она.

– Они ведь и не стали бы ничего спрашивать, Клара, – вновь заговорила Джуди. – А впрочем, нам больше не о чем говорить. Все кончено.

– Но я *обязана* буду им сообщить.

– Нет, ничего ты не обязана. К чему сейчас такая жестокость? После всего, что я для тебя сделала? Уж не денег ли ты хочешь? Уж не в этом ли дело?

Весь этот разговор вообще был для Клары совершенно неожиданным, но последнее обвинение и вовсе показалось ей предательским ударом с левого фланга.

– Ни в коем случае!

– Ой, да я *спорить* готова, что это так! Тебе всегда хотелось приобрести разные вещи для своего дома, так что я уверена, что дело именно в деньгах.

– Дело как раз совершенно не в этом, Джуди. Не понимаю, зачем ты пытаешься меня оскорбить? Ты же знаешь, что деньги тут ни при чем.

– Я могла бы взять ребенка, любого ребенка, в любом другом приюте, но нам нужен именно Алекс, и я знаю, что могу подарить ему настоящую семью и самый лучший дом. И ты тоже это знаешь.

Отвечать ей Клара была не в состоянии.

– Мы могли бы заплатить тебе.

– Нет.

– Ну, в таком случае мы поедem в другой Сиротский дом. Я знаю, что Алекс особенный и что у нас с ним все получилось бы, но он не единственный мальчик на свете. И ты не единственная моя подруга.

Джуди встала. Одним быстрым движением схватила сумку и пальто и бросилась к дверям. За матовым стеклом мелькнул ее силуэт,

и Клара тут же вскочила и ринулась за ней следом. Вообще-то ей хотелось как следует попрощаться с надписью на стене, сделанной рукой Майкла, но Джуди сейчас была важнее.

– Постой, Джуди, пожалуйста, будь разумной!

Джуди все еще трясло – от ярости или от неверия, Клара понять не могла.

– Я просто поверить не в состоянии, что для тебя твоя работа оказалась важнее меня!

– Дело вовсе не в моей работе, Джуди! Все гораздо серьезнее.

– Ты вспомни, кстати, кто помог тебе получить эту работу! Я. Я тогда тебе помогла. Но у тебя оказалась слишком короткая память.

– Нет, Джуди. Это *у тебя* она слишком короткая. – Еще только произнося эти слова, Клара поняла, что пожалеет об этом и будет жалеть до конца жизни. – Ладно. Уходишь – уходи, но только никуда не сворачивай.

Глава сорок четвертая

Дети были разочарованы тем, что так и не повидались с Джуди.

– А я думал... – начал Билли, но Клара сделала такой жест, будто застегивает рот на молнию, и он замолк.

Когда в тот же день после обеда Клара с несколькими детьми отправилась на прогулку по сельским тропинкам, она то и дело мысленно возвращалась к разговору с Джуди. И каждый раз приходила к выводу, что приняла правильное решение. Она хорошо помнила доклад Кертис, поставленные ею благородные цели, полную революцию в вопросах опеки. Защита детей в этом докладе ставилась на первое место, она была превыше всего остального. А значит, отправить свою «банку с вареньем» в первую попавшуюся старую кладовку было попросту нельзя.

Алекс что-то радостно рассказывал о школьных поездках, планируемых в его новой школе, «все музеи, мисс Ньютон!», и Клара даже поморщилась – сегодня тема поездок и музеев была ей особенно неприятна. Пег бежала впереди, приплясывая на ходу. Рита срывала лютики и заставляла каждого проверять, действительно ли этот цветок любит масло^[26]. Терри колотила палкой по железным балкам изгородей. Им встретился мистер Гаррард, который, прикрываясь рукой от солнца, буркнул из-под руки: «Здравствуйте, мисс Ньютон! Здравствуйте, дети!», и Клара решила, что это явный прогресс. Немного отстав от мужа и крепко прижимая к себе песика Берти, словно дети могли на него напасть, тащилась миссис Гаррард, которая старательно смотрела в сторону и здороваться отнюдь не спешила.

На обратном пути дети, проходя мимо мастерской Айвора, принялись громко выкрикивать приветствия, и Айвор, конечно, откликнулся, но, здороваясь с ними, так сказать, общим списком, он на этот раз имя Клары в общий список не включил, хотя раньше всегда так делал. Затем последовал тихий вечер – ужин с остатками пирога и подготовка овощей к завтрашнему ланчу. С помощью Терри Клара быстренько сделала уборку и села повторять таблицу умножения с Ритой, которая говорила ответ вслух, и Пег, которая его писала. Питер снова принимал ванну. Билли и Барри упражнялись в дурацких звуках, издавая их с помощью собственных подмышек. Потом Рита попросила

у Клары разрешения попробовать ее макияж, и Клара, слишком уставшая за этот день, не смогла сопротивляться. Затем Билли и Барри удалились в свою спальню и принялись громко стучать мячом об стенку, так что Кларе в миллионный раз пришлось сказать им, чтобы они немедленно это прекратили. Свежевымытый Питер тоже спустился в гостиную и, сидя на диване, рисовал какой-то комикс, а может, мечтал о лучшем мире.

Алекс был поглощен новой книгой о динозаврах. Он то и дело бросался к Кларе, чтобы срочно что-то ей показать: «Это же просто удивительно! Вы только посмотрите на размеры диплодока, и при этом мозг у него размером всего с горошину!», и с каждым разом, слушая его, Клара чувствовала себя все хуже и хуже. Бедный диплодок!

Решив просмотреть свои записи, Клара обнаружила, что совершенно не в состоянии сосредоточиться. Она могла думать только о Джуди, о той девушке, которая когда-то ее спасла. Настоящей сиротой Клара, конечно, не была, но в тот период чувствовала себя именно сиротой. Ее ведь попросту бросили – теперь-то она это понимала, глядя на прошлое как бы сквозь увеличительное стекло времени, – и от этого пребывала в полной растерянности. Есть два способа видеть мир, вспомнила она. Все зависит от восприятия.

И дело было не в том, что другие девушки, работавшие в фирме «Харрис и сыновья», как-то неласково к ней относились. Просто все они были вечно заняты, выглядели измученными и усталыми, и вообще у каждой из них имелся свой собственный мирок, где уж им было заметить какую-то секретаршу. А Джуди оказалась совсем не такой: она сразу запомнила имя Клары и только переспросила: «Так ваша фамилия Ньют или Ньютон?»; она поблагодарила Клару, когда та приготовила ей чай, и вскоре сама пригласила Клару в кафе. Мистер Харрис-старший часто повторял, что «фабричный люд и офисные работники никогда не смешиваются», но война, похоже, уничтожила все границы – потому как стало совсем мало мужчин, а женщинам на все границы было *действительно* наплевать, так что они всю «смешивались».

Дружба девушек стала еще крепче, когда Клара познакомилась с Майклом. Они ходили танцевать и устраивали двойные свидания, пытаясь развлечь Джуди; это, правда, ничем не кончалось, но все

равно было весело. А потом Клара потеряла Майкла. И наступил такой период, когда она всерьез подумывала о самоубийстве. Ей хотелось броситься под трамвай. Или под поезд. Почти каждый тогда знал кого-то, кому это удалось – сломленного жизнью отца семейства, истерзанную собственной виной жену и мать. Почти каждый был знаком с такими людьми, у которых больше не осталось сил, чтобы жить дальше. И все это время Джуди была рядом с Кларой, поддерживала ее и рукой, и плечом, и всем сердцем. Была ей верным другом и упорно повторяла: «Ты с этим справишься, Клара. Обещаю тебе».

А чем отплатила ей Клара?

И Клара все же решилась ей позвонить. Она, правда, так и не знала, что сказать; не знала, даже когда уже держала в руках трубку, липкую от чьего-то чужого дыхания. Она знала одно: ей нужно попросить прощения и загладить свою вину. Но в трубке были бесконечные долгие гудки, и в итоге они слились в некий непрерывный гул.

Джуди. Пожалуйста.

Слушая эти гудки, Клара вспоминала, как Джуди помогала ей готовиться к интервью перед приемом на работу:

– А если тебя спросят, что больше всего нужно детям?

– Я скажу: счастливый дом, где они будут чувствовать себя в безопасности и где их примут всем сердцем.

Но ее об этом так и не спросили.

* * *

Посреди ночи Клара проснулась, разбуженная одной из тех мыслей, которые, если их немедленно не выбросить из головы или не воплотить в жизнь, исчезают как бы сами собой, словно растворившись в воздухе. Так что она встала, уселась за стол, зажгла свечу и положила перед собой стопку самой лучшей писчей бумаги и самую любимую ручку, решив, что ни за что не позволит этой мысли ускользнуть. Письмо – это не какой-то ерундовый телефонный звонок, и Клара была даже рада, что так и не сумела дозвониться. Она старалась излагать свои мысли максимально дипломатично и в то же

время четко и ясно. Почерк тоже должен был быть достаточно разборчивым, но самое главное – требовалось найти единственно верные, точные слова. Закончив письмо, она подула на исписанный листок – не только на счастье, но и желая подсушить написанное, – свернула листок и вложила его в конверт, чтобы завтра отнести письмо на почту. Адрес она, разумеется, знала наизусть.

Моя дорогая, моя самая любимая Джуди!

Я знаю, как много мужества понадобилось тебе, чтобы рассказать о сложностях в вашей семье. Я знаю, что ты ни перед кем не любишь раскрывать душу, и уважаю это твое качество.

Я знаю, как ты любишь Алекса. Знаю, что ты никогда бы ему никакого вреда не причинила. Но вас в семье двое, и в такую семью я не могу его отправить. Не могу. У Алекса все детство было связано с насилием. И я никогда не допущу, чтобы он снова вернулся в мир насилия.

И это свое решение я изменить не могу. Я знаю, что ты на меня сердисься. И не просто сердисься.

Ты боготворишь Артура, но никто и никогда не должен делать того, что он делает с тобой. Никто и никогда. Я хорошо помню, с каким лицом ты тогда открыла мне дверь; и вся ты была такая пристыженная, опустошенная, словно обескровленная. А твоя изуродованная лодыжка? А твои бесконечные мигрени?

Прости, если я сказала или сделала что-то обидное или оскорбительное. Я была потрясена, я рассердилась, я вообще не способна была толком соображать. Но сейчас у меня с головой все в порядке, и я прямо спрашиваю тебя, Джуди: а что, если тебе от него уйти? Люди ведь теперь все время разводятся, да и основания у тебя более чем достаточные. Вот тогда мы, наверное, и насчет Алекса смогли бы что-нибудь придумать.

Пожалуйста, обдумай такой вариант. Возможно, как раз этого шага тебе и не хватает. И, возможно, мое письмо послужит неким стимулом, необходимым тебе, чтобы расстаться с Артуром.

Я очень тебя люблю и непременно сделаю все, что в моих силах, чтобы все эти планы осуществились.

Целую, Клара.

Наутро, стоя перед почтовым ящиком, Клара все же заколебалась – она колебалась недолго, всего несколько мгновений, а потом все же отправила письмо. Но сомнения терзали ее: правильно ли она поступила? Среди ночи она была абсолютно в этом уверена, но сейчас былая уверенность прошла; Кларе вообще всегда не хватало уверенности в себе. Хотя она отлично понимала, что порой просто необходимо проглотить собственные сомнения, точно противное лекарство. Или, например, попробовать заставить себя стать похожей на Черчилля – он же заставил себя во время войны вытащить изо рта свою вонючую сигару и, собравшись с силами, сдвинул страну с места. То, что она опустила письмо со своими соображениями, своего «голубя мира», в щель почтового ящика, возможно, и не даст никаких результатов, но она, по крайней мере, предприняла весьма решительную попытку.

Теперь уж пусть сама Джуди решает, как ей быть дальше.

А еще Клара послала письмо миссис Мэрилин Адамс, матери Майкла, вложив в конверт листок с отпечатком слов, написанных на стене паба рукой ее сына. Она надеялась, что это принесет Мэрилин хоть капельку утешения.

Глава сорок пятая

Совет графства Саффолк

9 августа 1949 г.

Дорогая мисс Ньютон!

Весьма сожалеем, но вынуждены вам сообщить, что у нас возникли серьезные сомнения в том, что вы и впредь способны оставаться на посту заведующей детским домом «Шиллинг Грейндж» в Лавенхэме.

Пожалуйста, будьте добры явиться на заседание нашего суда, которое состоится 28 августа в 10.30 утра в ратуше Бери-Таун, где будет продолжено обсуждение данного вопроса. Просим вас также предоставить любые свидетельства, способные, по вашему мнению, подтвердить вашу компетентность и готовность по-прежнему находиться на данном посту.

Совет, разумеется, также предоставит свидетельства, подтверждающие его сомнения.

С совершенным почтением,

П. П. Соммерсби

«Серьезные сомнения»? Клара несколько раз перечитала это письмо, каждый раз испытывая как бы удар ножом прямо в сердце. Она не способна «оставаться на посту»? Да ведь это же *самое настоящее* увольнение! Полноценный блицкриг, молниеносное уничтожение всего того, что стало ей так дорого. Она отдала детскому дому «Шиллинг Грейндж» всю себя – и теперь ей сообщают, что она сделала это недостаточно хорошо.

Мисс Бриджес принесла меренги, чтобы хоть чем-то подсластить нанесенный Кларе удар.

– Так от меня хотят избавиться? – напрямик спросила Клара.

– Вряд ли они этого *так уж хотят...* – Мисс Бриджес не договорила и, открыв окно, стала обмахиваться платком. То ли ей действительно было жарко, то ли она просто растерялась и не знала, что говорить дальше. Впрочем, Кларе было все равно: пусть и мисс Бриджес немножко помучается.

– Скажите, я уже потеряла свое место?

– Не похоже. – Однако голос мисс Бриджес и выражение ее лица свидетельствовали об обратном.

– Но вполне могу потерять?

– Ну, в общем, да, – призналась мисс Бриджес. – Но такое мне довелось видеть всего один раз... – Она помолчала. – Ну, может, два. И те, кого уволили, были очень плохими людьми. Это проявлялось, например, в особой жестокости по отношению к детям или в краже продуктов. В общем, в подобных вещах.

– Я не понимаю... Я что-то делала неправильно?

На самом деле все она понимала. Ей просто хотелось, чтобы мисс Бриджес сама и вслух объяснила ей это.

– В общем, все это из-за Питера. В Совете очень не понравилась твоя реакция на эту... необычную историю. Недопустимо препятствовать свиданиям ребенка с его живыми родственниками – какова бы ни была причина твоего личного недовольства этим. Вы же прекрасно знаете, как им всем хочется, чтобы детей-сирот немедленно разобрали родственники или приемные родители. Это самая главная цель нашей работы.

– Несмотря на историю с Морин? Несмотря на отказ Билли и Барри жить в приемной семье? Несмотря на эту кошмарную «бабушку» Терри?

– Да, именно так. Несмотря на все это.

Мисс Бриджес снова долго вглядывалась в текст письма, потом спросила:

– Вас назначенный день устраивает?

А что она скажет, если Клара ответит «нет»?

– Наверное.

Вряд ли это *настолько* срочный вопрос, если они любезно предоставляют ей почти три недели на размышления.

– Дети как раз уедут на каникулы, их не будет целых две недели, так что время выбрано на редкость удачно, – заметила мисс Бриджес.

Ничего удачного в этом нет!

– Значит, вы сможете побыть здесь и эти несколько последних недель?

– А если члены Совета больше не захотят меня здесь видеть?

Мисс Бриджес, которая всегда была для Клары доброй наставницей, вдруг потеряла терпение.

– Ну, в таком случае у вас ведь найдется, куда поехать? Например, к этой вашей милой подруге, о которой вы так часто упоминаете. Джуди, кажется? Вы ведь сможете на время у нее остановиться, не так ли? Ну-ну, выше нос, мисс Ньютон!

* * *

Дети уезжали на каникулы в Лайм Реджис. Там в большом доме будут жить сироты, собранные со всей страны. Собственных чемоданов у ее ребят, конечно, не было, а Клара так и не сумела вовремя «пробить» в Совете свою просьбу о детских чемоданах. Айвор, наверное, мог бы чем-то помочь, но они по-прежнему не разговаривали. И тут весьма кстати подвернулся сэр Маннингс, с которым Клара случайно встретилась на верхней дороге. Сэр Маннингс пообещал одолжить ей несколько чемоданов и прибавил, что уж такую-то малость он в состоянии для них сделать.

– Я слышал, у вас возникли проблемы, дружище? – спросил он.

Интересно, кто ему сказал? Может, Джулиан?

– Не падайте духом. Я каждый день вижу, как ваши дети проходят мимо моего дома, улыбаясь во весь рот и галдя, как чайки, и у меня сразу на сердце теплеет. А раньше они мне всегда напоминали похоронную процессию в этих своих грязных черных капюшонах. Сплошной мрак и обреченность! Вы все там совершенно переменили.

– Надеюсь, что члены Совета тоже это заметят.

– Странные заведения, эти местные советы. – Сэр Маннингс поморщился. – Им, точно лошадям, непременно нужно сразу показать, кто тут хозяин.

* * *

Вечером накануне отъезда детей Клара приготовила рагу с ветчинной рулькой, самое любимое блюдо Пег, и блюдо было встречено на ура. А еще Анита Кардью принесла немного рассыпчатого яблочного печенья с корицей собственного изготовления, а также мятного печенья, присланного ее родственниками из Америки. Это, возможно, был их последний совместный ужин, но Кларе не хотелось, чтобы дети об этом знали. Она, правда, зажгла свечи, и дети сразу почувствовали, что для этого имеется некий важный повод. Даже Питер в кои-то веки никуда из дома не ускользнул. Даже Билли и Барри прекратили меряться силами и выкручивать друг другу руки, как только Клара попросила их вести себя спокойно.

Чемоданы были уложены. После длительных дискуссий мышку Молли решили оставить в Грейндже, где ей уж точно ничто не грозило; там же в безопасности оставалась и обожаемая раковина Пег, и пятнистый цветок Терри по имени Жокей, определенно пребывавший в раздражении по случаю отъезда своей хозяйки. Дети заставили Клару поклясться на Библии (как видели в одном фильме во время посещения детского киноклуба), что она непременно будет заботиться обо всех этих вещах. Близнецы сходили попрощаться с рыбками, и доктор Кардью заверил их, что у рыбок все просто отлично. Особенно доволен Билли-2, сказал доктор, потому что очень любит слушать классическую музыку.

– И чем же вы будете там заниматься, в Лайм Реджисе? – спросила Клара.

– Копать, – тут же сказала Терри, и Клара представила себе бесчисленные туннели, рвы с водой и ловушки для малышей, едва начавших ходить, которые Терри будет с наслаждением создавать на пляже. Это, возможно, будут ее последние каникулы вместе с остальными детьми, если процесс усыновления со стороны Льюисов будет развиваться в должном направлении. На мгновение Кларе очень захотелось уехать вместе с детьми, но, увы, у нее подобной возможности как раз и не было. Ей, собственно, вообще некуда было поехать – не к кому и не с кем – и от этого она постоянно испытывала некую печальную растерянность.

– Там обычно бывают соревнования по танцам, – сказала Рита. – Пег это любит, верно? – Пег энергично закивала. – И в этом году она вполне может выиграть среди тех, кому еще нет восьми.

После этих слов Пег галопом пронеслась по комнате, изящно приподняв подол юбочки.

– Ты только никуда не прячься, – внушала ей Клара, которая больше всего боялась, что Пег потеряется. – Обещай мне.

Пег хихикнула.

– А мне нравится искать всякие ископаемые окаменелости, – сказал Алекс. – А вам известно, что Дорсет по археологическим раскопкам занимает одно из первых мест в нашей стране? Вот бы мне найти что-нибудь особенное, я бы с удовольствием привез вам это в подарок.

– Вряд ли ископаемые окаменелости разрешено увозить, – усомнилась Клара.

Алекс озабоченно задумался и сказал:

– Ладно, я этот вопрос еще проясню.

– Там столько всяких игр – и крикет, и лапта, и «Британский бульдог»! – выкрикнул Билли и от восторга забарабанил по собственной груди, точно горилла. – И я всех обыграю!

На следующее утро Питер упорно продолжал лежать в постели, точно та самая «ископаемая окаменелость», которая только и ждет, чтобы ее выкопал какой-нибудь Алекс.

– Ты должен поехать, Питер. Ты не можешь здесь остаться.

Ответом Кларе было молчание и отсутствующее выражение лица. Она собрала карандаши и бумагу для рисования, положила все это на дно чемодана и сказала:

– Пожалуйста, Питер, нарисуй для меня комикс. Что-нибудь очень красивое.

И Питер в конце концов встал и, двигаясь крайне медленно, стал кое-как совать в чемодан поверх пачки бумаги свою одежду.

– Тебе там будет хорошо, Питер, – пыталась подбодрить его Клара, хотя у нее было такое ощущение, словно она готовит его к казни.

Затем она всех проводила на железнодорожную станцию. Когда они шли по улице, Клара заметила, что миссис Гаррррард торчит возле своего цветочного магазина, держа Берти под мышкой; из ее прищуренных глаз так и сочились неодобрение.

– А вы будете здесь, когда мы обратно вернемся? – вдруг спросил у Клары Билли, когда они остановились перед билетной кассой. Клара была потрясена, хотя почти не сомневалась, что ничем себя не выдала и ни словом, ни намеком не проговорила насчет предстоящего суда.

– А почему ты спрашиваешь?

– Не знаю, говорил ли я вам раньше, – Билли почему-то говорил шепотом и так крепко сжимал ручку своего чемодана, что у него косточки на руках побелели, – но они и правда были жестокие, эти монахини. Они нас часто секли и есть не давали. Сестра Юнис особенно не любила Барри. И Пег. Она очень плохо с ними обращалась. Не знаю уж, чего это она к Пег привязалась. Пег всегда так старалась ей угодить, прямо изо всех сил, и я никак не мог понять, за что она ее все время наказывает. И потом, никогда не было понятно, кого накажут следующим. Хотя чаще всего влетало именно Барри и Пег. Однажды сестра Юнис так рассвирепела и так сильно поколотила Барри, что его даже вырвало, но она все равно никак не могла остановиться; сама же голову ему держала, но все продолжала его лупить. Я уж решил, что она его до смерти забьет, и закричал, что он умирает, но к доктору его вести она отказалась. А я потом всю ночь молился.

Клара просто не знала, что на это сказать. Она всегда подозревала, что жизнь в Грейндже была хуже, чем ей о том рассказывали, но выслушать подобную историю, да еще и изложенную без прикрас, да еще и из уст такого бодрячка и весельчака, как Билли, – это действительно тяжкий удар.

– В общем, с вами стало гораздо лучше! – бодро закончил Билли. – Правда, лучше.

Клара попыталась его обнять – она попросту разрыдалась бы, если бы вздумала что-то ему ответить, – но он вырвался и сказал напоследок:

– Я просто подумал, что вам следует об этом знать. – И он, разбежавшись, прыгнул Барри на спину. Оба, разумеется, тут же рухнули на платформу.

Клара на прощание крепко обнимала, прижимая к себе, каждого из детей, кроме Питера, который стоял в сторонке и делал вид, будто не имеет к ним никакого отношения. Она прилаживала детям волосы, вытирала носы, раздавала прихваченные с собой носовые платки – ей

и в голову до сих пор не приходило, до чего она успела их всех полюбить.

* * *

Пустоту, образовавшуюся в ее душе после отъезда детей, сразу занял прокравшийся туда стыд. Вечный шум сменился гулкой пустотой. Клара, естественно, предполагала, что в доме станет тихо, но она никак не ожидала, что там без детей даже пахнуть будет совсем по-другому.

Но самым ужасным было то, что она понятия не имела, оставят ее в Грейндже или нет. Эта неопределенность была сродни тому периоду безвременья, когда страна уже вступила в войну, но настоящая война для нее еще по-настоящему не началась, и люди испытывали неуверенность, не понимая, что, собственно, происходит. Это было как пребывание в чистилище – в том ужасном «зале ожидания», который существует между миром живых и миром мертвых и которым так часто пугали Клару родители.

Как же она ненавидела своих родителей-миссионеров за их вечную уверенность в собственной правоте, за их неустанное стремление «исправить жизнь этих дикарей»! Больше всего эта их деятельность была похожа на беспардонное вмешательство в чужие дела; они были излишне любопытны, вечно во все совали нос, вечно о чем-то хлопотали и ко всем вокруг проявляли этакую покровительственную снисходительность. Вечные доброжелатели, никому, кроме себя самих, добра никогда не приносившие. И, как теперь догадывалась Клара, ирония судьбы в том, что и она превратилась в такую же «доброжелательницу», только, пожалуй, еще хуже, потому что начинания ее родителей все-таки увенчались каким-то успехом, а она вчистую проиграла. И подвела детей.

И утратила дружбу с Джуди. А ради чего? Так, может, она ошибалась? Может, Артур *и впрямь* сумел перемениться?

Разве сама она не начала этот этап своих странствий по жизни, испытывая к детям полнейшее равнодушие? И разве потом она не влюбилась буквально в каждого из них? Так, может, она – оказавшаяся

способной столь сильно перемениться, – просто не сумела понять, что и другие тоже на это способны?

Может, и Артур сумел благополучно завершить свое странствие по жизни? Джуди клялась, что это именно так. Вернувшись с войны опаленным пережитыми страданиями и обидой, он все же, возможно, сумел перебороть себя, отринуть свое стремление к жестокости и насилию, заставить себя сохранять хладнокровие и не просто держать себя в руках, но и проявлять определенное уважение к другим?

Но дело в том, что толком Клара ничего о нем не знала, ни в чем не была уверена, а потому и склонялась к несколько избыточной осторожности. И, вероятно, это было правильно, однако в итоге стоило ей самого дорогого – дружбы с Джуди, которая была для нее важнее всего на свете.

Ответа на свое письмо она так и не получила. Она ждала его каждое утро, но ожидания эти оказались напрасными. Джуди, по всей видимости, просто предпочла ей не отвечать.

Глава сорок шестая

Клара была настолько погружена в мрачные размышления, что совсем позабыла о своем согласии принять участие в очередном семинаре любителей творчества Джейн Тейлор, пока на пороге ее дома не возникла Анита Кардью и не сказала, что им пора в библиотеку. Анита пообещала подождать, и Клара неохотно пошла переодеваться. Вообще-то эти литературные семинары очень ей нравились, но в данный момент у нее абсолютно не было настроения в чем-либо подобном участвовать, и, если бы ее не ждала Анита, одетая в высшей степени изящно и уже нетерпеливо барабанившая ногтями по кухонному столу, Клара, конечно же, осталась бы дома.

В библиотеке Клара тайком огляделась. *Уф-ф. По крайней мере, хоть Айвора нет.*

– Он сказал, что у него очень много работы, – сказала Анита, которая обладала раздражавшим Клару умением читать чужие мысли.

А может, он меня избегает?

– Почему бы тебе самой к нему не зайти, а, Клара?

– Ему известно, где я нахожусь.

Сперва Аните потребовались довольно большие усилия, чтобы принять разрыв помолвки Клары с Джулианом, но как только она поняла причины этого, при любом упоминании имени бывшего жениха Клары она презрительно сплевывала через плечо. И Клару это вполне устраивало. Для Аниты Джулиан из достойного солиситора и в высшей степени подходящего для Клары жениха в один миг превратился в дьявольское отродье. Но теперь Клара подозревала, что Анита, как это ни странно, пытается как бы сосватать ее за Айвора. И не потому, что уверена в крепости подобного союза, а потому, как догадывалась Клара, что не хочет, чтобы Клара уезжала из Лавенхэма. Чтобы у нее была, по крайней мере, еще одна серьезная причина, чтобы остаться.

– Его неплохо бы и слегка подтолкнуть, – заметила Анита с самым невинным видом.

– Ш-ш-ш, – остановила ее Клара, сделав вид, будто пытается сосредоточиться.

Сегодня доктор Доусет, библиотекарь, рассказывал о том, каким образом положенный на музыку стишок Тейлор «Крошка звездочка, сияй» стал по-настоящему знаменитым. Эта песенка стала особенно популярной благодаря музыкальным шкатулкам, из которых ее мелодия звучала в течение всего девятнадцатого века. «Это было настоящее рождение колыбельной, – сказал Доусет, – и некоторые всерьез полагали, что музыку написал Моцарт».

И Клара, вспомнив о той хорошенькой музыкальной шкатулке, которую подарила Рите на Рождество, подняла руку.

– А могла ли Джейн Тейлор предположить, насколько эта песенка станет популярной?

– Вряд ли. В ее время она популярной определенно не была.

Кто-то еще спросил:

– А у Джейн Тейлор были дети?

– Мы полагаем, что она очень хотела иметь семью, но, возможно, ее постигло некое предательство, или у нее была просто неудачная любовная история. Зато она была поистине замечательной тетушкой для своих многочисленных племянников и племянниц.

И Клара тут же снова подумала о Джуди. Нет, просто необходимо ей позвонить и выяснить, получила ли она то письмо! Они действительно иной раз расходились во мнениях – особенно по важным вопросам. Но теперь-то, уж наверное, Джуди хватило времени на раздумья?

А доктор Доусет продолжал рассказывать, что при жизни Джейн Тейлор так и не была признана – да по-настоящему признанной она, пожалуй, и теперь не стала. Лишь очень немногим, сказал он, известно, кто на самом деле автор этих знаменитых стихов, и как печально сознавать, что она всего в сорок лет умерла от рака, горько сожалея, что так и не сумела написать многие задуманные ею книги.

– Это настоящая жизненная трагедия, – сказала Клара, когда после окончания семинара они с Анитой вышли на улицу. Но Анита с ней не согласилась:

– Нет, это не совсем так. Ты посмотри, сколько чудесных стихов она нам подарила, и мы до сих пор говорим о ней и ее творчестве... –

Анита считала в уме куда быстрее Клары, – ...хотя прошло уже целых сто тридцать три года!

– Но ведь почти никто не знает, что именно она написала эти стихи – ну, за исключением тех, что здесь собрались, – возразила Клара.

– Ну и что? Она, тем не менее, оставила нам замечательное наследство!

– А стоит ли оставлять такое наследство, если никто так и не узнает, что это сделала ты? – Клара как бы продолжала размышлять вслух и вовсе не рассчитывала на ответ, однако Анита с улыбкой ответила:

– Конечно, стоит! Солнце встает каждое утро – и остается прекрасным вне зависимости от того, видела ли ты восход или нет. Да и ты сама многое делаешь отнюдь не ради благодарности или признания, а потому, что так правильно.

И Анита Кардью, взяв Клару под руку, вместе с ней направилась в Грейндж, чтобы выпить чаю.

Глава сорок седьмая

Дети находились в Лайм Реджис уже целую неделю, но Клара так и не получила от них ни открытки, ни письма. Они словно решили напроочь оторваться от Грейнджа и чувствовали, что любой контакт с Кларой вызовет у них тоску по дому. А она, понимая разумность этого, все равно страдала и была настроена весьма мрачно. Клара как раз размышляла на эту тему, когда в дверь позвонили. На пороге стоял Айвор.

Выглядел он великолепно: в шляпе, в тщательно выглаженной рубашке. И никаких булавок между губами у него не было зажато. Кларе он вручил бутылку ее любимого джина.

И она, почувствовав, что от слабости у нее подгибаются колени, буквально проклинала себя за эту реакцию. Нет, следовало мне остаться с Джулианом, думала она, возможно, я бы еще сумела заставить его перемениться. И потом, в присутствии Джулиана она никогда так не раскисала, не чувствовала себя каким-то жалким киселем.

– Это тебя Анита заставила меня навестить?

Он улыбнулся.

– Анита, конечно, убеждать умеет отлично, но она тут ни при чем.

Но Клара твердо решила не улыбаться и сохранять воинственную серьезность.

– Мне казалось, ты со мной не разговариваешь.

– Ну да, тебе правильно казалось. – Он немного помолчал, потупившись. – А потом я подумал и решил, что у тебя, должно быть, и впрямь имелась веская причина, чтобы тогда не поехать в Совет вместе с Питером.

– Причина и впрямь имелась, и весьма веская, – сердито буркнула Клара. Она отнюдь не собиралась с легкостью простить Айвору его поведение.

– Тогда я прошу прощения. Надо было мне сразу тебе поверить. – Айвор явно принадлежал к числу тех редких мужчин, которые вполне способны были попросить прощения и сказать «прости меня» отнюдь не с таким выражением лица, словно только что выпили «английскую соль».

Войти он так и не решился и по-прежнему маячил в дверях. И Клара по-прежнему не спешила приглашать его войти.

– А еще я хотел тебе сказать, что прочел доклад Кертис.

– Правда?

Клара и забыла, что дала ему этот доклад.

– А то, что случилось с тем мальчиком, с Деннисом О’Нилом – это правда?

Деннис О’Нил был усыновлен, потом его изнасиловали, а вскоре и вовсе заморили голодом до смерти – и никто ничего не сделал, чтобы его спасти.

– Да, это все правда, Айвор.

– Но ведь это же просто ужасно!

И после этих слов Кларе все-таки пришлось предложить Айвору войти.

А потом они сидели на кухне, пили чай, и Клара угощала его печеньем.

– Ты не бойся, это не я пекла, а мисс Бриджес, – сказала она и очень обрадовалась, когда Айвор рассмеялся.

– Да я бы все равно хоть одно попробовал, а уж страдал бы потом, втихомолку. – И вдруг, снова став серьезным, вернулся к докладу Кертис: – Знаешь, я просто поверить не могу, какие гадости творят взрослые с приемными детьми. И каким ужасом усыновление порой оборачивается для многих детей.

– Да, на долю некоторых выпадают просто жуткие издевательства. И ты прав: таких детей немало. И мы стремимся к тому, чтобы такое никогда не повторялось.

– Мы? – Айвор, прищурившись, внимательно посмотрел на нее.

– Да, *мы*. Ты же сам знаешь, как много мы говорим о преступлениях, совершенных фашистами, или японцами, называем это «вызовом всему человечеству», «омерзительными злобными деяниями», и в то же время преспокойно творим ужасные вещи в отношении наших же детей прямо здесь, на собственном заднем дворе.

Айвор молча кивнул.

– Мы заключаем всевозможные пакты, мы устанавливаем некие международные законы, мы стараемся наладить между всеми странами наилучшие отношения – и, по-моему, именно так и

следовало поступать уже давным-давно, – но как же дети, которые по-прежнему продолжают страдать? Ведь мы просто обязаны что-то для них сделать. Да, наши нынешние попытки изменить это положение, конечно же, отнюдь не идеальны. А иногда и совершенно неправильны, и кое-кто из детей в результате получает еще больший моральный и физический ущерб, но нам все равно необходимо продолжать свои попытки.

Айвор взял печенье, разломил его, и на тарелку дождем посыпались крошки.

– Все уже становится гораздо лучше, Клара, – сказал он. – Постепенно. Даже я это замечаю. Просто система опеки перегружена, а потому до сих пор постоянно совершаются ошибки. Но это вовсе не значит, что не стоит двигаться дальше.

– Спасибо тебе, однако особых успехов все же пока нет. Хотя мне тоже кажется, что некий прогресс налицо – несмотря на все просчеты, несмотря на бюрократические проволочки и тому подобное.

– Я и говорю: некоторое улучшение явно имеет место.

– Вот именно – *некоторое!* А еще в органах опеки часто работают *некоторые* не слишком профессиональные люди, и в детских домах *некоторые* воспитатели тоже не очень хорошо подготовлены. – *Я, например,* – тут же подумала она. – Дети всего этого, конечно, не заслуживают. Но мы стараемся и непременно достигнем поставленной цели.

Айвор вдруг поднял свою чашку с чаем, словно желая чокнуться с Кларой, и она как-то даже не сразу это поняла. Он даже чуть наклонился к ней. Лицо его было озарено ярким солнечным светом, лившимся в окно, и в эти мгновения она верила этому лицу больше, чем любому другому в мире.

– За всех детей!

– И за Денниса.

И они чокнулись чашками с чаем.

Айвор не спросил, переписывается ли Клара с детьми, пока те в отъезде. Возможно, ему и так все было ясно. Она перестирала все постельное белье, перестелила постели и даже *полежала* на них, проверяя их мягкость, тщательно убрала весь дом. Потом снова убрала. «Шиллинг Грейндж» никогда не выглядел так безупречно – ни

пятнышка, ни соринки. А Клара никогда не была столь изобретательна в наведении уюта. Дом выглядел как какой-то отель – *Чтоб вы там все сдохли от зависти в своем «Лавендер Армз»!* – и был готов поразить своей безукоризненной чистотой любого, кто бы там ни появился в сентябре. Инстинкт подсказывал Кларе, что вряд ли это будет она сама, но ей не хотелось, чтобы ее сменщица или сменщик могли сказать, что предыдущая заведующая была неряхой, не говоря уж о ее прочих недостатках, и совершенно не заботилась о детях.

Айвор уже собирался уходить, когда она спросила:

– Ты вечером занят?

Он, как всегда, от неожиданности неловко взмахнул обрубком руки – как она и предполагала – и сказал:

– Нет... а что? Тебе нужно в чем-то помочь?

– Я просто хотела узнать... может, нам откупорить эту бутылку и сыграть в «Монополию»?

«Монополию» ей когда-то подарила Джуди. Клара помнила, как они играли в эту игру у Джуди дома вместе с ее родителями и братьями, и у одного из этих братьев среднее имя было Хауард. Игра всегда сопровождалась веселыми семейными перепалками. До этого Клара и не предполагала, что споры могут быть дружескими и вовсе не обязательно должны кончаться воцарившимся молчанием и хлопаньем дверьми. *Станет ли Джуди когда-нибудь снова со мной разговаривать?*

Джуди непременно должна понять, что в данном случае была права Клара. Ничего, они еще во всем разберутся. Ведь между друзьями иначе и быть не может.

– Прежде чем принять твое приглашение, я должен кое о чем тебя предупредить, – сказал Айвор.

– Да?

– Я чертовски хорошо играю в настольные игры!

– Ладно, вызов принят.

Это не свидание, – то и дело напоминала себе Клара, и не «рандеву», как это назвал бы Джулиан. И все же обычно Айвор именно *заскакивал* к ним по делу или что-то приносил для детей. Да и она всего лишь забегала к нему на минутку с мешком детских носков и

штанов, нуждавшихся в штопке и починке. А сейчас все было иначе, да она и сама чувствовала себя иначе.

Она, впрочем, старалась не очень-то предаваться воспоминаниям о том вечере у телескопа, когда, вместе с Айвором любуясь звездами, она даже пошевелиться была не в состоянии. Темнота, ощущение его близости, его запах – все это ее буквально завораживало. Иногда она вспоминала и тот день на ярмарке; и то, как чувствовала, что он время от времени внимательно на нее поглядывает и вообще довольно внимательно за ней наблюдает; и это ей вовсе не казалось, она отчетливо это чувствовала, однако приятные воспоминания о том дне оказались вдребезги разбиты, ибо перед глазами у Клары сразу вставал тот старик, что расспрашивал Айвора о Руби и утверждал, что «она такая одна».

Неужели Руби по-прежнему царит в его душе, в его мыслях?

Если не считать тех двух случаев, они редко виделись наедине. Всегда что-то мешало: то у кого-то из детей болел живот, то кто-то потерял «драгоценный» мраморный шарик, то одновременно и живот болел, и шарик терялся.

В общем, Клара вдруг поняла, что невольно «готовится к приходу гостя». Переодевшись в хорошенькую блузочку и отлично сидевшую на ней юбку на подкладке – это была одежда времен ее работы в фирме «Харрис и сыновья», – она вдруг решила, что утрачивает былую привлекательность. В последнее время она своей внешностью практически не занималась. Но сегодня решила, что внешность все же имеет значение.

Не забывай, что он женат, – твердила она себе. И, тем не менее, решила воспользоваться самодельными духами, изготовленными Ритой и Терри и пришедшимися очень кстати. Рита позабыла взять эту экспериментальную бутылочку с собой. (Будем надеяться, решила Клара, что этот аромат не заставит меня поспешно ретироваться и бежать в ванную.)

Айвор явился в точно назначенное время, однако у Клары не возникло ощущения, словно она испытывает судьбу; она лишь заметила, что и он тоже совершил над собой определенное усилие. Свежевыбритый и аккуратно одетый, Айвор выглядел великолепно; он нисколько не подурнел – наоборот, он выглядел как мужчина, который только что осознал свою привлекательность.

Она действовала осторожно, как типичная «старая калоша», а он – как гоночный автомобиль. Буквально с первого хода они не переставали смеяться и болтать. Айвор любил удобства и сразу «купил» электричество и воду. Когда она, перебравшись с самых дешевых улиц, стала гоняться за недвижимостью исключительно в дорогих кварталах – Мейфэр, Парк-Лейн – он удивленно заметил: «Клара, я и не знал, что ты такая безжалостная хищница!»

У Клары, *вполне возможно*, немного кружилась голова – от игры и от джина, – но Айвору, похоже, это даже нравилось. И сама она, похоже, очень ему нравилась. Она отлично это чувствовала. Вопрос был лишь в том, насколько это сильное чувство и что оно означает? Часов в девять Айвор сказал, что ему нужно в мастерскую, и у Клары упало сердце: *неужели все кончено? И так быстро?* Но оказалось, что он всего лишь хотел принести еще сидра, собственноручно сделанного им прошлой весной.

Едва он вышел за дверь, как Клара кинулась к зеркалу. И с трудом узнала себя: щеки покраснелись, глаза возбужденно сияют. *И откуда только что берется?* – подумала она и стала убеждать себя, что, конечно же, нисколько в него не влюбилась, хотя на самом деле ей было понятно: влюбилась, в том нет сомнений. Она начала в него влюбляться еще несколько месяцев назад и теперь двигалась по этому пути с невероятным ускорением. Чуть тронув губы помадой, она слегка припудрилась и поправила прическу. Ах, если бы она все-таки решилась покраситься в блондинку! Возможно, тогда она выглядела бы куда более желанной...

А какие у Айвора чудесные темные глаза! Темно-карие. Ее любимый цвет.

Ей так хотелось, чтобы он сказал что-нибудь вроде «я рад, что ты не выходишь за Джулиана» или «я не могу перестать думать о тебе», но никаких подобных деклараций не последовало. Клара даже стала подозревать, что он ждет от нее какого-нибудь знака, но так и не смогла придумать ничего такого, что не казалось бы ей чрезмерным. И потом, ей все-таки хотелось сохранить определенные пути для отступления. Вдруг возникнет такая необходимость?

А как на моем месте поступила бы Анита Кардью? – вдруг подумала Клара и, хихикнув, поняла: *как бы ни поступила Анита, ей, Кларе, следует поступить в точности наоборот.*

Время было уже позднее, за окнами становилось все темнее, и Айвор, глянув на настенные часы, охнул: «Как? Неужели они правильное время показывают?» Было уже около полуночи. «А я-то считал, что уж теперь-то победа точно за мной, – и он улыбнулся ей. – Что ж, я, пожалуй, пойду. У меня на завтра назначено несколько ранних встреч».

Его слова задели Клару, но, хотя некая часть ее души и мечтала, чтобы он, плюнув на все, сказал: «Да и черт с ними!», ей понравилось, что он не хочет подводить людей. И в этом был весь Айвор.

Когда он взял свою шляпу, она едва удержалась от странного желания немедленно натянуть эту шляпу себе на голову и выкрикнуть что-нибудь этакое – *та-дам!* – или отбить веселенький джазовый мотивчик. Или унести шляпу и спрятать ее в кладовой, а потом потребовать, чтобы он ее искал, а потом выскочить ему навстречу из-за угла и завопить: «Бу-у!»

Господи, да она, кажется, и *впрямь напилась!*

Было слишком жарко надевать пиджак, и Айвор забросил его на плечо и сказал:

– Спасибо, Клара, вечер был чудесный.

Даже то, как он произносил ее имя, казалось ей волшебным. Она могла бы вечно слушать его голос, повторяющий: *Клара, Клара*. В его устах это имя звучало именно так, как и было задумано – невероятно музыкально. Хотя раньше ей это никогда и в голову не приходило. Она считала, что имя у нее самое заурядное, но теперь оно казалось ей удивительным, почти экзотическим.

– Я тоже очень рада, что ты у меня побывал.

– Так, может, мы завтра снова поиграем? – Он спросил это, как-то ухитрившись даже не взглянуть на нее.

– Хорошо. Но завтра я надеюсь провести «в тюрьме» несколько меньше времени.

Хотя Клара и легла в постель, исполненная света и трепета, проигрывая в памяти самые сладкие мгновения и застенчивые взгляды, спала она ужасающе плохо. Возможно, виноват был самодельный сидр Айвора или чрезмерное количество джина. В общем, сны ей снились просто жуткие, каких у нее давным-давно уже не было.

Ей, например, привиделось, как некий ребенок падает в колодец, а другой ввязывается в смертельную драку с ножами. В следующем сне дети соскальзывали в реку с быстрым течением или, споткнувшись, катились и катились вниз по бесконечной лестнице. Она слышала, как детские голоса жалобно зовут маму, а еще кто-то громко кричал, что нужно скорей вызвать «Скорую помощь». Оказывается, Барри и Пег были избиты в кровь и выпороты. А потом ей приснился дядя Питера, с самодовольным видом развалившийся на сиденье своего автомобиля, выставив локоть в окно. «Тебе нужна твердая рука», – сказал он ей с отвратительной усмешкой. И тут над ней склонился Айвор – к счастью, это было всего лишь во сне, – и рука у него была пурпурного цвета и совершенно изуродованная, а рот полон обломков зубов. И Джуди тоже приходила к ней во сне; приходила и плакала: *Поверь мне, почему ты мне не поверила?*

Утром Клара только-только успела поставить на огонь чайник и выглянуть из окна, чтобы увидеть вселяющие надежду огни в окнах мастерской Айвора, когда возле их дома остановился разносчик телеграмм. Он прислонил свой велосипед к садовой ограде, поправил кепку, одернул пиджак и с решительным выражением лица двинулся к дверям Грейнджа.

*Клара,
пишу, а не звоню, потому что не могу найти
твой номер. Возможно, это даже лучше, потому
что так я не услышу, как ты вскрикнешь, ибо
вынуждена с глубочайшим сожалением сообщить,
что в понедельник наша любимая Джуди оставила
нас навсегда. Артур арестован. Вскоре состоятся
похороны. У меня просто сердце разрывается.*

Кити Кислингбери.

Глава сорок восьмая

Клара не помнила, сколько времени она просидела перед выложенной на кухонный стол телеграммой. Где-то часа в три заглянул Айвор и предложил вечером возобновить сражение «старой калоши» против «ночного автомобиля». Что было дальше, Клара помнила плохо. Видимо, он поставил на стол принесенную им чистую миску, обнял Клару и стал ее баюкать. И она, видимо, тоже обнимала его; во всяком случае, она помнила его запах, ощущение его крепкой шеи и плеч, его колючий подбородок, исходившую от него нежность и силу; а еще она помнила, что его изуродованной руки совсем не замечала, ну вот совсем. И ничего отталкивающего в нем не было; и никаких обломанных окровавленных зубов у него изо рта не торчало – это ей всего лишь приснился дурной сон; однако и реальная жизнь оказалась способна создавать своих монстров и показывать свою окровавленную пасть с острыми зубами. А больше ничего в памяти Клары не сохранилось. Разве что те несколько мгновений, когда Айвор выпустил ее из своих объятий, чтобы приготовить ей крепкий сладкий чай, показались ей долгими часами. У Айвора тоже были слезы на глазах, когда он заботливо поил ее чаем, точно новорожденного младенца, и все волновался, как бы она не подавилась.

Потом он снова прижал ее к себе и стал гладить по спине, по плечам, между лопатками, и она все прижималась к нему, ей хотелось быть к нему как можно ближе, чувствовать его запах, впитывать кончиками пальцев очертания его тела; это действовало на нее поистине ошеломляюще – она уже давно этого хотела, и это оказалось так хорошо. И вот-вот вроде бы должен был последовать поцелуй, наконец-то настоящий страстный поцелуй, и ей для этого нужно было только поднять голову. Это было похоже на те мгновения, когда стоишь на платформе метро и ждешь, что из туннеля вот-вот вынырнет поезд; или на ожидание того момента, когда трамвай, наконец, доберется до твоей остановки. Клара закрыла глаза и ждала, наслаждаясь предвкушением этого момента и чувствуя, как тает ледяной ком у нее внутри, и они были близко-близко, между ними даже палец невозможно было просунуть, но она все продолжала к нему прижиматься, и ей было восхитительно тепло, и она была допьяна

напоена теплом его тела, и его объятия были единственным местом в мире, где ей хотелось быть и остаться, и она уже приподняла лицо, чуточку раздвинула губы, и... по ошибке назвала его Майклом.

Айвор мгновенно исчез, и она снова оказалась в кухне одна, только теперь ей стало гораздо хуже, чем прежде.

Джуди. Бедная Джуди.

Клара пила чай и плакала, вытирая нос рукавом.

«Через восемь триместров он станет директором...» Какой же ты мерзавец, Артур! Ты чудовище, мерзкий ублюдок...

Через заднюю дверь в дом осторожно вошли Анита и доктор Кардью, хотя раньше никогда этой дверью не пользовались. Они возникли как бы ниоткуда, их словно фокусник вытащил из своей волшебной шляпы, и Клара хорошо помнила, что от удивления – и так неуместно – рассмеялась. Как они сюда попали? Откуда они узнали? И как забавно, что они такие единые, слитные. Они суетились вокруг нее с неким негромким гудением и что-то говорили о нюхательных солях, о валиуме, и временами из этого общего гудения прорывался голос Аниты, как всегда слишком громкий: *У нее же никого нет!* Эти слова отдавались у Клары в голове таким громким эхом, что у нее возникало ощущение, будто теперь она оглохла и больше уже никогда и ничего не услышит. А ведь и у нее раньше была семья. И у Джуди была семья. Джуди была таким человеком, которого любили все, кто ее знал – и вот ее больше нет. Нет, это Клара должна была уйти, ее ухода никто бы и не заметил.

Затем доктор и Анита уложили ее в постель, поставили на прикроватный столик чашку с чаем, и Анита, поцеловав ее в лоб, пообещала непременно завтра зайти.

* * *

В церкви Святой Девы Марии в Баттерси, где всего четыре года назад венчались Джуди и Артур, навстречу Кларе бросилась мать Джуди. Эта бедная милая женщина буквально прильнула к ее груди, а отец Джуди, какой-то страшно растерянный, пожал ей руку и три раза повторил: «Спасибо, что пришла», – явно не сознавая толком, что делает.

Известно ли родителям Джуди о нашей ссоре? – думала Клара. Об этой ужасной, чудовищной ссоре, для которой обычного слова «ссора» кажется недостаточно. Это было скорее похоже на гигантскую трещину, на некий вселенский разлом.

Клара попыталась это выяснить и стала спрашивать, когда они в последний раз виделись с Джуди, но так толком и не выяснила. Да это, собственно, особого значения и не имело. Какая ее родителям разница – трещина это или вселенский разлом? Даже если они и успели узнать о ссоре двух закадычных подруг, то сейчас все это было им безразлично. Ведь их дочь умерла.

Неверным шагом, опираясь на палку, в церковь вошла бабушка Джуди; вокруг нее суетилась целая группа молодых людей. А ведь ей, должно быть, не меньше девяноста пяти, подумала Клара и вспомнила, как часто они с Джуди смеялись над тем, какие у Джуди замечательные гены. Ужас, связанный с гибелью внучки, так отчетливо отпечатался у старушки на лице, что казался страшной маской, изготовленной неведомым мастером.

«Этого горя ей не вынести, оно наверняка ее сломит», – тихо сказал кто-то из сидевших прямо перед Кларой. Казалось, головы всех присутствующих в церкви были повернуты в сторону прохода между скамьями, по которому с трудом, шаркая ногами, тащилась бабушка Джуди. А сидевшие впереди продолжали вполголоса обсуждать ее трудную жизнь: она сумела пережить 1860-е годы, «испанку» и гибель брата в сражении при Эль-Аламейне. Кларе даже захотелось их поправить – бабушкин брат погиб не при Эль-Аламейне, а в битве за Дарданеллы, – но какая, в сущности, разница? Разве теперь это так уж важно?

Разве может кто-то примириться со случившимся?

Джуди убил Артур. Этот ублюдок Артур.

Клара не знала, как именно он ее убил; воображение подсказывало ей самые невероятные возможности. Она разрывалась между желанием узнать подробности – не могло же это быть настолько ужасно, как она себе это воображала, или все-таки могло? – и желанием никогда не знать правды о том, как мучительны были последние часы в жизни Джуди. Да и переставал ли он когда-нибудь ее мучить или это бесконечное насилие так и продолжалось все годы их брака? Да и какая теперь разница?

А ведь она давно об этом знала. Она давно знала, какой Артур мерзавец и насильник, но так ничего и не сделала. Клара огляделась. Неужели из всех собравшихся в церкви об этом знала лишь она одна? Одна-единственная? И она так подвела Джуди! А может, вокруг нее полно таких же, как она, предателей? Целое войско предателей?

Анита сразу предложила съездить на похороны вместе с Кларой, но Клара, как только прочла ту страшную телеграмму, сразу решила, что поедет туда одна.

Анита вообще оказалась очень милой, они с Кларой действительно подружились, но когда Клара пыталась ее за что-нибудь поблагодарить, что случалось довольно часто, Анита всегда говорила: «Тихо-тихо, ведь и ты бы сделала для меня то же самое». И Кларе хотелось надеяться, что так оно и есть; но сейчас она чувствовала себя совершенно потерянной и была уверена, что все-таки оказалась для Джуди плохой подругой. Она просто не знала, как ей быть дальше, как она сумеет поступить в том или ином случае. Казалось, растаяла, исчезла вся ее уверенность – и прежде всего уверенность в собственных силах. Неужели Джуди рассказала Артуру, почему Клара отказала ей в возможности усыновить Алекса? Уж не этот ли ее рассказ настолько его взбесил, что оказался последней соломинкой?

А что было бы, если бы Клара тогда сказала «да»? Если бы она согласилась на усыновление Алекса? Была бы Джуди сегодня жива?

Такой маленький гроб – разве могла Джуди в таком поместиться? – такой легкий, прямо как перышко, какой-то нематериальный. Особенно когда его понесли по проходу к дверям. У алтаря большая фотография Джуди, на которой она почему-то была совсем на себя не похожа. пышная взбитая прическа, серьезное лицо. Неужели так трудно было найти какое-нибудь недавнее ее фото? И чтобы никакого Артура рядом не было? Теперь родным придется выбросить или обрезать все ее свадебные фотографии, а также отказаться от тех, где у Джуди виден либо подбитый глаз, либо порезы – хотя сама она, конечно, никогда бы не позволила, чтобы ее фотографировали в таком виде.

Маленький детский хор пел «Он держит мир в Своих руках», а потом, слегка переиначив заключительный припев, с энтузиазмом пропел «она»: «Она держит мир в своих руках».

Клара еще подумала, не возмутится ли викарий – она ведь хорошо знала, какими ригористами бывают некоторые священники, как раз с такими и дружил ее отец, – но этот викарий никак своего недовольствия не проявил. Напротив, выражение лица у него было абсолютно безмятежным. Зато люди на скамьях сразу отреагировали; они одновременно и смеялись, и плакали, и в этой маленькой неожиданной замене одного местоимения другим было нечто прекрасное, словно над покойной прямо в помещении церкви вспыхнула маленькая радуга.

Среди присутствовавших наверняка было немало учителей, которые работали вместе с Джуди – и с Артуром, разумеется. Некоторые (как и Клара) утирали навернувшиеся слезы. Клара даже кое-кого из них знала – правда, только по имени, а не в лицо, – и теперь развлекалась тем, что пыталась угадать, кто есть кто: вот это, должно быть, миссис Льюис, которая однажды выбежала из класса, поскольку сочла, что ученики ведут себя по отношению к ней неуважительно; а это мисс Баллард – она, помнится, хотела стать певицей и, похоже, была влюблена в мистера Янга, того учителя, который, по рассказам Джуди, умел отлично рисовать пальцем и которого она подозревала в гомосексуальности.

Затем все стали рассаживаться по автомобилям, которые направились – нет, не к дому Джуди и Артура, разумеется, не к месту этого ужасного преступления, нет, нет – как бы обратно в юность Джуди, к дому ее любящих родителей. И все, разумеется, принялись обсуждать службу в церкви: кто-то находил ее великолепной, кто-то вполне соответствующей, а кто-то «такой, как нужно», то есть именно такой, какой хотела бы и сама Джуди.

Когда мать Джуди попросила Клару подняться с ней наверх, Клара моментально внутренне этому воспротивилась. *Вот оно, – думала она, – ее мать знает, какая я предательница, и сейчас начнет кричать, бросаться на меня, упрекать в том, что я была плохим другом ее дочери.* Но, когда они поднялись в бывшую комнату Джуди, ее мать тут же принялась сосредоточенно складывать в пакеты какие-то вещи дочери, выбирая их из груды сложенной на постели старой одежды. На полу тоже высились разные стопки и кучки.

– Я все это забрала из того дома, – пояснила мать Джуди, продолжая рыться в вещах, пока не откопала то, что искала. – Вот! Ты

ведь брала этот норковый палантин, когда ходила на собеседование со своими работодателями?

– Брала. Но в итоге так его и не надела. – И снова Клара почувствовала ненависть к себе из-за собственной, порой совершенно излишней, приверженности к честности и точности. Вот только правду насчет Артура и его приступов насилия она матери Джуди рассказать так и не смогла. Хотя, если бы та сама спросила ее об этом, она бы все-таки рассказала. *Вот только станет ли она спрашивать?*

– Хочешь его взять? Мне это было бы очень приятно.

– Спасибо.

– И еще вот эти туфли.

– А эти я и впрямь надевала, – с удовольствием сообщила Клара. – И перчатки тоже.

– Она мне рассказывала. Она так гордилась тобой, правда, гордилась. Я знаю, она бы хотела, чтобы эти вещи остались у тебя.

Клара промолчала; у нее дрожали губы.

– Как у тебя дела в Грейндже? – спросила мать Джуди.

– Я... – И тут Клара поняла, что не сможет сказать этой женщине правду – что она уже практически уволена, что у Совета имеются веские причины сомневаться в ее компетентности. – Для меня это ценный жизненный опыт.

Улыбка у матери Джуди была такая же, как и у самой Джуди.

– Когда Джуди сказала мне, что ты эту работу получила, я так обрадовалась! Я ведь сразу поняла, как это место тебе подходит, и знала, что все у тебя получится просто идеально. Ты лучше многих других сумеешь понять состояние брошенного ребенка. Я была уверена в твоём успехе. А Джуди всегда говорила, что ты просто создана для этой работы.

А я Джуди подвела, – думала Клара. В последние мгновения ее жизни, в час самой жестокой нужды я ее подвела!

Ей страшно хотелось во всем признаться, но разве она могла это сделать? Это было бы несправедливо, несправедливо и жестоко – обрушить на плечи матери Джуди еще и *такое знание*. И вдруг мать Джуди сама бросилась Кларе на грудь, чуть не сбив ее с ног и вопрошая сквозь рыдания:

– Как мог Артур сделать с ней такое? Клара, как он мог?!

Внизу в каждой из комнат все подходящие поверхности были заняты коробками с визитками и открытками с выражением соболезнований – на боковом столе, на подоконнике, на полке над камином. Джуди-учительница, в сердце которой было столько любви к детям, и своих учеников, должно быть, научила любить ближних. Клара бродила по дому, и от ее шагов визитки вздрагивали и трепетали, словно пытаясь что-то сказать, и она бережно брала их одну за другой и снова клала на место.

Вы моя самая любимая учительница. Вы были самой лучшей из всех. Я вас люблю, миссис Мартин.

И милые детские рисунки. Восход солнца. Звезды. Деревья. Замки из песка. Счастливые лица. Дети, поедающие мороженое. Идеальные домики с зеленой травой и синим небом, а рядом улыбающееся семейство в стиле «палка-палка-огуречик». В общем, все именно так, как всегда хотелось Джуди.

Глава сорок девятая

Ни на следующий день, ни через день Айвор ни разу на глаза Кларе не попался. Зато Анита принесла ей гуляш, щедро сдобренный специями, и этого гуляша ей вполне должно было хватить еще на пару дней. Неизбежно явились воспоминания о тех тяжелых неделях после гибели Майкла, когда Клара выжила только благодаря бесконечной заботе и доброте Джуди, и понимание этого уже само по себе было мучительно больно.

Когда же Айвор все-таки заглянул к ней, то держался необычайно официально и как пришипленный торчал в дверном проеме, а в дом так и не вошел. И это снова напомнило Кларе о том печальном периоде, когда люди, узнав, что она только что потеряла любимого человека, сразу же становились какими-то нервными, неуверенными, словно она невольно перешла границу и оказалась на некой иной, запретной для них территории, и отныне все их взаимоотношения обречены на взаимное непонимание. Как если бы им, например, казалось, что она никогда в жизни больше не засмеется. Клара и предположить не могла, что и Айвор способен так себя вести. И особенно это было странно после тех долгих и крепких объятий. Хотя сейчас и ей самой мысль о том, чтобы обнять или поцеловать Айвора, представлялась совершенно абсурдной, что тоже было очень странно.

Айвор, словно извиняясь за вторжение, сказал, что зашел просто проверить, как она, а потом прибавил, что страшно занят и завтра его весь день не будет дома, но пусть она не волнуется. *А с чего бы это мне волноваться?* – сердито подумала Клара. Затем Айвор сообщил, что в данный момент направляется к сэру Маннингсу, у которого какие-то проблемы и с машиной, и с водителем. Кларе очень хотелось извиниться перед ним за то, что она нечаянно назвала его Майклом, но она понимала, что в данный момент это и неуместно, и не ко времени, так что она постаралась убедить себя, что Айвор, скорее всего, уже забыл об этой оговорке, а может, и вовсе ее не расслышал, хотя прекрасно знала, что это не так.

Розовые розы, присланные мисс Бриджес, очень украсили кухню, там даже стало как-то светлее, но любоваться ими кроме самой Клары было больше некому, никто к ней не заходил, а поскольку телефона в

Грейдже по-прежнему не было, никто даже позвонить ей не мог. И Клара вдруг обнаружила, что кружит по дому в полной растерянности; без детей Грейндж словно стал раза в два просторней, а сама она как бы съежилась. В саду она чувствовала себя еще хуже – толстой и неуклюжей вроде дирижабля «Гинденбург», и лишь дети удерживали ее на земле подобно якорю, и все равно она была готова уплыть вдаль и вспыхнуть, вся охваченная пламенем.

* * *

В день рассмотрения ее дела в суде Клару с самого утра, с первых же минут после пробуждения, терзали нехорошие предчувствия. Весьма неудачным оказалось и решение доесть на завтрак остатки гуляша: очень скоро ей захотелось пить, да так, что во рту пересохло, а в животе начало как-то подозрительно булькать. Не хватало еще, чтобы во время заседания члены Совета услышали, как у нее громко бурчит в животе!

Она понимала, что покинет «Шиллинг Грейндж» раньше, чем дети вернуться, и жалела, что не попрощалась с ними как следует. Когда уезжала сестра Юнис – а она мигом собралась и уехала, ни с кем не попрощавшись, – Кларе ее поступок показался жестоким. Но ведь получится, что и сама она поступила не лучше.

И потом, она понятия не имела, куда ей направиться. Она снова оказалась бездомной, и на этот раз у нее уже не было ни отцовского дома, ни Джуди, которая могла бы ее приютить. Ей попросту некуда было идти.

Она вновь вернулась к тому, что для нее «дальше прохода нет».

Впрочем, сейчас ее более всего заботило вовсе не это; на сей раз все ее мысли были о детях. *Ну что ж, письмо-то всегда написать можно*, – сказала себе Клара и стала обдумывать, что и кому она напишет. Она предполагала, что на первых порах более всего скучать по ней будут Пег и Рита – но, с другой стороны, именно они и преодолеют свою тоску быстрее других. *Чем дети младше, тем быстрее они обо всем забывают*. Это было одно из высказываний мисс Бриджес об «эластичности детской психики».

Есть надежда, что Терри вскоре отправится в приемную семью. И это было бы хорошо не только для статистики Совета Саффолка, но прежде всего для самой Терри, которая обрела бы любящих родителей, каких она, милая девочка, в высшей степени заслуживает. И тогда Клара для нее постепенно превратится в некое смутное воспоминание. А Питеру и вовсе осталось жить в детском доме самое большее год; он будет считаться взрослым и покинет Грейндж. Билли и Барри вполне хватает и друг друга, вряд ли им так уж нужен кто-то еще, уговаривала себя Клара, в глубине души догадываясь, что это, возможно, и не совсем так. Алекс сумеет ужиться с кем угодно. У него, собственно, никогда особого выбора и не было – ему всегда приходилось с кем-то уживаться, и все нужные для этого инструменты у него имеются: ум, честолюбие, умение себя вести. Именно поэтому искусство уживаться с другими людьми давалось ему легче, чем остальным детям. Вот только – ох, Алекс, как хорошо, что он ничего не знает! – он невольно оказался в самом сердце чудовищного жизненного водоворота. И дай бог, чтобы он никогда об этом и не узнал! Он не должен об этом узнать! Разве она сможет *хоть что-то* объяснить ему в письме, не говоря уж о том, чтобы объяснить ему *все*?

Клара оделась точно так же, как и на то собеседование, когда – уже почти год назад! – ее принимали на работу. Эту одежду она не то чтобы считала «счастливой»; скорее уж она показалась ей наиболее подходящей. Вот только на этот раз она все же решила украсить свой наряд норковым палантином Джуди и надеть ее изящные туфельки. От палантина пахло Джуди, и было так приятно почувствовать ее запах. В итоге Клара стала выглядеть даже излишне принаряженной, что могло сыграть не в ее пользу, но с другой стороны у нее было твердое ощущение, что сейчас все на свете против нее. Просто она случайно угодила на понижающуюся траекторию.

Неожиданно в дом вошла мисс Бриджес и заявила, что сама отвезет Клару. Как это мило с ее стороны, подумала Клара, ведь она вовсе не обязана меня подвозить. Мисс Бриджес тоже была одета более тщательно, чем обычно, о чем свидетельствовали и твидовый жакет, и жемчуга, но, стоило Кларе вслух это отметить, она сразу принялась это отрицать, а потом сказала:

– При возникновении любых вопросов сразу обращайся ко мне. Ведь некоторые из этих так называемых присяжных заседателей –

фигуры чисто технические. – И мисс Бриджес принялась энергично обмахиваться. Ей в последнее время постоянно было жарко. Видимо, все дело в возрасте, считала она. – И помни, Клара, что бы ни случилось, все мы хотим одного: чтобы эти дети были счастливы.

Кларе показалось, что этим мисс Бриджес хочет ее предупредить, что ничего хорошего от этого заседания суда ей, Кларе, ждать не стоит и надо быть готовой принять любое решение Совета. Это предчувствие еще усилилось, когда в машине мисс Бриджес вдруг спросила, не хочет ли Клара взять отпуск и отдохнуть где-нибудь в приятном местечке. Это же просто стыд – пропустить такую чудесную теплую погоду, сказала она.

Я больше никогда не увижу своих детей, – тут же подумала Клара, и при мысли об этом ей захотелось немедленно выбраться из машины и бегом броситься обратно в дом.

* * *

Состав судебной комиссии Совета на этот раз был совсем не таким, как во время собеседования. И той пожилой дамы с добрыми глазами и гладко зачесанными волосами среди заседателей не оказалось. Из знакомых Кларе людей там был один лишь мистер Соммерсби, глава опеки, а кто такие миссис МакКарти и мистер Гудж, она запомнить не успела. Вообще-то она должна была бы испытывать облегчение, поскольку их оказалось всего трое, но ей и этих троих было более чем достаточно, ибо каждый из них действовал на нее по-своему угнетающе. По всей видимости, все они решили воспользоваться для стрельбы по ней самыми крупнокалиберными из имевшихся у них орудий.

Перед Кларой кто-то поставил стакан воды. А она, лениво размышляя о том, зачем Айвору тогда понадобилась машина, радовалась, что надела норковый палантин Джуди. Мисс Бриджес, может, и кипела от внутреннего жара, но в комнате было ужасно холодно.

Мистер Соммерсби, усевшись в центре, заявил: «Итак, сегодня я во главе», и Клара подумала, как захихикали бы ее дети, услышав это: «В чьей главе? Он что, в голову забрался? Или: «Ну да, во главе угла!»».

– Мы ознакомились с вашими материалами, которые весьма дополнили личные дела детей, и должны поблагодарить вас за столь тщательно собранные сведения.

Тщательно. Видимо, это слово у нее даже на могиле напишут, черт побери!

– Итак, рассматривается вопрос о возможности вашего дальнейшего пребывания на посту заведующей детским домом «Шиллинг Грейндж». И, если угодно, этот вопрос вообще возник в связи...

Кларе вовсе не было угодно.

– ...с возникшими разногласиями между мастером Джеймсом Питером Дауни и его дядей, мистером Джеймсом Куртни, а также в связи с вашим решением препятствовать встречам мальчика с его единственным...

– Живым родственником, – невольно подсказала Клара и согласно кивнула: – Да, это так. – Но мистер Соммерсби как ни в чем не бывало продолжил:

– ...который в настоящее время надеется оформить документы на усыновление.

– Я... Да, все верно.

– К сожалению, имеются и другие прецеденты. – Миссис МакКарти пошуршала бумагами. На вид ей было лет шестьдесят; ее лицо Клара определила как «свирепо-интеллигентное»; на ней была юбка в «гусиную лапку» и розовая блузка с кружевными манжетами. – Вы ухитрились открыть истинный ящик Пандоры. Если бы дело было только в том случае... Но вас вызвали сюда из-за того, что вы неоднократно нарушали установленные правила.

Клара чувствовала, что вот-вот упадет в обморок. Жаль, думала она, что я не согласилась оставить окно открытым, когда мне это предлагали. Мисс Бриджес изучала паркетный пол так внимательно, словно от этого зависела ее жизнь. В углу комнаты виднелась небольшая горка пыли, которую туда явно замели, а убрать забыли, и она странным образом приковывала к себе внимание.

Я же часть этого детского дома, – думала Клара. – Такая же неотъемлемая его часть, как и многие другие, в том числе и бесполезные, вещи. Именно там мое место.

– Вот, например, заявление, подписанное мистером Уайтом. Согласно его наблюдениям, вы много раз оставляли детей одних. Вы называли их «дикими зверьками». Дети неоднократно пребывали под присмотром женщины, имеющей весьма сомнительное прошлое.

А вот это уж совсем несправедливо!

– У миссис Кардью нет никакого «сомнительного прошлого»! – возмутилась Клара. – Она... Она чудесная женщина! В ее жизни нет и не может быть ничего сомнительного!

– Она была в лагере Берген-Бельзен. Она потеряла там своих родителей и сестру.

Клара невольно охнула – о гибели в лагере всех родных Аниты она не знала, – набрала в грудь воздуха и бросилась защищать свою подругу:

– Миссис Кардью не просто умеет обращаться с детьми, она *идеальный* преподаватель! И ваши инсинуации совершенно неуместны. Да и на *что* вы, собственно, намекаете? – Клара чувствовала какой-то странный прилив сил. Пусть они оскорбляют ее, но подругу свою она им оскорблять не позволит! И уж тем более не позволит называть прошлое Аниты «сомнительным».

– Боюсь, вы не имеете права возражать, когда зачитываются свидетельства против вас, присланные местным солиситором. Боюсь, вам надлежит сидеть тихо и делать для себя соответствующие заметки, – сказала миссис МакКарти таким тоном, что Клара не поняла: то ли это многократно повторенное «боюсь» означает, что она ей сочувствует, то ли как раз наоборот. – А что касается выражения «дикие зверьки», которое вы, по словам мистера Уайта, применяли к детям, то все дети порой ведут себя как настоящие дикари. – И миссис МакКарти вдруг улыбнулась.

Клара осторожно кивнула, а миссис МакКарти прибавила:

– И, по-моему, заявление солиситора Уайта особого веса вообще не имеет. Более всего это похоже на обыкновенное сведение счетов.

Ну вот, кое-что уже прояснилось. Клара с благодарностью посмотрела на миссис МакКарти, но та была слишком занята своими бумагами, чтобы это заметить.

Теперь вновь вступил мистер Соммерсби:

– Кроме упомянутого заявления у нас имеется еще одно, от миссис Гаррард. Цитирую: «Мисс Ньютон никогда не производила на

меня хорошего впечатления и вряд ли могла оказывать должное влияние на детей, поскольку с самого начала была способна во весь голос кричать посреди улицы «бумага, бумага» и набрасываться на меня и на моего мужа».

– Неужели она это серьезно? Не может быть! – усомнилась миссис МакКарти, а мистер Соммерсби продолжал читать:

– «В другой раз она гнусно ухмыльнулась, глядя на Берти, когда он сидел у меня в сумке».

Мистер Соммерсби поднял глаза и спросил:

– Надеюсь, Берти – это собака, а не муж?

А миссис МакКарти, глянув на Клару поверх своих очков в форме полумесяца, заметила:

– Звучит поистине жестоко.

– Просто песик Берти не любит, когда его засовывают в сумку, и пытается оттуда выбраться, и все это выглядит довольно смешно, – пояснила Клара и весьма неубедительно прибавила: – На моем месте любой бы рассмеялся.

– В общем, это, по-моему, очередная кляуза. Видимо, и она тоже сводит с вами счеты, – сказала миссис МакКарти, и Клара с готовностью кивнула. – В связи с чем возникает вопрос: как всего за десять месяцев, проведенных в «Шиллинг Грейндж», вы ухитрились приобрести такое количество недоброжелателей?

На это Клара было нечего ответить. Она чувствовала, что проигрывает, а время истекало, и она разрывалась между желанием продлить игру и выиграть и желанием немедленно, прямо сейчас, со всем этим покончить. Оказаться до такой степени неправильно понятой было больно. И особых сил для борьбы она в своей душе не чувствовала.

А мистер Соммерсби продолжал:

– Насколько я понимаю, вы вообще не слишком хотели работать в «Шиллинг Грейндж»; мало того, вынужден я прибавить, вы замыслили побег оттуда.

И Клара, даже не оборачиваясь, почувствовала, как неловко при этих словах мисс Бриджес начала ерзать на своем стуле.

– Мы получили несколько сообщений о том, что в разговоре вы не раз заявляли: «я не смогу с этим справиться» и «я не чувствую себя здесь своей».

– Да, сперва у меня действительно были некоторые сомнения, я не чувствовала, что гожусь для такой работы, – призналась Клара. – Но сомнения эти были не так уж значительны. В пределах нормы, я бы так сказала.

– Но вы написали заявление об отставке, – заметила миссис МакКарти.

– Ах! – вырвалось у мисс Бриджес. Лицо у нее просто огнем горело.

Во времена Джейн Тейлор, – совершенно некстати подумала Клара, – мисс Бриджес запросто могла бы потерять сознание и упасть на пол. И тогда все эти люди собрались бы вокруг нее, и дамы обмахивали бы ее кружевными веерами и предлагали бы ей нюхательные соли. А теперь ей придется сидеть, сжавшись в комок, и слушать, как наружу выходит ее собственное предательство.

Клара старалась воспринимать происходящее как бы со стороны, однако оставаться нейтральной не удавалось: уж больно плохо все это выглядело. Просто очень плохо.

– Простите, мне очень жаль... – одними губами прошептала, наклонившись к ней, мисс Бриджес, и ее печальные глаза налились слезами. Она с такой яростью содрала с себя свой строгий твидовый жакет, словно ей хотелось вместе с ним удалить и все свои былые неприглядные поступки.

– Я, честно говоря, не совсем понимаю, что значит «в пределах нормы»... – начала миссис МакКарти, но Клара прервала ее:

– Но теперь я *действительно очень хочу* работать в «Шиллинг Грейндж», и я *совершенно уверена*, что отлично подхожу для работы с детьми.

Миссис МакКарти что-то записала, потом посмотрела на Клару, улыбнулась и спросила:

– Это почему же вы так уверены?

– Вас интересует, почему я хочу остаться? О, просто потому... – Голос у нее вдруг дрогнул, и она с трудом сдержалась, чтобы не расплакаться. Она чувствовала, что не в состоянии выразить словами ту любовь, которую испытывала к каждому из своих подопечных, и ту решимость, с которой была готова защищать их от бед и невзгод. Внутри у нее словно что-то надломилось. И она лишь с трудом

заставила себя продолжить: – Просто потому, что я много работала с личными делами детей и... со всем, что их касается, тоже.

Мистер Соммерсби что-то пометил в своих бумагах. А миссис МакКарти нахмурилась и сказала:

– И потом, эта отвратительная история с газетой, мисс Ньютон. Мы так стараемся уберечь наших детей от газетчиков! И уж точно никогда не помещаем их фотографии на передней полосе, да еще и с подробными комментариями – ошибочными, разумеется, а то и вовсе ложными, – воспользовавшись имеющимися в нашем распоряжении сведениями. Это поистине ужасное нарушение правил личной неприкосновенности. А что, если публикацию увидел бы и прочел кто-то из родственников? Нам еще повезло, что это дело не было раздуто.

Клара понимала, что оправдываться, доказывать, что ее вины тут нет, абсолютно бессмысленно, и лишь покачала головой. Ее палачи очень четко прочертили для себя линию основного удара; теперь в дополнение оставалось прочесть еще пару писем, и все.

– А что с тем ребенком, который от вас сбежал? Это некая мисс Морин Эмми Китон, верно?

– Я бы все на свете сделала, лишь бы Морин к нам вернулась! – искренне воскликнула Клара. – Я так... по ней скучаю!

И миссис МакКарти протянула ей свой бледно-голубой носовой платок – у Клары платка не оказалось, Терри увезла с собой весь ее запас носовых платков. Клара шумно высморкалась, и миссис МакКарти предложила:

– Давайте сделаем маленький перерыв. А заседание возобновим через полчаса.

* * *

Мисс Бриджес предложила Кларе немного прогуляться и успокоиться, но Клара отказалась, сказав, что ей нужно какое-то время побыть одной. Это ей, собственно, было не так уж и нужно, однако она должна была как-то убедить себя, что все кончено, и принять это, а мисс Бриджес начала бы из наилучших побуждений что-то с ней обсуждать и окончательно сбила бы ее с толку. Клара понимала, что ей придется искать другое место работы. Такое, где не будет ни детей, ни

носков, сушащихся на трубах отопления, ни проблем с Майскими Королевами и носовыми платками, ни школьных отчетов, ни вшей. Где не будет никаких воспоминаний.

В течение долгого времени она избегала походов в церковь – в любую, даже в ту, где, как предполагалось, она должна была венчаться с Джулианом. Но сами церкви ей всегда очень нравились, особенно красивые старые, а эта церковь, находившаяся не более чем в пяти сотнях ярдов от здания Совета, показалась ей какой-то особенно старой и прекрасной. Есть Кларе – спасибо Аните за ее гуляш – совсем не хотелось, и она вошла внутрь.

И сразу почувствовала себя какой-то зажатой, словно стиснутой со всех сторон неведомой силой. В таких местах сразу с новой силой оживал тот гнев, который она испытывала к отцу. Даже если он в той или иной церкви – насколько она знала – ни разу раньше не бывал. Даже если сама Клара никогда раньше там не бывала. Там всегда царил тот же запах, который исходил от ее отца; все там пробуждало воспоминания о нем, и он словно незримо присутствовал рядом с ней. Клара присела на деревянную скамью у входа, вся охваченная не только гневом, но и печалью, сожалениями, и на волне этих чувств воспоминания сразу унесли ее в далекое детство.

Она тогда каждую неделю непременно получала от матери письма. И каждую неделю непременно школьный староста, раздавая почту, кричал: «Эй, Ньютон, Африка на проводе!» Первые письма от матери были очень длинными, полными вопросов, полными маминой любви. А потом, по мере того, как прогрессировала ее болезнь, письма становились все короче, и любовь в них чувствовалась все слабее, и они были полны растерянности и затаенного страдания. Казалось, этот листок писчей бумаги является свидетельством того, что мать и впрямь угодила в западню и ей оттуда не вырваться.

Клара тогда умоляла ее вернуться домой, но мать отвечала, что не может, потому что «отец хочет остаться», и прибавляла: «Молись за меня».

Клара писала матери каждый день: «Вернись, пожалуйста, вернись назад!» Но до ее желаний никому не было дела.

Письма от матери некоторое время еще продолжали приходить, правда, нерегулярно. По-прежнему с яркими, экзотическими марками и словно выгоревшими на тропическом солнце словами «Милостию

Божией». Клара все их хранила в потайном месте и на каждое непременно отвечала. Ей казалось, что эти письма все еще связывают ее с матерью – пока однажды, месяцев через шесть или семь, она не сдалась окончательно. Она совсем перестала писать матери – она была в ярости от того, что мать так и не вернулась домой. Не помогли ни бесконечная переписка, ни мольбы Клары, ни ее деловые советы и предложения, ни ее искреннее сочувствие.

Все ее усилия были напрасны. Мать продолжала оставаться в Африке.

Но все же иногда писала дочери. «Эй, Ньютон, Африка на проводе!»

Пожалуйста, напиши мне, дорогая, – молила мать. – Ты же должна понимать, что и для меня наша разлука мучительна.

Но теперь в материных письмах совсем не стало ни интересных историй, ни описаний экзотических приключений, ни даже упоминаний об отце. Теперь это были коротенькие письма очень больного человека, прикованного к постели в жалкой деревенской хижине. Целыми днями мать видела перед собой четыре пустые стены, и ей больше не о чем было рассказать дочери – разве что о собственном недуге. «У меня все болит». «Ничего, теперь уже скоро». «Я понимаю, как ты на меня сердисься, но я так тебя люблю. Мы оба тебя любим».

А потом пришла та последняя телеграмма. От отца. Там говорилось, что все кончено и ее мать теперь в Царствии Божием. Однако отец все же не утерпел и в той же телеграмме ухитрился обрушить *на нее, на Клару*, всю свою ярость. Он гневался на нее за то, что не писала матери, что не сделала последние недели и дни ее жизни «более приятными».

Как ты смела так жестоко наказывать свою мать?

И Клара, возмущенная этими упреками и тоже охваченная гневом, собрала все присланные матерью письма и уничтожила их. Она все равно теперь не смогла бы перечитать ни одного из них, не испытывая мучительных угрызений совести. Она даже смотреть на эти письма без страха не могла – все ей казалось, что кто-нибудь узнает, как сильно мать нуждалась в ее поддержке, а она ее попросту бросила.

В тот момент она совершенно не сознавала, что, уничтожая свидетельства собственной глупости и жестокости, уничтожает и то

единственное, что у нее осталось от матери.

Мама, – думала Клара, сидя в этой незнакомой церкви, – *моя мама*, впервые позволив себе почувствовать всю тяжесть этой огромной утраты и всю силу собственной вины.

* * *

Было уже пора возвращаться. Клара направилась к дверям, но, вдруг передумав, упала на колени и стала горячо молиться – сама не зная кому: то ли Богу, то ли Христу, то ли своей матери, то ли просто Вселенной, – прося неведомо кого, чтобы позволил ей остаться в «Шиллинг Грейндж». Она просто вспомнила их последнее – ужасное! – свидание с Джуди и то, как Джуди восторгалась тем, что Клара *не боится просить о помощи*.

Ну вот, теперь она снова просит о помощи.

Она никогда и ничего в своей жизни так не хотела.

Поднимаясь на ноги, Клара испытывала странную и всеобъемлющую уверенность, что больше уже не одна на этом свете. Что это на самом деле такое, она не знала – она не была религиозна, – но чувствовала, что ее словно окутывают волны чьего-то одобрения. И даже если сама она и чувствует себя совершенно бессильной, то на самом деле это совсем не так, ибо она как бы является частью чего-то куда более крупного и значимого, а потому для нее еще далеко не все потеряно.

* * *

Клара первой вернулась в зал заседаний, не теряя надежды, что гуляш Аниты позволит ей продержаться до следующего перерыва. Как долго еще они собираются тратить на нее время? Разве нельзя просто приказать ей убираться восвояси и разом со всем покончить?

Через несколько минут в зал цепочкой потянулись присяжные, занимая свои места. Клара заметила, что у мистера Соммерсби в бороде застряли крошки. В воздухе отчетливо пахло солониной.

– Итак, мисс Ньютон, боюсь, что...

В дальнем конце зала вдруг раздался громкий стук, топот, двери распахнулись, и в зал вошел Айвор. *Айвор?* Он, правда, как бы застрял на пороге, одной ногой оставшись в коридоре и неловко поправляя воротник.

– Мы ведь не опоздали, нет? Мы прибыли, чтобы выступить перед уважаемым судом в защиту мисс Ньютон.

Кто это мы? – запаниковала Клара. *Господи, только бы он детей сюда не притащил! Дети ведь на каникулах.*

И тут в зал ворвалась целая толпа детей. Клара быстро пересчитала их по головам: восемь. Восемь? Ну да, там был даже Питер, даже... *Морин! Морин?* Милая, дорогая Морин! И где только Айвор ее нашел? И Анита тоже была там – стояла позади и слегка подталкивала детей вперед, как всегда улыбаясь своей нервной улыбкой.

Сперва дети сбились в кучку и замерли, но потом из этой кучки выбралась Рита и сразу ринулась к Кларе. Она крепко к ней прижалась, обхватив обеими руками за талию, и это словно разбудило всех остальных. Дети дружно задвигались и окружили Клару.

– Морин, как же мне тебя не хватало! – шепнула Клара, и Морин застенчиво и благодарно ей улыбнулась. На ней было нарядное, но слишком «взрослое» платье для коктейлей, которое явно было ей чересчур велико; а сама она выглядела какой-то постаревшей и страшно усталой. У Клары просто сердце разрывалось, когда она вспоминала, каким испуганным было это личико, когда Морин корчилась от боли сперва у них в саду, а затем в машине доктора.

С Айвором Клара разговаривала строго:

– По-моему, дети должны были отдыхать на море.

– Они и отдыхали, но захотели вернуться. – Айвор принарядился – надел костюм, начистил башмаки, и каблуки их громко стучали, когда он перемещался по залу. – Собственно, вернулись они всего на один день раньше срока. Чтобы поддержать *тебя*, Клара.

Мистер Соммерсби никакого восторга при появлении детей не выразил.

– Вы что же, сорвали детей с отдыха, который полагается им всего раз в году? Между прочим, этот отдых недешево нам стоит! И они

вместо того, чтобы купаться в море, целый день провели в поезде, а теперь вы еще и в наш офис их привели?

– Да, привел. И это лишнее доказательство того, насколько для них важно то, что здесь происходит, – ничуть не смутившись, заявил Айвор. – Впрочем, приехали мы на машине, а не на поезде. И намерены выступить перед уважаемым судом со *своими свидетельскими показаниями*.

Клара помнила, как Айвор, который всегда боялся публичных выступлений, однажды признался ей: «Это куда хуже, чем убегать от стада коров». Что ж, сегодня, похоже, он обрел должное душевное равновесие.

– Но это же абсурд! Дети не могут выступать в роли свидетелей. И потом, факты есть факты. Мы уже выслушали заявления мистера Уайта и миссис Гаррард. – Ланч явно не уменьшил раздражительности мистера Соммерсби, однако с Айвором ему сегодня было не совладать.

– Да, но именно дети знают Клару – мисс Ньютон – лучше всех.

– Не могли бы вы для начала объяснить нам, *кто вы такой?* – Мистер Гудж, оторвался от созерцания своих записей и посмотрел на Айвора так, как смотрит усталый, потерявший терпение муж на свою болтушку-жену.

– Он наш самый любимый сосед, – тут же встрял Алекс.

– А вообще он обойщик мебели! – выкрикнул Билли.

– Ну да, он наш любимый обойщик мебели! – подытожила Рита.

– А он еще и подушки набивает, – прибавил Барри. (Он никогда и раньше не мог толком понять, что значит «обойщик»).

– Хотя понятие «обойщик» на самом деле гораздо шире, – возразил Алекс. – Это сложное ремесло. Что? Ну, вот я как раз и говорю, что точные определения очень важны. Каждое слово... – и этот маленький философ сделал паузу и с достоинством огляделся, – имеет несколько вполне определенных значений, и нельзя просто так их менять, даже если какому-то растяпе вроде тебя этого захочется.

– Уй, как я ненавижу, – грозно предупредил его Барри, – когда меня растяпой называют!

И тут вперед вышла Анита. Она выглядела, как манекен в витрине дорогого магазина; темно-синее платье с юбкой в складку сидело на ней идеально; шею украшали бусы; волосы были уложены в хорошенький шиньон. У нее был такой вид, словно она только что

явилась из Парижа и находится в светской гостиной, а не в обшарпанном зале городской ратуши Саффолка.

– Я миссис Кардью, жена доктора Кардью. – Ее легкий акцент звучал в этом абсолютно английском учреждении как-то особенно по-иностранному.

Мистер Соммерсби ничего не сказал ей в ответ, но на лице у него был явственно написан вопрос: *ну, и что дальше?*

– Ни я, ни мой муж не были проинформированы ни о том, что в суд присяжных можно подать соответствующее заявление, ни о том, что подобный суд вообще состоится, – решительно заявила Анита. – Мой муж, врач, знает этих детей, как собственную руку. И я тоже в последние месяцы очень неплохо их узнала. Доктор Кардью намерен написать для Клары рекомендательное письмо. И то же самое собираются сделать наши друзья. Например, художник сэра Маннинга, известный своими изображениями лошадей, заведующая почтовым отделением, а также мистер Доусетт, наш библиотекарь. Никого из нас об этом, разумеется, не просили, но у Клары в Лавенхэме немало приверженцев.

Клара вспыхнула жарким румянцем от смущения и гордости.

– Но так делать не принято, – попытался возразить мистер Соммерсби.

– Да, не принято, – согласилась с ним миссис МакКарти. – Но это, по-моему, не является нарушением закона? Вы что-то еще хотели нам сказать, мистер... э-э-э...

– Дилани. Ну, мы никаких письменных отчетов не составляли и письменных свидетельств заранее не заготовили. Отчеты – это как раз по части мисс Ньютон. – Выражение лица у Айвора было почти таким же, как во время той их игры в «Монополию», когда Клара застряла на Фенчерч-стрит, а он выиграл все четыре станции метро.

– Но какие доказательства вы можете представить относительно того, что Клара Ньютон соответствует должности заведующей детским домом?

– Это, например, готов устно засвидетельствовать мистер Гаррард!

Вид у мистера Гаррарда был чрезвычайно мрачный; он с сомнением огляделся, словно предпочел бы оказаться где угодно, только не на заседании Совета, и сказал:

– Несколько недель назад я выгуливал Берти. Это моя собака, мини-шнауцер, очаровательное существо. Я спустил его с поводка, и он бегал по лугу, когда вдруг оказался среди стада коров. Я его позвал, и коровы вдруг пошли прямо на нас. От ужаса я так и застыл на месте, и тут вмешалась мисс Ньютон и помогла мне. Мало того, она спасла мне жизнь и, вполне возможно, жизнь Берти тоже.

Все дружно уставились на Клару, а она лишь скромно пожала плечами, словно говоря: *Представьте только, что было бы, если бы я этого не сделала.* А вслух сказала:

– Любой на моем месте поступил бы точно так же.

Айвор снова вышел вперед и возвестил:

– А теперь свидетельства детей: они хотят показать кое-что из того, чему научила их Клара.

Клара совершенно не представляла, к чему он клонит; присяжные, похоже, тоже этого не понимали.

– Готовы? – спросил Айвор. – Терри, ты первая.

Терри вышла вперед, и Клара заметила, что ради столь важного случая она даже платье надела. Но что это было за платье! Какой-то наряд судомойки викторианской эпохи! Да еще и очки она на переносице скрепила большим куском пластыря. Клара даже застонала про себя.

– Я бы хотела показать вам, – начала Терри, – кое-что из того, что вырастила сама в своем огорожке. Это Клара выделила мне участок, чтобы я могла там выращивать, что захочу. Но овощи еще не все созрели, и не могли же мы выкопать их с корнями и принести сюда, вы же понимаете?

– Понимаем, и ты совершенно права, – сказала миссис МакКарти. – Садоводы и огородники всегда смотрят в будущее. Это основа их мастерства.

– Так что вместо овощей, – продолжала Терри, – мы решили... Вы, наверное, слышали о Джейн Тейлор?

– Я – нет, – сказала миссис МакКарти и посмотрела на остальных. Мистер Соммерсби пожал плечами. Мистер Гудж покачал головой.

– Это потому что вы глупые! – выкрикнула вдруг Рита.

Боже мой, у этой девчонки просто язык без костей!

– Рита!

Но миссис МакКарти неожиданно встала на сторону девочки.

– Вот и мой внук всегда так утверждает.

– В общем, Джейн Тейлор жила в этом городе, – сказала Терри, гневно глянув на Риту, – и сейчас я прочту вам одно ее стихотворение.

Теперь Клара, наконец, поняла, к чему клонит Терри.

А та бодро продекламировала:

– Живя в бескрайних синих небесах, // В мое окно ты все ж заглядываешь часто. // И если солнце в небе поднялось высоко, // Всегда меня слепит твое недреманное око...

Под конец все дружно захлопали в ладоши, даже мистер Гудж, а миссис МакКарти даже глаза платочком промокнула.

– Это было просто прелестно... – сказала она и вдруг умолкла, увидев, что Айвор, который во время чтения стихов тихонько выскользнул из зала, вновь появился и толкает перед собой фортепиано на колесиках.

– Боже мой! Неужели кто-то собирается еще и на фортепиано нам сыграть?

– Погодите, мы для вас угощение приготовили! – Это сказала Морин. Выглядела она, как всегда, мрачной, глаза подозрительно покрасневшие, но в руках у нее была тарелка, прикрытая кружевной салфеткой. Совершенно театральным жестом сдернув салфетку, она объявила:

– Эти лепешки просто с маслом, а эти с фруктами. – Морин направилась напрямик к столу заседателей, которые с явным удовольствием на нее смотрели, и заявила: – А теперь позвольте мне кое-что рассказать вам о Кларе – простите, о мисс Ньютон. Кулинар она совершенно бездарный. Так что я быстро сообразила: если хочешь обед повкуснее, у нее ничего спрашивать не нужно. А то она однажды сварила нам такой куриный суп, что мы даже не поняли, что он из курицы. А в другой раз и вовсе получился сущий кошмар, когда...

– Спасибо тебе, Морин, – сказала Клара.

– Но это же правда! Я думала, что все воспитательницы умеют хорошо готовить, и просто очень удивилась. – Морин сокрушенно покачала головой, и это у нее опять получилось весьма театрально.

Ну, просто Сара Бернар, черт возьми! – восхитилась про себя Клара. А Морин между тем продолжала:

– Но как раз ее *неумение* готовить меня и подстегнуло, обеспечив мне свободу действий и возможность научиться самой. Я и научилась.

Не могу, конечно, сказать, что очень хорошо, но мне это очень нравится, и так приятно иной раз самостоятельно испечь пирожок. А вот это, – Айвор подал Морин очередную тарелку, – называется «кокосовый лед». Я это часто делаю.

– Не возражаете, если я попробую? – вдруг оживился мистер Гудж.

Убедившись, что и это угощение попробовали все, Морин подошла к Кларе и, поднявшись на цыпочки, крепко ее обняла, и Клара сразу догадалась, что девочка хочет о чем-то ее попросить.

– Мисс Ньютон, как вы думаете, я могу снова вернуться домой? Мне ведь пятнадцати еще не исполнилось.

Ее слова были для Клары слаще любой музыки, но она обязана была быть честной.

– Я не могу это решить. Теперь это не в моей власти. Но вернешься ты или нет, останусь ли я сама в Грейндже или нет, – Клара говорила шепотом, но у нее вдруг не хватило воздуха даже на шепот, и она, преодолевая странное удушье, с трудом договорила, – я всегда сделаю для тебя все, что в моих силах, Морин.

И Морин крепко ее поцеловала.

А играть на фортепиано собиралась Рита. Она обвела зал строгим взглядом и, убедившись, что завладела всеобщим вниманием, провозгласила:

– Вообще-то, больше всего мне хочется котенка. Или щеночка.

– Рита, возьми себя в руки! – Айвор решительно подвел ее к пианино и усадил на табурет. – И продемонстрируй суду присяжных то, что собиралась.

– Я вовсе не собиралась.

Айвор кашлянул.

– То, что, *по твоим словам*, ты хотела бы им показать... помнишь?

– Это, пожалуй, тянет на дисциплинарное взыскание... – осторожно высказался мистер Соммерсби.

– Нет, это как раз *чисто дисциплинирующее* воздействие на ребенка, – тут же остановила его миссис МакКарти. – Помните, мы ведь ставим во главу угла именно благополучие детей и их правильное воспитание.

Алекс стоял рядом с Кларой, и она шепотом спросила у него:

– Ты что, тоже играть собираешься?

– Ну что вы! Я по-прежнему ни одной ноты правильно взять не способен, – тоже шепотом ответил он.

– И я тоже! – призналась Клара.

– Миссис Кардью говорит, что мне медведь на ухо наступил. Она никогда не встречала человека с таким полным отсутствием музыкального слуха! – прибавил Алекс даже с некоторой гордостью.

– Вряд ли ей следовало так говорить...

– Но ведь это же правда! Да вы не расстраивайтесь. Зато я во многом другом могу быть успешным.

Клара тихонько рассмеялась и обняла своего маленького философа за плечи. Невероятно, но теперь она уже почти наслаждалась этим устроенным над ней судом.

Рита сыграла «К Элизе» Бетховена. Играла она очень хорошо, и Клара была поражена тем, какие успехи сделала эта малышка. Если в обычных обстоятельствах она могла быть ревой и занудой, то за фортепиано у нее проявлялся прямо-таки бешеный темперамент. Торнадо! Закончив играть, она с достоинством поклонилась – раз пять, шесть или даже больше – и крикнула: «А теперь очередь Пег!», не дав Айвору открыть рот и что-то объяснить.

У Клары даже на мгновение мелькнула мысль: а что, если Пег снова заговорит? Что, если она приберегала свои драгоценные слова для такого случая, как сегодня? Воспоминание о том, как Пег тогда сказала: «КО-О-ВЫ!», было для Клары одним из самых радостных.

Но Пег ничего говорить не стала. Они с Ритой одновременно и весьма ловко прыгали через веревку, со стуком ударявшуюся об пол, и Рита громко произносила в такт слова считалки:

– Мишка Тедди, мишка Тедди, повернись! Мишка Тедди, мишка Тедди, улыбнись!..

Пег, разумеется, молчала, но на лице у нее сияла счастливая улыбка. Клара была растрогана до слез. Дорогая, милая Пег, она все сумеет, все у нее будет хорошо в свое время!

– У-уфф! Ну, раз я заодно еще и ведущая, – сообщила всем Рита, – то сейчас... – Кларе показалось, что судебный процесс над ней начинает превращаться в настоящее «Рита-шоу», но господа заседатели, похоже, ничего против не имели, к тому же Рита *и впрямь*

оказалась настоящей актрисой. – Сейчас мы увидим фокусы! Билли и Барри! Знаменитые фокусники!

Билли и Барри, порозовев от смущения, вышли вперед. Большая редкость, заметила Клара: оба одеты вполне аккуратно – в некую разновидность школьной формы, но рубашки заправлены, ботинки начищены, и вообще все вполне пристойно. Волосы они обильно смазали «брить-кремом». Билли продемонстрировал присутствующим пустую шляпу-котелок, Барри – некую «волшебную» палочку. Они даже мистера Гуджа заставили все это хорошенько осмотреть. Мистер Соммерсби сперва выглядел раздраженным, но затем вдруг рассмеялся и сказал, что его отец частенько показывал всякие такие штуки, когда служил в железнодорожной охране.

Затем возникла некоторая суета, и под шумок из шляпы был извлечен кролик. *Настоящий живой кролик!* Все захлопали, миссис МакКарти громко ахнула, а Рита схватила кролика и прижалась к нему лицом.

– Я, кажется, узнаю этого кролика, – шепнула Клара, наклоняясь к Аните.

– Пора ему отрабатывать свое содержание, – одними губами прошептала в ответ Анита.

А Клара *по-настоящему* наслаждалась этим представлением. Даже если она проиграет, то, по крайней мере, пойдет на дно с высоко поднятой головой.

Наступила очередь Питера, но он пока не двигался с места. Стоял и молчал, низко опустив голову. Клара заметила, что и он тоже постарался принарядиться. Интересно, где он раздобыл эту одежду? Впрочем, догадалась она, это же галстук Айвора! Ну и остальное, вполне возможно, тоже из его гардероба. Сможет ли она когда-нибудь отблагодарить этого человека – за все?

Питер вытащил несколько своих комиксов, сложил их веером и сказал, мучительно краснея:

– Это я сам нарисовал. Для мисс Ньютон.

Питер? Питер сделал это для нее? Уж она-то знала, каких усилий ему стоило даже просто выйти сейчас на середину зала и стоять там перед всеми этими людьми. Клара в волнении даже глаза рукой прикрыла, *с огромным трудом* сдерживая слезы.

Миссис МакКарти с растерянным видом задавала какие-то вопросы. Мистер Гудж выглядел откровенно раздраженным. Мистер Соммерсби лениво перелистывал страницы комиксов. Потом все умолкли, и какое-то время в комнате слышался только шелест страниц. *Пожалуйста, только не прогоняйте его, не пытайтесь от него отделаться,* – безмолвно молила Клара. – *Только не сейчас, Питер этого не вынесет. Он заслуживает куда лучшего отношения – от нас всех.*

– И что это доказывает? – спросил, наконец, мистер Соммерсби.

– То, что мисс Ньютон всегда меня поддерживала, – сказал Питер. Он говорил тихо, но с уверенностью, какой Клара раньше в нем не замечала. – Она узнала, что мне нравится рисовать, и помогла мне. В последнее время мне нравятся мультипликации, шаржи, комиксы, и она сказала, что поможет мне наработать определенный опыт, мне ведь на будущий год четырнадцать исполнится.

– На таких картинках на жизнь не заработаешь...

– Вообще-то вполне можно и заработать, – возразила Клара.

– Это правда, – поддержала ее миссис МакКарти. – У меня племянник – художник. И я бы, конечно, не назвала его богатым человеком, однако он вполне...

– Ты бы лучше сказал, что именно мисс Ньютон здорово тебя подвела. Так ведь? – снова заговорил мистер Соммерсби. – Попыталась поссорить тебя с дядей. Выступала против твоих к нему визитов. А теперь препятствует твоему усыновлению, хотя дядя – твой единственный живой родственник.

У Питера пылало лицо. На Соммерсби он не смотрел. Он явно боялся поднять глаза.

– Мы доверили ей заботу о тебе, однако она...

– Она совершенно ни в чем не виновата! – выкрикнул Питер.

– Но почему же она не позволяет тебе видеться с родным дядей?

Питер снова уставился в пол, и Клара, зная, как он ненавидит разговоры на эту тему, чувствовала, как плачет ее душа, страдая за него.

– Ну, если ты отказываешься говорить...

– Если ты так ничего нам и не скажешь, – вмешалась миссис МакКарти, и Клара заметила, что в ее голосе куда больше доброты,

чем у мистера Соммерсби, – то нам придется допустить, что все это просто... выдумки, просто какая-то чепуха...

– Это *никакая* не чепуха! – взорвался Питер. – Мой дядя мучает меня! Он делает мне больно! И это чистая правда!

Айвор, не выдержав, выскочил вперед, закрыв собой Питера.

– Я не понимаю, зачем вы снова подвергаете его допросу? Зачем вы его терзаете? Вам же все прекрасно известно!

– Но получается, что его слово против... – мистер Соммерсби быстро заглянул в свои бумаги, – против слова мистера Кортни, а это...

– Вы же сами сказали, что для вас благополучие детей превыше всего, – прервал его Айвор. – Я очень внимательно изучил Закон о детях – те, кто его составил, никогда не заставили бы ребенка вновь испытать весь этот ужас!

Он быстро глянул в сторону Клары, и она поспешила ответить на его взгляд: *Спасибо тебе, Айвор!*

Когда Питеру разрешили вернуться на место, он незаметно сунул Кларе свернутый в четыре раза листок бумаги.

Это тоже был комикс – точнее, одна сценка из него. Главный герой был в маске и в плаще с капюшоном, но, судя по волосам и платью, легко было догадаться, что это она, Клара. На полу, в ногах у нее лежал плашмя какой-то человек, а надпись в левом верхнем углу, заключенная в квадратик, гласила: «А между тем в одном из домов Лавенхэма собирались силы Добра...»

А в левом нижнем углу в тесном прямоугольнике крошечными, наползающими друг на друга буквами было написано: «Спасибо тебе за все».

Миссис МакКарти уже встала и объявила, что суду теперь понадобится несколько минут, чтобы вынести решение, и тут Айвор вдруг сунул руку в карман пиджака и крикнул:

– О, погодите! У меня же есть еще одно письменное заявление!

Он выждал, пока в зале установится тишина, и прочел:

*Какого бы мнения вы ни были о мисс
Ньютон...*

Клара смотрела на Айвора во все глаза; она была совершенно озадачена. А у него, похоже, комок в горле застрял. Охваченный

непонятным волнением, он так и не смог читать дальше, и тогда мисс Бриджес очень нежным движением вынула листок у него из рук и продолжила:

...о ее идеализме или о ее чрезвычайной наивности, дети для нее всегда, всегда были и остаются на первом месте.

Закончив читать, мисс Бриджес пояснила:

– Это письмо написано миссис Джуди Мартин, учительницей лондонской начальной школы «Ханиуэлл».

Клара не могла себе позволить сейчас разрыдаться, но сдерживалась с трудом, и плечи ее сильно вздрагивали от попыток держать себя в руках. Айвор не сводил с нее глаз, и взгляд его был исполнен сочувствия, а в глазах стояли слезы... Кларе очень хотелось обнять его, прижаться к его груди, как тогда на кухне, только теперь уж она бы ни за что ничего не перепутала и не назвала бы его именем другого мужчины. Однако ей оставалось лишь изливать свою бесконечную благодарность в робких улыбках и взглядах, а он не отрывал своих темных глаз от ее лица.

Рита снова выскочила вперед, таща за руку Пег, и заявила, гордо задрав носишко:

– Мы тоже хотим кое-что сказать!

– Ну, давай, Рита, говори! Что ты еще хочешь нам поведать? – ласково посмотрела на нее миссис МакКарти.

– Я хочу сказать, что мисс Ньютон заботится о нас, как самая настоящая мама! – И, высказавшись, Рита тут же сунула в рот большой палец, словно поставив в конце этого, самого сладостного для Клары, признания жирную точку.

Глава пятидесятая

В итоге было решено: дяде Питера в усыновлении мальчика отказать и запретить любые контакты с ним.

Мисс Ньютон разрешить вернуться в «Шиллинг Грейндж» и возобновить с ней *бессрочный* контракт.

Алекс не расслышал, и ему показалось: *бесконечный*. Он был потрясен!

Мисс Ньютон должна была впредь незамедлительно сообщать Совету о любых случаях нарушения порядка и *неподобающего поведения* – тонкий эвфемизм, если он в подобном случае вообще возможен. Никаких «если», никаких «но» и никаких укрывательств.

Ни одно из зачитанных ранее свидетельств было решено в расчет не принимать. Мало того, их сочли возмутительными попытками очернить достойного человека.

Миссис МакКарти, взяв двумя пальцами кусочек «кокосового льда», приготовленный Морин, восхитилась:

– М-м-м, это мне больше всего нравится! Морин, ты непременно должна дать мне рецепт.

Морин, страшно польщенная, тут же согласилась.

– И, может быть, наконец-то можно поставить бедной мисс Ньютон телефон? – воскликнула миссис МакКарти. – В конце концов, у нас 1950-й год наступает! Нельзя же каждый раз заставлять ее таскаться туда-сюда по улице в халате и в шлепанцах, как только у нее возникнет необходимость связаться с внешним миром! – И миссис МакКарти, повернувшись к Кларе, с улыбкой сказала: – Ну вот, можете пойти и сообщить вашему милому хорошие новости.

– Он не *мой* милый. – Клара залилась румянцем, прекрасно понимая, кого миссис МакКарти имеет в виду.

Миссис МакКарти рассмеялась и снова принялась за «кокосовый лед». Потом заметила:

– Боюсь показаться бестактной, но, по-моему, ваш сосед, мистер Дилани, в вас влюблен.

Клара тщетно попыталась сохранить непроницаемое выражение лица, но, чувствуя, что у нее ничего не получается, пискнула:

– Почему вы так думаете?

– Да я не думаю, а *просто знаю*.

– А я, например, не знаю даже, где он сейчас...

– Он на улице, – вмешалась Морин, явно желая помочь. – Идите, идите, мисс Ньютон. Айвор просто с ума сходит, так за вас волнуется.

– Ах ты, цыпленок! Нет, я непременно должна поближе познакомиться с этими детьми. – И миссис МакКарти, покончив с «кокосовым льдом», хлопнула в ладоши и уверенным «директорским» голосом провозгласила: – Дети, пожалуй, нам пора немного развлечься! Кто из вас знает, как танцуют «ламбет-уолк»?^[27]

Первой подняла руку Пег.

А Клара бросилась по коридору к лифту, вызвала его, и, как только дверцы кабины перед ней отворились, она с ужасом увидела перед собой Джулиана. Впрочем, при виде Клары выражение его лица ничуть не изменилось. Когда она вошла, он лишь вежливо спросил:

– Какой этаж?

– Первый, пожалуйста.

Клара судорожно пыталась придумать, что бы еще сказать, но слов не находила. Интересно, думала она, а он знает, что я остаюсь в Грейндже? Нет, вряд ли он успел это узнать – хотя, конечно, у него просто дар все узнавать раньше других. Она тупо изучала туфли Джуди, которые надела с утра, а Джулиан – свои, как всегда начищенные до блеска. Кларе казалось, что чертов лифт никогда не доберется до первого этажа. Это были две самые длинные и самые мучительные минуты в ее жизни. Сил изучать собственные туфли у нее уже не оставалось, и она переключилась на ногти, молясь в душе, чтобы лифт не сломался и не застрял, а если уж он вдруг упадет, то пусть они оба умрут мгновенно. Лучше уж такая быстрая и страшная смерть, чем быть вынужденной часами стоять рядом с Джулианом в кабине застрявшего лифта и слушать его нравоучения.

Наконец лифт остановился на нижнем этаже, и Джулиан, раздвинув металлические дверцы и преградив Кларе путь, сказал:

– Мне нужно кое-что тебе сообщить. Это насчет твоего отца, Клара. Он не писал мне никаких гадостей о тебе.

– Я знаю.

– Мне давно следовало бы извиниться. Просто в тот момент я был разгневан, и... мне хотелось сделать тебе больно.

Он протянул ей руку.

– Ну что, останемся друзьями?

Вряд ли, думала Клара, ведь это ты меня оболгал, ты устроил против меня настоящий заговор, ты все сделал, чтобы я потеряла работу, ты вполне сознательно защищал насильника. Но говорить об этом сейчас ей не хотелось, и она вяло пожала ему руку; ее рукопожатие было именно таким, какие он – и она прекрасно это знала – терпеть не может. Но сейчас перед ней стояла совсем другая цель, куда более важная. *Намного, намного важнее!*

* * *

Когда она впервые увидела Айвора, он пел маленькой Пег какую-то песенку о рыбках. Потом она припомнила, как прислонялась к нему, когда он показывал ей, как правильно следить за звездами, и что она в эти мгновения чувствовала. А еще она вспомнила тот их поцелуй под омелой.

Он мог бы, конечно, подумать, что она просто сумасбродная пустышка, но в том-то и дело, что он так не подумал.

Вы же не станете брать на себя столько хлопот, если вам этот человек безразличен, не так ли? Просто не станете и все. Миссис МакКарти знала, о чем говорит. И она совершенно точно не ошибалась.

А ей, Кларе, нужно непременно перед ним извиниться за то, что у нее тогда случайно вырвалось имя Майкла. Извиниться и объяснить, что это вышло просто в силу привычки. Извиниться и честно признаться в том, какие чувства она к нему испытывает. Причем уже давно. Просто ужас, как давно.

А вот и он, *ее милый*, как выразилась миссис МакКарти. *Айвор*. Она видела, как прядь темных волос упала ему на глаза, когда он посмотрел на нее поверх головы какого-то человека, которого обнимал прямо посреди улицы. Он посмотрел на Клару и чуть отстранился. И этот человек тоже от него отстранился, почувствовав, видимо, что кто-то пристально на них смотрит. Оказалось, что это женщина. Молодая и очень хорошенькая. Она выглядела прямо-таки невероятно ухоженной, буквально отполированной. *Куда более ухоженной, чем любая жительница Лавенхэма. Или даже Лондона.* Клара, которая редко

обращала внимание на то, как одеты другие, сейчас никак не могла не заметить, как тщательно и роскошно одета эта женщина. На ней был зеленый шерстяной жакет с золотой брошью в виде бабочки и пестрая юбка-клеш. Сверхвысокие каблуки. Черные чулки. Она не столько носила одежду, сколько ее демонстрировала. И выглядела весьма дерзко. Но в целом – просто замечательно. Очень современно. И волосы у нее были великолепные, осветленные на голливудский манер.

Клара застыла, заметив на лице Айвора выражение глубочайшего смущения. *Или даже испуга?* Да, пожалуй, именно испуга. А впрочем, может, она и ошибалась? Может, просто надеялась, что он испугается или смутится, увидев ее?

А та молодая женщина, заметив приближавшуюся к ним Клару и явно догадавшись, насколько та потрясена увиденным, лукаво посматривала то на нее, то на Айвора, словно пытаясь разгадать некую несложную загадку. В итоге, слегка надув ярко накрашенные губки и сложив их так, словно собирается свистнуть, она сказала:

– Ну что же ты, Айвор? – Она произносила его имя как-то по-своему, с ударением на последний слог «вор». – Может быть, ты все-таки представишь нас друг другу, Айвор?

Айвор тяжело вздохнул – он часто так делал, когда хотел взять себя в руки, – и пренебрежительно отмахнулся здоровой рукой. А так он делал, когда был смущен. И Кларе вдруг показалось, что она знает о нем все, но почти одновременно у нее возникло и понимание того, что она совсем ничего о нем не знает.

– Руби, это Клара... мисс Ньютон. Клара, это Руби... – Он запнулся, судорожно сглотнул и договорил: – ...моя жена.

Глава пятьдесят первая

Клара сперва еще думала, что, может быть, Айвор вечером зайдет к ним в Грейндж, но он не пришел. Ну что ж, решила она, им наверняка нужно о многом переговорить, многое наверстать: Айвору и Руби. Руби и Айвору *Дилани. Которых с детства называли женихом и невестой.*

Она пыталась убедить себя, что Руби приехала, чтобы просто повидаться со старым другом или, может, чтобы забрать что-то из вещей, которые когда-то здесь оставила. Но в глубине души понимала, что сама себя обманывает: было совершенно очевидно, что Руби вернулась навсегда. Об этом свидетельствовало и то, что Айвор к ним так и не зашел.

Зато отпраздновать победу Клары собралось немало других людей. Пришли доктор Кардью и Анита, захватившая с собой свою скрипку, а также кое-кто из учителей. Пришел даже директор средней школы. И еще миссис Дикон, заведующая почтой. И мистер Доусет, библиотекарь. А мисс Бриджес, разумеется, притащила целую грудку пирогов и печенья. Заехала даже мисс Купер, притащив целую пачку социалистических листовок – *запрещенных*, как сказала мисс Бриджес, все же позволившая их раздать.

Но настоящую наглость проявила миссис Гаррард. Впрочем, некоторое время они с мужем топтались на крыльце, гудя как неуверенные пчелы.

– Можно нам войти, мисс Ньютон? – крикнула миссис Гаррард. – Мы узнали, что вы остаетесь. – Держалась она по-прежнему холодно и явно не испытывала ни малейшего смущения. – Как говорится, если не можешь победить врага, присоединяйся к нему.

Проникнув в гостиную, миссис Гаррард вскоре обрела достойную собеседницу в лице Морин: они принялись обсуждать современный кинематограф, делясь друг с другом знаниями и впечатлениями.

– Она же всех кинозвезд знает! – с восхищением сообщила миссис Гаррард, и Клара услышала в ее голосе даже некий намек на уважение. – Пожалуй, я только что нашла себе отличную компаньонку для посещения кинотеатров. Ларри в этом отношении совершенно

несносен, он весь фильм что-то бубнит. *И потом*, он сразу уходит, как только фильм кончится.

Клара, которая тоже не видела смысла торчать в зале после окончания фильма, отнеслась к этому с пониманием.

– А вы здесь очень неплохо все устроили, так гораздо лучше, – не умолкала миссис Гаррард. – Даже мне заметно, что и дети ваши выглядят куда более счастливыми. Я понимаю, что много раз на них жаловалась, но, справедливости ради, должна сказать: вы достойны аплодисментов, ибо уже успели добиться столь многого.

Гости задержались до позднего вечера. Детей Клара не стала отсылать спать, и все весело болтали и смеялись. Рита играла на фортепиано, а Пег под эту музыку танцевала с дамами в саду. Мальчики то исчезали, то появлялись вновь. Морин весьма ловко готовила напитки, которые Питер, страшно стесняясь, подавал гостям. Алекс рассказал увлекательную историю о Сэмюэле Пеписе, который во время Большого Лондонского пожара ухитрился закопать в землю свои запасы пармезана, до такой степени он любил этот сыр.

– Чего только ни сделаешь во имя любви, – вздохнула мисс Бриджес и посмотрела на Клару. А миссис МакКарти, то и дело откусывая от «кокосового льда», спросила Клару, есть ли у нее некая веская причина, препятствующая ее более активному участию в политической жизни и в продвижении основных идей, выдвигаемых Советом. Особенно в плане защиты детей – учитывая все то, чему она в данной области успела научиться.

Никаких веских причин у Клара не было. Она даже испытала некое волнение. Работа и с детьми, *и с документами*? Но ведь это она как раз и любит больше всего. Может, ее личная жизнь и потерпела крах, но все остальное, похоже, как раз налаживается. Может, так оно и должно быть?

* * *

На следующее утро Клара развешивала в саду выстиранные простыни. Пег ночью описалась, и Клара считала, что виновато избыточное волнение и, конечно, слишком позднее чаепитие. И вообще вчера было чересчур много всякой суеты. Однако подобные

неприятные инциденты определенно случались с детьми все реже и реже. Билли с утра, правда, выглядел совершенно больным – должно быть, съел что-то не по вкусу собственному желудку, – и Клара на всякий случай заставила его сунуть два пальца в рот, пока они с Барри не удрали из дома и не умчались куда-то в поля. Алекс изучал сыры. Рита была озабочена тем, что забыла, как зевать. Терри, естественно, куда-то задевала свои очки. Питер еще спал – вчера вечером он еще долго после полуночи возился на кухне и мыл посуду. Морин ночевать в Грейндже не осталась, но не пожелала сказать, куда направляется, хотя обещала к обеду в воскресенье прийти снова. И помочь этот обед приготовить.

– А ничего, если я приведу Джо? – вдруг спросила она, и Клара предположила, что, наверное, ничего.

В общем, это было не самое лучшее утро в ее жизни, и все же, все же... это было идеальное утро! У Клары по-прежнему была ее любимая работа. И не только работа – у нее была семья. И праздник у них вчера получился просто замечательный.

Она знала, что Айвор непременно вскоре к ним заглянет – он просто обязан заглянуть. И он заглянул; в начале одиннадцатого раздался знакомый короткий стук в заднюю дверь. Но до чего же сегодня он выглядел неуклюжим, робким, даже каким-то глуповатым. И шляпа бы ему явно не помешала: волосы у него были растрепаны даже больше, чем обычно. А еще он был небрит.

Рита первой бросилась к нему и потребовала, чтобы он покатал ее на плечах. «Но, но, моя лошадка!» – кричала она, раскинув руки в стороны. Когда Рита достаточно накаталась на «лошадке», Айвор сказал:

– Ну, хватит, Майская Королева, слезай. Дай мне спокойно перекинуться парой слов с мисс Ньютон.

Рита, ловко заправив платье в штанишки, все-таки разок прошлась перед ним колесом, а потом наконец исчезла.

– Итак... – спокойно посмотрела на Айвора Клара.

– Итак...

– Значит, она к тебе вернулась?

– Я просто не знаю, что тебе сказать...

– Тебе и не нужно ничего мне говорить, Айвор. Я рада за тебя, – солгала Клара. На лице у него появилось некое новое, совершенно не

знакомое ей выражение, и от этого сердце у нее заныло еще сильнее. Им ведь нужно было еще так много узнать друг о друге, но теперь ничего этого не будет. Клара посмотрела прямо в темно-карие глаза Айвора – ее любимый цвет! – и поняла: он знает, что она его любит, и объяснять ничего не нужно.

– У меня такое чувство... – начал он.

– Ш-ш-ш, – прошептала она. – Лучше совсем ничего не говори.

Есть два способа видения мира. При одном окружающее воспринимается неясно, как в дымке, и это означает, что Айвор и Клара влюблены друг в друга. При другом ты все видишь в четком фокусе, и совершенно ясно: Айвор Дилани женат на Руби, а вовсе не на ней, Кларе.

Клара протянула руку и нежно коснулась обрубка его руки.

Айвор улыбнулся ей, потом наклонился, и Клара затаила дыхание. Но он как-то очень быстро поцеловал ее в щеку, и она поняла: это он так с ней прощается.

* * *

А через несколько дней за Терри приехали Памела и Гарри Льюис в сопровождении мисс Бриджес. Когда Клара предложила сперва немного посидеть в саду, Памела тут же с готовностью вскочила, сказав, что, разумеется, на вольном воздухе чувствуешь себя гораздо комфортнее, чем под крышей. День для сентября выдался довольно жаркий. Лужайка перед домом выглядела ужасно после всяких игр с мячом и недавних танцев, но, если не обращать на это внимания, сам сад был очарователен: кроны деревьев густы от листвы, дикие цветы похожи на земную радугу, а огород Терри прямо-таки радует глаз.

Эти люди в самый раз для Терри, – думала Клара. Она была уверена, что Терри отлично с ними уживется. И плевать на статистику. Кларе вообще казалось, что после событий нескольких последних недель она вряд ли когда-либо снова начнет опираться на собственное мнение, но ведь она, в общем-то, этим мнением и не злоупотребляла. Все получалось как-то само собой – случай за случаем, шаг за шагом. А этих потенциальных родителей и члены комиссии опрашивали, и все необходимые анкеты они заполняли, и Терри они тоже определенно

нравились. Иногда, оживленно болтая с Памелой, Терри украдкой бросала взгляд на Клару, словно спрашивая: «Это ничего, что она мне нравится?», и Клара одобрительно ей кивала и очень надеялась, что взглядом вполне ясно говорит: «Да, это очень даже хорошо!»

Вещи Терри были уже уложены в чемодан, стоявший у двери, и как только были подписаны последние бумаги, ничего больше не оставалось, как попрощаться.

– Я не буду плакать, правда, не буду, – шепнула Клара на ухо Терри, и Терри ласково похлопала ее по спине.

– Да все нормально, мисс Ньютон. Все к лучшему.

А потом она уехала.

* * *

Мисс Бриджес приготовила чай, все бормоча «ничего, ничего» в утешение Кларе, но явно думая о чем-то другом. А Клара вдруг поняла, что не в силах выдать из себя ни слова. Терри уехала! Ее милая, замечательная Терри, любительница вольной жизни под открытым небом! «Банка с вареньем» перебралась в новую кладовую. Но уже через несколько минут мисс Бриджес не выдержала и сообщила:

– К вам вскоре придут еще трое новых детей!

– Трое! – воскликнула Клара. – Когда?

– В следующем месяце. Должны были раньше, но все как-то застопорилось из-за... того суда... над вами.

– А личные дела детей вы получили?

Мисс Бриджес поморщилась.

– Пока нет. Но, по-моему, там две десятилетние девочки.

– Сестры? – Клара очень на это надеялась. Сестры и братья обычно склонны поддерживать друг друга, даже когда окружающий мир пытается свалить их с ног.

– По-моему, нет. И еще мальчик восьми лет. – Заметив, что эту информацию Клара усвоила, мисс Бриджес сладко улыбнулась и сообщила главное: – Наконец-то вам ставят – та-да! – телефон!

– Да ну? И когда же придет техник?

– На техника я заявку уже подала.

И они понимающе улыбнулись друг другу. *Ладно, в телефон я поверю, когда услышу его звонок*, – решила Клара. Мисс Бриджес наклонилась к ней и ласково потрепала по руке.

– Ах да, Клара, есть и еще кое-что, и вам это может показаться интересным...

* * *

Через несколько дней после этого разговора Клара шла по Верхнему шоссе, держа в руках большую картонную коробку, и увидела, что на противоположной стороне Джулиан прогуливает Бандита. К счастью, Джулиан ее не заметил – а может, притворился, что не замечает, – но Бандит дружески с ней поздоровался негромким «гуфф!». Из дверей хирургии показались доктор Кардью и Анита, занятые каким-то серьезным разговором, но, тем не менее, приветственно помахали Кларе. Поздоровались с ней также мистер Доусет, библиотекарь, и миссис Гаррард. *Ее друзья из Лавенхэма.*

Сперва тащить эту коробку было просто неудобно, но теперь казалось, что с каждой секундой она становится все тяжелее и тяжелее. Клара, впрочем, об испытанных неудобствах ничуть не жалела, как раз наоборот; но очень опасалась, что просто лопнет, если ей придется хранить эту тайну еще немного дольше.

Возле мастерской Айвора она решила дать ноющим от напряжения рукам небольшую передышку.

Эти двери, всегда раньше распахнутые настежь, теперь были заперты, а черные, как во время затемнения, занавески на окнах не пропускали внутрь ни лучика света. Может быть, когда-нибудь в будущем все это снова переменится? Клара очень на это надеялась, но отнюдь не собиралась полагаться ни на Айвора, ни на кого бы то ни было еще. Теперь она и сама вполне стояла на ногах. *Она сама* стала центром собственного мира – по крайней мере, для детей из «Шиллинг Грейндж». И впереди ее ждали новые приключения. И новые дети, к приезду которых ей следовало готовиться. И старые дети, которых нужно было любить, о которых нужно было заботиться. А теперь даже миссис МакКарти решила сделать исключение из правил – и только «для детей мисс Ньютон», которым пришлось так много пережить. И

пока Клара ждала на кухне появления детей, она впервые за очень долгий период вдруг отчетливо поняла, что находится именно в том месте, где и должна находиться, и в самое подходящее для этого время.

Алекс вошел в кухню первым. Но коробку, покачивавшуюся на столе, первой заметила Пег. Но догадался обо всем первым Питер. Широко шагая своими длинными ногами, он подошел к столу и вытащил из коробки маленького котенка, которого торжественно вручил Рите, которая, не веря собственным глазам, то открывала, то закрывала рот, не произнося ни слова. На пол тут же полетели школьные сумки и куртки. Котенок зевнул и ударил лапкой воздух.

– Это нам? – выкрикнул Билли.

– И мы можем его оставить? – подхватил Барри.

– Да и ДА! – И Клара спешно вытащила носовой платок, потому что слезы уже катились у Риты по щекам.

– Мисс Ньютон, – прошептала она, прижимая к себе котика, – я ее люблю.

* * *

История детского дома «Шиллинг Грейндж» и живущих там детей будет продолжена в следующей книге Лиззи Пейдж.

Послесловие

Письмо от Терри

Дорогие все!

Я живу у Полин и Гарри уже два месяца, и это были самые лучшие два месяца в моей жизни. (Я честно сказала им, что мне неудобно звать их «мамой» и «папой», и они очень мило к этому отнеслись.)

Я хожу в католическую школу, и это оказалось совсем неплохо, вот только нам приходится очень много молиться. Я начала молиться своим растениям. Полин говорит, что им это не повредит.

Я очень люблю свой сад и много чего выращиваю на своих собственных грядках. У меня есть своя отдельная комната. И очень мягкая кровать. Значит, мечты все-таки могут сбываться. Пожалуйста, скажите всем остальным: если вас захотят усыновить хорошие люди, не бойтесь, соглашайтесь. Мы уже ездили в Кью^[28] и собираемся поехать в Эмблсайд, который находится в Озерном краю.

Передайте всем, что я их люблю, особенно Пег. Я очень по ней скучаю и надеюсь, что она ко мне придет в гости.

Очень-очень всех люблю,

Терри.

P. S. Мисс Ньютон, пожалуйста, крепко поцелуйте от меня Айвора.

P.P.S. Я уже успела сломать три пары очков. Гарри говорит, что это у меня «опасная склонность».

Письмо от Лиззи

Здравствуйте,

надеюсь, вам понравилась эта книга. Я писала ее с удовольствием и на целый год или даже два с головой погрузилась в мир Клары и ее воспитанников. Если вы хотите вовремя получать информацию о моих новых книгах, просто подпишитесь на сайте www.bookouture.com/lizzie-page. Могу пообещать, что ваш электронный адрес никому сообщен не будет, а подписку вы сможете прервать в любой момент.

Мои предыдущие книги были в основном о женщинах во время войны. На этот раз мне захотелось несколько отодвинуться от военного времени, а также сменить сюжет. Хотя главными в моей истории по-прежнему являются женщины. И это женщины, занятые поистине замечательным делом – видимо, это навсегда останется моей излюбленной темой.

Когда я узнала о принятом в 1948 году Законе о детях, мне сразу стало ясно, что это и станет основой для моего нового романа: перемены в политике, дети-сироты, живущие в детском доме, и их неуверенная в себе молодая воспитательница, герой войны, послевоенное восстановление страны... Во всем этом было так много простора для писательских изысканий!

Я обожаю писать о детях. И не раз писала о них в предыдущих книгах – об очаровательной Пирл из романа «Когда я была вашей» (When I Was Yours), о миллом Хьюго из книги «Военная нянька» (The Wartime Nanny). В детской резкости и прямоте есть нечто такое, что всегда вызывает у меня улыбку. Для меня, например, постоянным источником вдохновения служат мои собственные дети и их

друзья. Читатели, ранее знакомые с моими книгами, и в данном случае поймут, что я никак не могу противиться желанию поместить в свои истории людей вполне реальных и замечательных. В «Сиротском доме», например, неоднократно упоминаются Дэйм Майра Кертис – замечательная женщина, чей доклад послужил основой Закона о детях, – а также поэтесса Джейн Тейлор. Я бываю по-настоящему тронута, когда узнаю что-то о поистине невероятных, однако почти забытых женщинах, и очень люблю вставлять в свои романы какие-то факты их реальной жизни и примеры их творчества.

В настоящее время я работаю над очередной книгой о Кларе и детском доме «Шиллинг Грейндж». Там, конечно же, появятся и новые персонажи – как обездоленные и травмированные дети-сироты, так и взрослые, пребывающие в сложных, конфликтных отношениях и с окружающими, и с самими собой. Я очень благодарна издательству «Bookouture», которое дало мне возможность попробовать нечто новое в этом романе с продолжением. Надеюсь, история о детском доме и послевоенных годах и вам покажется столь же увлекательной, какой она показалась мне.

Я всегда радуюсь, получая отзывы своих читателей, – так что, пожалуйста, свободно заходите на мою страницу в Фейсбуке^[29] или через Твиттер, Инстаграм, Гудридз, или прямо на мой веб-сайт, если у вас найдется свободная минутка и вам было интересно читать эту книгу. Любая ваша рецензия будет оценена по достоинству. Я буду искренне рада, если вы поделитесь со мной своими мыслями, а позитивные рецензии тем более помогают заинтересовать нашими книгами как можно большее число людей. Я сама люблю писать

рецензии – и мои самые любимые выложила на Гудридз. Можете посмотреть, если хотите.

Еще раз спасибо, что прочли мою книгу, потратив на это не так уж мало времени.

С любовью,

Лиззи Пейдж

Примечание автора

В июле 1945 года вскоре после окончания войны в Европе в Великобритании к власти буквально прорвалось новое правительство, и у жителей нашей страны появились новые надежды на значительные перемены в британском законодательстве.

Эвакуация жителей во время войны в итоге вытщила на свет немало проблем, связанных с детьми, как социальных – бесправие, нищета, – так и психологических (эмоциональный надрыв, чувство заброшенности). Различные политические деятели – например, Марджори Аллен, опубликовавшая в «Таймс» целую серию писем, посвященных страданиям детей, – требовали реформ. А после того, как стало известно о трагической гибели ребенка, изнасилованного приемным отцом – ни сам Деннис О’Нил, ни его усыновители ни разу никаким проверкам не подвергались, – давление общественности на правительство значительно усилилось; выдвигались требования незамедлительно улучшить систему детской опеки.

В 1946 году правительством был опубликован доклад Майры Кертис о состоянии детских учреждений. В то время благотворительные и волонтерские организации в основном занимались детьми, оставшимися без родителей, и, хотя некоторые из этих организаций работали очень хорошо, в целом система опеки была далека от совершенства, раздроблена и плохо управлялась. А потому многие дети-сироты оказывались просто незамеченными или упущенными.

5 июля 1948 года, через два года после публикации доклада Кертис, был принят Закон о детях.

Это был поистине революционный закон.

Наконец-то государство взяло на себя заботу о собственных детях. Оно более не имело права передавать эти функции церкви и волонтерским организациям. Закон также требовал постепенного отказа от крупных государственных детских домов, где зачастую с детьми обращались весьма жестоко, и замене их небольшими, как бы «семейными», учреждениями, основной целью которых был бы подбор потенциальных усыновителей и устройство детей в новые семьи – разумеется, по возможности. Это был весьма существенный

шаг в плане социального обеспечения граждан – и женщины оказались в авангарде. И, возможно, именно поэтому, как считает кое-кто, об этом знаменательном явлении во внутренней политике Великобритании говорили и писали не так много, как, пожалуй, следовало бы.

Слова благодарности

Спасибо всем тем, благодаря кому произошел огромный сдвиг в заботе о самых уязвимых существах – о наших детях и, в первую очередь, о детях-сиротах; спасибо тем, кто и сегодня без устали трудится во имя защиты детских прав: приемным родителям, социальным работникам, учителям, сотрудникам обществ милосердия, полицейским и так далее. Широкой публике их работа не слишком известна, и на те организации, в которых они трудятся, обычно обращают внимание лишь в том случае, если там допущены серьезные просчеты. А ведь на самом деле забота о детях, оказавшихся в трудном положении, защита этих детей должна стоять в государстве на одном из первых мест и обсуждаться куда более широко. Об этом следует почаще думать и говорить, признавая заслуги тех, кто посвятил этому всю жизнь.

Я очень благодарна также и всем тем замечательным детям, которые вдохновляют меня в моей работе. Мне всегда очень нравилось и знакомиться с чужими детьми, и наблюдать за ними. Я с удовольствием смотрю, как растут и взрослеют товарищи моих собственных детей. Оставайтесь такими же чудесными, мои дорогие, – вы дарите мне веру в будущее!

Пожалуй, мне стоит поблагодарить и своих детей. Спасибо вам, Рубин, Эрнест и Миранда, за то, что вы такие, какие есть. Спасибо моим счастливым звездам за то, что вы появились в моей жизни. Желаю вам и дальше радоваться жизни (но и хорошенько трудиться). Спасибо за ваши «докладные» записки и всевозможные идеи относительно маркетинга. Далеко не все они оказались так уж безумны.

Спасибо моему дорогому мужу Стиву – мы вместе пережили локдаун, так что, должно быть, это любовь.

Спасибо собаке Ленни за то, что вытаскивала меня из дома, даже когда мне совсем этого не хотелось.

Спасибо моей сестре и чудесным племянницам за ту радость, которую они всегда мне доставляют.

Спасибо за поддержку моим знаменитым друзьям – мне очень нравились наши совместные прогулки во время локдауна, а также

наши беседы в Зуме.

Спасибо всем кофейням в Ли-он-Си и Уэстклиффе. Когда я пью кофе в «Солтуотер», «Миллис», в кафе «Темпл», в «Бердвуд» или «Энкес», то всегда становлюсь чуточку более счастливой и здравомыслящей. Люблю вас всех и ваши капучино с шоколадной крошкой.

Я счастлива, что являюсь членом писательского сообщества. Я обрела там замечательных друзей, и это просто потрясающе, просто фантастика – ведь благодаря писательству я имею возможность общаться с теми, с кем чувствую некое родство, с теми, кого понимаю, с теми, кто дарит мне ощущение счастья, а также отличные идеи для новых сюжетов.

«Bookouture» – это такое издательство, сотрудничать с которым просто чудесно, и я ему за все невероятно благодарна. Боюсь, что кого-то все же забыла и этим могу вызвать раздражение, однако далее по списку:

Огромное спасибо вам, блестящая Кэтрин Тауссиг, подарившая мне саму идею «Сиротского дома». По-моему, она еще сказала что-то вроде: «Вы хорошо пишете о детях», и это было для меня наилучшей похвалой.

Она замечательный редактор, очень изобретательный, а также отлично умеет утешить.

С моей стороны слишком самонадеянно кого-то хвалить, но Рианна Луис достойна самых высоких похвал – спасибо тебе огромное, Рианна, ведь именно ты помогла этой книге родиться на свет!

Спасибо всем вам – выпускающие редакторы, корректоры, художественные и технические редакторы и те, кто работает «за сценой».

И, разумеется, я невероятно благодарна динамичному отделу маркетинга, рекламы и распространения. Ким, Нэль, Сара – вы лучшие! И мне так приятно было с вами познакомиться и работать.

Спасибо великолепному литературному агенту Терезе Коэн – без нее я бы ничего подобного и не написала. Мы с Терезой действительно очень удачно совпали, и вряд ли был автор счастливее меня, когда я поняла, что оказалась под крылом такого отважного литературного агентства, как «Хардмэн и Свейнсон».

Спасибо вам, блогеры и интервьюеры, публикующие в Инстаграме поистине потрясающие фотографии (я пыталась последовать их примеру, но потерпела неудачу – это гораздо труднее, чем кажется с первого взгляда), которые обсуждаются и в Амазон, и в Гудриде, и в рецензиях на новые книги в Твиттере. Все это очень поддерживает и вдохновляет. Вы все очень важны для меня.

А вот СМИ мне благодарить не за что – они только и делали, что меня отвлекали. Увы, я уже не столь внимательна, как прежде, и отвлечь меня ничего не стоит.

Спасибо всем, кто продает мои книги или дает их почитать другим.

И, наконец, спасибо вам, мои дорогие читатели! Я столько лет мечтала писать разные истории, что теперь при одной лишь мысли о том, что где-то есть люди, читающие мои книги, у меня на глаза наворачиваются слезы. Спасибо вам, читатели, спасибо! Что бы мы без вас делали?

notes

Примечания

1

Royal Air Force (*англ.*) – Королевские ВВС. (*Здесь и далее – прим. перев.*).

2

Desperate Dan – персонаж ныне не существующего британского журнала комиксов «Денди», символизировавший Дикий Запад и ставший талисманом этого журнала.

3

Джон Констебль (1776–1837) – знаменитый художник-пейзажист родом из Саффолка (Дэдхэм), который даже называют «краем Констебля».

4

Сэр Альфред Маннингс (1878–1959) – один из лучших английских художников-анималистов, изображал главным образом лошадей; ярый противник модернизма.

5

Ночные налеты немецко-фашистской авиации на Лондон в 1940–1941 гг. во время «Битвы за Англию».

6

Newt (*англ.*) – тритон.

7

Отсылка к знаменитой поэме С. Кольриджа «Сказание о старом мореходе».

8

Выпускавшаяся в 1949–1950 гг. серия книг для раннего чтения; одна из первых, созданных на основе подхода «Посмотри и расскажи».

9

Закон, принятый во время Первой мировой войны и дающий право получившему тяжелое ранение на фронте вернуться на родину.

10

Elephant and Castle («Слон и замок») – площадь в Лондоне, место пересечения шести оживленных улиц, названное так в честь старинной гостиницы.

11

Home Guard – войска местной обороны, ополчение периода Второй мировой войны, вначале добровольное.

12

Упрощенный вид бейсбола, напоминает русскую лапту.

Питеру тринадцать, экзамен «11+», который проводится по окончании начальной школы, он пропустил. По результатам этого экзамена определяется, будет ли ребенок дальше учиться в классической (грамматической) школе, или же в какой-то другой.

Shine on Harvest Moon – популярная песня 1900-х гг.; авторство приписывается Норе Байес и Джеку Норворту.

15

Hokey-cokey (*англ.*) – шутивная песенка и танец с повторяющимися движениями.

Служба была создана в 1948 г. лейбористским правительством вследствие длительной борьбы трудящихся; все виды медицинской помощи стали оказываться бесплатно, а в 1951 г. была введена даже частичная оплата некоторых ее видов; служба финансировалась за счет государственного бюджета и взносов трудящихся и предпринимателей.

17

Gin rummy – карточная игра для двух игроков.

18

Мясные консервы; название образовано от слов spiced ham (spam), то есть «ветчина со специями».

Associated British Pictures Corporation – Объединенная корпорация британского кинематографа.

Джек Спрэт – герой детского стишка XVI в. Jack Sprat could eat no fat, his wife could eat no lean, so between them both they licked the platter clean – «Джек Спрэт не мог есть жирного, его жена – постного, и вместе они тарелку вылизывали дочиста».

The Magic Faraway Tree – детский роман английской писательницы Энид Блайтон, опубликованный в 1943 году.

The Grand Old Duke of York – детская песня «Великий старый герцог Йоркский». (*Прим. ред.*).

Гарольд Ллойд (1893–1971) – американский актер, создавший образ «наивного неудачника», который добивается успеха, пройдя через труднейшие испытания. Демонстрировал остроумные комические и акробатические трюки.

Public school (*англ.*) – привилегированная частная школа для мальчиков.

Дуглас Бадер (1910–1982) – полковник ВВС Великобритании, ас Второй мировой войны; потерял в бою обе ноги, но продолжал летать.

Детская шутка, основанная на игре слов «buttercup» (лютик, буквально «чашка с маслом») и «butter» (масло).

27

Танец лондонцев, особенно кокни, очень популярный в 30-е годы; название получил по одной из лондонских улиц.

Кью-Гарденз, большой ботанический сад в западной части Лондона, основан в 1759 году.

Facebook и Instagram принадлежат Meta, признанной в РФ экстремистской организацией.

Table of Contents

[Лиззи Пэйдж Сиротский дом](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Глава восьмая](#)

[Глава девятая](#)

[Глава десятая](#)

[Глава одиннадцатая](#)

[Глава двенадцатая](#)

[Глава тринадцатая](#)

[Глава четырнадцатая](#)

[Глава пятнадцатая](#)

[Глава шестнадцатая](#)

[Глава семнадцатая](#)

[Глава восемнадцатая](#)

[Глава девятнадцатая](#)

[Глава двадцатая](#)

[Глава двадцать первая](#)

[Глава двадцать вторая](#)

[Глава двадцать третья](#)

[Глава двадцать четвертая](#)

[Глава двадцать пятая](#)

[Глава двадцать шестая](#)

[Глава двадцать седьмая](#)

[Глава двадцать восьмая](#)

[Глава двадцать девятая](#)

[Глава тридцатая](#)

[Глава тридцать первая](#)

[Глава тридцать вторая](#)

[Глава тридцать третья](#)

[Глава тридцать четвертая](#)

[Глава тридцать пятая](#)

[Глава тридцать шестая](#)

[Глава тридцать седьмая](#)

[Глава тридцать восьмая](#)

[Глава тридцать девятая](#)

[Глава сороковая](#)

[Глава сорок первая](#)

[Глава сорок вторая](#)

[Глава сорок третья](#)

[Глава сорок четвертая](#)

[Глава сорок пятая](#)

[Глава сорок шестая](#)

[Глава сорок седьмая](#)

[Глава сорок восьмая](#)

[Глава сорок девятая](#)

[Глава пятидесятая](#)

[Глава пятьдесят первая](#)

[Послесловие](#)

[Примечание автора](#)

[Слова благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)